

Макс КиДруК

БОТ



РИТМ
ТЕЛЕВИДЕНИЯ
И ИНТЕРНЕТА

Annotation

Успешный программист, специализирующийся на ботах, соглашается на работу в Чили. Но вместо обещанных тысяч долларов на него сваливается смертельно опасное приключение.

Боты, которых ему надо остановить, — это нанороботы, вышедшие из-под контроля. И им очень нравится вкус человеческой плоти...

Специальный приз за лучшее произведение о путешествиях Международного литературного конкурса романов, киносценариев, пьес, песенной лирики и произведений для детей «Коронация слова — 2012».

- [Макс Кидрук](#)
 -
 - [Подсознание: кибервойны](#)
 - [Начало...](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [Вызов](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [Прибытие](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
 - [XIX](#)
 - [XX](#)

- [XXI](#)
- [XXII](#)
- [Новое поколение](#)
 - [XXIII](#)
 - [XXIV](#)
 - [XXV](#)
 - [XXVI](#)
 - [XXVII](#)
 - [XXVIII](#)
- [Техно-синапс](#)
 - [XXIX](#)
 - [XXX](#)
 - [XXXI](#)
 - [XXXII](#)
 - [XXXIII](#)
 - [XXXIV](#)
 - [XXXV](#)
 - [XXXVI](#)
 - [XXXVII](#)
 - [XXXVIII](#)
 - [XXXIX](#)
- [Тупик](#)
 - [XL](#)
 - [XLI](#)
 - [XLII](#)
 - [XLIII](#)
 - [XLIV](#)
 - [XLVI](#)
 - [XLVI](#)
 - [XLVII](#)
- [39 противогазов и... альдостерон](#)
 - [XLVIII](#)
 - [XLIX](#)
 - [L](#)
 - [LI](#)
 - [LII](#)
- [Долина Смерти](#)
 - [LIII](#)
 - [LIV](#)

- [LV](#)
- [LVI](#)
- [LVII](#)
- [LVIII](#)
- [LIX](#)
- [LX](#)
- [LXI](#)
- [LXII](#)
- [LXIII](#)
- [Пуритамское побоище](#)
 - [LXIV](#)
 - [LXV](#)
 - [LXVI](#)
 - [LXVII](#)
 - [LXVIII](#)
 - [LXIX](#)
 - [LXX](#)
 - [LXXI](#)
 - [LXXII](#)
 - [LXXIII](#)
 - [LXXIV](#)
 - [LXXV](#)
- [Оно](#)
 - [LXXVI](#)
 - [LXXVII](#)
 - [LXXVIII](#)
 - [LXXIX](#)
 - [LXXX](#)
 - [LXXXI](#)
 - [LXXXII](#)
 - [LXXXIII](#)
 - [LXXXIV](#)
 - [LXXXV](#)
 - [LXXXVI](#)
- [Фрактальная одержимость](#)
 - [LXXXVII](#)
 - [LXXXVIII](#)
 - [LXXXIX](#)
 - [XC](#)

- [XCI](#)
- [XCII](#)
- [XCIII](#)
- [XCIV](#)
- [XCV](#)
- [XCVI](#)
- [XCVII](#)
- [XCVIII](#)
- [Змеи начинают жалить](#)
 - [XCIX](#)
 - [C](#)
 - [CI](#)
 - [CII](#)
 - [CIII](#)
 - [CIV](#)
 - [CV](#)
 - [CVI](#)
 - [CVII](#)
 - [CVIII](#)
 - [CIX](#)
- [В аду Эль-Татио](#)
 - [CX](#)
 - [CXI](#)
 - [CXII](#)
 - [CXIII](#)
 - [CXIV](#)
 - [CXV](#)
 - [CXVI](#)
 - [CXVII](#)
 - [CXVIII](#)
 - [CXIX](#)
 - [CXX](#)
 - [CXXI](#)
 - [CXXII](#)
 - [CXXIII](#)
 - [CXXIV](#)
 - [CXXV](#)
- [Конец?](#)
 - [CXXVI](#)

- [CXXVII](#)
 - [CXXVIII](#)
 - [CXXIX](#)
 - [CXXX](#)
 - [CXXXI](#)
- [От автора](#)
- [Приложение А](#)
- [Приложение Б](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)

- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)

- [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
 - [113](#)
 - [114](#)
 - [115](#)
 - [116](#)
 - [117](#)
 - [118](#)
 - [119](#)
 - [120](#)
 - [121](#)
 - [122](#)
 - [123](#)
 - [124](#)
 - [125](#)
 - [126](#)
 - [127](#)
 - [128](#)
 - [129](#)
 - [130](#)
 - [131](#)
 - [132](#)
 - [133](#)
 - [134](#)
 - [135](#)
 - [136](#)
 - [137](#)
 - [138](#)
 - [139](#)
 - [140](#)
 - [141](#)
 - [142](#)
 - [143](#)
 - [144](#)
 - [145](#)
 - [146](#)
-

Макс Кидрук

Бот

Григорию Мирошниченко, или, наверное, лучше сказать — Грегу Миро, знающему, что деньги — это мусор, и подарившему мне ангольскую авантюру...

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства.

Осторожно! Ненормативная лексика

«Коронация слова» создает новую волну украинской литературы — яркую, разножанровую, захватывающую — зеркало для современности и сокровище для будущих поколений.

Татьяна и Юрий Логуш, основатели проекта

Международный литературный конкурс романов, киносценариев, пьес, песенной лирики и произведений для детей «Коронация слова» был основан при поддержке бренда самого популярного украинского шоколада «Корона». Главная цель конкурса — содействие развитию современной украинской культуры.

Литература, кино и театр выбраны не случайно — именно они являются стратегическими жанрами культуры, которые формируют и характеризуют зрелость нации.

Целью конкурса и его задачей являются открытие новых имен, издание лучших романов, стимулирование и поддержка современного литературного процесса, кино, театра и, как следствие, наполнение украинского рынка полноценной конкурентоспособной литературой, а кино и театра — качественными украинскими фильмами и пьесами.

koronatsiya.com

Подсознание: кибервойны

Автор, молодой украинский писатель Макс Кидрук, обозначил жанр своего романа как технотриллер, что сразу указывает на связь с кинематографом: как известно, «отец технотриллера» Майкл Крайтон работал киносценаристом и права на его роман «Парк юрского периода» Стивен Спилберг купил еще до публикации.

Действительно, в романе «Бот» читателя подстерегает почти непрерывный каскад приключений — погони, стрельба, кровавые драки... И все это на фоне космических пейзажей пустыни Атакама или индастриала подземных лабораторий. Есть в книге и элементы фильма ужасов. Есть элементы детектива: герои на протяжении доброй половины романа выясняют, кто же из них работает на врага. Читатель побывает в офисе киевской компании — разработчика компьютерных игр, на совещании руководства Пентагона, в кабине сверхзвукового бомбардировщика-невидимки, в грузовике чилийского водителя-наркомана, в жилище карлика-мафиози... Иронический, а подчас грубоватый стиль романа отсылает нас не только к традициям украинского бурлеска, но и к фильмам того же Тарантино.

Ну так, может, лучше посмотреть какой-нибудь приключенческий фильм?

Но у книги по сравнению с фильмом есть одно важное преимущество — свобода. Читатель, к примеру, волен сам выбрать ритм чтения — может проглотить роман на одном дыхании, а может в некоторых местах замедлить чтение или даже вернуться и кое-что перечитать. Ведь роман «Бот» — это еще и детектив интеллектуальный: главному герою, программисту-вундеркинду, предстоит распутать причины киберкатастрофы, случившейся на стыке нейрофизиологии, наноимплантации и компьютерных технологий. Попутно читатель получает возможность задуматься, как устроено наше сознание. Или, скорее, — о нашем незнании, как оно устроено. Поэтому автор и сообщает читателю некоторые сведения о так называемой теории хаоса, занимающейся исследованием систем из миллиардов отдельных элементов — таких, как наш мозг. Вмешательство в подобные системы грозит непредсказуемыми последствиями. Тем более если в одну систему объединена сотня мозгов.

Сама коллизия «ученый — дело его рук», конечно, не нова. Тому же

«Парку юрского периода» предшествовали не только «Франкенштейн», но и, скажем, романы советского классика Александра Беляева (читая роман Кидрука, вспоминаешь в первую очередь «Голову профессора Доуэля» и «Продавца воздуха»).

Однако Кидрук предостерегает, что в роли Франкенштейна — «отца» вышедшего из повиновения монстра — может выступить вся современная наука как целое. Развивая мысль автора, можно сказать, что современный научный эксперимент не просто осуществляется на стыке нескольких научных дисциплин, но и основывается на последовательном каскаде научных теорий. Даже если все эти теории правильны, не получаем ли мы за счет роста количества элементов, из которых строится научный эксперимент, систему, которая описывается уже теорией хаоса? Не будут ли результаты такого научного эксперимента принципиально непредсказуемы? Не прорвется ли катастрофой наружу «подсознание» науки, как прорвалось оно в эксперименте, описанном в романе?

Так что опасные повороты сюжета, по замыслу автора, являются метафорами как состояния современной науки, так и состояния нашего сознания.

Надеюсь, российский читатель оценит как интеллектуальную насыщенность, так и живой увлекательный сюжет романа одного из самых интересных и многообещающих украинских авторов.

*Андрей Пустогаров,
член союза «Мастера литературного перевода»,
кандидат технических наук*

БОТ, -а, муж.; мн. -ы.

(англ. bot, сокр. от англ. robot — автомат, робот) — программа, порой с элементами искусственного интеллекта, копирующая действия человека. В компьютерных играх используется для управления противниками или как клон «живого» пользователя в интернет-чатах и на форумах. Боты используются для эффективного выполнения рутинной работы, там, где нужна более быстрая, чем у человека, реакция, а также для полного подражания и копирования поведения человека.

Несмотря на значительный прогресс в исследованиях головного мозга человека, многое в его работе до сих пор остается загадкой. Функционирование отдельных клеток хорошо

изучено и объяснено, но понимание того, каким образом в результате взаимодействия десятков миллиардов нейронов мозг функционирует как единое целое, доступно только в очень упрощенном виде и требует дальнейших глубоких исследований.

Господь наказывает нас за то, что мы не можем себе представить...

Стивен Кинг. Дьюма-Ки

Начало...

**Вторник, 4 августа, 17:23 (UTC^[1]—4)
Трасса между Сан-Педро и Каламой
Пустыня Атакама. Чили**

Джей-Ди был далеко не первым, кого обманула их детская внешность... Длинные тени стелились по сухой земле. Предзакатное солнце тусклым шаром висело перед лобовым стеклом, заливая салон «range rover'a» золотистым светом.

Разбитая донельзя дорога выскальзывала из-под капота и, то пропадая, то вновь всплывая из-под песка, шла к северо-западу. По ее сторонам простирались безводные сланцы и полузанесенные песком известковые скалы Атакамы, самой сухой пустыни на Земле. Далеко позади «range rover'a» возвышались голые хребты Анд, среди которых, как остроконечный нарост на теле ящера, выпячивался кратер Ликанкабура, шестикилометрового погасшего вулкана. Небесная синь заливала все вокруг, даже далеким горам придавая фиолетовый оттенок. Серебристый внедорожник уверенно пробивался к Каламе^[2] — единственному населенному пункту в радиусе двухсот километров вокруг Сан-Педро, который имел право (прямо скажем, довольно сомнительное) называться городом^[3]. Не считая Панамериканской магистрали и медных рудников около Антофагасты^[4], на севере Чили не так уж много мест, несущих на себе печать цивилизации.

Джей-Ди Ричардсон, сорокапятилетний кардиохирург из Окленда (Новая Зеландия) отодвинул сидение вглубь салона, откинул спинку и вытянул утомленные ноги. Он провел все выходные, разъезжая по окрестностям Сан-Педро. Статный чилиец Флавио успел показать ему много интересного: Лунную долину, лагуну Чакса и лагуну Баррос-Негрос, а еще Мисканти — место отдыха розовых фламинго^[5]. Заложив руки за голову, Ричардсон подумал, что не прочь остаться в Сан-Педро. Хотя бы на день. А если бы было можно, то и на неделю. Он даже пожалел, что в Каламе его дожидается Фрэнк.

Фрэнк Ди'Анно, товарищ Джея-Ди по колледжу, тоже волею судеб оказался в этой глуши. Но, в отличие от Ричардсона, который наслаждался отпуском, Ди'Анно был послан сюда в командировку. Фрэнк уже

четвертый год работал в австралийской компании, производящей медицинское оборудование. Он приехал помочь с настройкой МРТ, магнитно-резонансного томографа, закупленного для местной больницы. «Шизанутый проект. Какому-то чиновнику из чилийского минздрава, — говорил Фрэнк, — взбрело в голову, что Каламе необходим МРТ. А то индейцам далеко ездить из пустыни в Антофагасту или Икике^[6]. То, что 90% из них вообще не знают, что такое томография, а 95% ни разу в жизни не нуждались в услугах томографа, никого не остановило». Но деньги были уплачены, и Фрэнку пришлось ехать — помогать местным разбираться с новой техникой.

Узнав о планах друг друга, приятели договорились встретиться в Каламе — выпить по кружке пива. Если, конечно, в этом задрипанном городишке в середине Атакамы есть пиво...

— Что это? — вдруг спросил Джей-Ди, прикрывая глаза от солнца при помощи ладони.

— Где, синьор?

— Там, впереди, — Джей-Ди ткнул пальцем. — Слева от дороги.

Флавио посмотрел в указанном направлении. Несколько секунд он не видел ничего стоящего внимания, но потом на расстоянии в несколько сотен метров разглядел то, от чего его сердце подпрыгнуло, а потом стало тяжелым, как гиря, и сползло на несколько сантиметров вниз. Старик ударил по тормозам и остановил джип.

— Ты что, одурел? — разозлился доктор. — Я чуть не пробил башкой лобовое стекло!

Чилиец молчал, не сводя глаз с одинокой фигуры.

— Это человек, — сказал Ричардсон.

— Я... я не уверен, синьор... — хриплый голос старого индейца странно дребезжал.

— Говорю тебе — это мальчик. У меня зрение лучше.

И действительно, вдали стоял широкоплечий мускулистый паренек.

— С каких это пор в Атакаме водятся белокожие ребята? — попробовал пошутить Джей-Ди.

Чилиец снова не ответил. Ричардсон прищурился.

— Странно. Парень совсем голый, — солнечные лучи шли почти параллельно земле, вонзаясь в глаза, из-за чего Джей-Ди не разглядел надетые на парня обтягивающие серые плавки. — Откуда он тут взялся?

— Синьор, это не человек, — вдруг сказал Флавио.

— А кто же?

— Демон.

— Что? — поморщился доктор. — Флавио, ты...

— Два дня назад его видели в пустыне к северу от Сан-Педро.

— Какой к черту демон? — фыркнул Джей-Ди. — Что за гребаные предрассудки?!

Седоголовый чилиец включил первую передачу и вдавил в пол педаль газа. Взвыв, «range rover» рванул вперед.

Джей-Ди призадумался. С каждой секундой, приближавшей автомобиль к одинокой фигуре, его охватывало смятение. Белокожий мальчик стоял один-одинешенек посреди мертвой бескрайней пустыни, но не подавал голоса и не бежал к машине. Вообще ничего не делал. Стоял и смотрел. Такая сцена могла бы удивить даже на окраине цивилизованного поселка, где-нибудь в Новой Зеландии. В центре Атакамы она вызывала спазмы в животе.

Внедорожник на полной скорости пронесся мимо мальчика, обдав его пылью и мелкой каменной крошкой. Ничего не произошло. Вообще ничего. Джип удалялся. Мальчик, чуть наклонив голову, смотрел ему вслед.

Ричардсон закинул руку на сиденье и оглянулся.

— Это мираж, — произнес доктор, удивляясь, как сразу не догадался. — Обычный мираж. Парень стоит себе где-нибудь на пляже на берегу Тихого океана, а мы наблюдаем лишь его отражение.

— Синьор, вы ошибаетесь... — прошептал Флавио.

Косые лучи хорошо освещали фигуру мальчика. Джей-Ди наконец-то разглядел спортивные плавки и глаза... глаза, смотревшие прямо на него.

Вдруг в голове у кардиохирурга что-то щелкнуло. Секунду или две он не мог уловить, что именно. Но какая-то деталь увиденного не вписывалась в общую картину, упрямо не находя места в его логичном мозге. Доктор напрягся, даже наморщил лоб, но снова не смог понять, что же тут не так, что именно он прозевал.

Но вот до него дошло: мираж *развернулся, наклонил голову и смотрел на них!* Разглядывал их машину! Понимание нахлынуло столь быстро, что Ричардсон похолодел. По рукам и спине побежали мурашки. Парень не мираж. Не фантом. Ведь призрак *не реагирует* на то, что происходит вокруг.

Джей-Ди еще не успел полностью осознать свой вывод, как Флавио произнес:

— Это не мираж. — Вцепившись руками в руль, старый индеец испуганно поглядывал в зеркало заднего вида. — В Атакаме не бывает миражей, синьор...

Никаких сомнений: посреди пустыни стоял живой мальчик.

— Остановись! — приказал Джей-Ди.

— Синьор, умоляю вас, не надо...

— Я приказываю тебе немедленно остановиться!

Флавио неохотно нажал на тормоз и остановил машину.

— Синьор, вы не понимаете, что делаете, — бормотал шофер. — Это демон, его видели сразу в нескольких местах...

— Старый дурак, что ты несешь? — рассердился кардиохирург. — Там ребенок! Такой же реальный, как и мы с тобой. Мы не можем просто так бросить его в пустыне. — Джей-Ди на миг запнулся, обрадовавшись собственной догадке. — Откуда ты знаешь, может, где-то поблизости потерпел крушение пассажирский самолет, и этот мальчик — единственный уцелевший из всех пассажиров... Так и есть — он контуженный, поэтому так странно себя ведет.

Новозеландец отстегнул ремень безопасности, вышел из джипа и обошел машину.

Поднятая пыль рассасывалась, с чуть слышным шорохом оседая на землю. Мальчик по-прежнему стоял у дороги и разглядывал «range rover». От Ричардсона его отделяло несколько сотен метров. За парнем тянулась длинная, правильная по форме тень.

Джей-Ди помахал правой рукой.

Мальчик молниеносно отреагировал и помахал в ответ. Тоже правой.

Ричардсон довольно улыбнулся, мысленно обругав Флавио, и замаршировал вперед, по привычке широко размахивая руками. После первого же его шага мальчик сдвинулся с места и пошел ему навстречу... практически так же размахивая руками.

Приближаясь, Джей-Ди был вынужден отметить, что альтруизм его быстро выветрился. По спине опять забегали мурашки. Что-то, черт возьми, было не так. Что-то неладное с этим ребенком. Он не мог сообразить, что именно — Атакама сбивала с мысли. Доктор не страдал агорафобией, но осознание того, что бежать в случае какой-нибудь угрозы некуда (не потому, что действительно некуда — вся пустыня твоя, беги куда хочешь, — а потому, что бежать не имеет смысла: на десятки километров вокруг спрятаться негде), заставляла его сердце учащенно биться.

Вопреки этому Джей-Ди, не сбавляя темпа, продолжал удаляться от машины.

У мальчика была хорошая фигура: широкая грудь, крепкие ноги, накачанный пресс. Она могла бы показаться идеальной, если бы не голова.

Она казалась непропорциональной из-за слишком выпуклой верхней части черепа. Вроде бы ничего сверхъестественного. Но все же легкая диспропорция бросалась в глаза.

Когда расстояние сократилось до сотни шагов, Джей-Ди почувствовал еще большее замешательство. На парне не было заметно ни синяков, ни ран, ни следов копоти — ничего, что говорило бы об авиакатастрофе. Он был чист, как ангел, и ничем не напоминал человека, только что выбравшегося из горящего самолета.

А потом — еще несколько шагов — и Ричардсон разглядел его лицо. Оно навеки отпечаталось в мозгу у доктора. Лицо у мальчика было застывшее, похожее на маску. Под мраморным лбом горели совсем не детские глаза, из которых прорывалось что-то черное. Зрачки искрились влажной синевой, но белки... белки были не просто покрасневшими, нет, они полностью пропитались багровой кровью.

Доктор вдруг понял, что в образе невинного ребенка к нему приближается нечто незнакомое и чужое.

В одно мгновение все перевернулось. Ужас — теперь уже не сомнение или смятение, — а настоящий ужас, как электрический разряд, пронзил тело доктора. Он даже клацнул зубами и остановился.

Одновременно остановилось и то существо... Клацнуло зубами...

Между ними были двадцать метров открытого пространства и бесконечная ватная тишина.

— Do you need help? — с трудом преодолевая растущую панику и желание броситься прочь, выговорил доктор. Здравый смысл неистово цеплялся за последнюю отчаянную мысль, что это все же человеческое существо. На случай, если парень не понимает по-английски, Джей-Ди повторил по-испански, тщательно выговаривая слова: — Necesita ayuda?^[7]

Существо молчало. Правда, когда кардиохирург говорил, мальчик кривил и растягивал губы.

Джей-Ди почувствовал, как страх клещами передавливает горло. В висках напряженно стучала кровь. Ричардсон сделал глубокий вдох и попробовал еще раз. Последний. Запинаясь, пробормотал:

— У тебя все в порядке? Я просто подумал... мы можем помочь... подбросить тебя до...

И вот — снова! Белокожий мальчик беззвучно пошевелил губами. Затянутые кровавой пеленой глаза впились в лицо доктора. Парень будто бы пробовал что-то сказать, но не было слышно ни звука. Это выглядело настолько жутко, что Джей-Ди сделал несколько шагов назад.

Существо мгновенно отступило на такое же расстояние.

Доктор сглотнул слюну. Сухой серый ветер лизал их фигуры. С востока от Анд напоздали сумерки, укрывая серым саваном эту мертвую землю. В голове у Ричардсона мелькнула догадка: «Он повторяет мои движения! Двигается точно, как я, и пытается говорить, когда говорю я». И это совсем не показалось ему забавным.

— Ну его все в задницу! — выругался Джей-Ди, развернулся и, скидывая ноги, побежал к машине. Он бежал, прижав руку к груди, борясь со всплывающими перед глазами темными кругами и желанием обернуться и убедиться — тот, из пустыни, не гонится за ним.

Когда до джипа осталось несколько шагов, Джей-Ди попал ногой в яму, потерял равновесие и, вскрикнув, рухнул ничком. Дрожа всем телом и проклиная свою неуклюжесть, Ричардсон подтянул под себя колени, вскочил на ноги и... оглянулся. Парень стоял на прежнем месте и не сводил с доктора своих нестерпимо кровавых глаз.

Больше не оглядываясь, как рыба, хватая губами разреженный воздух пустыни, доктор рванул к машине.

— Синьор, это вы? Скажите, что это вы! — заорал Флавио, когда доктор, красный, как вареный рак, с невыносимо выпученными глазами шлепнулся на сиденье. — Скажите, что вы не обменялись с ним телами!

— Заводи быстрее машину, старый дурак! — гаркнул Джей-Ди, вытирая рукой кровь с царапины на щеке. — Не болтай глупостей! Какой, к черту, обмен телами?! Шевелись, Флавио!

— Я же вам говорил...

— Не болтай!!! Заводи джип! Уносим отсюда ноги!

— Слушаюсь, синьор... Слушаюсь...

«Range rover», волоча за собой шлейф пыли, рванул с места и понесся на запад.

Как раз в этот момент краешек солнечного диска задел линию горизонта.

II

Вторник, 4 августа, 17:56 (UTC –4)

73-й км шоссе № 25 «Кармен-Нпъто — Калама»

Пустыня Атакама

Текито Рейес попыхивал косячком и пел, держа руль одной рукой. Его грузовик — старенький пучеглазый «mercedes» — катил на север.

Ревела музыка. В магнитоле крутилась затертая аудиокассета с зажигательными песнями бразильской группы «Banda Calypso». Каким-то невероятным образом отделяя мелодию от тарахтения мотора, дребезжания кузова и хрипа динамиков, Текито подпевал солистке. Он не знал португальского, но все равно подпевал, старательно воспроизводя звуки, вылетающие из черных колонок.

Текито Рейес был занятым парнем. Мать его была из племени мапуче^[8], а отец был меланезийцем, некогда мигрировавшим в Антофагасту из далекой Тонги^[9]. От матери Текито унаследовал худощавость, а от отца — черную, блестящую, будто покрытую олифой, кожу. Когда мальчику исполнилось семь лет, отец из-за неразрешимых проблем с чилийским правосудием смылся в Боливию. Смылся взрослому, поскольку с тех пор его никто не видел. Мать с того времени кое-как старалась вырастить сыночка.

За свои двадцать четыре Текито успел трижды отсидеть в тюрьме (в основном за мелкое хулиганство и употребление наркотиков), заработать свой первый миллион песо, успешно спустить его за игральными автоматами на Сантьяго-де-Чили, дважды жениться и один раз развестись. Теперь он занимался тем, что покупал товар в Антофагасте, столице этой области, и перепродавал его в Каламе. На этот раз кузов его грузовика был завален кухонной посудой, сельскохозяйственным инвентарем, саженцами, свежими овощами и разной хозяйственной мелочью.

Тайной слабостью Текито была марихуана. Чувство пронзительной эйфории, смешанное с безграничным пофигизмом, которое заливало тело после выкуренной сигаретки, каждый раз переносило его в другой мир, в параллельную реальность, где не было боли, тоски, отчаяния, съемных квартир, их грубых хозяев, тупых жестоких полицейских, а вместо этого присутствовала куча смешных (до колик в животе!) вещей.

Правда, парень стыдился своего пристрастия. Пожалуй, единственное,

что за два десятилетия синьора Рейес смогла вбить в голову своему сыну, было понимание: наркотики — это зло. «Все наркоманы, — повторяла матрона, — люди конченные, безмозглые обезьяны с билетом в один конец до преисподней, где они будут вечно мучиться и жрать говно. Никого нет хуже... Конечно, если не считать адвентистов и свидетелей Иеговы». Текито не был уверен, следует ли считать настоящим, так сказать, полноценным наркоманом человека, который всего лишь покуривает травку. И это терзало его еще больше.

Так или иначе, а дорога в пустыне между Кармен-Альто и Каламой — едва ли не единственное место, где Текито мог спокойно свернуть косячок, а то и два подряд. Полиция сюда не навевывалась от сотворения мира. Встречные машины попадались редко, да и те всегда были видны издалека. Знай себе — держи руль и жми на газ.

Самокрутка догорела. По кабине растекся сизый дым. Текито перестал петь, наблюдая, как забавно дрожит зеркало бокового вида. Он еще никогда не видел, чтобы зеркало так смешно позвякивало. Через секунду чилиец хохотал так, что из глаз брызнули слезы.

— Господи! Трахайте меня, а я поплачу! Вы только гляньте!.. Зеркало! Ха-ха-ха! — заходился он хохотом, колотя ладонями по рулю. — Нет, ну я не могу!.. Зеркало! Ха-ха-ха!

Не переставая смеяться, Текито поднял глаза на дорогу и заметил мальчика. Пригляделся — точно пацан. Совсем юный, но рослый и мускулистый. Видно, спортсмен. Пацан был голый, не считая серовато-черных спортивных плавок, обтягивающих бедра.

Текито помотал головой из стороны в сторону — привидение не исчезло. Ясное дело, Текито только что по самые уши обдолбался марихуаной. Но все же был не настолько вмазанным, чтобы не понять — он мчится прямо на мальчика. И он бы затормозил или хотя бы попытался объехать, если бы не вопиющая бредовость и нереальность увиденного.

«Белокожий мальчик в одних трусах посреди пустыни за сотню километров от жилья, — промелькнуло в голове у Текито, — это бред. Полная ересь. Такого, на хрен, просто не бывает!» Еще больше сбивало с толку поведение мальчика. Любое существо, на которое прет многотонный грузовик, постарается побыстрее убратся с дороги и уж никак не будет торчать на месте как вкопанное. Именно из-за этого Текито Рейес решил, что перед ним галлюцинация — болезненный образ в его мозгу, вызванный курением чертовой травы. Поскольку такое с Текито случилось в первый раз, он испугался, чуть не намочил штаны, после чего резко, по-девичьи завизжал:

— А-а-а-а! — и нажал на педаль газа...

Мощный удар привел его в чувство. Руль вылетел из рук, двигатель всхрипнул, подавившись. Машину снесло вправо — в девственную пустыню.

Наконец, грузовик остановился, задрав нос, на небольшом пригорке. С обочины, шурша, посыпалась щебенка. Потом стало тихо. После оглушительной музыки и рева мотора тишина просто парализовала Текито. Если бы ему не было так страшно, он бы решил, что уже дал дуба.

В течение нескольких секунд Текито ошарашено разглядывал паутину трещин в левом нижнем углу лобового стекла. Потом дрожащими руками завел двигатель и включил фары. Сумерки уверенно подступали с востока, и Текито почему-то страшно не хотелось оставаться один на один в темноте *с тем, что он сбил*. Рокот мотора мало успокаивал, зато фара заработала. Правда, только одна — правая.

Текито вывалился из кабины и на ватных ногах взобрался на шоссе. Слева, неподалеку от места столкновения, среди осколков стекла, кусков металла с решетки радиатора и бурых пятен крови лежал белобрысый мальчик. Текито, всхлипывая, подошел к нему.

— Белый! — Шофер опустил на колени. — Срать и плакать! Я грохнул белого чувака!

Поддерживая голову мальчика одной рукой, чилиец оторопело смотрел на забрызганную кровью кожу, взлохмаченные русые волосы и неподвижно вытаращенные глаза, по-мертвому уставившиеся в равнодушное небо. Из многочисленных ран на накачанной груди и животе парня сочилась кровь.

Текито неожиданно понял, что его снова посадят, причем надолго.

— Он белый... — причитал горе-шофер, поглаживая пальцами светлые пряди. — Черт бы его взял, белый! Такой белый, что аж... — Неожиданная догадка вонзилась ему прямо в сердце: — Турист! Парень не местный! — тут Текито уже действительно запаниковал: — О Боже, я завалил туриста!!!

Убить белого путешественника в регионе, где только-только начали развивать туризм... За это не просто посадят. Его сожгут живьем, линчуют, четвертуют, а остатки бросят на съедение здешним ушастым лисичкам.

Вытянув шею, Текито огляделся по сторонам. Солнце село за песчаными холмами на западе. Дорога в обе стороны была пустой. Только ветер шуршал песком, и изредка вздыхала, приветствуя вечернюю прохладу, растрескавшаяся земля. Вокруг ни души. Мерзкая и скользкая, как земляной червь, мысль заползла перекупщику в голову. «Оттащить

метров на триста от дороги. Ясный перец, тело будут искать, но пустыня умеет хранить свои тайны».

Чилиец еще раз воровато огляделся. Горизонт был пуст.

Текито резко нагнулся, подхватил тело мальчика под мышки и потащил в пустыню на запад от дороги. Мальчик оказался ужасно тяжелым. Хорошо тренированные мышцы всегда тяжелее студенистого жира. Через минуту Текито запыхался так, что даже потемнело в глазах.

— Ну и кабан! — выругался он, утирая пот со лба. — Как будто из свинца отлит!

Минуту-другую он отдыхал, присев на корточки, а потом поволок труп дальше, время от времени опасливо озираясь по сторонам.

— Господи, только бы никого не принесло, — руки Текито дрожали, как у неврастеника. — Господи, сделай так, чтоб никто не появился на дороге.

Сумерки сгущались. И становились острее звуки. Машина скрылась за холмом, но холостое тарахтение двигателя и рассеянный свет фары выдавали ее местонахождение.

Оттащив парня на достаточное расстояние, Текито остановился и долго восстанавливал дыхание. Руки и шорты чилийца почернели от крови. Ничего, выстирает дома.

Он успокоился (насколько это возможно в такой ситуации) и уже собрался идти обратно.

— Извини, парень, — сказал он на прощанье. — Я не хотел. Так уж вышло...

Неожиданно мальчик зашевелился. Текито вскрикнул и чуть не наложил в штаны (второй раз за вечер — черт!), но быстро сообразил, что мертвые не шевелятся. Значит, упитанный малыш-голыш жив! Спустя мгновение белобрысый мальчик снова дернулся и застонал. Раны на животе закровили.

— Говнюк! — завизжал Текито. — Так ты не сдох! — Он поднял руки и прокричал в темноту, обращаясь к Господу Богу, которого только что просил убрать всех нежелательных свидетелей с дороги: — Ну, ты только погляди — он не сдох, этот сукин сын! Мазефакер!

Мальчик открыл рот и беззвучно пошевелил губами. Глаза его ожили. Какое-то время они беспорядочно бегали, пока не сфокусировались на Текито. Зрачки сузились, а по распухшим белкам расплылась чернота. Ребенок таращился на чилийца с неистовством, совсем не свойственным двенадцатилетнему пацану, которого только что едва не закатали в асфальт. В глазах было что-то потустороннее, точно не человеческое, из-за

чего от взгляда должно было бросать в дрожь. Но солнце уже село за горизонт, прохладная тьма заливала пустыню, и в сумерках Текито не стал вглядываться в лицо сбитого им паренька.

— Ублюдок, и что теперь с тобой делать? — Текито схватился за голову. — Лучше бы ты сдох, честное слово!

Вкрадчивый внутренний голос предательски зашептал: «Оставь его здесь... Брось выродка... И он умрет».

Закусив губу, перекупщик запрокинул голову и уставился в пустоту над головой, где постепенно друг за другом зажигались бесстрастные пятнышки звезд — единственные свидетели его преступления.

Текито был тем еще барыгой. Вороватым дебоширом. Возможно, однажды он превратится в конченого наркомана, «безмозглую обезьяну с билетом в один конец до преисподней». Но убийцей он не был и не собирался им становиться. Несмотря на то что его этому не учили, чилиец понимал: стать душегубом — это хуже, чем подсесть на героин. Это даже хуже, чем податься в адвентисты или свидетели Иеговы.

— Лучше б ты сдох! — прошипел Текито, опустил на корточки и, осторожно подняв, потащил белокожего найденыша обратно к машине.

Мальчик, стиснув зубы, хрипел. Текито чувствовал, как горячие мышцы на его теле подрагивают.

— Засранец... Гринго хренов... Козел беломордый... Ты что, первый раз в жизни встретил грузовик?.. Ты, видать, боксер какой-то или борец... И перестань истекать кровью! Сейчас же! Перестань... Я кому сказал?

В конце концов он втащил паренька в кабину грузовика. Положил на водительское сиденье, потом затолкал дальше в салон, кое-как зафиксировав ремнем безопасности. Сам сел за руль.

— Знаю, малец, мама была бы не в восторге, — дрожащими руками Текито скручивал косячок, — я и сам понимаю, как-то оно по-говняцки получается: в десять лет всю дорогу нюхать драп... — чилиец ухватил сигарету зубами, прикурил и, закатив глаза, глубоко затянулся. — Но ты меня извини, малец. Я не могу на свежую голову гнать под сто пятьдесят по этой, чтоб ее, долбаной «магистральной».

После этого опустил стояночный тормоз и погнал вперед, приговаривая сквозь зубы, как мантру: «Только не умирай, прошу... Только не отбрось копыта, малец...»

Стало совсем темно. На часах было 18:23.

III

Вторник, 4 августа, 19:38 (UTC -4)

Калама, Чили

Джей-Ди Ричардсон и Фрэнк Ди'Анно потягивали джин-тоник на террасе отеля. Больше в баре никого не было. Вечер был на удивление тихим и спокойным.

— Доктор Ди'Анно! — перегнувшись через стойку, окликнул бармен.

Фрэнк обернулся:

— Да, амиго? — улыбка все еще оставалась на его лице.

— Вас к телефону.

Фрэнк помрачнел:

— Это из клиники.

— Почему ты так уверен? — поинтересовался Джей-Ди.

— А кому еще в этом медвежьем углу австралийский инженер может понадобится в полвосьмого вечера? Что-то уже натворили, эскулапы.

Австралиец нехотя пошел к телефону. Взял трубку. Долго слушал, несколько раз коротко отвечая. Недовольная гримаса постепенно сменялась удивлением.

Окончив разговор, Фрэнк торопливо вернулся к столику:

— Ты знаешь, старик, мне придется сгонять в клинику.

— Что-то с аппаратом?

— С томографом все в порядке, но... в больницу привезли мальчика. Кто-то из местных сбил его в пустыне. Никто не знает, откуда он взялся. Врачи хотят, чтобы я приехал, посмотрел.

— Белый мальчик? — словно невзначай уточнил Джей-Ди, чувствуя, как по спине пробежал холод.

— Что ты сказал?

— Я спросил — мальчик белый?

— Да, — ответил Ди'Анно и вдруг резко повернул голову. — Откуда ты знаешь? Я же тебе не говорил.

— Знаешь что? — ответил Джей-Ди. — Я поеду с тобой.

IV

Вторник, 4 августа, 20:14 (UTC -4)

Центральная клиническая больница Каламы

— Это он, — сказал Джей-Ди.

— Точно?

— Да. Никаких сомнений. Я видел его в пустыне по дороге из Сан-Педро. Вел себя он полностью неадекватно. Не удивительно, что попал под колеса.

— Он уже тогда был в одних плавках?

— Да, — кивнул Ричардсон.

— Почему же ты его не подобрал? — Ди'Анно исподлобья глянул на товарища.

— Я хотел. Но, говорю тебе, он был не в своем уме. Понимаешь... мальчик напугал меня... до смерти напугал.

— Напугал? — поднял брови Фрэнк. — Как это, бляха, понимать?

— А как хочешь, — отрезал Джей-Ди. — Я думал, что увидел привидение или демона. Он копировал меня.

Фрэнк Ди'Анно засунул руки в карманы больничного халата. Что такого мог сделать этот десятилетний сопляк, чтобы напугать сорокапятилетнего хирурга? Мальчик лежал без сознания, и Фрэнк (к своему счастью или несчастью) не видел его глаз.

Тем временем к ним подошел дежурный врач. Стройный немолодой чилиец со впалыми щеками и орлиным носом. Это он принимал потерпевшего.

— Мы начали его обследовать, — доложил он. — Сделали рентген.

— И что? — спросил Фрэнк.

— Переломы шести ребер и ключицы, смещены шейные позвонки, большая трещина таза, но позвоночник, к счастью, цел. Парень потерял много крови, хотя внутренних кровотечений, похоже, нет... Подозрение на сильное сотрясение мозга: он несколько раз приходил в сознание, но говорить не мог, только хрипел и... — дежурный помедлил, — ...скалил зубы.

— Наверное, от боли...

Худощавый чилиец замялся:

— Не думаю... По-моему... от злости...

— Это все?

— На данный момент — да.

— Парень еще легко отделался, — заметил Ди'Анно.

Джей-Ди Ричардсон стоял, сложив руки на груди, рядом с товарищем и не сводил глаз с окна, через которое можно было видеть часть реанимации.

— Да. Паренек хоть и совсем юн, но ладно скроен. Мышцы, как у взрослого спортсмена. Другой на его месте от такого удара просто развалился бы на куски.

— Надо завершить обследование. Посмотрим, что у него с головой. Может, там кисель и все наши потуги уже ни к чему... — пробубнил Фрэнк и повернулся к дежурному: — Кровотечение остановили?

— Достаточно легко.

— Прекрасно. Надеюсь, томограф готов?

— Да, мистер Ди'Анно. Как раз сегодня после обеда завершили отладку.

— Заодно и проверим технику. Амиго, скажи сестричкам, пусть готовят пациента. И включайте оборудование.

Чилицец кивнул и пошел в ординаторскую.

Через полминуты операционную кровать с бесчувственным мальчиком вывезли из реанимации и покатали в кабинет МРТ. Австралиец и новозеландец еще раз взглянули на рельефное тело, когда его провозили мимо них. Синяки, неглубокие раны и царапины — и это все. После того как парня обмыли, он ничуть не походил на человека, попавшего под колеса грузовика.

— Что ты об этом думаешь? — тихо спросил Джей-Ди.

— Как ни странно, после столкновения с «mercedes'ом» парень выглядит лучше «mercedes'а», — вяло улыбнулся Ди'Анно.

— Я не о том. — Ричардсон не был настроен шутить. — *Что этот мальчик делал в пустыне?*

В кабинете МРТ зажегся свет. Двери были открыты, и по стенам и полу коридора скользили тени — медперсонал укладывал мальчика в аппарат.

Фрэнк пожал плечами:

— Не знаю... Может, отстал от группы туристов.

— Какие туристы, старик? Это Атакама! Ты считаешь Сан-Педро подходящим местом для семейного отдыха? Сюда даже опытные путешественники не часто забираются!

— Не знаю... — повторил австралиец.

Из кабинета доносились спокойные голоса. Что-то клацнуло, потом стал слышен ровный гул — это включили томограф. Приятели направились в кабинет.

— Надо сообщить в полицию, — не унимался Джей-Ди. — Его наверняка кто-нибудь разыскивает.

— Это не наше дело. Чилийцы сами разберутся.

— Просто парень кажется мне странным. Очень странным.

— Не понимаю, что ты в нем нашел стра...

В этот момент, когда до двери в кабинет оставалось несколько шагов, из него раздался сдавленный звук. Очень необычный звук, который Джей-Ди Ричардсон запомнит, наверное, на всю жизнь. Такое впечатление, что кто-то с высоты трех-четырех метров уронил арбуз. Полосатый с характерным звуком шлепнулся на кафельный пол, треснул и разлетелся на куски. Вот только и Джей-Ди, и Фрэнк твердо знали, что в кабинете нет и не может быть никаких арбузов.

Однако по-настоящему их напугал не сам звук, а то, что его сопровождало. Сначала на этаже мигнул свет. Затем томограф остро запищал, несколько раз присвистнул и начал затихать, пока совсем не умолк. Установилась тишина — глубокая, как в могильном склепе.

Врачи бегом рванули в кабинет.

— Что случилось? — закричал Фрэнк, с разбега едва не выбив дверь. — Que paso?!^[10]

— No lo se... No lo se, señor...^[11] — бормотал доктор-чилиец.

Большую часть кабинета занимал бочкообразный томограф. Ричардсону аппарат напомнил бочку для сбора дождевой воды, которую он видел в монастырях Метеоры^[12] во время прошлогодней поездки в Грецию. Внешняя поверхность перевернутой набок «бочки» была матовой, цвета какао с молоком. В верхней части торчал прямоугольный вентиляционный канал, тянувшийся вверх и исчезающий в стене. Посреди торцевой поверхности зияло круглое отверстие с гладкими краями, по виду вроде бы маловатое для тела человека. Внутренняя поверхность отверстия была глянцеватой, по краям оранжевой, в середине — стерильно-белой. Перед отверстием стояло неширокое ложе, с которого пациента «подавали» в аппарат. Внутрь механизма от главного пульта управления тянулось множество трубок и проводов. Все выглядело современно и современно.

Когда врачи-иностранцы забежали в кабинет, лежак с мальчиком выезжал из чрева МРТ. Пока были видны только его ноги. Казалось, все

нормально, хотя... Краем глаза Ричардсон заметил бледно-розовую вязкую жидкость, капавшую на пол с левого торца «бочки».

Через несколько секунд мальчик полностью выехал из отверстия. Одна из медсестер потеряла сознание и беззвучно рухнула на пол, неестественно задрав голову и широко раскинув в стороны руки. Другая завизжала и, прошмыгнув мимо врачей, пулей вылетела из кабинета. Ее похожий на сирену истерический визг еще долго доносился из коридора. Фрэнк посерел, словно высушенная солнцем поверхность пустыни. И было отчего: у мальчика отсутствовала голова. Исчезла без следа. Из превратившейся в лохмотья шеи непрерывно сочилась кровь.

— Где голова? — рявкнул Ди'Анно так, будто одна из медсестер спрятала ее под полый своего халата. Австралиец напоминал по-детски сконфуженного героя диснеевского мультфильма, которого коварные злодеи обвели вокруг пальца с помощью черной магии. — Где она?

Фрэнк склонился над обезглавленным телом и заглянул внутрь томографа. Головы не было.

— Черт! — заорал он. — Куда делась его голова?

Дежурный доктор-чилиец неуверенно шагнул вперед. Лицо его пожелтело.

— Я не знаю, сеньор. Мы просто загрузили мальчика в аппарат и включили томограф... Все по инструкции. А после этот хлопок и...

— Что вы мне рассказываете?! — взвизгнул Фрэнк. — Идиоты! Это томограф, а не гильотина!!! Что вы сделали с пациентом?

— Мы ничего не делали! — пожелтевший чилиец тоже перешел на крик. — Я только включил аппарат...

Фрэнк схватился за голову и с тяжелым стоном оперся на аппарат:

— Что ты скажешь, старик?

Джей-Ди хотел утешить коллегу, но в голове крутилась только одна дурацкая фраза: «Старик, я в жизни не видел более скверных результатов магнитно-резонансной томографии». Он решил, что лучше будет промолчать.

И тоже заглянул внутрь томографа. Вблизи отверстия стенки казались чистыми, но в глубине белого пластикового туннеля, там, где раньше лежала голова, они были забрызганы разлетевшимися мозгами вперемешку с волосами и кровью. На дне трубы валялось что-то похожее на подкову.

— По-моему, там его нижняя челюсть, — Ричардсон выпрямился. — И, если не ошибаюсь, шейные позвонки.

Фрэнк Ди'Анно подскочил.

— Кретины! Безмозглые латиносы! — орал он. — Это могло

случиться, если в камере находился металл... какой-нибудь металлический предмет... Может, слуховой аппарат или... я не знаю, еще что-нибудь...

Оттолкнув Ричардсона, Фрэнк полез в трубу томографа. Он извивался, пыхтел, толкал ногами обезглавленное тело, наконец исчез в трубе томографа. Полторы минуты оттуда не доносилось ни звука. Австралиец выбрался обратно явно более спокойный, но обескураженный. Похожий на неаккуратного вампира после фуршета, с головы до ног вымазавшегося кровью.

— Ну что? — спросил Ричардсон.

— Ничего, — прохрипел Фрэнк. — То есть все то, что и должно быть: осколки черепа, зубы, куски лица, мозги, волосы и кровь. Но никакого металла... И ни одной механической царапины на стенках... Какая-то чертовщина, Джей-Ди. Я не въезжаю.

Дежурный врач переместился и занял позицию, перекрывавшую выход из кабинета.

— Мистер Ди'Анно, вы останетесь здесь до прихода полиции, — холодно сообщил он. — А вас, мистер Ричардсон, я попросил бы не вмешиваться.

Джей-Ди не спорил. Он попятился, переводя взгляд с обезглавленного мальчика на своего коллегу и обратно.

— Держись, старик, — бросил он на прощанье и вышел в коридор.

Выбежав из кабинета томографии, Джей-Ди задумался. Ричардсон сам был врачом, а потому понимал: то, что случилось в эти несколько секунд после запуска МРТ, не могло быть вызвано неисправностью аппарата. Магнитное поле величиной в три теслы мощное, но само по себе полностью безопасное для человека. Правда, металлические предметы, оказавшиеся в таком поле, будут вести себя как артиллерийские снаряды. Но в том-то и загвоздка: он сам осмотрел полость томографа — никаких металлических предметов там не было.

Ричардсон был полон решимости докопаться до истины. Во всяком случае, он должен был попробовать это сделать.

Для начала, воспользовавшись переполохом, он поднялся на третий этаж. Быстро сориентировался в коридоре, открыл нужную дверь и вошел в кабинет рентгеноскопии. Он надеялся, что там будет пусто, но за столом сидела молоденькая медсестра с точеными ножками от ушей. «Словно с обложки журнала», — мелькнуло в голове у Джей-Ди.

Девушка подняла на него темные глаза:

— Чем могу помочь? — спросила она по-испански.

Джей-Ди растерялся.

— Гм-гм... синьорита... Вы говорите по-английски?

— Да, немного.

Новозеландец переминался с ноги на ногу, не зная, с чего начать.

— Что вы хотели? — озарила его улыбкой медсестра.

— Извините, что я так... ну, в общем, ворвался... — Ричардсон вздохнул. Слова как-то не клеились. — Я врач. Меня позвали, чтобы помочь с недавно доставленным мальчиком. Белым. Должно быть, туристом, которого сбила машина...

Джей-Ди опять запнулся. Чилийка кивнула.

— И?

— Ему сделали рентген. Я хочу взглянуть на снимки, — собравшись с духом, выпалил Джей-Ди.

Девушка задумалась, смешно наморщив носик. В принципе, она должна отказать. Этот мужчина не относится к персоналу клиники. Кроме того, толстуха из регистратуры уже позвонила ей и рассказала, что светловолосому мальчику, которого привез наркоман из пустыни, кто-то из белых коновалов оторвал голову. К счастью, медсестра пока не поняла, что

оторвал — это в буквальном смысле. К тому же ей понравился Джей-Ди — его неловкость она восприняла как результат своей неотразимости. Она кокетливо улыбнулась и положила на край стола несколько больших рентгеновских снимков.

— Но только взглянуть, — заговорщически прошептала она.

— Хорошо, — Джей-Ди набросился на снимки.

Парня просветили с головы до ног — отдельно сняв голову, грудную клетку, таз, руки и ноги. Ричардсон по очереди поднимал над головой серо-черные снимки и внимательно рассматривал их на свет. Особенно внимательно — снимок головы. Большие листы дрожали в его руках.

В третий раз рассмотрев рентгеновский снимок черепа, Ричардсон убедился: мальчик был «чист». У него не было металлических имплантов ни в теле, ни — что самое главное — в голове. Он не демон, не инопланетянин и не киборг, обтянутый человеческой кожей. Он настоящий. Обычный мальчик. Если не принимать во внимание переломы, причиненные дорожно-транспортным происшествием, пацан выглядел вполне нормальным человеком.

Не поблагодарив девушку, Джей-Ди вышел из кабинета и спустился на первый этаж. Полиция еще не приехала. Идя к выходу, Ричардсон заметил черного, как нубиец, человека и подумал, что, возможно, это он и привез мальчика из пустыни. Протрезвевший Текито Рейес сидел на раскладном стуле в углу приемного отделения под огромной картой северной части Чили. Услышав шаги, он поднял глаза.

— Синьор... — захрипел Текито, схватив доктора за рукав халата. — Синьор... как там малец? С ним все в порядке? Он не умрет?

По темным щекам расползались грязноватые потеки слез.

Джей-Ди Ричардсон не знал, что и ответить. Сказать, что парню вдруг оторвало голову? Но такая чушь может приключиться разве что в дешевом фильме ужасов, фантастическом романе, в другой реальности, но только не на планете Земля, где все подчинено нерушимым физическим законам. Джей-Ди бессовестно соврал:

— С ним все будет хорошо.

— Слава Богу! — широко улыбнулся Текито, выставив напоказ грязно-желтые зубы.

Освободив руку, Джей-Ди направился прямо к светящейся надписи «Salida» (выход). Выйдя на улицу, он чуть-чуть постоял на месте, чтобы глаза привыкли к темноте. Потом, разглядев рядом со входом в клинику очертания грузовика, подошел к «mercedes'у».

Подсвечивая фонариком мобильного, Ричардсон осмотрел машину.

Сначала место удара — лобовое стекло, вдребезги разбитую фару, погнувшийся бампер. Заглянул под днище, в кабину, осмотрел колеса, насколько мог разглядел переднюю ось... Ничего. Он сам не знал, что ищет. Просто изучал грузовик, который сбил странное существо из пустыни.

Пошел вокруг машины, освещая потрепанные борта. Безрезультатно. Добрался до заднего борта, откинул края жесткого брезента и, утратив надежду найти хоть что-нибудь, заглянул внутрь. В кузове ровными рядами стояли большие картонные коробки и деревянные ящики чуть меньшего размера, а сверху на них лежали полиэтиленовые пакеты с надписью «D&S»^[13]. Пакеты были новенькими, прямо из супермаркета.

Джея-Ди снова охватило какое-то смутное чувство. Как тогда в пустыне, когда он впервые заметил мальчика и на уровне подсознания постиг, что это не мираж, причем постиг до того, как пришел к этому логическим путем. Что-то снова не ложилось в пазл. Какая-то деталь не вязалась с картиной событий, которая складывалась в его голове.

Засунув телефон в карман, Ричардсон протиснулся под брезентом и влез внутрь фургона. Снова достал мобильник и направил свет на пакеты. Внутри лежали инструменты: молотки, отвертки, плоскогубцы, ножницы по металлу. Все новое, в пластиковых упаковках со старательно соскобленными ценниками. Заглянув еще и в коробки, он сообразил, что это все товар, купленный в большом супермаркете.

Мысли вихрем закрутились в его голове. «Какой еще супермаркет? — размышлял Джей-Ди. — К востоку от Каламы нет ни одного большого магазина вплоть до самой Боливии... Откуда же взялись пакеты? Их здесь не должно быть, разве что... разве что...» Мысль сопротивлялась, извивалась, как уж, пытаясь ускользнуть и спрятаться в бездне сознания.

«Откуда приехал грузовик?»

Вопрос возник сам по себе. Будто кто-то прошептал его на ухо. Джей-Ди схватил один из пакетов. Вскоре он обнаружил то, что искал. Под названием супермаркета маленькими буквами был написан адрес: номер дома, название улицы и... город.

«Антофагаста», — прочел Джей-Ди. У него отвисла челюсть... Ричардсон не был знатоком географии северного Чили. Но все же достаточно ориентировался в регионе, чтобы понять, что *грузовик приехал не с востока*. И это было плохо. Очень плохо.

Джей-Ди выпрыгнул из кузова на землю и быстро пошел обратно в клинику. Сердце стучало, словно пишущая машинка под пальцами профессиональной машинистки. Шофер сидел на том же месте.

— Послушай, приятель... Как тебя? — выпалил запыхавшийся доктор.

— Текито, меня зовут Текито Рейес, синьор, — Текито еле-еле справлялся с английским.

— Я хочу кое о чем тебя спросить.

Текито с готовностью встал. Губы у него дрожали, тусклые глазенки налились слезами.

— Синьор, меня не посадят? — лепетал он. — Если малый не помрет, мне же ничего не будет, правда? Я же привез его...

Джей-Ди прервал чилийца нетерпеливым жестом.

— Тебя никто ни в чем не обвиняет. Это был несчастный случай, — Ричардсон снова обманывал, сдерживая нетерпение. — Меня интересует другое. Пожалуйста, покажи место, где ты находился, когда... гм... когда заметил парня.

Он показал чилийцу на карту. Тот сосредоточенно почесал затылок.

— Ну... я не знаю.

— Хотя бы приблизительно! — Джей-Ди повысил голос.

Вдвоем они придвинулись почти вплотную к карте.

— Вот здесь, сеньор, — Текито ткнул пальцем в линию трассы.

Джей-Ди почувствовал, что волосы у него на затылке встают дыбом, как шерсть на загривке у волка, а по телу прокатывается волна холода. Он не переспрашивал, насколько Текито уверен в точности указанного места. Это не имело никакого значения.

— То есть ты ехал из Антофагасты? — глотая от волнения слова, уточнил он.

— Да, синьор. Откуда же еще могла прикатить моя колымага?

Кардиохирург побелел, ощущая, как сердце сжимается от непонятного страха. Это не пазл, который не подходит к картине. Это картина, которая рассыпается на куски от одного-единственного неправильного пазла.

— К-к-когда это произошло?

— Что именно? — сконфуженно переспросил шофер.

— Когда ты нарвался на существо? — рявкнул Джей-Ди. — Скажи мне время!

— Вы имеете в виду парня?

— Да!

Текито закатил глаза, припоминая ход событий этого вечера.

— Сразу после захода солнца, незадолго до шести. Через полчаса после того, как я проехал Кармен-Альто.

У новозеландца опять отвисла челюсть. Он встретил парня за полчаса до этого.

— Этого не может быть...

— Чего, сеньор?

Ричардсон не слушал водителя. Он мог найти объяснение всему: странному поведению мальчика, его присутствию в пустыне, даже превращению в фарш его головы. Для всего вышеперечисленного можно было найти разумное, более-менее правдоподобное объяснение. Только не для того, что обнаружилось сейчас. Текито указал пальцем на *другую* дорогу: Флавио и Ричардсон ехали в Каламу с востока из Сан-Педро, тогда как Текито вел свой грузовик совсем по другой дороге — с юго-запада от Антофагасты через Кармен-Альто.

Хотя не это было главным.

Новозеландец опустил глаза и посмотрел на шкалу масштаба в правом нижнем углу карты. Подняв ладонь, Джей-Ди приложил большой палец к точке посреди шоссе «Кармен-Альто — Калама» на юг от города, там, где Рейес сбил мальчика, а указательным дотянулся до точки, где они с Флавио наткнулись на белокожее существо. Потом, не меняя относительное положение пальцев, приложил их к шкале расстояний внизу карты. Получилось 100 — 120 километров. По прямой. Через непроходимое пространство, усеянное скалами, изрезанное расщелинами и полузасыпанное барханами.

Джей-Ди беспомощно таращился на карту. Что же это получается? Сначала он встречается с этим существом, а через полчаса грузовик Текито сбивает его уже на другой дороге, в другом конце Атакамы. Парень не мог раздвоиться, значит, он пересек девственную пустыню со скоростью примерно 250 км/ч... Ни одно живое существо на Земле не способно двигаться с такой скоростью.

Джей-Ди, как пьяный, вышел на улицу и направился к своему отелю. В голове гудело, как в растревоженном улье. Плечи тряслись, а сердце делало паузу при каждом шорохе из темных переулков. Всюду ему виделись злые и загадочные белокожие мальчики. Ричардсон не верил в привидения, телепортацию, туннели в подпространстве, искривление времени и прочую подобную чертовщину, а потому боролся со страхом, стараясь разрешить парадокс, пытаясь найти для всего приемлемое объяснение.

Уже у самого отеля Ричардсон споткнулся о бордюр тротуара и едва не растянулся на асфальте. В этот момент что-то как будто вспыхнуло перед глазами. Он остановился и замер — испугался, что мысль уйдет, так и не выкристаллизовавшись. Этого, к счастью, не случилось.

— Мальчики, — пробормотал Джей-Ди. — Не мальчик, а мальчики.

Вот так Джей-Ди Ричардсон, сорокапятилетний кардиохирург, имеющий к дальнейшим событиям весьма опосредованное отношение, так как уже через пару часов он отправится домой в Окленд и благополучно избежит всего того непотребства, которое вскоре начнет твориться на просторах Атакамы, стал первым, кто пришел (пока что) к этому единственно верному в данной ситуации выводу: «Так значит, их было двое!»

VI

Фрэнк Ди'Анно, который рассчитывал провести на севере Чили максимум пять дней, задержался там на долгих три недели. Ему пришлось сменить комфортабельный гостиничный номер в Каламе на мрачный следственный изолятор в Сантьяго.

Но ни частые изнурительные допросы Ди'Анно и Рейеса, ни тщательная проверка томографа не дали следствию никаких зацепок. Томограф оказался исправен и работал как швейцарские часы. Независимый эксперт подтвердил, что подобный инцидент мог произойти, только если череп несчастного мальчика был выложен изнутри металлическими пластинами, которые под действием магнитного поля могли разворотить ему голову. Однако никаких металлических пластин не было, и ничего не дали и новые исследования трупа. В крови мальчика был обнаружен целый букет гормональных стероидов, в частности альдостерон [14], и это было странно, но никак не объясняло, с чего это вдруг его голова лопнула, как упавший с дерева переспевший абрикос. Во всем остальном это был совершенно обыкновенный двенадцатилетний мальчик.

Еще более странно сложилась ситуация с идентификацией пустынного найденныша. Его никто не искал. Ни до, ни после инцидента никто не обратился в полицию с заявлением об исчезновении белокурого мальчика, ни одна из отдыхавших в Чили семей детей не теряла, в МИД не поступило ни одного запроса от зарубежных посольств. Скрупулезный поиск в базе данных таможенной службы среди иностранцев, въезжавших в страну в последние полгода, тоже ничем не помог. Формально пацана просто не существовало.

Следствие зашло в тупик.

В общем, продолжение дела сулило проблемы, которых никто не хотел. Поэтому спустя некоторое время тело мальчика отвезли обратно в Атакаму и там закопали. Папку с делом сожгли. Фрэнку приказали уносить подальше ноги (для верности вклеив в паспорт ярко-красный штамп «ДЕПОРТИРОВАН»). Что он с радостью и сделал.

Никто не подозревал, что странный инцидент — это лишь начало настоящих проблем.

ВЫЗОВ

VII

Четверг, 13 августа, 10:05 (UTC +2)

**Отдел «Gaming AI»^[15] компании «Time-To-Play Technologies»
Киев, Украина**

Тимур Коршак просматривал почту, когда на столе зазвонил телефон.

— Я слушаю, — парень поднял трубку.

— Тимур, — прозвучал там сухой голос босса, заставивший парня непроизвольно напрячься, — ты не занят?

— Нет... Пока нет... — Тимур нахмурился. Утренние звонки начальства, как правило, ничего хорошего не предвещали.

Шеф выдержал длинную непонятную паузу, а потом бесцветным тоном произнес:

— Тогда отрывай задницу от стула и шагай ко мне в кабинет. Есть разговор.

Тимур поморщился. Если директор по разработкам с самого утра приглашает к себе в кабинет, жди неприятностей. Это означает одно из двух: либо сверхсрочное задание из серии «умри-но-сделай», когда нужно выдать десять тысяч строк программного кода за день, либо внеплановую раздачу тумачков (как правило, из-за того, что какой-нибудь мегапродвинутый долбоюзер замордовал вчера до потери пульса всю службу поддержки). А скорее всего и то, и другое одновременно.

— Уже иду, — ответил Тимур и повесил трубку, думая, как на удивление быстро может испортиться так хорошо начавшийся день.

Пока он в задумчивости ворошил руками взлохмаченные непослушные волосы, над перегородкой, отделявшей друг от друга рабочие места, вынырнула увесистая голова Ярика.

— На ковер к Пузатому? — спросила голова, дожевывая утренний пончик. Фамилия директора по стратегическим разработкам и развитию (сокращенно — директор по СРР) — Пузатый — позволяла подчиненным обходиться без дополнительных прозвищ, хотя характер начальника, сварливый, как у разбуженного раньше срока медведя, и подталкивал к словотворчеству.

Тимур хмуро кивнул.

— Бить будет? — с нескрываемой надеждой и сарказмом поинтересовался Ярик.

— Не знаю.

— Есть за что? — не унимался Ярик.

Тимур задумался. В последнее время вроде особо не портачили.

— Не знаю, чувак...

— Значит, за старое, — авторитетно заключил коллега.

Получать тумачи «за старое» было особенно неприятно. После этого, как правило, приходилось ковыряться в древних программных кодах, которые неизвестно кто после тебя латал и перекраивал, заново вникать в концепцию модуля, а то и всей программы, выискивать кучу дополнительных файлов с функциями и классами, которыми, скорее всего, уже давным-давно никто не пользовался.

— Не дай Бог, — буркнул Тимур. — Ну, пойду, пока он не начал вонять.

— Удачи, — ехидно подмигнула голова и снова нырнула за перегородку.

Тимур перевел рабочую станцию в спящий режим. В черном дисплее отразилось его лицо: правильный овал, слегка нарушенный торчащими ушами, спокойно поблескивающие светло-серые глаза. Высокий широкогрудый Тимур не был похож на заядлого программиста с постоянной недельной щетиной, сгорбленной спиной и спасательным кругом из жира на поясе.

Оттолкнувшись вместе с креслом от стола, Тимур быстро поднялся на ноги и двинулся по направлению к начальству.

Поднимаясь по ступенькам со второго этажа на третий, где располагались кабинеты аналитиков и дирекция, Тимур продолжал размышлять, что же могло стать причиной утреннего вызова.

«Time-To-Play Technologies» сделала себе имя на том, что называется «gaming environment» — игровое окружение. Специалисты «ТТР» годами разрабатывали математические модели ветра, травы, кустов, деревьев, даже отдельных листочков, камней на дороге, пыли, а также алгоритмы их взаимодействия. Упорная совместная работа математиков, физиков, 3D-моделлеров и программистов компании позволила создать максимально приближенный к реальному виртуальный мир. И дело было не только во внешнем сходстве. В играх, которые выпустила «Time-To-Play Technologies», шли «настоящие» дожди, непрерывно дули ветра, солнце пряталось за тучи и снова выходило из-за них, причем все это не было заранее запрограммировано на конкретное время и место, а происходило по «естественным» причинам, так же, как и в природе.

Тимур специализировался на ботах. Его основная задача состояла в том, чтобы «житель» такого совершенного виртуального мира вел себя реалистично. Однако из-за большого количества различных процессов, которые одновременно моделирует программа (они называются *потоками*), очень непросто научить бота правильно выбирать дорогу, обходя заболоченные или заросшие кустами места, прятаться с учетом текущей видимости, безошибочно определять «живые» объекты (других ботов или игрока) в среде, где движется практически все, и при этом не забывать о своей главной задаче: атаковать или защищать игрока — единственное по-настоящему мыслящее существо игрового мира. Никогда не знаешь, в каком месте и в какое время потоки пересекутся друг с другом. После того как была разработана базовая концепция «игрового интеллекта» и создано программное ядро, возникли проблемы. Оказалось, что встроить ботов в игру — еще полдела. Намного сложнее отучить их от неадекватных действий в такой сложной реальности, а именно: от расстреливания кучек опавшей листвы, взвешанной налетевшим ветром, петляния между лужами, когда до противника остаются считанные шаги, и тому подобной деятельности.

Тимуру пришлось создавать ботов, которые не просто носятся по сцене, стреляют или уворачиваются от пуль, а еще и взаимодействуют с

окружающей средой. Анализируют виртуальный мир. Но благодаря этому каждая игра и получается уникальной. Сколько бы раз игрок не проходил один и тот же уровень, игра никогда полностью не повторится.

Выход в свет первой части FPS^[16] «Stalker» не на шутку встряхнул всю мировую индустрию компьютерных игр. В одних только Штатах продали более двух миллионов дисков с игрой, а чистая прибыль компании достигла 14 миллионов долларов. Причиной такого успеха стала не только старательно прорисованная непрерывная игровая среда. Фанатов компьютерных стрелялок покорило поведение ботов, которые разительно отличались от своих прямолинейных собратьев из «DOOM 3», «Half-Life 2» и даже «Unreal II: Awakening». Боты были настолько реалистичны, что иногда казались... живыми. За два года никому не известная украинская компания закрепила на рынке, получила кучу заказов и даже начала формировать тренды в игровой индустрии. И все это в значительной мере благодаря Тимуру.

Шагая по коридору, Тимур размышлял над тем, что же могло вызвать гнев начальства. Четвертый add-on^[17] к «Сталкеру» был выпущен на рынок полгода назад. Баги^[18] там, конечно, были, но это все касалось сюжета и текстур на отдельных 3D-моделях. К его ботам претензий не было. Новое поколение бойцов, над которым он сейчас трудился, было на стадии эскизного проектирования. Дай Бог, чтобы через два года их направили на тестирование.

«Значит, если влетит, то за старое», — заключил парень, остановившись у кабинета директора по СРР. Он прислушался, на миг задержавшись. Из-за дверей приглушенно доносились голоса. Пузатый был не один и разговаривал с кем-то по-английски.

Тимур глубоко вздохнул и постучал.

— Входите, — донеслось из-за двери.

Тимур изобразил беззаботность и вошел в кабинет.

— А, Тимур! Здорово! Заходи, садись, — директор показал на одно из кресел.

Пузатый был крупным мужчиной, совсем лысым, с соответствующим фамилии круглым брюхом. Лицо его украшала задиристая мясистая челюсть. Повернувшись к гостю, загорелому иностранцу в пижонском деловом костюме, свободно расположившемуся на кожаном диване по другую от Тимура сторону стола для переговоров, директор произнес по-английски с ужасным акцентом:

— Here is that guy!^[19] — и недвусмысленно кивнул на Тимура. Тот

вежливо поздоровался и уселся в кресло, догадываясь, что переговоры между этими двумя велись о нем.

— O'key... I see... — вальяжно ответил незнакомец. — He's so young^[20].

— Only twenty seven^[21].

— That's strange^[22].

Мужчина сидел, положив ногу на ногу, и небрежно разглядывал Тимура. Из его темных глаз веяло холодом и какой-то обреченностью. Тимур вдруг понял, что тумачи отменяются. Но легче ему от этого не стало.

— Оскар Штаерман, — представил незнакомца директор. Штаерман был чилийцем с еврейскими корнями.

— Тимур Коршак, — Тимур сдержанно кивнул.

— Nice to meet you, Timir,^[23] — Штаерман говорил с едва уловимым испанским акцентом. И ни одной нотки уважения в голосе.

— Помнишь заказ трехлетней давности от «General Genetics»? — Пузатый крутнулся на кресле в сторону Тимура и заговорил по-украински. — Ну, те чудилы, что заказали только код.

Тимуру не пришлось насиловать память, чтобы вспомнить этот странноватый проект. Самое необычное и в то же время, пожалуй, самое легкое задание за всю его работу в «ТТР Technologies». «General Genetics», будто бы разрабатывавшая компьютерную игру в стиле «экшн», заказала ботов, обученных действовать в команде, одним большим роем, но (!) при этом не предоставила практически никаких исходных данных и не представила среду, в которой будет происходить действие игры. Заказчику были нужны только голые операционные коды.

— Шеф, поймите, — наклонившись к Пузатому, зашептал Тимур, — я не компилировал тот код. Это было просто невысказано! Я же не могу взять и скомпилировать отдельную процедуру или вырванный из контекста класс. У нас не было никакой возможности протестировать в реальной игре наши разработки. Поэтому если у них...

— Успокойся, — прервал его босс, — я хорошо помню эту странную заявку. К тебе нет никаких претензий. В этой ситуации я полностью на твоей стороне.

— А в чем проблема? И почему они спохватились только сейчас? Целых три года прошло!

Пузатый пожал плечами:

— Поговори с этим пижоном. Мне он ничего не стал объяснять.

Хочет, мол, разговаривать только с разработчиком, то есть с тобой.

— О чем?

— О том, что его волнует. И не кипешуй. — Глаза Пузатого хитро блеснули. — Надеюсь, мы вытрясем из него немного денежек.

Тимур вытянулся в кресле и попробовал улыбнуться.

— Хай, Оскар! — еще раз поздоровался Тимур и деловито заговорил по-английски: — Это я писал коды по вашей заявке три года назад.

— Я уже это понял.

— И что у вас не в порядке?

— У меня все прекрасно, — когда Штаерман говорил, он почти не менялся в лице, словно вместо кожи у него была резиновая маска, — но вот ваши боты... С ними начались проблемы.

— Не считите за обычную отговорку, но здесь нет моей вины. — Надменность напомаженного гостя слегка раздражала Тимура. — Вспомните ваше техническое задание. Собственно, можно сказать, что его не было. Я находился в положении плотника, который делает рамы, не зная размеров окон.

— Так было нужно, — парировал Оскар.

— Воля ваша! Но что делать мне? За три года вы даже не сообщили, устроила ли вас наша работа. Для моих ботов нужно специфическое игровое пространство. Вполне вероятно, они оказались слишком сложными для вашего математического ядра.

— Сложными? — переспросил гость и как-то странно улыбнулся. — Нет-нет, они были прекрасными. Идеальными! Они анализировали все, что происходило вокруг, принимали решения, сотрудничали друг с другом, действуя как настоящий отряд. Для нас именно это было главным.

Тимур был несколько удивлен тем, что Штаерман говорил о виртуальных солдатах в прошедшем времени, словно речь шла о живых людях. И это изрядно резало слух.

— И что же произошло? Кто-то напортачил, оптимизируя код?

Оскар стиснул зубы так, что на щеках проступили желваки, и отвернулся к окну. Когда он снова повернул голову к Тимуру, в глазах его опять промелькнуло что-то фатальное и еще что-то такое, чего ну уж никак нельзя было ожидать от надутого заморского пижона. Неконтролируемый страх?.. Паника?.. Через мгновение Штаерман взял себя в руки, но на заданный вопрос так и не ответил.

— Позвольте мне сказать пару слов, — вмешался директор. — Мы сейчас меняем концепцию построения мира, — разумеется, он говорил о виртуальном игровом пространстве, трехмерной сцене, но все равно слова

прозвучали коряво и пафосно. Он выглядел как Зевс на Олимпе. В самом худшем, если можно так выразиться, смысле. — Вместо описания поведения отдельных объектов — деревьев, облаков, ручьев или озер — мы переходим к агентно-ориентированному подходу. Если раньше облачко представляло собой 3D-модель, которая могла менять свою форму, размер, цвет и прозрачность в зависимости от концентрации влаги, двигалась в определенном направлении, изредка объединяясь с другими моделями такого же типа, то теперь это — огромное скопление, некая сеть или рой крошечных агентов, несущих в себе набор функций для взаимодействия со смежными агентами. Такая капля-агент сможет испаряться, конденсироваться, переходить в кристаллическую форму в зависимости от внешних условий, а также от состояния соседних агентов. — Несмотря на ужасный характер, директор по разработкам был прекрасным специалистом. Он продолжал: — Представьте — теплое облако-рой попадает в зону холодного воздуха. Пограничные или поверхностные агенты быстро охлаждаются и превратятся в жидкость — в игровом мире пойдет дождь. При конденсации из агента-капли выделяется энергия в виде тепла. Если воздух быстро нагревается, дождь прекращается, а облако, потерявшее часть агентов, плывет себе дальше. Если же будет прибывать холодный воздух, то внутренние агенты также сконденсируются и дождь будет идти, пока облако не иссякнет. На земле агенты соберутся в лужи, ручьи или озера, пока не испарятся снова. Вот такой непрерывный круговорот!

Директор испытующе взглянул на гостя. Оскар Штаерман сохранял невозмутимость. Его спокойствие граничило с безразличием. Дмитрий Пузатый продолжал:

— Конечно, на начальном этапе написание и настройка агентов занимает массу времени, но потом это окупится сторицей. Агентно-ориентированный подход снимает немало ограничений с виртуального мира. Теперь достаточно создать рельеф местности, загнать на сцену агентов, соответствующих воде, воздуху и органической материи, задать начальные условия — температуру, давление — и запустить солнце. В результате каждый раз у нас будет не просто игровая сцена, а уникальный и неповторимый виртуальный мир! — Чтобы усилить эффект от своих слов, босс взмахнул руками в воздухе. — Кстати, Тимур сейчас работает над тем, чтобы боты комфортно себя чувствовали в этом новом мире. Прежнее поколение тут не годится — они теряются, торопеют... в общем, никуда не годятся.

Тимур, подтверждая сказанное, сдержанно кивнул.

— Поэтому, может, вместо переделки старых проблемных кодов мы попробуем решить вашу задачу с помощью нового...

— Нет, — оборвал директора чилиец. — Не нужно никаких новых подходов. Мы хотим, чтобы тот, кто создал три года назад исходные коды для ботов, разобрался в проблемах. Я понятно выражаюсь? Для ботов. Точка.

Ни Тимур, ни Пузатый, конечно, не догадывались, что их гость (не будучи профессиональным программистом) знает об агентном подходе не меньше и сам мог бы многое рассказать. Особенно о внешнем проявлении и о том, к каким результатам он может привести. Хотя тогда это уже не имело значения.

Слова чилийца задели Пузатого. Директор засопел и нахмурился.

— А какие именно проблемы? — фыркнул он.

— Я не специалист, поэтому, к сожалению, не могу вам подробно все описать, — уклонился от ответа Оскар. — Просто ваши боты ведут себя не так, как нам бы хотелось.

— Что это значит?! — вспыхнул Пузатый, забыв о выдержке и терпении, которые необходимо соблюдать при общении с клиентами. — Они голые бегают по сцене и швыряют друг в друга собственными экскрементами вместо того, чтобы атаковать игрока?

Тимур прикусил нижнюю губу. Не потому, что ему не понравилась метафора шефа. Просто так не разговаривают с клиентом.

Штаерман проигнорировал плоскую шутку. В кабинете повисло неловкое молчание.

— Может, у вас есть видео с прохождением какой-нибудь миссии, где использован мой код? — спросил Тимур. (Поиск багов начинается с изучения видеозаписи игры с экрана монитора.) — Это бы очень помогло. Его все больше и больше удивляла эта ситуация — зачем было переться черт знает куда, если все наверняка можно решить по электронной почте или по скайпу?

Впервые с начала разговора иностранец заколебался:

— Вы не понимаете. — Косматые брови взлетели вверх, Оскар подался вперед. — Чтобы разобраться, надо оказаться на месте. Собственно, для этого я и прилетел сюда. Мне нужен ты, Тимур.

Тимур и его босс переглянулись.

— Я вас правильно понял? Вы хотите, чтобы Тимур съездил к вам?

— Да. Мы хотим взять в аренду вашего специалиста. Иначе толку не будет.

Такого поворота ни Тимур, ни босс не ждали. Еще никто и никогда не

просил одолжить на время сотрудника «ТТР Technologies». Это смахивало на какое-то средневековье — прислать гонца, чтобы забрать мастера к себе для работы. Чушь! И опять же — зачем посылать кого бы то ни было за тридевять земель, если обо всем можно договориться по электронке?

Директор озадаченно притих. Задумался.

— Мы щедро заплатим, — добавил чилиец.

— Мы — это кто? — вставил Тимур. Три года назад, когда ему поручили проект, который в «ТТР Technologies» считали несерьезным, заказчиком выступала «General Genetics», однако договор был подписан с физическим лицом, то есть де-юре «General Genetics» не имела к нему отношения. За работу исправно платили, всегда авансом, причем деньги переводили не из США, а из какой-то латиноамериканской страны (Тимур уже не мог вспомнить, из какой именно).

— Экспериментальный центр «NGF Lab», — последовал ответ. — Научная организация, которая проводит исследования по заказу различных независимых фондов и частных лиц. Инвестиции, в основном, американские и японские.

— «NGF Lab»? — переспросил Пузатый.

— Да.

Пузатый скосил глаза на лежавшую на его столе визитку Штаермана. На ней стоял логотип другой организации — «General Genetics».

— И куда надо лететь? — поинтересовался Тимур.

Лицо Оскара не дрогнуло. Только глаза напряглись, поменяли цвет: из карих стали совсем черными. Словно вода в глубоком мрачном колодце. Не мигая, чилиец ответил:

— Лаборатория находится в пустыне Атакама. Это север Чили.

— Где?! — босс раскрыл рот.

— Чили, Южная Америка.

Тут директор вспомнил, что три года назад деньги приходили именно из чилийского банка, «ABN AMOR Bank Chili». Но чтобы экспериментальный центр находился в пустыне?! И именно в этот момент он окончательно понял, что «General Genetics», или «NGF Lab», или как там она называется, производит что угодно, но только не компьютерные стрелялки. Босс посмотрел на Тимура. «Fuck it!»^[24] — одними губами выговорил парень.

— Какая, к черту, пустыня, амиго? — Пузатый отбросил формальности прочь.

— Это долго объяснять.

— Любезный, может, хватить играть в жмурки? Вы же не игры

разрабатываете!

— Нет, не игры, — без колебаний, выгрызая глазами зрачки собеседника, ответил чилиец. — И нам позарез нужен человек, который три года назад сгенерировал код.

Пузатый попытался сообразить, в каких областях человеческой деятельности можно было бы использовать алгоритмы «gaming AI». Системы искусственного интеллекта? Чушь! Уподоблять синтетический игровой интеллект искусственному разуму в широком смысле — это все равно что ставить на одну ступень технологической сложности электрочайник и баллистическую ракету. Несмотря на более чем двадцатилетний стаж работы с программным обеспечением, Дмитрий Витальевич был не в состоянии догадаться, где еще, кроме компьютерных игр, может пригодиться программа управления ботами.

— Господин Штаерман, — теребя галстук, Пузатый перешел на бесцветный официальный тон, — в вашем контракте не была предусмотрена отладка. Вы не заказывали готовый продукт, а только отдельные классы и процедуры, поэтому мы не...

— Пятнадцать тысяч за неделю работы, Тимур. — Штаерман уже не смотрел в сторону директора. — Плюс двадцать тысяч премиальных, если ты решишь проблему, — отчеканил чилиец, а после добавил: — Я имею в виду долларов.

Лысый босс закашлялся. Чуть язык не проглотил. Тимур тоже был ошарашен. Столько платили топ-менеджерам в «Microsoft» или «Google».

— И на какой срок командировка? — завороченно спросил парень.

— Восемь недель. Может быть, десять. — Оскар положил на стол контракт. — Тут все расписано. Виза ждет тебя. Нужен только твой паспорт.

Тимур больше не сомневался:

— К сожалению, вынужден вам отказать... У меня в сентябре свадьба, — он повернул голову к начальнику. — Я как раз хотел просить у вас отпуск.

Пузатый с облегчением выдохнул. Едва ли не впервые он радовался, когда его подчиненный открещивался от работы.

— Считай, что ты его получил.

Углы рта у Оскара приподнялись вверх, что, вероятно, означало улыбку. Он отчеканил:

— Двадцать тысяч в неделю. Пятьдесят тысяч — премиальные. Кроме того, «NGF Lab» выплатит «TTP Technologies» любую компенсацию за отсутствие сотрудника.

Директор по стратегическому развитию и разработкам чуть не упал со стула.

«Не меньше ста шестидесяти кусков, — быстро сосчитал Тимур, — это же неплохая квартира в Киеве! И за каких-то два месяца». До головокружения лакомый кусок.

— Я... э-э-э... я должен обсудить это с невестой, — после долгих раздумий все еще сконфуженно пробурчал Тимур.

— Ответ мне нужен не позднее завтрашнего утра. Не позднее.

— Так быстро...

— У меня нет выбора.

— О'кей. Но даже если я соглашусь, — взвешивая каждое слово, произнес Тимур, — вы должны понимать, что отладить код будет непросто.

— Почему? — спросил Штаерман, и Тимур подумал, что тот ничего не понимает в программировании.

— Вы говорите, что наши боты ведут себя не так, как вам хочется?

— Да.

— Для того чтобы это понять, вы должны были скомпилировать мой код и запустить его на выполнение.

Оскар кивнул.

— Вы не могли скомпилировать код, не вставив его в тело основной программы, — развивал мысль Тимур. — Я писал только разрозненные куски, причем не DLL-библиотеки^[25], а отдельные классы и процедуры. Коды нужно было дорабатывать, подгонять под основной игровой модуль.

— Конечно. С эти справились наши программисты. И что?

— Мне придется ковыряться в вашем коде, чтобы понять, как он соотносится с моим. Дело в том, что ваша проблема может не решаться в принципе.

Лицо чилийца и дальше оставалось спокойным, однако пальцы его правой руки нервно теребили запонку на левом манжете.

— Решение должно быть, — ответил Штаерман. — В этом у меня нет никаких сомнений. Ведь поначалу все работало очень хорошо.

— А потом стало работать плохо? — Тимур саркастически хмыкнул. — Код программы — это не металлическая деталь, которая может стереться или сработаться. Он либо работает, либо нет.

— Я не сказал «плохо». Я сказал «не так, как нужно».

Последняя фраза должна была бы насторожить программиста. Но цифра в 160 000 USD просто снесла ему крышу. Выдержав паузу, он сказал:

— Хорошо. Я подумаю, — в голове гудело, словно по ней врезали сковородкой.

— Ответ нужен к завтрашнему утру, — еще раз подтвердил ультиматум Оскар.

«У них таки горит», — отметил про себя Тимур.

— Вечером я позвоню Дмитрию Витальевичу и сообщу свое решение.

— Прекрасно. Я буду ждать, — холодно процедил чилиец.

Тимур поднялся.

— Ты уверен, что хочешь этого? — Пузатый перешел на украинский. — Готов отменить свадьбу? На месте невесты я бы тебе яйца оторвал.

— Не знаю, — пожал плечами программист. Тимур был ошеломлен. В голове бурлило, как в котле. — Такая сумма... Надо все обдумать.

Выходя из кабинета, Тимур еще раз взглянул на директора. Пузатый понял все без слов и утвердительно кивнул.

— Не переживай, — четко произнес он, — я немедленно отдам контракт девочкам в юридический отдел. И если там есть хотя бы один пункт, по которому они могут тебя кинуть, мы пошлем этого хмыря в задницу.

— Спасибо.

— А теперь вали отсюда. И думай. А лучше не думай, а поговори с будущей женой. Понял, салага?

— Да, шеф.

И Тимур закрыл за собой дверь.

IX

Разговор затянулся. Когда Тимур проходил мимо столов коллег к своему рабочему месту, сотрудники заинтересованно оглядывались.

— Ну что там? — ерзая от нетерпения, выпалил Ярик. — Тебя пытали? Ты признался?

Тимур с ходу плюхнулся в кресло и привычным движением руки взлохматил волосы.

— Похоже, светит командировка.

— Куда?

— Еще не уверен. Возможно, в Чили.

Ярик присвистнул:

— Ого! А на фига?

— Сам не знаю, — отмахнулся Тимур.

— И надолго?

— Месяца на два.

Ярик опять присвистнул, на этот раз гораздо громче.

— А что скажет твоя Алина? Вы же... — Ярик уже открыл было рот, чтобы завершить фразу, но Тимур прервал коллегу, молниеносно поднеся руку с вытянутым указательным пальцем под самый его нос:

— Чувак, исчезни!

— Все-все. Я ничего... Я понял... — забормотал Ярик, скорчив страдальческую мину. — Просто... мне на самом деле интересно.

Тимур тем временем набрал в строке поиска на компьютере «NGF Lab». Поиск не дал никаких результатов. Он стер «Lab» и снова ударил пальцем по клавише «Enter». Поисковая система выдала кучу ссылок на какой-то Nerve Growth Factor (фактор роста нервов — протеин, важный для роста, поддержки и выживания определенных целевых нейронов... бла-бла-бла), National Golf Foundation (Национальный фонд гольфа) и еще много чего, не имеющего никакого отношения к программированию или компьютерным играм.

Тимур пожалел, что сразу не спросил у Штаермана, как расширяется «NGF». Потому что это было важно.

Толкаясь по дороге домой в пробках на своем стареньком «Chevrolet Lacetti», Тимур хмурил брови и размышлял о том, как встретит известие о переносе свадьбы его невеста. Алина была нормальной девушкой. Нормальной в том смысле, что за десять лет знакомства Тимур не слышал и не видел, чтобы она устраивала скандалы и истерики. Вот только отношения у них были не очень нормальными.

Они были ровесниками. Оба окончили Киевский политехнический институт, только Тимур учился на теплоэнергетическом факультете, а Алина на факультете менеджмента и маркетинга.

Как же вышло, что Тимур переквалифицировался из инженера в создателя компьютерных игр? После первого же семестра парень решил, что с таким уровнем преподавания (большинство преподавов в последний раз заглядывали в научные журналы еще при Горбачеве) и взяточничестве, которое, как ржавчина, проело насквозь все кафедры (большая часть его группы не таясь платила за зачеты и экзамены), ловить ему тут нечего. На втором курсе Коршак начал самостоятельно изучать программирование. Сначала брал конспекты у приятеля с факультета информатики и вычислительной техники, а потом самостоятельно стал штудировать литературу по специальности. Delphi 7, C++, Visual C++, MFC и, наконец, OpenGL... С такими познаниями он легко выдержал испытательный срок в «TTP Technologies».

Познакомились они на первом курсе на одной из общеинститутских студенческих вечеринок. У Алины была прекрасная фигура: плоский живот, стройные ноги, выпуклые ягодицы, от которых нельзя было отвести глаз. К тому же — редкое сочетание — Алина была синеглазой брюнеткой и пользовалась неизменным успехом у парней. За ней, высунув язык, бегало полфакультета, не считая табуна мужчин постарше — собственно, чуть ли не все, кто ее знал или хоть раз видел вблизи. Тимур же тогда ничем особенным не выделялся. Выглядел... ну... как все. Но любовь, как известно, зла. Порой даже слишком. Королева факультета запала на забавного неряху-инженера, повернутого на 3D-моделировании, программировании и компьютерных играх, который никогда не пользовался расческой, ходил в свитере, потертых джинсах и стоптанных китайских кедах.

Почти четыре года Алина всеми возможными способами подавала

Тимуру сигналы, что хочет стать его девушкой. Тимур реагировал как медведь на комариные укусы, только раззадоривая девушку. На третьем курсе парень увлекся проблемой искусственного интеллекта и практически отключился от реальности (программисты поймут). Регулярно встречаться они стали только на последнем курсе.

Через год после окончания института Алина намекнула Тимуру, что не против, чтобы они стали жить вместе. Парень колебался. Не то чтобы ему этого не хотелось, но все же такая ответственность, и вообще — зачем спешить?.. Алине надоело ждать. Как-то вечером она как следует его оттрахала и выдвинула ультиматум: или они будут жить вместе, или она от него уходит. Тимур сдался. Они сняли однокомнатную квартиру неподалеку от станции метро «Шулявская».

В следующие три года все было замечательно. Просто волшебно. Пока Алина не решила, что пришла пора переводить их отношения на следующий, высший уровень. Тут и начались проблемы. Тимур все понимал, но упорно не желал делать предложение. Не помогали ни намеки, ни уговоры друзей, ни угрозы разрыва. Во время учебы в институте Алина получала предложения руки и сердца два-три раза в семестр. А теперь судьба откровенно издевалась над ней, подсунув рохлю, привязанного исключительно к компьютерным играм, тяжелому року и пиву «Paulaner».

Синеглазая брюнетка не сдавалась, методично расшатывая мощный фундамент его холостяцкой жизни. Действовала аккуратно, последовательно и разумно, как действуют мудрые женщины. Проблема заключалась в том, что Тимур не был мудрым мужчиной. Он был программистом.

Не сто́ит описывать, сколько всего натерпелась Алина, прежде чем Тимур капитулировал. Но два месяца назад, через шесть с половиной лет после начала официальных отношений, через десять лет после первой встречи парень, наконец, сдался. Бездарно, неизобретательно и коряво — но все же сделал предложение. Алина не жаловалась. Известно: говнюк останется говнюком, даже если потрясающе сделает предложение. Эту фундаментальную истину девушка перефразировала по-своему: хороший парень остается хорошим парнем, даже если предложил руку и сердце так, будто наложив посреди ресторана кучку говна. Свадьбу назначили на начало сентября.

И вот теперь, ползя черепашьям шагом домой, Тимур ломал голову над тем, как сказать, что все переносится на два-три месяца.

В кармане зазвонил мобильник. Это был Пузатый.

— Слушаю вас, Дмитрий Витальевич.

— Я только что разговаривал с девочками из юротдела. Контракт чистый. Это не кидалово.

В этот момент Тимур ясно понял, каким будет его ответ Штаерману. Даже если Алина выльет ему на голову кастрюлю с его любимым грибным супом-пюре, он скажет «да».

— Прекрасно.

— Чувствую, что ты склоняешься к положительному ответу.

— Ну, еще не совсем, но, в принципе, да...

— Дело твое, но хочу обратить внимание на несколько деталей, — с нажимом произнес Пузатый.

— М-м?

— Во-первых, этот пижон уже дважды звонил, интересовался, не надумал ли ты ехать. Не удивлюсь, если он позвонит среди ночи. Мне это не нравится. Франт слишком кипешует и дергается. Как мышь в мышеловке.

Тимур не ответил. Взгляд его рассеянно скользил по машинам, которые толкались в пробке, словно большие блестящие жуки, посаженные в спичечный коробок.

— Во-вторых, в контракте есть пункт о неразглашении. Ты должен молчать по гроб жизни о том, над чем будешь работать, а также обо всем увиденном или услышанном в лаборатории.

— Думаю, с этим проблем не будет.

— А я думаю, что ты ошибаешься, — отчеканил Пузатый. — И в контракте сказано, что в случае разглашения любой производственной, научной или организационной тайны тебя ждет штраф от 2 до 10 миллионов долларов.

— Ого!

— А позволь тебя спросить, Тимур, у тебя есть два-три-десять миллионов долларов?

— Э-э... Нет.

— Я догадывался. Я несколько дольше тебя кручусь в бизнесе, поэтому должен предостеречь: такая неподъемная сумма штрафа кое-что значит...

— И что же?

— С тобой никто не намерен судиться. Ляпнешь лишнее, тебя сразу уберут.

Тимур сильно ударил по тормозам. «Lacetti», взвизгнув, клюнул носом и замер. Сзади каскадом раздался возмущенный вой целого ряда клаксонов.

— И в-третьих: я просто не хочу, чтобы ты ехал.

— Плохое предчувствие?

Директор презрительно фыркнул:

— Я похож на того, кто полагается на предчувствия?

— Да нет...

— Парень, ты, конечно, первоклассный специалист, но — при всем уважении — ты не стоишь двести тысяч баксов. И если тебе предлагают такие деньги, то они *не за компьютерные коды*. Значит, здесь скрывается что-то другое. Хорошо бы узнать, что именно, прежде чем тебя высадят в чилийской пустыне. Подумай об этом.

XI

— Любимая, я дома! — с порога крикнул Тимур. Голос звучал как у столетнего попугая.

Алина, прикрываясь полотенцем, выглянула из ванны. Поблескивали смуглые плечи и мокрые волосы.

— Так рано! — она улыбнулась, подскочила и чмокнула парня в губы. — Мне слышалось или ты вправду назвал меня любимой?

Тимур соорудил придурковатую гримасу.

— Я... э... тут... ну... тут такая подстава нарисовалась...

— Подстава? — Алина хихикнула. — Опять твои программистские словечки!

— Это не...

— Раздевайся, — девушка, придерживая локтями полотенце, расстегивала пуговицы на его рубашке. — Иди в душ, — полотенце сползло, обнажив ее крепкую грудь. — Ужин скоро будет готов.

Обычно такое поведение Алины возбуждало Тимура. В течение их совместной жизни его влечение к Алине только усиливалось. Но в этот раз он почувствовал всего лишь укол тоски под сердцем. Он разулся, обнял девушку и затем, аккуратно отстранившись, проскользнул в комнату.

— Я должен тебе кое-что сказать, — если честно, то говорить он не хотел, хотя и понимал, что разговора не избежать.

Несмотря на напряженность голоса, девушка не восприняла его слова всерьез.

— Мне предложили работу.

— Круто. С повышением? Ты уходишь из «ТТР»?

— Не совсем. Возник один из прежних заказчиков. Он хочет, чтобы я временно поработал на них.

— Без отрыва от работы в «ТТР»?

Тимуру стало жарко.

— С отрывом.

— То есть тебе придется брать отпуск за свой счет?

— Ага.

— И что ты решил?

— Согласился.

— Предложили хорошие условия?

«Бляха, как же ей рассказать?» — парень смог выложить все, кроме

главного.

— Да. Хотя есть две особенности, о которых ты должна знать, — Тимур потер пальцами глаза, — которые ты должна понять.

— Что именно? — Алина деревянной лопаткой помешивала на сковороде мясо.

— Во-первых, я так и не знаю, над чем придется работать. Заказчик довольно странный. Но они обещают заплатить двести тысяч долларов. Правда, это в случае удачного завершения проекта.

— А в случае неудачного?

— Тогда всего лишь сто шестьдесят тысяч.

Алина оторвалась от сковороды и пристально взглянула на Тимура. Она была беззаботной, но уж никак не глупой. В некоторые моменты он чувствовал себя рядом с ней полным кретином. Сейчас был как раз такой момент.

— И какая же вторая особенность, которую мне следует знать и понять? — синие глаза следили за каждым мускулом лица Тимура.

Язык у парня задеревенел:

— Контракт рассчитан на два месяца, но... компания находится в Чили... и мне надо ехать туда...

Алина поджала губы. Мясо начало подгорать, наполняя горьким ароматом тесную кухню.

— Это то Чили, о котором я подумала? — ледяным голосом уточнила девушка.

— Наверное, да.

— Я правильно поняла: ты уже принял предложение и едешь в Южную Америку?

— Да...

Она сделала паузу и переспросила напоследок:

— На два месяца?

Тимур прикусил губу:

— Да. Лечу завтра с утра.

— Ты что, рехнулся? — Алину словно подменили. Ее глаза метали молнии.

— Это только на два месяца.

— На два месяца?! У нас же в сентябре свадьба!

Красные пятна проступили у нее на лице и тонкой шее.

— Я понимаю... — попробовал обороняться Тимур.

— Что ты понимаешь? Как ты мог не посоветоваться со мной?.. — вдруг она побледнела. — Ты бросаешь меня?

— Ну, начинается. Не говори глупостей, — махнул рукой Тимур. — Сначала я не хотел ехать. Но подумай сама — это же двести тысяч баксов. Мы сможем купить квартиру.

— Подумать? А ты чем думал? Что я скажу родителям? Что я скажу всем приглашенным? Извините, свадьба отменяется, он уехал на заработки в Чили?! — Девушка сжала кулаки. — Я знала, что так будет... знала... знала...

— Перестань. Перенесем свадьбу на конец октября.

— Я тебе не верю! Ты... ты... Как ты мог?!

Тимур развел руками:

— Ты опять за свое...

— Я не верю! Не верю тебе! В октябре у тебя снова возникнет работа, контракт какой-нибудь. На полмиллиона. И тебя снова как ветром сдует!!!

Алина больше не могла сдерживаться. Швырнув лопатку в раковину, она выскочила из кухни. Тимур за ней не пошел. Решил немного выждать. Пусть все переварит и успокоится. Через час он снова попробует с ней поговорить.

Есть не хотелось, подгоревшее мясо осталось нетронутым. Тимур взял из комнаты свой ноутбук и расположился на кухне. По вечерам он обычно читал новости, смотрел видеоприколы и картинки-демотиваторы. Отдыхал с компьютером от работы за компьютером.

Но едва он раскрыл ноутбук, как в доме, мигнув, пропал свет. Ноутбук мог продержаться еще часа два-три, но роутер без электричества отключился, и доступа к сети не было. Мысленно сетуя на такую подлянку, Тимур закрыл компьютер «Hewlett-Packard», прислонился спиной к стене и, скрестив руки на груди, стал смотреть в темноту.

XII

Все могло сложиться совсем по-другому, и Тимур отказался бы от поездки, если бы в тот вечер в доме 24/9 по улице Вадима Гетьмана не отключили свет. Он бы выбросил из головы обещанные 160 тысяч долларов плюс премиальные, если бы Оскар Штаерман так не спешил с вылетом, и у Тимура был бы дополнительный день на сборы. Он бы послал ко всем чертям «NGF Lab» и ее представителя, если б не задержался утром, собирая дорожную сумку, и пришел на работу заранее, хотя бы за час до того, как за ним приехал Штаерман.

Судьба. Фатум. Карма. Называйте это как хотите. Существовало множество «если бы», из-за которых это путешествие было бы отменено. А суть всех несбывшихся «если бы» состояла в том, что *Тимур проверил бы свою электронную почту.*

Дело в том, что за миг до того, как в жавшихся к Индустриальному мосту стареньких многоэтажках по улице Гетьмана выбило свет, в почтовый ящик электронной почты Тимура Коршака упало письмо от некой Натальи Хорт. Тимур не был с ней знаком. Наталья тоже не была знакома с Тимуром. Более того, им и не суждено было когда-либо встретиться или познакомиться. Но тем не менее письмо было адресовано именно Тимуру.

*От: Natalie1976
Кому: Tym_the_Botfucker
Тема: Предостережение!*

Сколько бы ни предлагали, не соглашайтесь на работу в Чили.

Вы пожалеете. Я УЖЕ пожалела...

Муж Натальи, тридцатипятилетний Вадим Хорт, тоже был программистом. И не менее талантливым, чем Тимур. Некоторое время он работал в Москве в компании «МАЙКОН», которая разрабатывала системы инженерного проектирования (CAD^[26]), зарабатывая сорок тысяч баксов в год. Два года назад уволился и вернулся в Киев, где, ни с кем не посоветовавшись, подписал мутный договор с еще более мутной «General Genetics» и уехал на год куда-то в Южную Америку. О том, куда именно

едет и над чем там будет работать, он никому не сказал. Наталья узнала о месте работы мужа только через несколько месяцев после его отъезда.

За время своего годичного отсутствия Вадим не более десяти раз разговаривал с Натальей по скайпу и не чаще раза в неделю посылал жене электронные письма, где писал о чем угодно, но только не о работе. После окончания контракта Хорт прилетел в Киев — бледный, худой, измученный, с лихорадочным блеском в глазах. Он пробыл в Киеве три дня, после чего объяснил Наталье, что проект не окончен и контракт продлен еще на восемь месяцев. После этого дернул назад в Южную Америку.

Со временем Хорт перестал выходить на связь через скайп. Он регулярно переводил жене крупные суммы денег, которые с каждым месяцем становились все больше. Изредка присылал короткие сухие письма, которые с каждым месяцем становились все короче.

Три месяца назад связь с ним прервалась. Деньги тоже больше не приходили.

Спустя какое-то время Вадим позвонил жене по телефону с незнакомого номера и, скрываясь и переходя на срывающийся шепот, попросил не волноваться. Второпях сообщил, что не может долго говорить, что дела в лаборатории идут неважно, случилось ЧП, кое-что вышло из-под контроля, но волноваться не надо, и как только ему позволят, он снова будет ей писать. Наталья, глотая слезы, спросила, почему он не может писать сейчас. Вадим ответил, что офис отрубили от сети — боятся каких-то вирусов, ситуация нестабильная, и нежелательное влияние извне может ее еще ухудшить.

О вирусах он явно врал. Наталья всегда чувствовала, когда ее муж говорит неправду.

В течение следующих двух недель Наталья Хорт пыталась раз сто дозвониться по номеру, с которого звонил Вадим, но женский голос в трубке каждый раз лепетал по-испански, что такого номера не существует.

Приблизительно месяц назад, 21 июля, измученная ревностью женщина, которая в течение предшествующих четырех недель почти не спала, поскольку в каждом сне ее мужчина представал перед ней в объятиях трех юных, голых и безумно сексуальных чилиек, наконец-то получила письмо от мужа. Длинное и очень странное. Тревога ее сначала сменилась страхом, а страх затем превратился в жгучую панику. К бессоннице теперь добавилось нервное перевозбуждение. Слово кто-то сыпанул ей за пазуху горячих углей.

От: Vadym.Hort
Кому: Natalie1976
Тема: Просьба

Привет, солнышко!

Пишу в спешке — дела не ждут. Есть всего несколько минут. Проблемы почти уладили. Представляю, как это все тебе надоело, но через месяц-полтора меня, наконец, отсюда отпустят. Закончу свой кусок работы, получу премиальные и свалю из этой гребаной пустыни. Не знаю, утешит ли это тебя, но деньги получу приличные. Сможем купить домик где-нибудь в Италии и забыть навсегда заботы о хлебе насущном. Потерпи еще чуть-чуть, любимая! У меня к тебе одна, может, немного странная, просьба. Только не думай о плохом и не задавай лишних вопросов, потом я тебе все расскажу. Просто сделай, как я прошу. Если со мной что-нибудь случится (не волнуйся, я пишу это просто на всякий случай), найди в Киеве Тимура Коршака. Он работает на «ТТР Technologies». Фантастически одаренный парень. По-моему, это он спрограммировал мозги ботам из «Сталкера». (Помнишь стрелялку, за которой я засиживался по ночам?) Дело в том, что люди, на которых я работаю, хотят, чтобы он приехал к нам в лабораторию. Они думают, что парень сможет решить проблемы. Я в этом сильно сомневаюсь, но неважно. У меня больше не будет возможности выйти в Интернет, чтобы найти его электронный адрес и написать ему.

Солнышко, очень тебя прошу, если со мной вдруг что-то случится и я вовремя не вернусь в Киев, свяжись с Тимуром Коршаком. Обязательно! Предупреди, чтобы он ни за что не соглашался на эту работу, сколько бы они ему ни предлагали. Ему не стоит никуда ехать из Украины! Так будет лучше...

Скучаю по тебе. Вадим.

Вадим, как всякий настоящий программист, не умел писать жене слезные письма. После его «вдруг-что-то-случится» Наталья три недели глотала валиум и каждый день писала мужу по семь-восемь истеричных мейлов, не получив ответа ни на один.

Целиком поглощенная своей тревогой, Наталья забыла о просьбе мужа. Женщина не собиралась искать Тимура Коршака. Ей не было дела до

чужого сопляка, который разрабатывал стрелялки для полупомешанных игроманов, когда ее родной муж, выйдя на связь один раз за месяц, написал такую вот чертовщину.

Но за восемь дней до того, как Тимур с Оскаром Штайерманом должны были вылететь в Чили, 7 августа, Вадим Хорт вернулся в Киев. В цинковом гробу.

Сообщили родственникам — сначала родителям, потом жене. Повезли Наталью в аэропорт Борисполь забирать страшный груз.

Когда гроб привезли в морг, полумертвая от шока и отчаяния Наталья Хорт все же настояла, чтобы обшарпанный ящик, доставленный из Сантьяго-де-Чили сначала в Милан, а потом в Киев, открыли в ее присутствии. Она до последнего не хотела верить, что в гробу ее муж. Должна была убедиться в этом, чтобы знать, кого будет хоронить.

После того как гроб открыли, Наталью двое суток держали под надзором врачей. Едва она приходила в сознание, ее начинала бить нервная дрожь.

В цинковом гробу действительно лежало тело Вадима Хорта. Точнее, то, что от него осталось. Не хватало оторванной выше локтя левой руки. На шее, груди и животе видны были глубокие рваные раны. Левая часть лица также была разорвана: вместо уха торчал кровавый обрубок, левая глазница зияла пустотой, а изрядный кусок кожи от верхней части щеки до виска был выдран с мясом, оголив кости черепа. Вадим Хорт выглядел так, будто попал в лапы крупному хищнику. На лице запечатлелась гримаса глубокого ужаса. Его так и похоронили: никакие манипуляции с мышцами лица не помогли избавиться от ужаса, исходящего от мертвого лица. Мышцы окаменели, красноречиво и в то же время безмолвно свидетельствуя о чем-то страшном, что стало предвестником смерти.

Но была еще одна деталь, которая шокировала Наталью (как и всех остальных, кому не повезло присутствовать при опознании трупа) больше, чем перекошенный от ужаса рот и рваные раны, превратившие тело в кровавое месиво, вместе взятые. Волосы у тридцатипятилетнего Вадима Хорта полностью поседели.

XIII

Пятница, 14 августа, 11:10 (UTC +2)

Терминал «В» международного аэропорта Борисполь

Украина

Штаерман переминался с ноги на ногу у эскалатора, демонстративно громко вздыхал и поглядывал на часы. Чуть в стороне от него стояли Тимур и Алина. Тимур смотрел в пол, девушка — в окно на стоянку перед терминалом.

Время шло. Парочка будто и не собиралась прощаться.

У Штаермана кончилось терпение. Он кашлянул и деликатно, но твердо сказал:

— I think we must go^[27].

Тимур посмотрел на чилийца так, словно видел его впервые.

— It's time^[28], — чернявый франт проявил настойчивость. Он реально нервничал. Он не мог позволить себе расслабиться, пока Тимур не пройдет паспортный контроль и не окажется в транзитной зоне аэропорта.

— Сейчас-сейчас, Оскар. Еще чуть-чуть, — отмахнулся Тимур и, набравшись смелости, повернул лицо Алины к себе. — Ну, мне пора. Ты тут... это... не...

Щеки у Алины были горячие, словно она только что вернулась с пляжа.

— Я тебя ненавижу, — она посмотрела ему в глаза.

Тимур понимал, что времени на новый виток скандала уже нет. Он взял Алину за талию, притянул к себе и поцеловал в губы. Девушка не сопротивлялась. Ответила на поцелуй, а потом положила голову Тимуру на грудь.

— Я тебя ненавижу, — повторила она, но в голосе уже не было ни капли злости.

— Я знаю. Я — говно.

— Хуже.

Ощущая под тонкой кофточкой ее мягкую грудь, Тимур почувствовал, что начинает заводиться. Электрическое возбуждение прокатилось по его телу от живота и до шеи. Через секунду ему стали тесны джинсы.

— И надо было тебе вот так ерепениться! — взъерошивая пальцами душистые волосы, прошептал он на ушко Алине. — Мы не увидимся

целых два долбанных месяца, а вчера у нас даже не было секса.

— Секса у тебя не будет еще два месяца после возвращения, — изобразила злость брюнетка. Тимур снисходительно усмехнулся. — Я тебе это обещаю, юноша!

— Ну, это мы еще посмотрим. — Тимур сильнее притянул ее к себе.

— Запомни мои слова! — вспыхнула Алина и больно укусила его за шею.

— Хорошо. Только не сердись. Сразу после прилета я тебе напишу, — Тимур засомневался, сможет ли он выйти в Интернет в аэропорту Сантьяго. — Хотя не знаю. Я постараюсь написать из Сантьяго. Если нет, то сразу, как доберусь до места работы.

— Только попробуй *не* написать!

Штаерман опять кашлянул и положил руку на поручень эскалатора.

— Все, пошел. Я тебя люблю.

— Пока, — Алина послала ему воздушный поцелуй, выдавила из себя улыбку. — Пиши мне, а то я тебе... — и погрозила кулачком.

— Наконец-то, — выдохнул чилиец.

Тимур поднимался на эскалаторе, стоя на три ступеньки ниже Штаермана. Проехав половину пути, он обернулся и помахал Алине рукой. Жест получился неуклюжим. Можно сказать, даже дурацким. Алина хихикнула и показала ему язык.

Вряд ли она бы так резвилась, если бы знала, что писем от любимого не будет...

Пятница, 14 августа, 15:34 (UTC +1)
Терминал 4 международного аэропорта Барахас
Мадрид, Испания

Самолет испанской авиакомпании «Iberia» должен был вылететь в Сантьяго-де-Чили в 00:10. Оскар и Тимур пообедали, после чего оставалось только ждать. От нечего делать Тимур включил ноутбук, чтобы попробовать через вай-фай войти в Интернет. Нашел канал без пароля и подключился.

— Эй, амиго! — вдруг обратился к нему Штаерман. После того как в аэропорту Киева они прошли паспортный контроль, чилиец сменил тон и стал вести себя уже не как строгий работодатель, а как рабовладелец. — Побудь здесь. Мне надо подобрать тут еще одного пассажира.

— Кто-то еще летит с нами?

— А ты думал, ты один такой умный?

Тимур вошел на свою страницу на почтовом сервере ukr.net. В папке «Входящие» висело 24 непрочитанных письма. Бóльшая часть касалась работы. Тимур не стал их читать. В ближайшее время у него будет над чем ломать голову. Зачем тратить время и силы, отвлекаясь на проекты «ТТР Technologies»? Несколько сообщений пришло с Facebook. Он быстро с ними разобрался.

После этого непрочитанным осталось всего одно письмо. Отправитель — Natalie1976, тема — «Предостережение!».

Что еще за Натали? 1976 скорее всего означает год ее рождения, предположил Тимур. То есть она старше большинства его знакомых и младше всех его начальников. Наверное, это просто спам. Тимур провел пальцем по тачпаду, собираясь открыть письмо. Но тут перед ним возник Оскар Штаерман.

— Вот познакомься, — апатично бросил чилиец по-английски, — это Игорь Емельянов.

Рядом со щеголеватым Штаерманом стоял неряшливо одетый полноватый человек лет сорока.

— *Профессор* Игорь Емельянов, — ядовито уточнил новоприбывший. Нижняя губа презрительно оттопырена, щеки обвисли, как у бульдога, засаленные волосы падают на лоб.

— А это наш программист, — не обращая внимания на поправку, продолжил Штаерман, — Тимур Коршак.

— О, — с лица русского сошло надменное выражение. — О-о, — снова повторил он, дважды передернув кустистыми бровями.

— Вы говорите по-русски? — спросил Тимур, удивленный реакцией профессора.

— А как мне еще говорить? Не на китайском же?

«Еще один псих», — подумал Тимур, а вслух сказал:

— Откуда вы меня знаете?

— Я тебя не знаю. Мы только что познакомились, забыл?

— Тогда почему такая реакция?

— Какая?

— Это ваше «о-о».

— Я видел твою работу.

Тимур насторожился.

— Прошу прощения, — прервал их разговор Штаерман, — должен сообщить, что мне не удалось достать места в бизнес-классе. Я поздно обратился за билетами в «Iberia».

— Хочешь сказать, что мы полетим в эконом-классе? — завелся толстячок, переходя на английский.

— Именно.

— Посмотри на меня! Как ты это представляешь, Штаерман? Я похож на человека, который способен весь этот долбаный перелет тереться локтями о всякую вонючую деревенщину? Я никуда не полечу! Снимай отель. Когда будут нормальные билеты, тогда и полетим.

На скулах у Штаермана заходили желваки. Но он сдержал себя:

— Мы не можем ждать, профессор. Полетим в эконом-классе. Я взял каждому по три соседних места в конце салона. Конечно, это не кровать в бизнес-классе, но можно поспать и никто не будет толкать локтями.

Емельянов подвигал обвисшими щеками:

— Все так серьезно?

Чилиец кивнул несколько раз подряд.

Пока они препирались, Тимур вернулся к неп прочитанному письму. Нажал на клавишу, чтобы открыть текст. Однако письмо не открылось, вместо этого появилась главная страница ukr.net. Видимо, пока он разговаривал с русским, связь с сетью прерывалась, и теперь почтовый сервер снова просил ввести логин и пароль.

Тимур терпеливо набрал их. Это заняло еще минуту.

Открыв свою страницу, он снова подвел курсор к заголовку

«Предостережение!». Что-то словно звенело у него в ухе, говорило ему: он должен прочесть это письмо.

Но Емельянов как раз закончил разговор со Штаерманом.

— Ладно, — согласился профессор, — летим в эконом-классе, — и плюхнулся в кресло рядом с Тимуром, толкнув парня локтем и чуть не сбросив ноутбук на пол. Тимур мог бы и возмутиться, если бы не последняя фраза профессора. Она направила мысли в другое русло.

— Вы знаете, куда мы летим? — спросил программист.

Емельянов хмыкнул с видом человека, который знает все:

— Мы летим разгрести кучу дерьма, которая образовалась из-за тебя.

— Послушайте, — Тимур обиделся, оторвавшись от экрана, — если пользователь недоволен работой программиста, то не всегда виноват программист. Как я могу нести ответственность за код, который не я компилировал? Вы не имеете права судить о моей компетентности по обрывкам. Неужели не понимаете: невозможно отредактировать программу, которой не существует? Мне заказали только сырой код...

— Ты, похоже, не врубился в ситуацию, — с легкой грустью в голосе перебил его профессор. — Никто не ставит под сомнение твой профессионализм, никто не упрекает тебя. Там, куда мы летим, возникли проблемы. Судя по спешке, с которой мы туда направляемся, проблемы до черта большие. Но дело не в том, что ты дал маху в концепции или настроил дырявый код. Все, что сейчас творится в Атакаме, произошло потому, что ты *слишком хорошо сделал свою сраную работу*. — Русский замолчал, невидящими глазами уставившись прямо перед собой. И повторил: — Слишком хорошо, черт побери.

Профессор снова озадачил Тимура, и парень некоторое время сидел в задумчивости. Пока не услышал длинное «би-и-ип», раздавшееся из динамика ноутбука. Он сигнализировал о том, что заряд батареи снизился до критического уровня. Через секунду экран погас.

Если бы Тимур опустил глаза на экран на минуту раньше и прочел письмо Натальи Хорт, сейчас он бы уже искал нужную стойку, чтобы купить себе билет обратно в Киев. К сожалению, перепалка Штаермана с Емельяновым и слабый сигнал вай-фая помешали ему. Зарядное устройство от ноутбука лежало в сумке, которую он сдал в багаж в Борисполе. Сейчас сумка кочевала между багажными терминалами в недрах Барахаса. Поэтому у Тимура не было никакой возможности подзарядить свой компьютер.

А это было последнее «если бы». Тимур так никогда и не узнает, кто такая Natalie1976 и от чего она хотела его предостеречь.

Прибытие

Суббота, 15 августа, 10:31 (UTC –4)

**Международный аэропорт «Артуро Мерино Бенитес»^[29]
Сантьяго-де-Чили**

Профессор выковыривал забившуюся меж ягодиц ткань брюк. После четырнадцати часов в самолете (лайнер прибыл вовремя — в 09:35 по чилийскому времени) он выглядел так, будто по рассеянности вышел из дому в неглаженной одежде. Волосы напоминали изрядно потрепанный ураганом стог сена. Чувствовал себя Емельянов соответственно.

— Ты ему ничего не рассказал? — спросил он Штаермана, когда Тимур отлучился в туалет.

— Как и тебе. Подробности узнаете по прибытии на место.

— Я хоть знаю, куда лечу и что меня ждет. Парень же даже не догадывается, во что его втянули.

— Я не имею права. У него на данный момент всего лишь третий уровень доступа.

Профессор с шумом втянул в себя воздух, словно собираясь плюнуть Штаерману в лицо.

— Кретин, этот парень создал проблему, не побывав на комплексе. Через пару часов у него будет пятый уровень. Ему дали бы и шестой, если бы он существовал. Потому что он один может исправить ситуацию. Может спасти миллиарды ваших сраных инвестиций, пока *они* не перевалили за Анды или не спустились на юг к Сантьяго.

— Что ты хочешь от меня, профессор? Я всего лишь выполняю инструкции Кейтаро.

— Он имеет право знать, Оскар. Эта ваша долбаная конспирация приведет к тому, что, прибыв в лабораторию, он запаникует и откажется работать, — судя по манере речи, было непросто поверить, что у Емельянова есть докторский титул. Но Игорь был одним из тех бесцеремонных чудаков, без которых не обходится ни одно научное сообщество.

— Не откажется.

Тимур вернулся в зал ожидания, и беседа между Емельяновым и Штаерманом оборвалась.

В 12:15 они сели в самолет чилийской компании «LAN», рейс LA 362,

и через полтора часа приземлились в Антофагасте.

Суббота, 15 августа, 14:00 (UTC –4)

Автомобильная стоянка аэропорта «Церро Морено»

Антофагаста, Чили

— Где конвой? — сразу разозлился Штаерман.

Воздух был прохладный — слегка приправленный запахом океана, но сухой. На стоянке их ждал обшарпанный, серый от пыли джип «Тойота-Тундра». Машина еще недавно была совсем новой, но за несколько месяцев езды по пустыне приобрела вид старого корыта. Замасленный капот практически не отблескивал в лучах пустынного солнца.

Штаерман, Емельянов и Тимур вышли с вещами из аэропорта. Навстречу им из кабины пикапа выскользнул невысокий коротко стриженный американец в ярко-красных шортах, желтой майке, кедах и модной, хоть и линялой бейсболке с надписью «Bon Jovi». На вид — ровесник Тимура. Он по очереди пожал прибывшим руки, помог забросить вещи в машину и усадил гостей на задние сиденья.

— Джеффри, а где, черт возьми, конвой? — прорычал ему прямо в ухо Штаерман.

— Я и есть ваш конвой, — тихо ответил Джеффри, подняв зеленые глаза на чилийца.

— Это как понимать?

— Прикрытия не будет, старик, — Джеффри Такер сунул руки в карманы шорт. — Знаешь, что было вчера? — он понизил голос. — *Они* на хрен разодрали ограду.

— Что?!

— Что слышал, чернявый... Боты порвали ее на немецкий крест. В двух местах... Сейчас все на работах.

Штаерман застыл. Очередная порция ворчливых фраз застряла у него в глотке. Лицо побледнело, а глаза забежали, как у сумасшедшего.

— Черт... Не может быть! Внешнюю ограду? А как же сенсоры?

— То-то и оно. Никакие сенсоры не сработали. Позавчера несколько ублюдков остались под одним из холмов. Они копали целый день. Вечером они *уже были* под оградой, именно поэтому ни один сенсор и не сработал. Проклятые выродки! — Джеффри заговорил спокойнее. — Если до вечера периметр не восстановят и не подадут напряжение, похоже, нам уже

некуда будет ехать.

— А как же... — забормотал чилиец, — как же мы доедем без конвоя?

— Так же, как я приехал сюда. Будем гнать на всю катушку, чтобы проскочить до темноты. — Джефффри сплюнул. Он боялся не меньше Штаермана, может, даже больше, просто не подавал вида. — Надеюсь, успеем до сумерек.

— А если пробьем шину? А если полетит ходовая? Что тогда?!

Американец достал из кармана и надел черные очки. Ему не хотелось думать о том, что будет, если темнота застанет их в пустыне. Он просто проигнорировал вопрос и задал свой:

— Кто из них программист?

— Младший, — не глядя на Коршака, сказал чилиец. — Его зовут Тимур.

— Я так и думал... Какие странные у них имена: Tumur, Vadim... — Джефффри снова сплюнул и похлопал чилийца. — Ну что, старик, садитесь в машину. Не знаю как, но будем прорываться.

XVII

Они выехали из города и вырулили на Панамериканское шоссе — современную автомагистраль, что длинной серой нитью сшивает весь континент. Джефф повел «тойоту» на северо-восток. Несмотря на обшарпанный вид, машина рычала как зверь и исправно наматывала на колеса километры.

Вскоре океан пропал из виду. За окнами потянулся однообразный ландшафт: до сланцевых гор центральной Атакамы было еще далеко, а сине-черные отроги Анд отсюда были не видны. Это была Мертвая Земля: ни растений, ни перепадов высот, ни даже песка — сухая безжизненная пустошь.

Через сорок минут они проехали замерший городок Бекедано. Тимур заснул...

В 14:35, не доехав нескольких километров до Кармен-Альто, Джеффри притормозил, прижался к правой бровке и начал что-то выглядывать справа от шоссе. Найдя слабо накатанный съезд, американец крутанул руль и скатился с магистрали. Из-под капота вдаль уходила еле заметная колея. Она убегала на восток, в пустыню, и исчезала в дрожащем мареве, которое толстой линией разделяло плоскую серость Атакамы и непостижимо далекие склоны Анд.

Через минуту Штаерман забарабанил ладонями по панели кабины:

— Стой, Джеффри! Тормози!

Джип еще не остановился полностью, а он уже выскочил из машины. Потом встал перед капотом, загородив дорогу, — бледный, испуганный, без пиджака, рубашка на груди и под мышками потемнела от пота.

— Джеффри, я боюсь! — хрипло выдохнул чилиец. — У меня дети! Я хочу еще пожить!

Джеффри открыл дверцу и опустил ноги на песок. Перед тем как выйти из машины, американец окинул взглядом пустыню. Местность казалась безопасной.

— Я тебя понимаю, старик. Но не надо истерик. Я тоже на грани. Чувствую, вот-вот обмочу штаны. А в мокрых штанах далеко не уедешь.

— Я дальше не поеду, — решительно заявил Штаерман. — Давай позвоним Виллу. Спутниковый телефон с тобой? Вилл не подчиняется Джепу^[30], может, он поймет и...

— Телефон со мной, старик, просто... Вильяма нет...

Он захлопнул дверь, и остальные слова в салоне слышны не были. Однако услышанного оказалось достаточно, чтобы Емельянов нахмурился и беспокойно заерзал на сиденье.

— Америкос сделал ноги? Не может быть! — продолжал Штаерман.
— Где он? Этот сукин сын не мог просто так бросить все!

— Кейтаро просил тебе не говорить, — потупился Джеффри.

— *Что* не говорить?

— Вчера боты взяли Вилла и одного из негритосов Рино...

Оскар не понял:

— Как это «взяли»?

— Забрали с собой.

— Что-о?!

— Мы поняли, что они подкопали столбы, но разве можно было догадаться, что сразу в двух местах? Бросились перекрывать прорыв напротив главного входа в жилой блок, а они ворвались в гаражи в первом инженерном. Кейтаро приказал отступать, мы заблокировали «DW»-здание, а Вилл и тот наемник, они не успели, понимаешь? Боты схватили их и потащили в пустыню.

Штаерман сглотнул слюну:

— И вы ничего не сделали?

— А что мы могли сделать, мать твою?! — рывкнул Джеффри. Впервые за сегодняшний день он потерял самообладание. — Все наложили в штаны. Даже Рино сидел тихо, как мышка. За три дня мы ни разу не попали *ни в одного*. Ни в одного! Ты понял? Я бы лучше пустил себе пулю в лоб, чем вышел тогда наружу.

— Боты убили их? — Штаермана передернуло.

— Нет.

— Нет?

— По крайней мере, не сразу. Когда их волокли, они были живые. А там не знаю...

— Для чего они им? Что они собираются с ними делать?

— Об этом пусть нам скажет украинец, — Джеффри мотнул головой в сторону заднего сидения «Тойоты-Тундры». — Я тебе и так уже сказал больше, чем был должен. Но это еще не все.

Штаерман прикусил губу.

— Напряжения на периметре не было, мы сидели в «DW», как обезьяны в клетке, а эти недомерки раздербанили склад.

— Чтоб я сдох! — прошипел Штаерман.

— Сегодня у тебя есть все шансы, — процедил Джефф. — потому что

у них теперь полно боеприпасов и дюжина пятисотых «моссбергов»^[31].

— Ты шутишь.

— Не шучу. У них теперь огнестрельное оружие.

— А гормон?!

— Расслабься. Не все так плохо. Кейтаро после твоего отъезда велел перенести бутылки с альдостероном в жилой корпус. Стероиды пока у нас.

Оба замолчали. По шоссе за их спинами время от времени проносились автомобили, но звук моторов заглушался свистом дующего по пустыне ветра.

— Знаешь, — сказал Джеффри, — я не горю желанием нестись с неприкрытой задницей через Атакаму, рискуя нарваться на их стаю. Но у нас там восемь поваленных столбов... — Джефф вздохнул: — Старик, я не хочу притащиться на базу и понять, что мы остались с ними один на один. У нас тогда будет веселая ночь. Мы должны проскочить.

— Нет... нет... нет... Теперь я уж точно никуда не поеду, — в глазах у Штаермана появилось отчаянное упрямство.

Американец саркастически фыркнул и сплюнул:

— Джеб был прав. Не надо было тебе говорить.

— Иди к черту! Я звоню японцу. Дай мне телефон.

Джеффри пожал плечами:

— Как знаешь. Кейтаро в последнее время не в настроении.

— А то я не догадываюсь. Давай телефон.

Джеффри открыл дверь машины, достал спутниковый телефон «Thuraya Hughes» и бросил Штаерману. Тот поймал аппарат и без промедления набрал номер.

— Кейтаро, это Оскар, — напрягшись, начал чилиец. — Нет, у нас все в порядке. Пока что. Просто хочу поговорить... Мы в пустыне неподалеку от Панамериканы... Я не хотел вас беспокоить... Кейтаро, не горячитесь! — Штаерман начал вскипать. — Я все знаю, Джеффри мне рассказал... Поймите, если по дороге что-нибудь случится с украинцем... Да, мы можем проскочить, но я не поеду дальше. Я отказываюсь. Вот так просто: не сдвинусь с места... Вы же обещали конвой... Не кричите на меня. Бог с ней, с моей задницей, но неужели вы готовы рискнуть программистом?

Разговор в такой манере продолжался еще минут пять. Штаерман говорил все меньше, преимущественно кивал. Наконец, он оторвал трубку от уха.

— Ну что? — спросил Джеффри.

— Он пришлет две машины, — кисло буркнул чилиец. — Приедут в течение двух часов.

— А ограда?

Оскар пожал плечами:

— Все равно бы не успели до темноты.

Наискосок через пустыню от гор к океану текли струи сухого до скрипа воздуха — низкий звук напоминал далекий рев самолета.

XVIII

Суббота, 15 августа, 16:26 (UTC –4)

23°21′30″ ю. ш. 69°48′06″ з. д.

Пустыня Атакама

Сначала появились два столба пыли. Словно хвосты комет, наискосок тянулись они в безоблачном небе. Легкий ветерок рвал их на части и волок за собой к северу. Колонны пыли с каждой минутой становились все более четкими.

Немного погодя из дрожащего марева, ревя двигателями, размалывая на куски мелкие камни, вырвались два огромных внедорожника. Издали черные машины напоминали немецкие «Volkswagen Tuareg».

— Едут! — объявил Джеффри.

Тимур потянулся и зевнул. Быстрый сон не принес облегчения. В Киеве сейчас было пол-одиннадцатого вечера, организм требовал полноценного отдыха.

Штаерман вышел чуть вперед и ждал, уперев руки в бока. От его пижонского вида не осталось и следа. Одна штанина была разодранной, рубашка затвердела от высохшего пота, и ветер трепал ее, как перепачканный парус испанского галеона.

Он обернулся и крикнул Джеффри:

— Ты видишь?

— Что там?

— Рино Хедхантер собственной персоной.

— Не может быть! — обрадовался Джеффри.

Автомобили остановились. Это действительно были «туареги», только не «паркетники», предназначенные для дефиле по городу, а настоящие вездеходы в комплектации для бездорожья «Terrain Tech» — с навесными металлическим бамперами и защитными сетками на передних окнах. На задние же борта и дверцы были наварены стальные листы, они полностью закрывали окна. Окна в передних дверцах тоже на две трети закрывала сталь, остальную часть — сетка. Из-за этого элегантный джип от «Фольксваген» выглядел как нечто среднее между «A7V» — немецким неповоротливым танком времен Первой мировой войны — и армейским вездеходом «Humvee»^[32], прототипом ненасытного гражданского пожирателя топлива «Hummer».

Как только «танкомобили» остановились, из них выскочили восемь вооруженных до зубов мужчин. Шестеро были крепкими невысокими неграми — черными, как уголь-антрацит. Седьмой выглядел как типичный японец — невысокий, худощавый, с плоским лицом, раскосыми глазами и прямыми рыжеватыми собранными в хвост волосами.

Возглавлял команду двухметровый, весь покрытый выпуклыми бугристыми мышцами верзила с обветренным угловатым лицом, черными волосами, торчащими в разные стороны, и маленькими кабаньими глазками. От середины его левой щеки к подбородку шел глубокий шрам.

— Привет, трусло! — не вынимая сигареты изо рта, амбал помахал рукой. — Ждете, пока мамочка заберет вас из детского сада, да? — Он расхохотался. — На сколько же вы отъехали от шоссе? Метров на восемьсот? На целый километр? Вот это да! Вы просто мегакрутые перцы!

— Привет! — взмахнул рукой Джефф.

Штаерман пожал загорелому богатырю руку. Потом обменялся рукопожатием с японцем. Тимур с профессором заинтересованно разглядывали вооруженный конвой.

— Кто это? — тихо спросил Емельянов у Джеффри. Из всех приехавших он знал только японца Кацуро Такеда, который был правой рукой Джепа.

— Амбал — это Рино Хедхантер, — охотно пояснил американец. — Начальник службы безопасности.

— Начальник чего? — удивился Емельянов.

— Службы безопасности.

— Я тебя правильно понял: он — Хедхантер? Охотник за головами?

— Ага.

— Это его настоящая фамилия^[33]?

— По крайней мере, так он себя называет. Паспорт я у него не проверял.

В Африке амбала называли Рино «Охотник-за-Головами», реже — Рино Годзила. Фамилии его никто не знал. Он был прожженным авантюристом и искателем приключений. Во время гражданской войны в Анголе поставлял оружие для УНИТА^[34], торговал слоновой костью, наркотиками и людьми. В 2002-м по окончании войны в Анголе оказался безработным. Попробовал податься в нефтяной бизнес, но его оттуда быстро вышибли. После этого он набрал гоп-стоп-команду и официально зарегистрировал ее как охранную службу. Рино был гражданином Южно-Африканской Республики, немецкий же акцент, о котором Рино ужасно не

любил говорить и в душе глубоко ненавидел, свидетельствовал о том, что предками его были немецкие колонисты из Намибии^[35]. Хедхантер производил впечатление нервного бугая, способного мгновенно перейти от шуток и смеха к состоянию звериной ярости.

— А откуда столько чернокожих?

— Это ватага Хантера — наемники из Африки. Четверо из племени гереро^[36] — Фрэнки, Джеро, Ти-Джей и... блин, забыл, как зовут четвертого, и двое овамбо^[37] — Нахас и Ндонга. Еще двое гереро, Сэм и Готто, остались в лаборатории. Был еще Том, но... его больше нет.

— Гм... — Емельянов догадался, что овамбо и гереро — это названия племен или народностей, и не стал переспрашивать. — И как давно Джеп нанял эту гориллу и всю его стаю «блэков»?

— Две недели назад. Как только все пошло кувырком. Одновременно Кейтаро отправил по домам большую часть персонала, — Джефффри сделал паузу, раздумывая, стоит ли договаривать. — ...Всех, кто не догадался, что «малыши» сбежали.

— Значит, они все-таки сбежали?

— Вы не знали?

— Оскар не сказал. Хотя я чувствовал. А почему он не нанял местных?

— Вилл Ноланд был против. У местных есть родственники, им есть куда бежать, есть с кем потрепать языком... Вилл очень боится... то есть боялся огласки.

— Я не удивлен. Сам бы на его месте боялся.

Тимур тем временем приглядывался к наемникам. Он отметил две странные детали. Во-первых, африканцы были вооружены исключительно дробовиками. Тимур был хорошо знаком с этой моделью — пятизарядный американский «Remington 1100». В одной из ранних игр, выпущенных «ТТР Technologies», с такими бегали его боты. Судя по коротким стволам, это был боевой, а не охотничий вариант. Такое ружье славится колоссальной площадью поражения и разрывной силой, но эффективно только на коротких расстояниях — до пятидесяти метров. То есть в ближнем бою. В пустыне логичней было бы использовать дальнобойное оружие с оптическим прицелом.



«Ремингтон 1100»

Во-вторых, Тимуру не понравились джипы. На их боках из-под листов брони проглядывал цветной логотип с надписью «NGF LAB» — голова киборга в шлеме: правая половина лица — человеческая, левая — с красным неоновым глазом — сложена из микросхем. Рисунок был нереальным, каким-то детским, что ли, хотя встревожило программиста не это. Логотип располагался *под* броней. Напрашивался очевидный вывод, что «туареги» поначалу ездили без стального панциря, а потом произошло нечто, заставившее на скорую руку переделать автомобили в бронетранспортеры.

Тимур впервые за время путешествия почувствовал, как по спине пробежал холодок беспокойства.

— Что тут происходит, объяснит мне кто-нибудь? — спросил он. — Восстание племен в пустыне или Андах? К чему этот антураж?

Пока Джеффри думал, что ответить, Хедхантер закончил разговор со Штаерманом и заорал:

— По машинам, дамы! Карета подана, мои щеночки! — Его голос, как взрывная волна, раскатился по пустыне. — Украинец со мной. Русский с Кацуро. Моя машина едет первой, за мной — Джефф, замыкает колонну Кацуро. Дистанция — пятьдесят метров, ни больше ни меньше! — Рино сделал паузу, чтобы набрать в грудь воздуха и добавил металла в голос: — И не забывайте — после наступления темноты каждый сам за себя. Если кто-то отстал, влетел в яму, сломал ось, сжег двигатель — остальные не останавливаясь катят на базу.

Тимура усадили на заднее сидение между двумя африканцами. Рино повернулся к нему и по-дружески подмигнул. Получилось не очень искренне.

— Как самочувствие, фелла^[38]?

— Спасибо, отлично, — соврал Тимур. — Только спать хочется. Великан оскалился и прохрипел:

— Я — Рино Хедхантер. Добро пожаловать в Атакаму! Мы уже тебя ждали.

Мотор взревел, за окном эхом отозвались двигатели двух других джипов. Через мгновение автомобили вереницей мчались в сторону гор, оставляя океан, солнце и цивилизацию далеко на западе.

До сумерек оставалось чуть больше часа.

Суббота, 15 августа, 17:07 (UTC –4)

Пустыня Атакама

Несколько подростков, пригнувшись, крались по ложбине. Двигались бесшумно. Если и обменивались информацией, то только при помощи взглядов. Тела их были покрыты грязью, что делало всех еще более похожими друг на друга. Хотя и так все были на одно лицо, словно нарисованные под копирку герои комиксов.

Передвигались странно, стараясь поменьше находиться под прямыми солнечными лучами. Даже вялое зимнее солнце, клонившееся к закату, раздражало их. После вынужденных перебежек по открытым освещенным участкам дети некоторое время отдыхали в тени под одиночными скалами.

Молчали.

Добравшись до узкой расщелины, мальчики тщательно обследовали дно. По-собачьи все обнюхали и полезли на склон. Они не понимали, что делают. Или, скорее, не понимали, что все делают *правильно*.

Дважды за последние сутки по этому ущелью проезжали машины. И дважды возвращались обратно на восток. Час назад новые машины проехали на запад — с вооруженными людьми из лаборатории. Мальчики не понимали, что происходит. Они были не способны на понимание как процесс. Но их научили *анализировать*. Поэтому они вполне закономерно предположили, что третий конвой будет ехать назад по той же долине.

Светловолосые мальчуганы легко взобрались на вершину невысокого хребта, упиравшегося в ложбину с юга. Рассыпались и затаились, словно дождевая вода, заполнив неровности рельефа. Солнце пекло их ничем не защищенные головы, но они терпели, зная, что скоро оно зайдет.

Лежали и ждали.

Пустыня погружалась во тьму.

Суббота, 15 августа, 17:52 (UTC –4)

23°16′28″ ю. ш. 69°03′49″ з. д.

Пустыня Атакама

Впереди, прокладывая дорогу, мчался закованный в сталь «туарег» Хедхантера с Тимуром на борту. За ними тряслась «Тойота-Тундра» с Оскаром Штаерманом и Джеффри Такером. Замыкал кавалькаду второй «фольксваген», в котором под охраной троих африканцев и японца ехал русский профессор Игорь Емельянов.

Огромный, оплывший по краям солнечный диск спускался к горизонту. Солнце било в спину каравану, хорошо освещая дорогу. Правда, это ненадолго. Через каких-то десять минут с востока набежит тьма и заставит их сбавить скорость.

Неожиданно протяжно заскулил автомобильный гудок.

Тимур оглянулся, сквозь полузакрытое листовой сталью стекло увидев «тойоту». Джеффри, яростно сигналив, сокращал дистанцию с головным автомобилем.

— Начинается, — бесцветно процедил Рино.

— Притормозить? — спросил африканец-водитель Джеро.

— Нет, лучше развернись. Объезжай полукругом, не приближаясь. Джеро, который среди всех чернокожих имел наиболее воинственный вид, кивнул:

— Хорошо, босс, — и повернул руль влево.

Увидев, что флагманский автомобиль совершает плавный разворот, Джефф перестал сигналить, остановил машину и вышел наружу. Американец махал руками, подзывая к себе. Его ядовито-красные шорты и желтая майка надувались и трепетали на ветру.

— Босс, — негромко окликнул Джеро.

Он вел мишину к американцу, но смотрел в сторону.

— Да, фелла.

— Не вижу машины молодого японца.

Мигом головы повернулись туда, где сейчас должен был находиться третий внедорожник. Автомобиля не было.

Тридцать секунд назад колонна пронеслась сквозь узкое дугообразное ущелье, на южном краю которого ступеньками поднимался вверх горный

кряж, а на северном — мрачно серели песчаные дюны. Несколько известковых скал, издали напоминавших колокольни, с трудом сдерживали натиск песка. Из просвета между кряжем и пятиметровым барханом выходили параллельные следы от шин. Оттуда только что выехал экипаж Хедхантера, за ним — «Тойота-Тундра». Второй «туарег» так и не появился.

После разворота Рино поднял руку, приказывая остановиться. Он подождал несколько секунд, надеясь, что Такеда просто отстал. Напрасно. Потом скороговоркой приказал:

— Подъедешь к Джеффри и остановишься. Двигатель не выключаешь.

Через несколько секунд «туарег» затормозил на расстоянии полутора метров от «тойоты». Джеффри подошел к «туарегу».

— У Кацуро спустило колесо, — взволнованно сообщил американец, — я сам видел. — Слова звучали умоляюще и жалобно, Тимур даже поморщился.

Рино, не открывая дверцу, внимательно осматривал окружающий ландшафт. Размеренно и терпеливо водил глазами туда и обратно.

— Они вон там, за этим кряжем, — продолжал Джеффри, тыча рукой себе за спину. — Мы немного отъехали от них, потому что пока я начал сигналить, а потом еще... ну, ты не хотел остано... — Мужчина замолчал, наткнувшись на яростный взгляд маленьких круглых глаз.

— Джип опрокинулся? — Рино вставил сигарету в рот, но не закурил.

— Нет.

— Застрял?

— Нет... То есть я думаю, что нет.

— Кто разрешил остановиться?

— Рино, не дури, — вмешался Штаерман, высунувшись из «тойоты». Правда, в голосе чилийца тоже не ощущалось большой уверенности.

— Вы нарушили приказ!

— До захода солнца еще несколько минут, — парировал Джеффри.

Вдруг в салоне «туарега», крикнув, ожил радиотелефон.

— Рино... Рино... это Ндонга, — скрипучий голос водителя замыкающей машины смешивался с помехами. — Прием.

Джеро подал рацию Хедхантеру.

— Донги, я тебя слушаю, — вглядываясь в верхушку каменной гряды, ответил Рино. — Что у вас случилось?

— Пробили шину. Откуда-то свалились камни. Похоже на обвал. Мы меняем колесо. Езжайте дальше без нас.

— Мы с Джеффом остановились неподалеку от выезда из расщелины, — жуя губами незакуренную сигарету, сказал Рино.

— Вот как? — Ндонга не смог скрыть удивления. — Не сто́ит, босс. Ситуация под контролем, джип на твердом грунте. Через несколько минут мы двинемся вам вдогонку.

Хедхантер продолжал вглядываться в гряды, едва не упираясь носом в лобовое стекло. Идеальное место для засады. Там, наверху, можно спрятать целую роту, о чем снизу, из пустыни, никто и не догадается. Он, правда, не верил, что боты настолько разумны, чтобы организовать засаду. Во всяком случае надеялся на это.

Рино поднес рацию к губам:

— Фелла, — сказал он, — у вас три минуты. Мы ждем. — Рино прикоснулся рукой к Джеро и показал ему на расщелину между дюнами и кряжем. Водитель кивнул и направил машину к месту, где колесная колея отделялась от кряжа. «Тойота» последовала за ними.

У выезда из ущелья, где внедорожники остановились, пески заканчивались, а скалистый выступ тянулся дальше. Над машинами нависала гряда скал, которая, как хвост крокодила, тянулась дальше на юг и постепенно снижалась, погружаясь под землю.

— Вон они!

Тимур увидел второй «туарег». Тот застыл в ста метрах от выезда из ущелья и всего в паре метров от каменной гряды, в самом узком месте, где почти вплотную к обрыву подступало несколько известковых скал причудливой формы. Внизу едва мог протиснуться один автомобиль.

Машина японца стояла на домкрате. Около переднего правого колеса возились двое африканцев — Фрэнки и Нахас. Ндонга, держа наготове черный «ремингтон», не сводил глаз с кряжа. Кацуро с дробовиком в руках прикрывал тыл. На заднем сидении Тимур разглядел фигуру Емельянова.

Работа шла в полной тишине. Низкое солнце заливало все вокруг своим янтарем, окрашивая скалы цветом воска, и от людей тянулись по земле длинные, похожие на скелеты, тени. Сумерки с дьявольским наслаждением пожирали жалкие остатки дневного света.

Но вот запаска уже была установлена. Новое колесо закрутилось на месте. Фрэнки, молодой энергичный парень, единственный гереро в машине японца, старательно закручивал болты. Вот он уже опускает домкрат... Скоро, уже совсем скоро они поедут дальше...

И как раз в этот момент...

— Босс, — подал голос наемник, сидевший справа от Тимура.

— Чего тебе? — буркнул Рино, выбросив так и не зажженную

сигарету изо рта.

— Мне нужно отлить.

Джеро хихикнул. Хедхантер нахмурился, сжав морщины на лбу в тугой сноп.

— Нашел время, обезьяна...

— Босс, я уже не могу терпеть.

Рино нервничал. Из-за стремительных сумерек, летевших с гор быстрее ветра, из-за непредвиденной задержки, а теперь вот из-за этого доморощенного вояки. Ему ужас как хотелось развернуться и парой ударов отправить парня в нокаут. Чего Хедхантеру не хотелось, так это нюхать аромат мочи весь остаток дороги.

— Не выходи из машины. Открой дверь, выставь свой пиптик наружу и делай свои дела.

— Спасибо, босс.

— Быстро, болван.

Открыв дверь, африканец спустил ноги на песок. Встал спиной к машине и, придерживая локтем дверцу, начал справлять нужду. Под струей зашипел песок.

Тем временем суэта возле «туарега» стихла. Фрэнки и Нахас забросили инструменты в багажник, Ндонга занял шоферское место, а Кацуро уселся на переднее пассажирское сидение. В этот момент никто из них не следил за скалистой грядой, черневшей на фоне вечернего неба. Никто не контролировал и пространство позади машины. И только Тимур вдруг увидел, как что-то мелькнуло среди скал. Позади «туарега», в том самом узком перешейке нечеткий силуэт метнулся от серых дюн в темноту у подножья ступенчатого кряжа.

— Вы видели?! — выпалил Тимур.

— Что? — хором отозвались его соседи по машине.

— Там кто-то есть!

Дружно клацнули затворы.

— Ты уверен? — переспросил Рино. Гереро, зажатый между дверцей и бортом джипа, прекратил мочиться. Шорох песка стих.

— Клянусь, что-то промелькнуло позади машины с Емельяновым, — прошептал украинец.

Никто не шевелился. Было слышно, как протяжно завывает ветер над плоскогорьем.

Но тут в это флегматичное завывание вплелся новый звук. Тихий, поначалу далекий свист быстро нарастал — свист воздуха, рассекаемого летящим с огромной скоростью предметом.

Не успел Тимур об этом подумать, как тяжелый обломок скалы попал в голову африканцу, стоявшему у дверцы с расстегнутой ширинкой. От удара голову бедолаги отбросило назад. Он дико завизжал. Лицо превратилось в огромную рану — левая скула проломлена, глаз вконец расплюсчен, сквозь кожу торчат обломки зубов.

— Что за фигня?! Что за фигня?! — перепуганный Тимур закричал по-русски. Затем, действуя чисто инстинктивно, схватил раненого и потянул в салон.

Сзади в расщелине загрохотало, кто-то кричал, залаяли «ремингтоны». По их джипу застучали камни. Взревел двигатель — Джеро завел машину и рванул вперед.

Тимур едва удерживал африканца. Поймав гереро, он прижал его к креслу, но затащить его полностью в салон не смог. Украинец отчаянно цеплялся за одежду. Рубашка наемника смялась под мышками и выскальзывала из рук. Дверь осталась незакрытой.

— Выбрось этот мешок с дерьмом! — заревел, обернувшись, Рино. — Вытолкни на хрен негритоса!

Ноги раненого волочились по земле.

— Нет! — отказался Тимур.

Однако негр выскальзывал у него из рук. Джип мчался слишком быстро. Его рубашка, за которую уцепился Тимур, трещала и рвалась. Еще мгновение — и чернокожий вывалится в пустыню.

Тимур почти сдался. Но тут Джеро притормозил перед преградившей путь впадиной, которую невозможно было объехать на скорости. Воспользовавшись этим, Тимур рывком втащил африканца внутрь и захлопнул дверцу. Обернулся. «Тойота-Тундра» ехала за ними, а второй «туарег» так пока и остался под скалами.

— Кто на нас напал?! — закричал Тимур. — Рино, что, черт возьми, происходит?

— Это все твои детки, фелла. Проклятые белобрысые ублюдки.

— Кто? — вытаращил глаза Тимур.

Хедхантер повел бровями и не ответил. Джип то и дело перелетал через ямы. Тимур, словно во время аварийной посадки самолета, прижимал колени к груди и клацал зубами. И одновременно терялся в догадках, кто из них — он или предводитель наемников — сошел с ума.

Последний пучок оранжевых лучей скользнул за горизонт. С востока, от гор, наплывала тяжелая вязкая тьма.

«Тойота-Тундра» подскакивала на кочках рядом, справа от «фольксвагена».

— Дебил! — высунувшись из той части окна, которую не закрывала броня, рявкнул Рино. — Какого хрена моргаешь нам в задницу? — полутораминутное мигание фарами со стороны «тойоты» взбесило его.

Джефффри что-то закричал в ответ.

— Что ты пицишь? — заорал Хедхантер, перекрикивая рев мотора. — Я ничего не слышу!

Джефффри выставил голову из окна и снова что-то прокричал. Но слова опять растворились в воздушном потоке между машинами. Но в этот раз Джефффри догадался высунуть из окна руку и показать большим пальцем куда-то назад.

Тимур оглянулся — вдали, на расстоянии нескольких сотен метров, аритмично подпрыгивали два ярких пятна. Программист моментально все понял. Толкнул амбала в плечо:

— Там автомобиль. Рино, за нами кто-то едет.

Рино повернул голову.

— Fucking hell! — выругался великан. — Это наш «туарег».

— Они выскользнули, — то ли спросил, то ли порадовался за третий экипаж Тимур. А потом его голос зазвенел тревогой: — Ведь они правда оторвались?

— Это еще неизвестно, — Рино и Джеро переглянулись. — Думаешь, боты?

— Я не знаю, Рино. — Джеро пожал плечами.

— Кто в этой машине? Какие еще боты? — взвился Тимур. — Что вы несете?

— Заткнись, фелла! — отрезал Рино.

Дорога становилась все более опасной. Попадались сланцевые глыбы: некоторые с грохотом разбивались о приваренные бамперы, каменными брызгами разрывая темноту, другие приходилось объезжать, рискуя влететь в неконтролируемый занос. Скалы стали выше. Над серо-желтой землей поднимались обгрызенные ветром, похожие на термитники островерхие конусы. В любой момент джип мог налететь на препятствие и перевернуться или просто разлететься на осколки, но Джеро не сбавлял скорость.

Внезапно Тимур увидел впереди огни. Сначала появились разноцветные пятнышки, потом между ними протянулись горизонтальные полосы холодного синего света. Тимур догадался, что эти полосы — длинные низкие окна. Друг за другом из темноты возникали очертания мрачных, похожих на огромные коробки построек.

— Ти-Джей, дай мне рацию! — скомандовал Хедхантер. Вообще-то гереро слева от Тимура на языке его племени звали Тжамуаха, но Хедхантер предупредил парня, что пристрелит его, если тот еще хоть раз попросит называть себя полным именем. С тех пор Тжамуаху стали называть сокращенно, по первым буквам имени — TJ.

Щуплый гереро слева от Тимура вздрогнул, нагнулся и, покопавшись, достал из-под сидения рацию. Поспешно, будто она была раскалена докрасна, передал ее боссу.

Хедхантер взял трубку радиотелефона и отчеканил:

— Ндонго, говорит Рино. Ты слышишь меня?.. — Молчание. — Козел, это *твоя машина у меня на хвосте?*

Ответа не было. Воздух наливался свинцом, неумолимо превращаясь в мрак. Рино встряхнул рацию, нажал кнопку и пробасил еще раз:

— Повторяю, это Рино! — Пауза. В ответ тишина. — Донги, сукин сын, у вас все в порядке? Немедленно ответь!

Глухой скрежет и ни единого звука, похожего на человеческий голос. Хедхантер шумно выдохнул воздух и заговорил с явным раздражением:

— Ндонго! Фрэнки! Вы меня слышите? Прием! Если вы меня разыгрываете, черные ублюдки, то по возвращении на базу вам мало не покажется. Как поняли?

Но ни Ндонго, ни Фрэнки никого не разыгрывали.

— Может, они потеряли рацию, — пробубнил Джеро.

— А может, это уже не они, — закончил фразу Рино.

Преследователи наступали на пятки. Джеро выжимал из машины все, на что она была способна, но оторваться не мог. Хедхантер не выпускал из рук залапанную военную рацию. Теперь он вызывал «NGF Lab». Сквозь помехи сначала донеслось равномерное шипение, затем динамик отозвался прерывистым голосом:

— Рино, мы т'бя сл'шим. Г'вори.

— Кто это?

— Эт' Ральф Доэрнберг.

— Ральф, нас атаковали. Возможно, мы потеряли машину Такеды со всеми, кто там был... Ты слышишь, Ральф?

— Что зн'чит «возможно»?

— То, что я в этом не уверен. «Туарег» несется за нами, но мы не знаем, кто в нем. У меня один раненый.

— Понятно, — прохрипела рация, и тут Ральф как будто проснулся: — Они гонятся за вами? Вот черт! Тимур Коршак жив?

— Да, украинец с нами. Как у вас?

— Если ты о ботах, то они не появлялись. Но периметр по-прежнему без напряжения.

— Мне нужно, чтоб вы нас встретили.

— Понял.

— Собери всех, кто может держать оружие и не упадет в обморок от звуков собственных выстрелов, к западной стене корпуса «EN-1». Мы подведем к четвертым воротам. Вытаскивайте парня, а я попытаюсь задержать тех, кто движется за нами... Кем бы они ни были...

— Будет сделано, Рино, — выплюнул динамик и заглох.

— Объясните мне, что в конце концов происходит? — злился Тимур. — Что это за здания впереди? Почему все так озабочены моей персоной?

Хедхантер повернулся к программисту:

— Слушай меня внимательно. От этого будет зависеть твоя жизнь. И не только твоя. Мы подведем к корпусу с правой стороны. В стене будет железная дверь. Сразу выскакивай из машины и рви к ней. Не оборачивайся, не останавливайся, что бы ни происходило у тебя за спиной. Понял?

Великан говорил тяжелым сиплым голосом, и Тимур понял, что сейчас не до расспросов, утвердительно кивнул.

— За дверью тебя ждут. Они все объяснят.

Первое бетонное сооружение было уже рядом. За ним виднелись и другие. На некотором расстоянии от стен зданий, повторяя контуры фундаментов, проходило проволочное ограждение.

— Слышишь, босс, — подал голос Джеро.

— Да? — отозвался Рино.

— Ограждение обесточено, да?

— Да.

— Тогда я рвану сквозь него? Так мы подведем поближе.

— Давай!

Ограждение на какое-то время пропало из поля зрения, а затем вынырнуло, как из-под земли.

— Hold o-o-оп^[39]! — протяжно закричал Джеро и направил автомобиль на сплетенную проволоку. «Туарег» легко, словно зверь, вырвавшийся из ловчей сети, продырявил проволочную ограду. Через

секунду он затормозил в нескольких метрах от стены здания.

— Беги! — приказал Рино.

Сверху ударили лучи прожекторов. Участок вокруг прорыва в ограде залил яркий свет. Тимур растерялся. Стало светло, как днем, после изнурительного мигания неоновых ламп мощные прожектора слепили и сбивали с толку.

Хедхантер выпрыгнул из джипа и распахнул заднюю дверь. Раненый наемник сполз к его ногам. Не обращая на него внимания, Рино схватил Тимура за шкурку и выволок из машины.

— Беги, придурок!

Парень наконец-то очухался и бросился к двери.

Уже через несколько шагов его подхватили чьи-то руки и втокнули внутрь здания. Стальная дверь, усыпанная ровными рядами полукруглых заклепок, клацнув, захлопнулась за ним.

...Тимур оказался в квадратном пустом тамбуре. Его окружали голые стены, на две трети в высоту покрашенные синей краской. По сторонам от входной двери находилось по два вытянутых окна. На противоположной ко входу стене была дверь поменьше с электронным замком (таким, как в гостиничных номерах или каютах круизных лайнеров). Над ней синей краской была сделана надпись «EN-1 BUILDING», а чуть ниже — «GATE 04».

Подпрыгнув, Тимур подтянулся и выглянул в окно.

«Тойота-Тундра» влетела в прорыв ограждения и остановилась, едва не протаранив «туарег». Из нее выскочили Джефффри и Оскар. Чилиец, согнувшись и спотыкаясь на каждом шагу, бросился к двери и начал стучать в нее, просясь внутрь. Джефффри занял место рядом с Рино, Джеро и Ти-Джеем. Укрывшись за машинами, они поджидали третий джип.

И он появился — въехал через дыру в ограде и сразу остановился. Мотор заглох, фары погасли.

Все замерло. Словно кто-то нажал клавишу «pause» на проигрывателе. Только Оскар ныл у двери, просясь внутрь. На него, впрочем, никто не обращал внимания.

— Может, разнести это корыто из гранатомета, пока не поздно? — предложил Джефффри, зная, что кто-то наверняка засел на крыше.

— Нет! Огонь только по моей команде! — оборвал его Рино.

Открылась дверь подъехавшего джипа, и кто-то медленно вышел из машины. Несмотря на яркий свет, трудно было понять, кто это — фигуру заслоняла бронированная дверь.

Вышедший сделал шаг в сторону, покачнулся и упал на колени. По

мешковатому силуэту Тимур узнал Емельянова.

— Не стреляйте! Это Емельянов!

Следом из джипа тяжело вывалился Такеда. С водительского места. Затем, забрызганные кровью, вышли Ндонга и Фрэнки. Третьего африканца, Нахаса, не было.

Хедхантер, держа ружье наизготовку, осторожно подошел к джипу с правой стороны. Команда джипа стояла неподвижно, молча, не щурясь от яркого света. Как зомби. Емельянов был на коленях.

Наконец Кацуро устало пробормотал:

— Кончай спектакль, Рино. За нами никого нет.

Рино, убедившись, что в джипе действительно никого не осталось, неохотно опустил дробовик. Это стало сигналом «отбой». Из двери появились еще люди, окружившие новоприбывших. Они вытащили раненого из машины Хедхантера. Потом помогли подняться на ноги Емельянову и, поддерживая под руки, повели весь экипаж Кацуро в корпус.

Штаерман, всхлипывая, заполз в тамбур и сел на пол под стеной с другой стороны двери.

— Это еще не конец. Они еще вернутся, — хныкал он, не обращая внимания на то, что никто его не слушает. — Сегодня они обязательно придут сюда...

Мимо Тимура, опираясь на провожатых, прошли два африканских наемника и японец. Емельянова вели последним. Собственно, его тащили на руках, поскольку у него подкашивались ноги.

Тимур пошел к нему навстречу и тут внезапно почувствовал — *что-то не так*. Что-то в лицах членов третьего экипажа настораживало.

Он тронул Игоря за плечо:

— Как ты? — спросил по-русски. На языке крутились другие вопросы, но Тимур не спешил с ними.

Емельянов не произнес ни слова. Тимур наклонился, всерьез настроившись разговаривать русского, но вдруг, увидев глаза Игоря, отшатнулся. Такой пустоты он не встречал нигде и никогда. Глаз будто бы не было. То есть они были, но как будто... застывшие. Глаза напоминали два неподвижных стеклянных шарика с разводами кровоизлияний. Казалось, они смотрят не наружу, а внутрь.

— Черт, — выдавил парень.

В следующий момент Емельянов перегнулся пополам, повиснув на руках у сопровождающих, и его вырвало.

Тимур шел вместе со всеми по узкому коридору, освещенному двумя рядами кварцевых ламп. В груди закипала злость. Его втянули в авантюру! Он злился на Штаермана и Емельянова, которые, словно набрав в рот воды, молчали всю дорогу. Злился на Рино за его бесцеремонность, шутки, а особенно за сказанную среди пустыни странную фразу: «Это все твои детки, фелла». Вместе с тем он четко осознавал: его привычный — такой понятный и упорядоченный — мир безвозвратно канул в Лету. Выскользнул из-под ног. Он чувствовал себя беспомощным, как рыбка, вывалившаяся на пол из разбитого аквариума.

Он еще многого не понимал. Но одно знал твердо — здесь, в пустыне, разгорается пожар. И он, похоже, один из тех, кому придется выгребать жар руками.

Новое поколение

С точки зрения обывателя, научные проблемы бывают трех уровней сложности.

Первый, наименее сложный, характеризуется двумя признаками:

- ученые в чем-то просчитались, но пока не подозревают об этом,
- эта ошибка никак не сказывается на повседневной жизни людей.

Прекрасный пример такой проблемы — теория строения атома. Джозеф Томсон^[40] считал, что атом представляет собой однородную положительно заряженную субстанцию, в которую, как изюм в пудинг, вкраплены электроны. Долгое время «пудинговая» теория была общепринятой, пока другой физик, ученик Томсона Эрнест Резерфорд, не доказал ее ошибочность.

По иронии судьбы, Резерфорд проводил эксперимент, который должен был бы подтвердить теорию Томсона о структуре атома. Он взял очень тонкий лист золотой фольги (толщиной в один микрометр, то есть 10^{-6} м, — буквально в несколько атомов) и стал бомбардировать его альфа-частицами (полностью ионизированными атомами гелия). Он наблюдал за тем, куда попадали альфа-частицы, прошедшие сквозь золотую фольгу. В основном частицы вели себя так, как и ожидал Резерфорд, — проходили сквозь фольгу, не меняя (или почти не меняя) направления своего движения. Но чем больше замеров он делал, тем чаще регистрировал странные альфа-частицы, которые отклонились от первоначального направления на 30 — 60 градусов, а некоторые вообще разворачивались на 120 — 180 градусов, то есть летели в направлении, противоположном начальному. Факт отражения нельзя было объяснить в рамках теории Томсона. Это как если бы установленный перед артиллерийским орудием лист бумаги заставил срикошетить вылетающий снаряд. Резерфорд был поражен. Проанализировав результаты своих измерений, он пришел к непростому выводу: Томсон ошибался. Атом — не однородный протонный пудинг с изюминками электронов. Он в основном состоит из пустоты, а в его центре находится микроскопическое по сравнению с размером атома, но чрезвычайно плотное положительно заряженное ядро, которое и отражает попавшие в него альфа-частицы. Размер этого ядра оказался в 100 тысяч раз меньше радиуса атома. Резерфорд предложил свою планетарную модель атома с ядром в центре и облачками электронов вокруг, на которой до появления квантовой теории и основывались представления о строении

вещества.

К счастью, ошибочная теория Томсона не оказала практического влияния на работу тогдашней промышленности или быт людей.

Для того чтобы выявить научную проблему первого (низшего) уровня, нужен ученый с действительно уникальными способностями и интуицией (особенно тогда, когда эксперименты, как это случилось с «атомами Томсона», не сразу проявляют глубинную суть явления). Либо же фантастическое везение.

Научная проблема второго (среднего) уровня возникает тогда, когда неточности, ошибочные теории и неправильные допущения нагромождаются друг на друга (иными словами, когда изучение новых процессов и явлений ведется исходя из неправильной базовой теории). Иногда исследователям просто не хватает базовых знаний, чтобы понять суть того, что получилось из их эксперимента. Примером может служить Большой адронный коллайдер. В нем протоны разгоняются, двигаясь по кругу, затем сталкиваются и разлетаются. Все четко контролируется и фиксируется. Результаты измерений, однако, плохо согласуются с теоретическими формулами. То неизвестно куда пропадут куски вещества, то, доведя до истерики всех теоретиков, исчезнут без следа несколько килоджоулей энергии. Так и перечеркиваются все достижения физики начиная с XVI века.

Данный уровень проблем характеризуется тем, что ученые обычно четко видят расхождения между теорией и практикой (хоть и не понимают, в чем причина). Но и в этом случае нет прямой угрозы для гражданского населения. Чтобы победить проблемы второго уровня, нужны не столько способные, сколько упорные и настойчивые ученые, владеющие конкретными знаниями в данной сфере и готовые днем и ночью долбаться с одной и той же проблемой.

Ну и наконец третий (высший) уровень. К нему относятся ситуации, при которых ученые капитально дали маху, вызвав необратимый и очень опасный эффект, не заметить который просто невозможно. Для этого не нужно быть профессором, доктором наук, аспирантом или отличником средней школы: результат подобной научной проблемы чувствуют на себе *все*. Даже умственно отсталые. Теории, гипотезы и формулы уже не имеют никакого значения. Никого не волнует, что там происходит на молекулярном, атомном или еще Бог весть каком уровне и в чем заключалась ошибка, выведшая ситуацию из-под контроля. Главным становится внешнее проявление, а не внутренняя суть процесса. К третьему уровню можно отнести взрыв на Чернобыльской АЭС или

(давайте постучим по дереву) на нефтяной платформе в Мексиканском заливе. На нормальном человеческом языке такая проблема называется просто — катастрофа.

Как с этим бороться? Первоочередной задачей становится не решение научной проблемы, а устранение последствий, к которым она привела.

Так вот, по состоянию на 15 августа ситуация в пустыне Атакама семимильными шагами приближалась к третьему, высшему уровню научных проблем. Но пока, как обычно бывает, этого никто еще не понимал...

Суббота, 15 августа, 19:40 (UTC –4)

Корпус «DW» исследовательского комплекса «NGF Lab»

Пустыня Атакама

Поднявшись по ступенькам в последний раз, они попали в узкий тамбур, похожий на тот, через который вошли в первое здание, только стены были зеленоватого цвета. Справа возвышались стальные ворота, которые вели наружу, а перед собой Тимур увидел дверь из прозрачного пластика, рядом с которой на стене висело переговорное устройство. Над дверью — темно-зеленые надписи «DWELLING BUILDING^[41]» и «GATE 01».

Вход открывался изнутри. Один из мужчин наклонился, нажал на кнопку переговорного устройства и сказал:

— Кейтаро, это Ральф. Мы возвращаемся.

Створки двери раздвинулись, впуская их внутрь.

Тимур сразу почувствовал, что попал в жилое помещение. Это ощущалось не столько по температуре (зимой в Атакаме не слишком жарко), сколько по влажности. Астенический пустынный воздух, от которого щипало в носу и нестерпимо сушило горло, остался позади. Воздух в блоке был приятный, напоминающий цветочную оранжерею.

Первая комната служила гардеробной. Рядом, судя по аромату, находились кухня и столовая, налево отходил небольшой коридор, упиравшийся в ведущую на второй этаж П-образную лестницу. Справа от гардеробной была еще одна комната без окон с массивной стальной дверью, куда пришедшие сложили дробовики, гранаты и гранатомет АТ4. Один Рино остался при полном вооружении.

— Отведи Тимура и Игоря в их комнаты, — велел Штаерману Ральф.

— А вы займитесь раненым. — Джефффри и Джеро осторожно понесли потерявшего сознание наемника на второй этаж. Ральф повернулся к Тимуру и Емельянову: — Пожалуйста, сдайте мобильные телефоны.

Тимур достал из кармана мобильный и глянул на экран. Вместо названия сети высветилась надпись «поиск», индикатор показывал нулевой уровень принимаемого сигнала.

— Здесь и так ничего не ловит, — заметил парень.

— Извините, но такие у нас правила.

— О'кей, — Тимур вручил свой телефон Ральфу, не имея сил возражать.

Не поднимая глаз, вообще не двигая головой, Емельянов достал из кармана старую «Nokia» и тоже ткнул ее Ральфу.

— Это все? — не отставал Ральф. — КПК, коммуникаторы, смартфоны? Ничего такого? — Он внимательно присматривался к новоприбывшим.

Емельянов не отреагировал. Тимур отрицательно помотал головой. В какой-то миг ему показалось, что Ральф сейчас попросит его вывернуть карманы или вообще обыщет, как перед посадкой на самолет, но этого не произошло. Ральф сдержанно улыбнулся, буркнул:

— Хорошо! — и ушел по лестнице. Ноутбуки не проверяли. Значит, сети вай-фай тут не было.

Оскар Штаерман, избегая прямых взглядов, жестами поманил Тимура и Емельянова за собой наверх.

Он привел их на второй этаж в комнату для отдыха — просторное помещение, застеленное зелеными коврами, где стояли бильярдный стол, три кожаных дивана и стенд с настольным футболом. Под потолком был закреплен проектор, на стене висел экран. Диваны, проектор и экран образовывали кинозал. Дальнюю стену подпирали набитый книгами широкий книжный шкаф. В углу находился кофейный автомат, рядом несколько столиков, на которых стояли неярко горящие лампы.

На всех окнах — задернутые шторы из плотной ткани «под малахит».

— Располагайтесь пока здесь, — Штаерман показал на диваны. — Я пойду проверю, готовы ли комнаты. Скоро вернусь.

Возможно, если бы не усталость и до звона натянутые нервы, Тимур беспокоился бы о том, что наступает на ковер побуревшими от пыли кроссовками. Но сейчас ему было все по барабану. Парень, не разуваясь, завалился на ближайший диван. Спина ныла, в затылке гудела боль, расплавленным свинцом стекая на шею.

Игорь Емельянов робко присел на край соседнего дивана и замер, потупив голову.

В молчании прошло несколько минут.

— Я совсем не чувствую ног, — попробовал заговорить с профессором Тимур.

Емельянов даже не взглянул в его сторону. Выглядел он просто раздавленным.

— Что с тобой? — Тимур приподнялся на локтях, пытаясь взглянуть в глаза Емельянова.

В этот момент вернулся Штаерман. Вместе с ним в комнату вошла невысокая, но весьма фигуристая брюнетка. Первое, что бросалось в глаза: короткая стрижка каре и игривые, подчеркнуто черные чилийские глаза. На ней были темно-синий комбинезон-безрукавка и белые остроносые чешки. Девушка улыбнулась, продемонстрировав умопомрачительные ямочки на щеках.

— Это Ребекка, — представил ее Штаерман, который успел умыться и сменить рубашку. Чилийка снова улыбнулась, подняла руку, взмахнула в воздухе пальчиками. — Она покажет вам ваши каюты, джентльмены.

Тимур поднялся. Да где там — подскочил. Несмотря на смертельную усталость, он ощутил, как внизу живота разлилось щемящее тепло. На мгновение перед глазами появилась Алина, но парень почти бессознательно задвинул ее образ на задворки сознания. Он не хотел после стольких потрясений вытаскивать на поверхность воспоминания о родителях, киевских друзьях или невесте. Сейчас они были невыносимо далеко. Настолько далеко, что их практически не существовало.

— Меня зовут Тимур, — представился юноша. — Soy de Ucraina^[42].

— А я — Бекка, — повторила свое имя девушка.

Энтузиазм Тимура пришелся Штаерману не по вкусу:

— У вас есть немного времени, чтобы принять душ и переодеться. В 20:30 Кейтаро собирает всех нас.

Тимур устало взглянул на Штаермана:

— Чувак, ты же знаешь, как нас трясло в самолете над Атлантикой, я почти сутки не спал.

— Выпей кофе.

— Даже если я выпью ведро кофе...

— Выскажешь все это сеньору Кейтаро. Ребекка зайдет за вами в 20:25 и отведет в зал совещаний.

Тимур, стиснув губы, благоразумно промолчал.

— Идите за мной, — позвала Бекка.

Тимур вспомнил про Емельянова. Он обернулся к дивану, где тот сидел, но тут же отшатнулся и вскрикнул от удивления — профессор стоял к нему вплотную, дыша в плечо.

— Старик, ты меня напугал, — Тимур еле сдержался, чтобы не выругаться.

— Прости, — еле шевеля губами, выдавил Емельянов. Он по-прежнему не поднимал головы, глядя себе под ноги. Тимур немного отстранился.

— Это Игорь, мой товарищ из России, — представил Тимур

Емельянова. — Ну, не совсем товарищ, мы познакомились вчера.

— С ним все в порядке? — спросила девушка.

Мягкий запах духов на секунду вытеснил сонливость. Тимур пожал плечами. Он по-прежнему не знал, что было с Емельяновым в пустыне, через что ему пришлось пройти.

Шагая вслед за Беккой, они прошли несколько коридоров со стеклянными дверями, которые чем-то напоминали офисные переходы какой-нибудь торговой компании, и оказались в другой части блока «DW», где располагались личные комнаты для ночевки. Парень не знал точной формы здания, но догадывался, что все жилые комнаты собраны в отдельном крыле. Здесь было уютно и тихо. Стены покрывала не краска, а зеленая тисненая обивка, на полу был постелен ламинат. Над некоторыми дверьми ярко светились надписи «Emergency exit», но вообще лампы горели тусклым светом, будто готовились вот-вот погаснуть, и едва освещали дорогу.

Ребекка безостановочно что-то говорила, время от времени указывая пальчиком на темные окна, будто не осознавала, что за ними чернота, но на Тимура накатила усталость, он засыпал на ходу и не слушал ее.

Они поднялись на третий этаж и оказались в новом, ярко освещенном коридоре, в который выходили двери с номерными табличками. Над каждой дверью ярко горел полусферический светильник. Все напоминало недорогой мотель. Сходство подчеркивали цифры на дверях.

Ребекка довела их до конца коридора и достала из кармана карточки-ключи.

— Комнаты одинаковые, но можете сначала заглянуть в них и выбрать.

— Мне все равно, — ответил Тимур.

Емельянов промолчал. Тимур взял у Ребекки одну из карточек, на мгновение прикоснувшись к ее пальцам. Ему досталась комната № 306.

— Я прослежу, чтобы принесли ваши вещи, — с улыбкой сказала Ребекка.

Емельянову осталась комната № 303, напротив комнаты Тимура. Он дрожащими руками вцепился в карточку. Тряхнул волосами:

— Где?

— Вот эта, — немного отойдя, показала на дверь Ребекка.

Емельянов несколько раз попробовал попасть карточкой в щель замка, но у него не получалось. Наконец он все-таки вставил ключ, но оказалось, что не той стороной. Подергав ручку, он без каких-либо слов и эмоций вытащил карточку и принялся тыкать ее другой стороной.

Это продолжалось около минуты, потом Ребекка мягко положила руку ему на плечо:

— Позвольте, я вам помогу.

Игорь выпрямился. Тимур опять отшатнулся, заметив бездонную пустоту в глазах.

— Нет, — резко ответил профессор, убрав за спину руку с карточкой. — Я сам.

— Я не об этом. Я еще и медсестра, — продолжила Ребекка, обращаясь к Емельянову. — Вы не против, если я вас осмотрю?

— Не надо, — глухо отозвался Емельянов и повторил: — Я сам! Сам! — голос был слабый, утробный, но полный какой-то недоброй решимости.

— Как знаете, — пожала плечами девушка и отошла на шаг назад.

Профессору наконец-то удалось открыть дверь, и он, не сказав ни слова, исчез в комнате, словно провалился внутрь.

— Не забудьте, — крикнула вслед Ребекка, — в полдевятого собрание. Ваши сумки скоро принесут, и вы сможете переоде...

— Оставь его в покое. Он был в машине, на которую напали в пустыне, — объяснил Тимур.

— Я понимаю, — надула губки Ребекка, а парень подумал, что ни черта она не понимает. Так же, как и он сам. — Такеда, молодой японец, такой же. Еле разговаривает. Но это ничего не меняет. Твой друг должен понимать, что встреча важная...

Тимур мялся, не заходя в комнату. Брюнетка, потупившись, не уходила.

— Тебе еще что-нибудь надо? В комнате есть электрочайник, могу заварить тебе кофе.

— Как ты сюда попала? — спросил украинец.

— По объявлению в газете. Прошла собеседование, подписала кучу разных бумаг, и вот я здесь. Платят хорошо.

— Не боишься?

— Сначала не боялась. Потом, когда это случилось...

— Что *это*?

— Когда они... Я как раз была снаружи, когда они выбрались на крышу своего корпуса...

— Не темни. Кто *они*?

Ребекка опустила голову еще ниже:

— Я не могу сказать. Через час ты все узнаешь сам... Тогда я *начала* бояться, но Кейтаро Рока не разрешил мне уехать.

— Это тот, кого все называют стариком Джепом?

— Да.

— Ты и правда медсестра? — Тимур решил сменить тему.

— Ага, — Бекка бессознательно приосанилась.

— А как там раненый африканец? К сожалению, не знаю его имени...

Ребекка нахмурилась, над переносицей собрались неглубокие морщинки:

— Я не успела его осмотреть... С ним сейчас Алондра... — Она посмотрела Тимуру в глаза. Подумав, пояснила: — Алондра — это девушка Джеффа. Джеффри Такера. Она помогает мне по лазарету. Никто не предполагал, что у меня будет столько работы... Ты же знаешь Джеффри? Зеленоглазый американец. Он тут работает электриком. Вы уже познакомились? — Тимур кивнул. Ребекка нахмурилась еще больше, что делало ее по-своему красивой. — Алондра с самого начала не хотела сюда ехать. Но она единственная, кто остался добровольно. Ни за что не хотела бросать своего Джеффи, а он... он тоже видел то, чего видеть было не надо.

Украинец вздохнул. Щупальца изнеможения обвивали его. Адреналин постепенно уходил из крови, и организм не мог противиться сну. Восприятие реальности обрывалось, сознание будто проламывалось, и слова долетали до него обрывками.

— Думаю, с раненым все будет хорошо. Выживет, — добавила чилийка.

— Я был рядом, когда в него попал камень, — тихо сказал он — Еле втащил его в джип. Он бы выпал, если бы я не удержал его.

— Ты молодец. — Ребекка дотронулась до его плеча, а потом скороговоркой сказала: — Мы ждали. Кейтаро очень на тебя рассчитывает.

Тимур сложил брови домиком, пытаясь вникнуть в суть ее слов. Голос привлекательной брюнетки звучал как сквозь толщу воды.

— Ты ведь сможешь все поправить, правда?

Тимур не понимал, о чем говорит девушка.

— Пока не знаю, — признался он, сконфуженно хлопая глазами.

— Только не убивай их, прошу, — Ребекка вздохнула и посмотрела ему прямо в глаза. — Они все-таки дети.

Она развернулась и быстро ушла.

Из комнаты № 303, дверь которой была полуоткрыта, доносились утробные звуки — Емельянова снова рвало.

Суббота, 15 августа, 20:09 (UTC –4)

Исследовательский комплекс «NGF Lab»

Рино Хедхантер подошел к «туарегу» Такеды. Он собирался осмотреть машину и отогнать ее в ремонтный бокс в инженерном корпусе.

Подойдя к джипу, великан задержался. Невольно вспомним момент нападения. Его собственную машину забросали камнями. Однако из ущелья, где застрял стоящий перед ним «туарег», доносились выстрелы. Их обстреляли, он в этом не сомневался. Но тогда где следы дробы? Рино обошел вокруг автомобиля, внимательно осмотрев листы брони. Затем присел у переднего бампера. В нескольких местах провел пальцем по холодному металлу. Он видел только вмятины и царапины от камней и... больше ничего.

Удивленный, Хедхантер поднялся. Открыл правую заднюю дверцу и заглянул в салон. В ноздри ударил кисловатый запах. «Наверное, так воняет страх», — подумал амбал, но тут заметил остатки блевотины на сиденье и на ковриках. Бровь удивленно выгнулась и поползла вверх. Кого-то стошнило по дороге?.. Рино еще раз обошел «туарег», открыл левую переднюю дверцу и уселся на место водителя. Рука механически потянулась к зажиганию, но... замерла на полпути. Выпучив глаза, здоровяк смотрел на верхнюю панель, упиравшуюся в лобовое стекло. Справа на панели, сразу под стеклом, лежал черный продолговатый предмет. Рино потянулся через салон и коснулся его пальцами. Подтянул к себе. Взял в руку.

Это была рация.

Рино не мог поверить собственным глазам. Четверть минуты амбал сидел неподвижно, глядя перед собой и покручивая черную пластиковую рацию в руках. «Может быть, она все-таки сломана», — подумал с надеждой Рино. Мысленно он почти умолял, чтобы это было так и она не включилась. Он нажал на кнопку запуска. Вспыхнул красный индикатор, а из динамика донеслось потрескивание. Рация работала и лежала на видном месте все время...

Суббота, 15 августа, 20:33 (UTC –4)

Зал совещаний корпуса «DW»

Ледяной душ и чашка кофе привели Тимура в чувство. Но он понимал, что это ненадолго. Мозг отказывался принимать новую информацию, тело постанывало от усталости и требовало сна. Как только действие кофеина кончится, он вырубится. В Киеве сейчас было полтретьего ночи.

Ребекка привела Тимура и бледного, как мертвец, Емельянова на четвертый этаж административного крыла здания. Они вошли в дверь с надписью «Main hall^[43]» и оказались в большой комнате с четырьмя панорамными окнами и длинным эллиптическим столом. Вокруг стола стояли офисные стулья с высокими спинками, на столе — бутылки с минеральной водой и бутерброды. С правой стороны стола возвышался большой LCD-монитор.

Когда украинец и русский зашли, бóльшая часть стоявших у стола офисных кресел была занята. Тут были и Рино, и Такеда. Сядя в одно из свободных кресел, Тимур засомневался — то ли это ему мерещится от усталости, то ли все действительно тайком за ним наблюдают.

Последним в зале появился пожилой японец среднего роста. Быстро, ни на кого не глядя, прошел через комнату к своему месту во главе стола. Тимур догадался, что сухощавый азиат с мигающими глазами цвета гречишного меда и есть таинственный Джеп. Черные брюки, дорогая темно-синяя рубашка; рукава слегка закатаны и открывают худые жилистые руки. На левом мизинце — отрощенный ноготь сантиметра два длиной. Голова почти полностью седая, но короткая прическа с торчащими волосами — совсем как у подростка.

— Добрый вечер, господа, — негромко произнес Джеп.

Все присутствующие, словно покоряясь какому-то безмолвному призыву, поднялись со своих мест. Старый японец обладал природным величием, которому позавидовали бы многие короли, которых за последнюю тысячу лет наплодила человеческая цивилизация. Встал и Тимур.

Кейтаро едва заметно кивнул:

— Садитесь, пожалуйста. — Подождал, пока все усядутся, и затем сам опустил в кресло. — Возможно, мои слова в существующих

обстоятельствах прозвучат неискренне, но я рад вас всех видеть, господа. Рад, что мы наконец-то все собрались, — он говорил взвешенно, на практически идеальном академическом английском, сложив руки на столе. — Для новоприбывших — меня зовут Кейтаро Рока. Я основатель и в течение вот уже двадцати пяти лет бессменный руководитель проекта «NGF». Судя по обстановке, наше сегодняшнее собрание будет недолгим. Но все же постараюсь разъяснить суть проблемы, настолько, насколько это возможно. Перед началом предлагаю всем по очереди представиться, как это делают на научных конференциях, и назвать сферу своей деятельности. Начну с себя. Мое имя вы уже знаете. Когда-то я возглавлял одну из кафедр Токийского университета, — Кейтаро сделал паузу, но так и не произнес название своей кафедры. — В настоящее время занимаюсь нанотехнологиями, молекулярной биологией и программированием.

Передавая эстафету, Джеп кивнул своему соседу слева — самому пожилому из собравшихся, сидевшему с кислым, недоверчивым выражением лица.

— Ральф Доэрнберг, — отрекомендовался он. Единственными его выразительными чертами были высоченный лоб и большие уши. А еще — кожа. Кожа на его лице была серого оттенка, как это бывает у людей с сердечной недостаточностью. — Нейрохимик и нейрохирург. Мне 64 года, я из Виннипега, Канада. Это я в далеком 1984-м году изобрел техносинапс, с чего, собственно, и началась вся эта история. — Канадец резко замолчал, словно испугался, что сболтнул лишнее.

Слева от Ральфа сидел высокий сорокалетний человек в простой клетчатой рубашке с высоко закатанными рукавами. С головой лысой, как яйцо.

— Алан Гринлон, Соединенные Штаты. Я — инженер. Окончил Техасский университет в Остине. Принимал участие в разработке микросхем для управляющих блоков межконтинентальных ракет. Вообще-то я не имею права разглашать эту информацию, но, поскольку мое пребывание здесь санкционировано Пентагоном, думаю, вы имеете право знать. Последние десять лет проектировал системы наведения и группового взаимодействия для истребителей пятого поколения «F-22 Raptor». О вашем проекте почти ничего не знаю. — Алан и вправду ничего не знал. Джефф привез его утром, перед тем как ехать за Тимуром и Емельяновым. — Выполнял для вашего проекта некоторые... гм... странные разработки. К примеру, этот ваш шлем с охлаждением...

— Достаточно, — оборвал его Кейтаро.

Знакомство продолжалось по часовой стрелке.

— Лаура Дюпре. Психиатр, — с ужасным акцентом представилась следующая участница совещания, выглядевшая как стопроцентная француженка. Короткие крашенные черные волосы, темные глаза, вытянутое лицо и чувственные крупные губы, на носу — очки. В свои тридцать она была самой молодой из присутствующих, если, конечно, не считать Тимура. — Я из городка По, это в Пиренеях на юге Франции. Училась в Париже, работала в частной клинике в Тулузе. Специализируюсь на расстройствах психики у детей. Интересуюсь проблемами сознания и подсознания.

Женщина слева от Лауры была гораздо старше француженки. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не чрезмерная худоба и гранитная резкость черт лица.

— Тиана Эмерсон, PhD. Я из Бразилии, родилась в Ресифе, крупном курорте на восточном побережье, в семье богатого фабриканта. Окончила Стэнфордский университет в Пало-Альто, Калифорния; там же окончила аспирантуру. Диссертация была по микробиологии. Академическую деятельность забросила сразу и долгое время работала в частной лаборатории, пока не запретили эксперименты по генной модификации человека. Вернулась в Бразилию. В 1996 году познакомилась с Ральфом, после чего последние восемь лет работаю на «NGF».

Тиана Эмерсон отвечала за все, что касалось генетической коррекции «малышей». Еще до того, как они появились на свет. В течение 1997 года, когда «NGF Lab» превратилась в роддом, она практически единолично господствовала в лабораториях. Правда, в последние пять лет в этом проекте почти не участвовала.

Очередь дошла до сидевшего в конце стола русского, который вцепился в бумажный стаканчик с водой:

— Игорь Емельянов. Профессор МГУ. По образованию математик. Специализируюсь на сетевых системах и пакетной беспроводной передаче информации. — Если бы мертвые могли говорить, они, наверное, делали бы это именно таким голосом.

По другую сторону стола напротив Емельянова сидел полный, красиво причесанный светловолосый человек. Он не был по-настоящему толстым, однако отекающая физиономия красноречиво свидетельствовала, что при неизменном рационе он через несколько лет будет похож на Винни-Пуха. В пухлых пальцах он все время вертел дорогую ручку.

— Стефан Эрмглен, — представился толстяк на правильном английском. — Стокгольм, Швеция. Врач-физиолог. Есть своя клиника в Умеа^[44]. Преподаю в Karolinska Institutet^[45].

Тимур был удивлен, услышав, что толстяк из Швеции. Внешне Эрмглен был полной противоположностью того типажа, с которым ассоциируются скандинавы. Он напомнил Тимуру скорее хоббита, чем воинственного норманна. На самом деле Стефан был шведом только наполовину. По материнской линии он унаследовал немало итальянской и французской крови. Оттуда же пришли скромные габариты и склонность к полноте.

Слева от шведа вольготно расселся Хедхантер, демонстративно отодвинувшись от стола почти к самому окну. Он словно показывал, что не принадлежит к числу ученых.

— Рино, — свысока выдохнул наемник. — Рино Хедхантер, так меня называют. Йоханнесбург, ЮАР, — он остановился и, оскалившись, добавил: — Решаю проблемы разнообразных умников.

Очередь дошла до Тимура:

— Тимур Коршак, Киев, Украина. Программист. Окончил теплоэнергетический факультет Киевского политехнического института. Программирование изучал самостоятельно. Последние шесть лет разрабатываю системы искусственного игрового интеллекта.

Закончив свою речь, Тимур не удержался и зевнул. И уже с открытым в зевке ртом осознал, что все, как зачарованные, продолжают смотреть на него, словно он, у которого столько вопросов, — единственный, кто знает ответы.

— Оскар Штаерман, — коротко представился следом за Тимуром чилиец, отвлекая внимание на себя. — Главный администратор проекта.

Последним отрекомендовался молодой японец, сидевший по правую руку от Кейтаро:

— Кацуро Такеда. Осака, Япония.

Тимур ждал продолжения, но Такеда больше не проронил ни слова.

— Спасибо, — подвел черту Кейтаро. — Итого нас здесь одиннадцать человек. У всех разный уровень доступа к информации. Алан, Стефан и Тимур вообще не в курсе дела. В то же время все вы независимо от уровня информированности внесли свой вклад в проект «NGF». — Кейтаро нахмурился, из уголков глаз на виски расползлись молнии морщинок. — Итак, месяц назад мы начали терять контроль над происходящим, а две недели назад вообще все пошло кувырком... Именно поэтому вы здесь... Каждый из вас, — старый японец по очереди показал пальцем на Алана, Стефана и Тимура, — завтра прослушает вводную лекцию и познакомится с исследовательским комплексом. Сотрудники лаборатории ответят на все ваши вопросы. Сейчас же из-за дефицита времени мы ограничимся тем,

что Ральф коротко изложит суть проблемы.

Джеп сделал приглашающий жест в сторону Доэрнберга.

— Мы занимаемся созданием ботов, — сразу взял быка за рога Ральф.

Тимур вздрогнул. С этого момента он забыл про сон. Строить огромный комплекс посреди пустыни, чтобы писать программы для ботов? Они с ума сошли! Тимур окинул взглядом собравшихся. Сейчас кто-нибудь подойдет к Ральфу, похлопает его по плечу и, расхохотавшись, скажет: «Ну все — пошутили, и хватит». Никто даже не пошевелился. Ральф, глубоко вздохнув (у него точно проблемы с сердцем, подумал Тимур), продолжил:

— Наверное, правильное было бы сказать «растим». Да и термин «бот» не совсем подходит к тому, что мы вырастили. «NGF» расшифровывается как «New Generation Fighter»^[46]. Сначала мы звали наших мальчиков «перспективными боевыми единицами», но потом Вилл Ноланд стал в шутку называть их ботами. Это лишь отчасти соответствует действительности, и ботами в прямом смысле они не являются. — Ральф, лукаво прищурясь, взглянул на Тимура: — Готов побиться об заклад, господин Коршак удивлен.

— Ральф, — не сдержался Тимур, — это значит, что вы создаете роботов?

Канадец запнулся, слегка рассерженный тем, что его прервали. Вмешался Кейтаро:

— Тимур, как программист вы должны разбираться в том, что такое искусственный интеллект.

— В общих чертах.

— Во всяком случае вы должны представлять себе его возможности.

— Безусловно.

— Неужели вы полагаете, что робот может на равных соперничать с человеком?

— Безусловно, нет.

— Вот и ответ на ваш вопрос, — холодно подвел черту Кейтаро. — Мы не занимаемся созданием человекоподобных роботов.

— Военная направленность нашего проекта возникла не сразу, — снова продолжил Ральф. — Наша разработка основывается на нанотехнологиях и использует достижения микробиологии, нейробиологии и программирования. Долгое время мы не могли найти заказчика — большинство корпораций, таких, как «Боинг», «Тойота» или «Дженерал Моторз», отказывались от сотрудничества, напуганные сложностью и высокой стоимостью исследований. Мы уже почти потеряли надежду,

когда с господином Кейтаро связались люди из Пентагона. Мы делали презентацию проекта в отделе перспективных разработок корпорации «Боинг»^[47], о которой услышал один из инженеров «Локхид Мартин». Он не присутствовал лично, поскольку я выступал перед технологами. В то время мы планировали использовать ботов на сборочных конвейерах авиазаводов. Как бы то ни было, инженер заинтересовался. Рассказал боссу, тот доложил в Пентагон. На нас через неделю вышел Вильям Ноланд. Именно он предложил идею военного применения. После длительных переговоров Минобороны дало добро и выделило средства. Поэтому все, о чем я говорю, а также все, что вы здесь увидите и услышите, не должно выйти за пределы лаборатории.

Несколько человек с пониманием закивали. Тимур молчал, внимательно слушая.

— Немного предыстории поможет вам лучше понять суть. — Ральф взял пульт и включил проектор. На экране на стене появилось изображение военного самолета. — Перед вами истребитель пятого поколения «F-22 Raptor». На данный момент — единственный в мире. Это новый самолет, имеющий значительно более высокий боевой потенциал, нежели его предшественники, благодаря малозаметности, сверхманевренности, многофункциональности, возможности вести всеракурсный обстрел целей. У него много свойств, которые позволяют легко побеждать самолеты четвертого поколения, такие, как «Су-27» или «МиГ-29». «Рапторы» умеют действовать роем: могут, например, одновременно атаковать цель и прикрывать друг друга почти без вмешательства пилотов. В других видах вооружения таких примеров хватает: современные танки сами выбирают цель и прокладывают оптимальный маршрут на местности, высокоточное стрелковое оружие, «умные» бомбы. Все прогрессирует. Кроме одного — человека. В войне будущего самое слабое звено — это солдат. Homo Sapiens со своими ограниченными возможностями уже не вписывается в высокотехнологичную среду современных вооружений. Другими словами, дальнейшее развитие систем вооружения упирается не в возможности технологий, а в недостатки солдата — обычного человека. Можно создать еще более быстрые самолеты, совершенную бронетехнику с бóльшим набором функций, но человек будет уже не способен управлять ими. Мы не успеваем за технологиями, которые сами же и разрабатываем. Поэтому по аналогии с истребителем «F-22» появилась идея, приведшая к появлению ботов — «new generation fighters»^[48].



Истребитель пятого поколения «F-22 Raptor»

Тимур ущипнул себя, чтобы убедиться, что он не спит. Несмотря на всю серьезность Ральфа, трудно было поверить в то, что он сказал.

— Сделанные мной и господином Кейтаро открытия позволяют на практике расширить физиологические возможности человека. Думаю, вам известно, что наш мозг использует от 10 до 30% своих возможностей. Нам же удалось установить контроль над процессами в мозге и получить возможность их усиления. Чтобы понять лучше, представьте себе панель с регуляторами, на которой можно настроить чувства, способности, эмоции. Повышать мастерство во всем, что пожелаете. Выведите регуляторы «скорость реакции», «точность оценки ситуации», «количество операций в секунду» на максимум, добавьте «рапторовскую» способность атаковать роем, мгновенно обмениваться тактической информацией, и вы получите примерное представление о том, что такое наши боты. Они не роботы, Тимур. Боты — люди. Пока что — просто подростки. Но с весьма неординарными способностями. Как нам это удалось, вы скоро узнаете...

Ральф увлекся. Говорил мечтательно, отстраненно. Так актер рассказывает о своей лучшей роли или художник описывает свою лучшую картину. А время шло. Тимур не мог не заметить напряжения, проступившего на лицах Рино, Оскара и Кейтаро, тех, кто знал, что готовит им ночь, кто понимал, почему сегодняшнее собрание будет коротким. Ральф пробовал донести суть, но с каждым словом от этой сути отдалялся. Нужно было что-то предпринимать.

Первым прервал Ральфа, как ни странно, швед Стефан:

— Кейтаро, для чего мы здесь?

Ральф осекся.

На микроскопическую долю секунды Кейтаро растерялся, захваченный вопросом шведа врасплох. Если бы Тимур не смотрел в тот момент на японца, он бы этого не заметил.

— Несколько ботов... удрали от нас.

Это был первый и последний раз, когда Тимур видел старого японца оторопевшим.

— Так поймайте их. В чем проблема?

— Проблема в том, что у нас это не получается.

В комнате воцарилась тишина.

— Уже пятнадцать дней не получается, — откровенно добавил Ральф.

В этот момент Такеду вырвало прямо на стол, а в коридоре оглушительно завывала сирена.

XXVII

— Идут, — кратко доложил Рино.

— Откуда? — спросил, не останавливаясь, Кейтаро.

— Сработали три датчика на северо-восточной стороне. Расстояние — 160 метров.

Тимур, не зная, как себя вести, увязался за Джепом и Хедхантером, которые спускались по ступенькам.

Джеп глянул на часы:

— Черт побери, они сегодня рано.

— Знают, что ограды больше нет, — мрачно кивнул Рино.

— Что же теперь будет? — озабоченно спросил Тимур.

Джеп не повернулся к украинцу.

— Похоже, нам всем конкретно надерут задницу, фелла, — выпятив нижнюю губу, прохрипел Хедхантер.

Со всех сторон слышны были топот ног и отрывистые оклики. На лестничной площадке Тимура обогнали два африканца с «ремингтонами». Рино крикнул им вслед, чтобы присматривали за черными ходами, парни что-то ответили и исчезли. После того как сработала сирена, свет в коридорах стал слабее. Тимур едва различал стены.

Рино, Кейтаро и Тимур спустились на второй этаж в коридор, идущий вдоль северной стены здания к спальному крылу. За бетонными перегородками, разделявшими ряд окон в коридоре, притаились чернокожие наемники. Лаура, Оскар и Кацуро спрятались в боковой галерее, ведущей к пожарной лестнице.

Рино бросил взгляд на экран на стене, на который поступали данные с датчиков, расставленных вокруг всей территории комплекса, и замер от неожиданности.

— Что там не так, Рино? — прошептал Джеп.

— Не понимаю, — промямлил Хедхантер. — Они остановились.

— Не может быть. Наверно, не сработал какой-то датчик?

Рино отрицательно помотал головой:

— Там десятки этих датчиков. Все сразу отказать они не могут. Боты не двигаются ни вперед, ни назад. Стоят на месте...

Кейтаро бесшумно проскользнул вглубь галереи. Возле раздвижной двери, открывающей путь на лестничную клетку, нащупал переговорное устройство. Нажал кнопку вызова и обратился к Джеффри.

— Я вас слушаю, — ответил дежуривший в аппаратной зеленоглазый американец.

— Джеффри, включи, пожалуйста, внешнее освещение по северной стороне «DW».

Наверху что-то загудело, и в коридорах посветлело: за окнами вспыхнул свет прожекторов, отблески которого пробивались сквозь стекла. Рино (а за ним и Тимур) выглянул в окно:

— Не вижу, — скрипнул Хедхантер. — Пусть поднимет выше.

— Посвети дальше, — скомандовал Кейтаро, склонившись над переговорной решеткой.

Галерея постепенно погружалась в сумерки — лучи поползли в пустыню, освещая возвышение, подпиравшее проволочное ограждение.

— Никого... никого... Стоп! — крикнул Рино. — Есть!

— Джеффри, оставь так! — Кейтаро отпустил кнопку.

Забыв об осторожности, Тимур перепрыгнул к другому окну и придвинулся к стеклу. Кейтаро подошел и стал рядом с Хедхантером.

С внешней стороны в нескольких десятках метров от обесточенной ограды в пятне ярко-белого света стоял жилистый подросток. В свете прожекторов его глаза горели, как у зверя. Он был похож на циркового атлета, застывшего посреди арены перед началом своего номера. Даже с такого расстояния была заметна грязь на животе и ногах.

— Почему он один? — воскликнул Рино. — Где остальные? Кейтаро, это какая-то подстава!

Японец не ответил. Тимур вытаращил глаза так, что кожа на лбу сморщилась.

— Это и есть ваш бот? — ухмыльнулся, не скрывая удивления, Тимур. Почему все дрожат, как мыши? Трудно было поверить, что этот безусый мальчик может представлять угрозу для двух десятков хорошо вооруженных взрослых людей, укрывшихся за бетонными стенами.

Бросив взгляд на Кейтаро, Тимур отвлекся. Когда он повернулся обратно, малыш уже не торчал в оцепенении. Подросток отклонился назад, поднял над головой правую руку и стал совершать ею ритмичные круговые движения. Он раскручивал... пращу.

Не успел Тимур подумать о древнем орудии для метания, как подросток резко подался вперед, выбросив руку в направлении здания. Еще через мгновение программист осознал: что-то массивное — большое и черное — с бешеной скоростью несется в окно.

Через секунду Кейтаро и Хедхантера как ветром сдуло.

Африканцы, пригибаясь, тоже рванули прочь из коридора.

Тимур тоже инстинктивно отступил. Парень успел отойти на полшага, когда черный предмет попал в окно. Стекло со скрежетом треснуло, посыпались осколки, и неизвестная штукавина упала на пол. Напуганный звоном разбитого стекла, Тимур споткнулся и упал, больно ударившись головой о противоположную стену.

— Все на пол! На пол! — во все горло заорал Хедхантер, отпрыгнув в боковой коридор. — Это может быть бомба!

С дальнего конца коридора, куда юркнули гереро, донеслись беспорядочный топот и грубая брань, потом послышался звук падения чьего-то тела, опять ругательства, и наконец все стихло.

Тимур, вытянув ноги, полулежал на кафеле, опираясь локтями об пол, а головой о стену. Он смотрел на упавший рядом с ним черный предмет и думал, что если это бомба, то ни ложиться на пол, ни бежать нет смысла. Если сюда влетела бомба, он успеет отбежать как раз настолько, чтобы рассмотреть, как его внутренности пролетают мимо него по коридору.

Парень тяжело дышал, чувствуя, как ладони и подмышки покрываются потом.

Но прошло где-то тридцать секунд, а взрыва не было. Тимур пришел в себя и осмелел настолько, что поднялся и осмотрел черный предмет.

— Это камень! — сказал, приглядевшись, Тимур. — Обыкновенный камень!

Лаура, Кейтаро и Ральф опасливо высунули головы с лестничной клетки. Тимур поднялся и опять шагнул к окну. До этого момента он не был по-настоящему напуган. Приключение в пустыне насторожило, но не нагнало страха. Рассказы Ральфа напоминали монологи из фантастических романов и не производили должного впечатления. Зброшенный працей предмет, в конце концов, был просто камнем. Но в тот момент, устремив взгляд в пустыню, Тимур впервые понял, что ввязался во что-то кошмарное.

Светловолосый паренек убегал обратно в пустыню. Вот только бежал он не так, как обычно бегут подростки — он удалялся по зигзагообразной траектории, через равные промежутки времени меняя направление движения на один и тот же угол, ноги при этом двигались ритмично, поднимаясь на определенную высоту. Тимур с ужасом подумал, что пацан движется точно так, как должен был двигаться созданный им для игры бот.

Тимур поднял камень, не задумываясь о том, что делает. Это с какой же силой надо было его запустить, чтобы, пролетев сотню метров, он разбил окно? Бечевкой к нему был примотан клочок темной бумаги.

— Тут что-то есть! К камню привязана записка.

Тимур сдвинул бечевку, вытащил из-под нее и развернул клочок плотной оберточной бумаги. Черной краской, танцующими, как будто детскими, буквами, на бумаге было выведено одно-единственное слово:

H O R T

Парень пожал плечами. Для Тимура эти четыре буквы ничего не значили. Пока ничего не значили.

Тем временем его окружили сбежавшиеся отовсюду ученые.

— Что там? Покажи! Дай посмотреть...

Тимур протянул записку подошедшему первым Ральфу. Увидев надпись, тот вздрогнул и передал записку Кейтаро:

— Как тебе это?

Черты лица канадца заострились. Скользя взглядом по пальцам, сжимавшим листок, Тимур отметил, что у нейрохимика ужасно бледные ногти.

— Хорт? Это невозможно, — поразился Джеп. — Боты не могут этого знать.

Каждый из подошедших (за исключением новоприбывших Стефана, Алана и самого Тимура), взглянув на записку, менялся в лице, словно получил послание от архангела Гавриила вроде: «Чувак, готовься! Завтра я приду по твою грешную душу».

Тимур решил, что такую реакцию вызвал не сам факт того, что боты что-то написали, а *содержание* надписи.

— Может, ваши суперсолдаты ошиблись, хотели написать *hurt*^[49]? — предположил он.

— Они не разговаривают, — серьезно ответил Ральф. — Ни на английском, ни на любом другом языке. Тем более не умеют писать.

— А как же эта цидулка? Вы же говорили...

— Этому их не учили. Не было необходимости.

Пока нейрохимик колебался, говорить ли дальше, вмешалась Лаура Дюпре:

— Нет, они не ошиблись, приятель, — напряженно произнесла француженка. — Не знаю, как они научились писать, но это правильное слово. Хорошее такое слово...

— О чем ты говоришь?

— Так звали твоего предшественника.

— Что? — Тимур удивленно поднял брови.

— Наверное, боты думают, что мы привезли Вадима Хорта...

XXVIII

Воскресенье, 16 августа, 06:02 (UTC –4)

«DW», жилой корпус

Ночь прошла без приключений. Боты больше не появлялись.

Кейтаро Рока, заложив руки за спину, стоял у окна своего кабинета. Эта небольшая комната находилась на четвертом этаже и соседствовала с залом совещаний.

Старый японец, плотно сжав тонкие губы, смотрел, как из-за гор выбиваются первые солнечные лучи, возвращая в пустыню сочные краски. Еще минуту назад и земля, и небо, и горы были серыми, точно их укрывал слой пепла. Но вот — легкая вспышка — из-за зубчатых Анд появляется первый луч, и песок становится золотым, небо наполняется синью, а горы приобретают свойственный лишь Атакаме фиолетовый оттенок.

Джеп не спал всю ночь, донимая себя тревожными вопросами: «Почему боты не пошли на штурм? Они же могли отбить у нас альдостерон. Они же за этим приходили».

Но что-то в глубине души подсказывало Кейтаро, что на сей раз боты приходили не за гормоном. Им был нужен Хорт.

«Они не поняли... — ученый смотрел на темноватое отражение в стекле, с трудом преодолевая желание раскричаться и начать рвать на себе волосы. — Не поняли, что уже убили его...»

Техно-синапс

Воскресенье, 16 августа, 7:25 (UTC –4) «EN-3», третий инженерный корпус

Ребекка разбудила Тимура в полседьмого утра. Напомнила, что у него сегодня ознакомительная лекция. В семь за ним зашел Ральф. Они позавтракали в столовой, и Ральф повел Тимура на экскурсию.

При дневном свете Тимур увидел, что лабораторный комплекс состоял из пяти зданий. Вокруг расстилалась нетронутая пустыня. С северо-запада подступало изрезанное ущельями нагорье. На юге лежал белый солончак (который чилийцы называют *salar*).

Несмотря на раннее время, чернокожие наемники и несколько белых работников «NGF Lab» латали прорванную ограду.

После ознакомления с экстерьером Ральф повел Тимура к невысокому зданию в западной части комплекса, над входом в который синели надписи «EN-3 BUILDING» и «GATE 02».

— Кофе? — предложил нейрохимик.

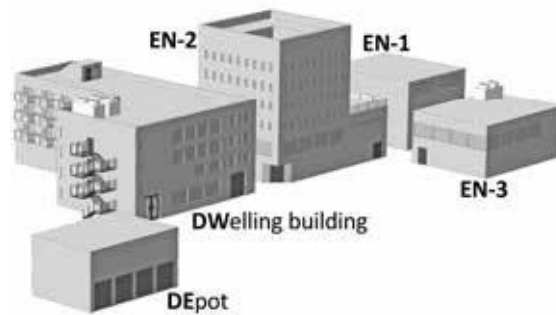
Тимур чувствовал себя бодрым, хоть и мало спал, однако не отказался:

— С молоком, пожалуйста.

Они находились на втором этаже в комнате с большими окнами. Несколько круглых столов, простые стулья. В углу небольшая кухня. Немного напоминало кафетерий в торговом центре. Ральф сделал два кофе, и они с Тимуром сели за один из столиков.

— Сначала немного о комплексе, — Ральф включил принесенный с собой ноутбук. На экране появилась трехмерная модель. Тимур узнал лабораторный комплекс.

— Итак, у нас пять зданий. Вот это, самое маленькое, обозначенное «DE», — просто склад. Здесь хранятся еда, материалы для работы, горючее для генератора. Вот это, где ты ночевал, обозначенное «DW», — жилое. В его южном крыле — комнаты сотрудников, а в центральной части — столовая, комната отдыха с кинозалом, библиотека. На четвертом этаже уже знакомый тебе главный зал и несколько рабочих кабинетов. В подвале «DW» находится генератор, который обеспечивает электричеством весь комплекс, за исключением третьего инженерного корпуса. У третьего своя система питания. Остальные здания — это лаборатории. Сегодня ты в них побываешь.



DEpot (англ. Depot) — склад;

DWelling building — жилой и административный корпус;

EN-1 — первый инженерный корпус;

EN-2 — второй инженерный корпус;

EN-3 — третий инженерный корпус

— И вам удалось все это построить посреди пустыни?

Ральф рассмеялся скрипучим стариковским смехом:

— Официально мы занимаемся проектированием систем жизнеобеспечения для скафандров.

Тимур вдруг вспомнил, что обещал написать Алине по приезду. Она, наверное, уже волнуется и злится.

— Ральф, я могу воспользоваться вашим компьютером, чтобы отправить письмо?

Глаза у Ральфа беспокойно забегали:

— Извини, сети нет. В нынешних обстоятельствах пользоваться Интернетом в «NGF Lab» запрещено.

— Но почему?

— Я не собираюсь это обсуждать. Все вопросы к Штаерману.

Тимур решил не спорить.

— Ты имеешь представление о том, как работает головной мозг?

— Я программист, Ральф. — Тимур слегка пожал плечами и развел руками. — Биологию, честно говоря, еще в школе не любил.

— Следовало ожидать... Работу мозга изучают лучшие ученые уже триста лет. В результате мы знаем все о его строении, микроскопической структуре, о проходящих внутри него химических реакциях. С каждым годом методы измерений становятся все точнее и совершеннее. Но никто, уверяю тебя, абсолютно никто не может объяснить, как он функционирует. Каким образом беспорядочное скопление примитивных клеток создает систему, которая регулирует работу одного из самых сложных организмов в природе? Я молчу о том, что никто и понятия не имеет, как и где зарождается сознание. Стыдно сказать, но ученые XXI века, расковыряв атом вещества настолько, что зашла речь о самоисчезновении материи, не могут с уверенностью сказать, где именно появляются мысли.

— Разве это не очевидно?

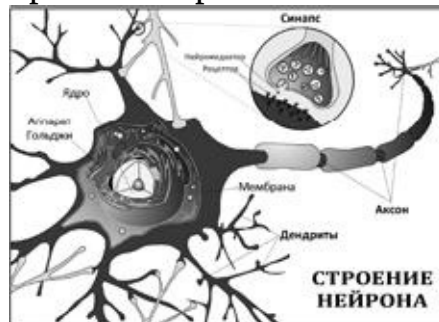
— У нас до сих пор нет ни одного прямого доказательства того, что человек думает мозгом. Ученые постепенно узнавали, за что отвечает каждая часть головного мозга: мозжечок координирует движения, таламус распределяет информацию от органов чувств, гипоталамус отвечает за физиологию, гиппокамп формирует эмоции и память. Но никто не знает точно, где возникают мысли.

Тимур недоверчиво покачал головой. Ральф улыбнулся:

— Разумеется, я не утверждаю, что мы думаем пяткой или ухом, но вполне вероятно, что мысли зарождаются где-то в спинном мозге, а не в коре головного, который, как принято считать, реализовывает высшие нервные функции... Ну, довольно об этом. Напрямую это не относится к предмету нашего разговора. Я должен дать тебе базовые знания о мозге. Без них ты не сможешь двигаться дальше. — Ральф откашлялся, готовясь к длинной лекции. — Нервная система состоит из нейронов — нервных клеток. Всего их в организме человека около 100 миллиардов. Примерно 20 миллиардов приходится на головной мозг. Нейрон состоит из ядра, тела клетки и отростков. — Ральф открыл на экране ноутбука рисунок с изображением нейрона. Каждый структурный фрагмент был подписан.

— Вот смотри: короткие и разветвленные отростки (их у нейрона много) называются дендритами. Длинный отросток (обычно у нейрона он

один) — это аксон. По дендритам импульс приходит в нервную клетку. Дендрит может соединяться с дендритами других нейронов, а также с аксонами и с клетками рецепторов или же принимать импульс от внешних раздражителей. По аксону нервный импульс передается от нейрона в целевую клетку (в мышцу или железу). В начале этого процесса импульсы зарождаются между дендритами, затем, когда их становится много, аксоны выстреливают и передают импульс дальше в целевые клетки, вызывая сокращение мышечного волокна, выработку гормона и прочее. Так мозг управляет *всеми* процессами в организме: дыханием, сердцебиением, пищеварением, движениями, эмоциями, речью. Ученые все знают о механизме передачи импульсов и их воздействии на клетки тканей, но... — Ральф выдержал паузу, чтобы придать больше веса следующим словам: — Они не в состоянии объяснить, *откуда* берутся сами импульсы между дендритами. Ни один нейрофизиолог мира также не ответит на вопрос, как возбуждение дендритов преобразуется в безусловно осмысленный сигнал. Каким образом взаимодействие элементарных клеток позволяет произносить слова, воспринимать абстрактные понятия, координировать движения, планировать, принимать решения?



Тимур скучал. Он предпочел бы поскорее узнать, как Кейтаро и его команда вырастили своих ботов, что такое эти боты и какое отношение к ним имеет код, написанный Тимуром три года назад. У программиста не было желания выслушивать лекцию по нейробиологии. Ральф почувствовал настроение парня.

— А теперь сосредоточься, парень! — недовольно буркнул лектор. — Это важная информация. Так вот, между нейронами существуют так называемые синаптические связи. Синапс — это место контакта между двумя нейронами или нейроном и клеткой, принимающей сигнал. — Ральф сделал небольшую паузу. — За последние двадцать лет основные подходы к изучению мозга исчерпали себя. Абляция^[50], электростимуляция^[51], транскраниальная магнитная стимуляция^[52], магнитно-резонансная томография давно не дают новых знаний. Изучать мозг при помощи этих

методов — все равно что чинить наручные часы молотком и зубилом. Исследователи сходятся в том, что дальнейшее расширение знаний о функциях мозга возможно только в том случае, если удастся объединить дендриты с массивом микроэлектродов. Инструменты должны быть того же масштаба, что и нейроны, и при этом контактировать с максимально возможным числом дендритов. Другими словами, речь идет о создании искусственного синапса, соединении живой и неживой материи на основе нанотехнологий.

— У меня на родине нанотехнологиями считается все, что меньше гаечного ключа на 24 мм, — попробовал пошутить Тимур.

Но Ральф не обратил на это внимания и продолжил:

— В начале 80-х я поступил в аспирантуру Аризонского государственного университета в Темпе. Наша группа под руководством профессора Стивена П. Массиа пять лет разрабатывала идею техносинапса. — Ральф отпил кофе из чашки. — Основная проблема не в том, чтобы соединить органику с неорганикой. Химики давно это умеют. Нам надо было соединить дендрит с материалом, способным воспринимать импульсы и превращать их в сигнал, который мы могли бы зафиксировать.

— И вы придумали, как это сделать?

— Нет, — признался Ральф. — Приклеить дендрит к металлу успели до меня.

— То есть вы украли идею? — Тимур прикусил язык, размышляя, не ляпнул ли он лишнего.

Ральф сверкнул выцветшими глазами.

— Здесь не все так просто, юноша. Эксперименты по созданию нейронных имплантатов продолжаются до сих пор. Сейчас нейрехимики могут намертво «приклеить» дендрит к чему угодно — от обычной стали до чистого золота. Однако все опыты проходят в лабораторных условиях, на отдельно взятой клетке или группе клеток. Но пока — а я за этим внимательно слежу — никто не сумел создать подобное соединение непосредственно в мозге живого человека. Понимаешь, о чем я, Тимур? *Живого человека.*

— А почему?

— А потому что мозг человека — специфическая система. Для того чтобы создать искусственный синапс в голове, сначала надо доставить внутрь мозга нужный материал и катализаторы реакции. Этого можно достичь двумя путями: направить их по кровеносным сосудам в мозг либо же — проделать в черепе дырку. Рассчитывать на то, что пациент добровольно согласится на то, чтобы его череп раскалывали зубилом, по

меньшей мере неразумно. Казалось бы, выход один — разработать агенты, которые с кровью будут попадать в мозг, а там произойдет соединение с дендритами. Вроде бы ничего сложного. Но на самом деле это сложнее, чем отправить Армстронга на Луну.

Тимур постепенно начинал понимать, к чему ведет Ральф.

— В организме человека есть уникальная вещь, называемая гемато-энцефалический барьер, — продолжал нейрохимик. — Его еще в XIX веке открыл Пауль Эрлих. Краситель, введенный им в кровеносную систему крысы, распространился по всем органам и тканям животного, кроме мозга. А в 1913 году ученик Эрлиха южноафриканский хирург Эдвин Гольдман показал, что краситель, введенный в спинной мозг собаки, попадает только в ткани головного и спинного мозга и не окрашивает периферические органы. Благодаря этим опытам ученые узнали о барьере между мозгом и кровью. Этот барьер защищает нервные клетки от микроорганизмов, токсинов, антител, словом, от всего, что может нанести им вред. Он выполняет функцию фильтра, через который в мозг поступают питательные вещества, а из мозга наружу выводятся продукты жизнедеятельности. Часто этот барьер становится помехой медикаментозному лечению, не пропуская в мозг лекарство. Гемато-энцефалический барьер и являлся препятствием для создания техно-синапса.

Ученый перевел дух и продолжил:

— Профессор Массиа делал все правильно, ему удалось сблизить микробиологию и электронику. Но его, к сожалению, интересовала только академическая карьера — конференции, статьи, монографии. — Ральф скроил презрительную гримасу. — Перевод бумаги. Массиа даже не попытался повторить опыты в мозге *живого* человека. Он и шагу не сделал за пределы лаборатории. Несколько раз я намекал, что исследования бессмысленны, если не развивать их, пытаясь вставить чипы в мозг живого организма. Для начала хотя бы обезьяны. Надо мной просто посмеялись... Словом, я защитил диссертацию в начале 1984 года и покинул его группу.

— И вы нашли способ обойти гемато-энцефалический барьер? — догадался Тимур.

— Да. Поэтому я считаю себя отцом техно-синапса. Идея пришла сама по себе. Как все гениальное, она была простой. Тогда я не понимал, что с ней делать, куда двигаться дальше, но точно знал, что смогу протолкнуть микрочип в мозг. Но я не спешил с публикацией результатов, пытаясь найти сферы их применения. Как ни старался, я не мог придумать ни одной актуальной сферы, где можно было бы применить мои знания. Боялся, что,

как только опубликую свое открытие, эти сферы подметит кто-то другой, тут же использует мои идеи, наклепает десяток промышленных патентов и станет миллиардером, а я войду в историю, но умру в нищете.

— Деньги...

— Все в этом мире упирается в деньги, молодой человек. Так что я просто тянул время.

— А как вы пробили этот барьер в мозге?

Ральф отвел глаза. Он молчал почти минуту, после чего весьма неохотно заговорил:

— Я не пробивал, — тут он стал взвешивать каждое свое слово, как на допросе. — Барьер существует в большинстве, но не во всех частях мозга. Нейроны дна четвертого желудочка должны контролировать наличие токсинов в крови, поэтому лишены барьера. Этот желудочек — своего рода ахиллесова пята мозга. Я нашел способ, как попасть именно туда, а затем... — нейрохимик вдруг запнулся. — Впрочем, мы отклонились от темы. Тебе совсем не обязательно так глубоко во все это вникать.

Тимур понял, что Ральф все еще надеется получить за свое открытие Нобелевскую премию, когда эта чертовщина в Атакаме закончится, поэтому не склонен слишком откровенничать.

— Хорошо, Ральф. Я не настаиваю. Что было дальше?

— В 1985 году я встретил Кейтаро.

— И?

— Уйдя из группы профессора Массиа, я оказался без средств к существованию. Кейтаро пригласил меня в качестве ассистента в Токийский университет. Мы быстро сблизились. Понимая, что у меня не хватает опыта для практической реализации техно-синапса, я рассказал Кейтаро о своих идеях. — Ральф Доэрнберг нахмурился. Взгляд стал острым, как осколки вулканического стекла. — Он как раз занимался нанотехнологиями: молекулярным строительством и нанороботами. Помню, как загорелись глаза Кейтаро, когда я выложил ему теорию нейронных имплантов. После разговора чертов Джеп вынудил меня дать обещание не публиковать результаты. С этого все и началось... — Канадец отодвинулся от стола и добавил: — Допивай кофе. Я кое-что тебе покажу, а потом мы продолжим беседу.

Ральф и Тимур спустились на первый этаж. Вошли в какую-то дверь в глубине третьего инженерного корпуса и оказались в глухом помещении без окон. Содержимое комнаты было похоже на демонстрационный зал в выставочном центре. В этом бункере вдоль стен располагались аквариумы со светло-синей прозрачной жидкостью. Между ними висели мониторы. Кое-где стояли стенды со схемами и формулами. В центре комнаты находился металлический короб с раздвижными дверями. Круглые кнопки рядом с ними указывали на то, что это лифт. Правда, непонятно было, зачем он понадобился в двухэтажном здании.

— Это у нас вроде как демонстрационно-музейный зал, — сказал Ральф, нажав выключатель у входа: экраны ожили. — Прежде чем спускаться в лабораторию микробиологии, ты должен кое-что увидеть.

Он подвел Тимура к одному из аквариумов. Вначале Тимур ничего не увидел. Перед ним был параллелепипед из стекла, заполненный прозрачным синеватым раствором, пустой внутри. В подставку аквариума был встроен дисплей с миниатюрной клавиатурой. По дисплею бежали три колонки цифр.

Вдруг жидкость в аквариуме забурлила. Словно кто-то начал перемешивать ее невидимой ложкой. Приблизив глаза вплотную к стеклу, Тимур разглядел движущееся облако, состоящее из крохотных искристых блесток, настолько мелких, что на расстоянии 30 сантиметров их невозможно было рассмотреть. Они напоминали многотысячную стаю черных грачей, мечущихся в предзакатных лучах над городом, если смотреть на них с расстояния в несколько километров. Или огромный косяк рыб, бросающихся в разные стороны, спасаясь от акулы. Только в миниатюре. Облако микроскопических искр то росло, то снова уменьшалось, выпускало «щупальца», завязывалось непостижимыми узлами и пульсировало. Оно перемещалось по аквариуму, порой замирая у стенки. Иногда исчезало совсем, оставляя после себя завихрения на воде.

Перед глазами Тимура танцевали тысячи крошечных серебряных черточек. С каждым новым па он убеждался: что бы ни плясало в аквариуме, оно живое.

— А это еще что такое?

— Рой нанороботов.

— Это робот? — Тимур с недоверием покосился на Ральфа.

— Не робот, а роботы, — поправил канадец. — Микроскопические агенты со встроенным элементом питания и наномозгом или, как его называет Кейтаро, нанопроцессором. В этом аквариуме их около двух миллионов. — Тимур недоверчиво поднял брови. — Размер тела каждого около семи микрон^[53]. Хотя кое в чем ты прав — они функционируют как одно целое, как один робот или организм. По одиночке они не способны ни к чему.

— Невероятно. — прошептал Тимур. — Они как живые.

— Так говорят все, кто их видит впервые.

На мониторе слева от аквариума появилось 3D-изображение существа, похожего на кальмара: выпуклая, эллиптической формы голова, вытянутое тело, оканчивающееся несколькими десятками щупалец в хвостовой части. Некоторые щупальца были тоньше остальных и торчали прямо, как антенны искусственного спутника. Тимур ни за что не догадался бы, как это изображение связано с демонстрационным стендом, внутри которого пульсировало черное облако, если бы не шкала масштаба внизу экрана (одно деление — 1 мкм) и подпись: «Nanorobot NB-1G|V6.0.0.14.)

Модель медленно поворачивалась вокруг центральной оси.

— Одиночный агент? — не веря собственным глазам, произнес Тимур.



3D-модель наноробота

Ральф кивнул. В голове у Тимура сталкивались сотни вопросов, но один был самым важным:

— Так все же — он живой?

— Как тебе сказать, — почесал подбородок Ральф. — Если ты дашь мне адекватное определение *живого*, я тебе отвечу. Люди, животные, птицы — безусловно, живые. А вот бактерии или вирусы? А растения? — Ральф нажал несколько кнопок на клавиатуре у аквариума. Тимур опытным глазом программиста уловил, что цифры в бегущих по дисплею колонках стали меняться в определенной последовательности. А облако сразу приобрело форму идеальной сферы. — Каждый наноробот, —

продолжил Ральф, — состоит из созданных искусственно молекул ДНК. Они не способны к самовоспроизведению. В то же время они питаются, передвигаются, могут выполнять элементарные задачи, на которые их запрограммировали. Наверное, они живые. Во всяком случае, более живые, чем деревья или одноклеточные организмы.

Тимур смотрел на аквариум, посреди которого висел идеальный черный шар, отблескивающий в монохромном освещении. Блестки хаотично метались, но ни одна не выбивалась за границы геометрически правильной сферы.

— Эти нанороботы созданы для работы в составе огромной стаи в вязкой среде, например в крови. — продолжал Ральф. — При отсутствии сильного ветра такой средой может быть воздух.

— А как вы заставили их сформировать шар? — Тимур боролся с желанием засунуть руку в аквариум и потрогать сферу.

— Ты видишь старое поколение. Агенты несут в себе короткий фрагмент кода, который определяет их расположение и поведение относительно смежных агентов. Они перемещаются по принципу косяка рыб. Нет внешней силы, управляющей рыбами. Каждая рыба из группы следит за своими соседями и движется в зависимости от их движений. Когда косяк атакует хищник, сначала уворачиваются ближайшие к нему рыбы, за ними реагируют соседние, и вот через секунду вся стая уже мчится прочь. Нечто подобное и с агентами. Я задаю функцию вида $F = f(x, y, z)$, и рой строит трехмерную поверхность. После команды перестроиться каждый агент анализирует расположение своих соседей и занимает положение согласно формуле.

Ральф склонился над клавиатурой.

— Поверхность может быть насколько угодно сложной, — рой «поплыл», а потом вмиг застыл, сформировав фигуру, похожую на зафиксированный фотокамерой взрыв. — Можно также вводить функцию с четырьмя параметрами, где четвертая переменная — время.

Задав на панели управления формулу, Ральф отошел назад. Рой опять образовал сферу, затем она начала сплющиваться, превращаясь в эллипсоид, эллипсоид вытянулся в цилиндр с закругленными краями, а цилиндр, изогнувшись, соединил торцы в тор («бублик»). Тор снова сомкнулся в сферу, и процесс стал повторяться.

— А где еще можно использовать таких нанороботов?

— Применений масса. Начиная со шпионажа и заканчивая медициной. Японцы планировали использовать нанороботов для борьбы с раком. Введенные в кровеносную систему, они должны были отыскивать и

уничтожать раковые клетки. Такая была идея. Кейтаро как раз руководил этой работой. Но проект, к сожалению, не был доведен до конца. Джем как будто обезумел — целиком и полностью перекинулся на создание ботов.

— А как вы их программируете? Куда компилируется код каждого агента?

— У каждого есть свой мозг, образованный молекулами DRQ (2,3,5,6-тетраметил-1-4-бензокинона). Эта система может работать как микропроцессор. Одна молекула DRQ представляют собой кольцо с четырьмя отростками, которые могут занимать различные положения относительно друг друга. Шестнадцать таких молекул сведены в кольцо, в центре которого находится семнадцатая их «сестра». Вместе они образуют молекулярную машину, способную кодировать в размещении своих частей свыше четырех миллиардов комбинаций. Этого достаточно.

— Ральф, но это... этот рой в реальности реализует агентно-ориентированный подход. Вы воплотили в реальность абстракцию, которая только начинает закрепляться на теоретическом уровне.

Ральф просиял:

— Кейтаро был прав, думая, что тебе это понравится. Еще четверть столетия назад никто об этом даже и не догадывался. Не было самого понятия «разумная туманность». Никто не подозревал, сколько всего можно выжать из этого облака.

Тимур пока не мог до конца разделить его энтузиазм. Он сам работал с подобными системами. Только его агенты были виртуальными — крошечными компьютерными подпрограммами.

— Вы пробовали обучать рой? — спросил Тимур.

Агент программируется достаточно просто: «обнаружь соседа — выясни его состояние — подстрой соответственно свое». Ни на что большее он не способен. Но когда таких элементов набирается миллион, возникает эффект, называемый в программировании *обусловленным поведением*. Большое скопление примитивных программ-агентов начинает демонстрировать сложное поведение, на которое не был запрограммирован ни один из индивидуальных агентов.

— Мы сделали все, чтобы они *не могли* обучаться, — серьезно ответил Ральф. — Их память краткосрочна. Если бы мы наделили их постоянной памятью, они бы уже давно разнесли тут все на куски.

Тимур перевел взгляд на подвижное облако. Ральф подошел к лифту и нажал кнопку вызова. Двери лифта медленно открылись.

— Прошу за мной. Нас ждут более серьезные вещи.

Пока двери лифта закрывались, Тимур не отрывал глаз от аквариума.

Одна мысль не давала ему покоя: «Это же хаос! Классическая хаотическая система, но только не на бумаге или в компьютере, а в реальной жизни!» Занимаясь программированием агентных систем, Тимур быстро понял, что они обладают уникальными свойствами. Они поддаются обучению, могут делать выбор, самостоятельно планировать и выполнять задания. Но есть у них и один важный недостаток: обусловленное поведение в некоторых случаях может полностью выйти из-под контроля.

У хаоса масса проявлений. В быту под хаосом понимают полный беспорядок. Поэтому вполне естественно предположить, что теория хаоса занимается исследованием беспорядка. Редкое предположение оказывается более далеким от истины.

Теория хаоса — это наука о сложных нелинейных системах, поведение которых сильно зависит от начальных условий. Она объединяет в себе математику, физику и философию. Теория не отрицает существование упорядоченных систем. Наоборот, она занимается процессами, внешние проявления которых только на первый взгляд кажутся абсолютно случайными, но на самом деле строго детерминированы, то есть predetermined. С точки зрения такой теории, хаос — это сверхсложная упорядоченность.

Детерминированный хаос пронизывает всю нашу жизнь. Он повсюду: в переменах погоды, в турбулентных потоках в атмосфере, в радиоволнах и колебаниях струн. Человеческий мозг, невероятно сложная сеть из миллиардов нейронов, также подчиняется законам хаоса. Жаль только, что мы не до конца их понимаем.

Пионером теории хаоса стал математик и метеоролог Эдвард Лоренц. Его интерес к хаотическим системам возник случайно, когда в 1961 году он занимался прогнозированием погоды. Математическое описание большинства физических систем реализуется через итерации^[54] простых формул. В формулу подставляется исходное значение исследуемой величины и рассчитывается ее значение в следующий момент времени или в ближайшей точке пространства. Затем полученный результат подставляется в ту же формулу в качестве начального значения, и вся процедура повторяется снова и снова. Лоренц выполнял вычисления на суперсовременной на тот момент вычислительной машине «McBee LGR-30» (вручную проводить итерационные расчеты невозможно). По заданным показателям модель рассчитывала погодные условия для выбранного дня. Лоренц использовал систему из двенадцати дифференциальных уравнений, которые точно описывали атмосферные процессы. Он еще не мог прогнозировать погоду, но поведение модели в целом воспроизводило погодные процессы на Земле.

Однажды Лоренцу понадобилась цепочка данных за неделю, а не для конкретного дня. Экономя время, он оборвал расчеты на третьем дне и

заново запустил модель «с середины», просто введя в компьютер результаты предыдущего этапа. И вдруг оказалось, что результаты первого прогноза погоды, полученного непрерывным расчетом на семь дней, и результаты второго расчета, с использованием промежуточных данных, *разительно* отличаются. Лоренц стал искать ошибку, сначала в расчетах, потом в модели. Но все выглядело правильно.

В конце концов выяснилось, что промежуточные результаты, которые он распечатал и потом снова ввел в машину, были округлены до трех знаков после запятой (к примеру, $+14,873^{\circ}\text{C}$), а при непрерывном расчете машина использовала данные с точностью до шести знаков ($+14,873491^{\circ}\text{C}$). Лоренц не нашел ошибки. Модель была правильной. Разгадка крылась в самой системе. Погода оказалась настолько чувствительной к исходным значениям, что разница в несколько тысячных на второй день моделирования давала кардинально разные результаты. Если сегодня на улице $+14,873^{\circ}\text{C}$, через два дня будет солнечная погода. Если же на самом деле температура $+14,875^{\circ}\text{C}$, то при тех же условиях через два дня окна будут дрожать под натиском штормового ветра.

Так началось изучение систем, поведение которых строго детерминированно, но для их описания нужно было искать новые методы и подходы.

Сегодня теория хаоса широко используется для описания биологических систем, поведение которых наиболее хаотично из всего известного нам. Она применяется при моделировании роста популяций в зависимости от различных факторов, развития эпидемий, отклонений в сердечной деятельности, например аритмии.

Неприметная фраза «сложные системы, чрезвычайно зависящие от исходных условий», затесавшаяся в определение процесса, имеет колоссальное значение. В ней — вся суть. На быденном языке это означает: даже если нам известны все законы и зависимости, определяющие поведение хаотической системы, из-за колоссальной чувствительности к исходным условиям мы не знаем, как система будет себя вести в будущем. Мы можем изменить погоду, можем заставить атмосферу вести себя иначе, не так, как до нашего вмешательства, но мы никогда не узнаем, что будет дальше. Минимальное отклонение в исходном состоянии приведет к тому, что, разгоняя тучи, мы вызовем ураган.

**Воскресенье, 16 августа, 9:06 (UTC –4)
«ЕН-3», третий инженерный корпус
Подземная лаборатория микробиологии**

Двери закрылись. Лифт ускорился и двинулся вниз. Тимур неожиданно понял, что бóльшая часть лаборатории находится под землей. Ральф подтвердил его догадку:

— Нанопроизводство требует особых условий: постоянное давление, неизменная температура и влажность воздуха, минимум света, отсутствие каких-либо микрообъектов — пыли, бактерий, вирусов. Поэтому лаборатория микробиологии располагается на глубине в 27 метров под землей. — канадец задумался. — Не ошибусь, если скажу, что две трети средств, израсходованных на весь комплекс, пошли на строительство этой лаборатории.

Наконец двери лифта открылись. Тимур оказался в тускло освещенном помещении, похожем на раздевалку футбольного стадиона — с идущими вдоль стен шкафчиками для одежды и откидными пластиковыми стульями. Не хватало только бутсов и развешенной на плечиках формы. В противоположном от лифта торце находилась овальная дверь, над которой горела синяя надпись «MULTILEVELED BUFFER AREA»^[55].

Воздух был затхлым, как в подводной лодке. Стены местами облезли. Тимур ожидал увидеть напичканный аппаратурой цех, а оказался в душном погребе.

— Не пугайся. — Увидев выражение лица Тимура, Ральф поспешил успокоить его. — Это не лаборатория. Для того чтобы пройти в производственное помещение, придется проделать несколько процедур, — словно извиняясь, предупредил Ральф. — Раздевайся.

— Не понял...

— Снимай одежду.

— Всю?

— Да, всю.

Подавая пример, Ральф снял кроссовки, джинсы и стал расстегивать пуговицы на рубашке. Тимур нехотя последовал его примеру. Когда дело дошло до нижнего белья, Тимур замялся:

— А трусы?

— Тоже снимай.

— Блин, это обязательно?

Вместо ответа Ральф сбросил свои трусы на пол, представ перед Тимуром в чем мать родила.

— Добро пожаловать в эру нанотехнологий! — фыркнул Тимур.

Пришлось раздеться догола. Ральф подошел к овальной двери и начал вращать колесо запорного механизма.

— Надеюсь, ты догадался, — попутно объяснял он, — что нам с Кейтаро удалось создать живучую модель наноробота, способного перемещаться по организму человека, проникать в мозг и подключаться к нейронам. После того как рой таких нанороботов создаст синаптические связи, они начинают соединяться друг с другом и образуют нечто вроде микропроцессорных плат, покрывающих тонким слоем кору головного мозга. Кейтаро придумал для этого специальный термин — *колония* наноагентов. Но я предпочитаю называть новообразование по-простому — мозговые или процессорные платы.

Открутив колесо, Ральф с усилием открыл массивную дверь:

— Милости прошу в святилище микробиологии, где появляются на свет самые умные в мире нанороботы.

Тимур перешагнул порог и осмотрелся. Помещение, в котором он оказался, напоминало салон широкофюзеляжного самолета, «Boeing-747» или «Airbus-A340». Его разделяли на три части перегородки из прозрачного пластика. Стены сияли ослепительной белизной — казалось, что находишься внутри облака. Ярко светили монохромные лампы. В первых двух секциях пол был решетчатый, под ним — пустота; в третьей — сплошной пол, покрытый белым материалом, похожим на линолеум.

Внезапно прозвучал бесстрастный женский голос:

— ПРИВЕТСТВУЕМ В БУФЕРНОЙ ЗОНЕ ЛАБОРАТОРИИ МИКРОБИОЛОГИИ. ПОЖАЛУЙСТА, ЗАКРОЙТЕ ДВЕРЬ!

Ральф прикрыл дверь и закрутил на ней колесо. Электронный голос продолжил:

— СПАСИБО. ГЕРМЕТИЧНОСТЬ ПОДТВЕРЖДЕНА. ПРИГОТОВЬТЕСЬ!

— К чему приготовьтесь?

Вопрос Тимура заглушил шум: над головой раскрылись два прямоугольных отверстия, и оттуда хлынула ледяная жидкость. Тимур от неожиданности вскрикнул.

— Закрой глаза, — донесся сквозь шум водопада совет Ральфа. — Не

то будет весь день щипать.

Специфический запах, кисловатый привкус на губах и пощипывание на щеках, где после бритья остались микропорезы, говорили Тимуру о том, что сверху льется какой-то дезинфицирующий раствор. Его и Ральфа обрабатывали, словно бродячих собак перед тем, как запустить в приют.

Через несколько минут водопад прекратился, жидкость стекла вниз сквозь решетку на полу. Тимур клацал зубами от холода:

— Эт-то чт-то з-за п-прикол т-такой?

Ральф посинел, как мертвец. Казалось, вот-вот потеряет сознание.

— Нельзя, чтобы в производственное помещение попали микрообъекты. — Канадец отфыркивался. — Ты не представляешь, сколько микроскопического «мусора» на теле человека.

— А ничего менее варварского вы придумать не могли?

Перегородка раздвинулась, и они прошли во вторую секцию.

— Ничего. Сейчас согреешься, — сказал Ральф.

Тимур не догадывался, что эти слова надо понимать буквально.

Пол здесь также был решетчатый. Под решеткой раздался гул. Украинец настороженно посмотрел под ноги, ожидая, что их сейчас начнут поливать какой-нибудь жидкой дрянью, только на сей раз снизу вверх. Вместо этого снизу подул поток теплого воздуха. Мурашки, покрывавшие кожу, исчезли. Поток ускорился, температура его росла. Через полминуты он уже стал обжигать. Тимур прикрылся снизу руками и, тихо ругаясь, начал подпрыгивать.

— Терпи! — крикнул сквозь шум Ральф.

— Ну вас в задницу, Ральф, с вашими новейшими технологиями! — закричал Тимур.

Наконец вентиляторы стихли.

— Прости, приятель. Это крайне необходимо, — пояснил Ральф. — Горячий воздух убивает микробы, сдувает волосы и чешуйки омертвевшей кожи, которые могут все испортить, попав в нанообъект.

Раздвинулась следующая перегородка. Тимур пропустил Ральфа вперед, подсознательно ожидая новой подлости. Вместо этого:

— СПАСИБО, — прозвучал голос. — **ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МИНУТ ВЫ СМОЖЕТЕ ЗАЙТИ В ЛАБОРАТОРИЮ.**

— Расслабься, — выдохнул канадец. — но глаза лучше закрой.

Тимур быстро сомкнул веки. Как раз вовремя, потому что в помещении вспыхнул ослепительный свет. Стены как будто взорвались светом. Даже сквозь закрытые веки Тимур чувствовал нестерпимое сияние. По телу прокатилось приятное тепло.

— Кварцевые лампы, — услышал он голос Ральфа. — Добивают последние бактерии и вирусы.

Яркий свет внезапно погас. Кожа даже поскрипывала от нездоровой чистоты. Тимур стоял неподвижно, боясь открыть глаза.

— Все? — наконец, сердито спросил он Ральфа.

— Да. Это была последняя процедура.

Тимур открыл глаза. Перед ним была снежно-белая дверь, над которой светились красные буквы «MICROBIOLOGY & NANO PRODUCTION»^[56]. Канадец не спешил заходить.

Тимур почувствовал, что у него заложило уши. Его будто закатывали головой в асфальт. Давление на барабанные перепонки нарастало, вызывая боль и легкое головокружение.

— Давит на уши? — поинтересовался Ральф, теребя мизинцем ушную раковину.

— Да, как в самолете при снижении.

— Привыкнешь. Это еще одна из степеней защиты. — Было заметно, что для самого Ральфа поход в лабораторию — нелегкое испытание. — В лаборатории поддерживается давление выше атмосферного, чтобы пыль и другие мелкие частицы не проникали внутрь сквозь микротрещины в стенах. Одна пылинка — и вместо ловкого наноробота получится жалкий калека. О! Мы можем зайти.

Надпись «MICROBIOLOGY & NANOPRODUCTION» загорелась синим цветом. Щелкнул, открываясь, замок.

Следующая комната оказалась не такой яркой. Из настенных шкафчиков мужчины достали комбинезоны, похожие на гидрокостюмы, обувь на пробковой подошве, резиновые шапочки и хирургические респираторы «лепестки». Экипировавшись, как хирурги перед операцией, они подошли к выходу из раздевалки.

Там было два выхода — налево с надписью «OFFICE» и направо с надписью «PRODUCTION PLANT»^[57]. Ральф открыл правую дверь. Тимур сделал шаг внутрь и еще до того, как глаза привыкли к полутьме, присвистнул:

— Офигеть...

Он не ожидал, что попадет в помещение площадью с футбольный стадион или с гигантский театральный зал. Они с Ральфом стояли на металлическом помосте почти под самым потолком на высоте метров сорок от пола. Вдоль стен протянулись металлические подвесные дорожки-мостики. Вереницы ламп разбегались во все стороны и исчезали в темноте.

Но освещали они только дорожки. Большинство машин и механизмов были окутаны тьмой.

— Это уже третья по счету наша лаборатория, — деловито сказал Ральф. — Первая была в Японии, всего несколько комнат. Вторую, побольше, мы построили в Бангкоке.

— Почему в Бангкоке?

— В 1988-м Кейтаро создал первое поколение нанороботов, и мы были готовы начать опыты с приматами. Но нам запретили. Кто-то донес руководству Токийского университета о несанкционированных экспериментах над животными, и Кейтаро уволили. Поэтому мы перебрались в Бангкок и построили в его пригороде небольшой экспериментальный центр. Там уже никто к нам не лез со своей моралью.

— Это не мое дело, но кто финансировал строительство центра? На это вряд ли бы хватило грантов.

Они встали на платформу, пришвартованную слева к помосту. Ральф нажал кнопку на пульте. Раздался жутковатый скрежет тросов, и платформа, покачиваясь, поехала вниз.

— Кейтаро и сам понимал, что с университетом рано или поздно придется распрощаться, и давно искал спонсоров. Даже зарегистрировал компанию, назвал «General Genetics». — Ральф помолчал. — Деньги дало семейство Такеда. Одним из их условий было — с нами вместе должен работать член их клана. Так появился Кацууро.

Ральф остановил платформу метров за пять до пола. На этой высоте над залом расходились в разные стороны дорожки-мостики, огороженные сверху и по бокам металлической сеткой.

— Именно в Бангкоке 24 октября 1989 года Кейтаро впервые ввел порцию нанороботов в живое существо. — Ральф с удовлетворением отметил, как загорелись глаза Тимура. — В восьмилетнего самца шимпанзе по имени Гоблин.

— Хорошее имечко для обезьяны...

— Гоблин не жаловался. Мы купили его у торговцев животными на Филиппинах.

Слева тяжело «фыркнул» какой-то мощный механизм.

— И как все прошло? — Тимур был явно заинтригован этой историей.

— Старика Джепа чуть не хватил инфаркт. Дело в том, что нанороботы настолько малы, что рентген их не видит. МРТ нельзя использовать, поскольку под действием магнитного поля они могут прорвать ткани организма. Проще говоря, наблюдать за ними внутри тела невозможно. Мы ввели рой в сонную артерию и стали ждать. Роботы

должны были соединиться в платы и, как только наберут достаточную массу, послать радиосигнал на специальный приемник. По нашим расчетам процесс должен был занять час и пятьдесят минут. Я думал, Кейтаро за это время сойдет с ума. Мы прождали почти три часа. У шимпанзе поднялась температура, он обливался потом. Мы уже потеряли надежду, когда колония передала свой первый радиосигнал...

Не прерывая рассказа, Ральф вел Тимура по лабиринту висячих мостков. Эхо от их гулких шагов, дробясь и множась, доносилось сразу со всех сторон: снизу и сверху, справа и слева.

— Наноцех может уместиться на ногте твоего мизинца. Все эти машины — вспомогательные: для создания вакуума, сверхнизких температур и магнитного поля. Под нами как раз вакуумная система. Сначала форвакуумный насос. Он предназначен для разреживания газа перед основным насосом. А за ним основной — турбомолекулярный^[58]. — Они свернули на следующий мостик. Эхо снова всколыхнуло пространство цеха. — А это агрегат для получения температур, близких к абсолютному нулю. Охлажденный до температуры в 4 градуса Кельвина^[59] холодоноситель подается в колбы с ассемблерами, где происходит молекулярная сборка.

Ральф шагал дальше, внешне деловито, но со скрытой гордостью демонстрируя экскурсantu наноцех. Он был похож на родителя, который с подчеркнутым равнодушием делится с соседями новостями об успехах сына, в глубине души задыхаясь от счастья.

— Теперь самая интересная часть.

Тимур перегнулся через перила со странным чувством, будто он находится в кинозале на премьере какого-то фантастического блокбастера. Нагромождения насосов и компрессоров сменились аккуратными рядами сферических стеклянных колб на металлических подставках. По земле извивались, как змеи, разноцветные изолированные трубы. Несмотря на тусклое освещение, Тимур разглядел над колбами клубы холодного пара.

— А вот здесь происходит сборка, тебе это интересно?

— Конечно...

— Процесс начинается с доставки материалов. В качестве транспорта используются молекулы антрахиона — $C_{14}H_8O_2$ — вещества, используемого при изготовлении красителей. Мы усовершенствовали разработку Людвиг Бартелса из Калифорнийского университета. Он «научил» молекулы антрахиона двигаться по ровной медной поверхности, а потом еще и подцеплять молекулы CO_2 и транспортировать их на себе. Кейтаро оптимизировал технологию. Наши перевозчики умеют доставлять к месту сборки атомарный углерод, водород, железо и ионы

ОН. — Ральф вытянул руку: — Видишь шары? Их сорок два — шесть рядов по семь колб. Каждая соответствует определенному этапу производства наноробота. Молекулы антрахиона доставляют в колбу строго определенное количество «строительных» молекул, после чего другие молекулы — ассемблеры — собирают их вместе. — Глаза Ральфа затуманились от нахлынувших воспоминаний. — Мы с Джепом провели полгода под землей, работая по восемнадцать часов в сутки, пока не запустили сборочный конвейер. Случалось, мне начинало казаться, что солнца и света не существует. Ты меня слушаешь?

— Да, — на самом деле Тимуру все труднее было сохранять внимание под градом новой для него информации, но он все же спросил: — А что служит ассемблером?

— Наноассемблер — это молекулярный механизм, который, по сути, является куском синтетической молекулы ДНК и может двигаться согласно инструкциям. У него есть отростки — «ручки» и «ножки», которыми он цепляется за другие молекулы. Он берет молекулу-стройматериал у перевозчика, карабкается по собираемой конструкции и ставит ее, как кирпич, на нужное место.

Они подошли к плоскому демонстрационному экрану, точно такому же, как в наземной части корпуса «EN-3». Ральф включил монитор.

— Производство постоянно совершенствуется. Гоблину впрыскивали нанороботов III поколения. Мозговые процессоры ботов сформированы из наноагентов поколения V+ и VI. Сейчас производятся гораздо более продвинутые — поколения «семь-плюс».

На экране появилась модель наноробота. Внизу высветились шкала масштаба и подпись «Nanorobot NB-7 ½ G|V31.1.4.128 with a lipid bio-sheld»^[60]. Последнее поколение отличалось от увиденного наверху. Тело агента было меньше, щупальца — тоньше, но длиннее. Некоторые отростки исчезали за пределами дисплея во время вращения модели. Кроме того, на экране вокруг наноробота вращались бесформные бледно-желтые кружки, часто скрывая его за собой.

— Что это плавает вокруг? — поинтересовался Тимур.

— «Одежда» агента. Его защитный костюм. После сборки наноробот помещается в липидную оболочку^[61]. На экране он обложен видоизмененными липидами, имитирующими поверхность живых клеток. Благодаря этому нанороботы дольше остаются невидимыми для антител иммунной системы организма. В таком виде наши роботы могут три с половиной часа плавать в сосудах, прежде чем иммунная система выявит

их и начнет уничтожать. Таким образом практически все нанороботы, даже «заблудившиеся» до дороге, добираются до цели. Поэтому теперь в мозг попадает до 98% впрыснутых нанороботов. До использования липидной оболочки потери доходили до 40 — 50%. Антитела — еще бóльшая гадость, чем гемато-энцефалический барьер.

— А что было с Гоблином? Что произошло после того, как нанороботы соединились у него в голове? — Тимур сгорал от нетерпения.

— Гоблин стал большим прорывом, но в то же время и большим разочарованием. С одной стороны, мы создали синаптические связи в достаточно большой области на коре головного мозга у здорового примата, не разбив черепную коробку. Сформированная плата стала совершенным измерительным прибором и поставляла нам информацию обо всем, что происходит внутри мозга, с неслыханной точностью. Раньше нейрофизиологи получали такую информацию, только когда на это давал согласие пациент, которому проводили хирургическую операцию на открытом мозге, например, с помощью лоботомии^[62] когда-то лечили тяжелые проявления шизофрении. Сейчас операции на открытом мозге подлежат, скажем, больной с тяжелой формой эпилепсии. При таком вмешательстве пациенту снимают полчерепа, и, пока мозг остается открытым, медики крепят к коре электроды. Таким образом они ищут точки, где зарождаются эпилептические припадки. После обнаружения проводится операция, которая нередко позволяет преодолеть болезнь. А экспериментаторы пользуются случаем, чтобы изучить другие участки. Ставят массивы менее и более чувствительных электродов и по полученным картинкам активности нейронов пытаются понять назначение того или иного участка мозга. А тут в наших руках оказалась технология, которая позволяет получать информацию чуть ли не о каждом нейроне в верхней коре. Это была просто фантастика!.. Каждое утро я просыпался и думал, не приснилось ли мне все то, чего мы достигли... — Ральф опустил подбородок: — С другой стороны... через 29 дней Гоблин умер.

Тимур забыл о жарком костюме и неприятном зуде:

— Но почему?!

— Дослушай... Информация шла бесконечным потоком. Не успевали обрабатывать. Через неделю после введения нанороботов мы начали готовить статью в «Science»^[63]. Статья, несомненно, наделала бы много шума. «Гринписовцы» порвали бы нас на куски, но нам было наплевать. Мы были молодые, глупые и амбициозные... Сейчас я думаю, что тот момент был ключевым. Если бы мы опубликовали результаты

исследований, все сложилось бы иначе.

— То есть статья так и не была опубликована?

— Нет. Когда черновик был готов, Кейтаро впервые подумал об обратном эффекте.

— О чем?

— Как-то вечером Джеп пришел ко мне домой, встрепанный и разгоряченный, и попросил подождать с публикацией. Я спросил, вот как ты: но почему? Мы стояли на пороге революции в нейрехимии и нанотехнологиях. Мы могли стать легендами. Но Джеп ответил, что мы идиоты. Зачем нам пассивно наблюдать за импульсами из мозга, когда, имея прямой доступ к огромному количеству нейронов в коре, можно генерировать импульсы в мозг? Кейтаро решил не просто стимулировать отдельные точки, а создать компилятор, который бы перекодировал команды в четкую последовательность импульсов, заставляя шимпанзе делать, думать и видеть то, что мы хотим, чтобы он делал думал и видел.

Тут Тимур окончательно понял, что боты — это не выдумка и не розыгрыш.

— У вас получилось?

— Не сразу, конечно. Но через три дня мы уже знали, как заставить Гоблина пошевелить пальцами или моргнуть. Мы могли развеселить, разъярить или усыпить его последовательностью импульсов. Кейтаро почти не спал и вел себя как маньяк. На двадцать пятый день после первого введения у него появилась новая идея: если стимулировать определенный участок мозга соответствующими импульсами, шимпанзе заговорит. То есть не заговорит сразу, а получит возможность освоить человеческий язык. Наши платы заменят ему ту часть мозга, которая у людей отвечает за речь. Обезьяна, которая умеет разговаривать сложноподчиненными предложениями, — вот это была бы сенсация! Но для этого надо было втрое увеличить число нанороботов в мозгу обезьяны и... запустить нанороботов в мозг человека, чтобы определить, какие это должны быть импульсы.

— Вам не приходило в голову, что ваши действия вне закона — даже по меркам Бангкока? Или вы нашли добровольца?

— Мы никого не искали. 19 ноября 89-го года, на 26-й день, мы ввели Гоблину еще два роя нанороботов. После того как они подключились к действовавшей колонии, Гоблин сделался очень агрессивным. А еще через три дня умер в страшных муках.

Тимур помрачнел.

— Шимпанзе умер, потому что не мог выдерживать беспощадной

боли, которая разрывала ему голову, — внес ясность канадец. — Хуже всего, что мы не могли ему помочь. А демонтаж платы и обратный вывод нанороботов из мозга не предусмотрены нашей технологией. Мы кололи обезболивающее, стимулировали мозг, пытаюсь уменьшить боль. Все напрасно. Несчастный примат 72 часа без умолку ревел и выл, пока не умер.

— Могли бы усыпить его, варвары, — скорчил гримасу Тимур.

— Кейтаро не позволил. Мы должны были найти способ победить боль, иначе вся программа отправлялась коту под хвост. На то время в голове у Гоблина поселилось чуть больше пятиста миллионов нанороботов. Джеп подсчитал, что для действенного мозгового процессора это число надо довести до двух миллиардов. Короче, мы мучили шимпанзе трое суток, пока он не умер от истощения, но так ничего и не придумали.

— Да, если бы прознали ребята из «Гринписа», точно сровняли бы вашу лабораторию с землей...

— Никто не узнал.

— А что вызвало боль?

— Рой в свободном состоянии занимает немного места. Но, когда формируется плата, ее габариты зависят от расположения нейронов в коре мозга, и расстояние между ними иногда бывает огромным. Сформировавшись, платы становятся твердыми, как сталь. Поэтому вполне может возникнуть ситуация, когда плата начинает давить на мозг, вызывая острую боль... Облегчить которую нам оказалось не под силу... — Ральф опустил глаза. — Когда-то я читал, что римляне придумали особую пытку. Жертву брили налысо, а затем натягивали ей на голову кожаную шапку и крепко завязывали. Не имея возможности пробиться, волосы начинали расти внутрь. Это были адские муки... Наверное, нечто подобное испытывал Гоблин.

Тимур побагровел:

— Честно: если бы «Гринпис» все-таки прознал, я бы не очень о вас грустил.

— Это только начало, — бесцветным тоном заявил Ральф. — Со временем Кейтаро придумал, как решить эту проблему. Во-первых, мы создали следующее, четвертое поколение нанороботов, которые меньше в размерах, а во-вторых, Джеп решил вводить нанороботов в организм младенцев, постепенно увеличивая дозу. В этом случае процесс создания колонии растягивается на годы, но зато череп формируется с учетом уже присутствующих плат и они не оказывают давления на мозг.

Тимур вздрогнул.

— Вы сказали *в организм младенцев*, а не звереньшей?

— Да.

— Ральф... Я не понял... Вы начали запускать нанороботов в головы человеческих младенцев?!

Пожилой ученый развел руками:

— А что нам было делать? Бросить все и продавать китайские телевизоры? Супруги, работавшие у нас лаборантами, усыновили двоих тайских сирот. Мальчиков. Близнецов.

Пораженный Тимур не мог вымолвить ни слова. Канадец невозмутимо продолжил рассказ:

— В момент усыновления им было по полтора месяца. В три месяца им ввели первую порцию. — Ральф не менялся в лице, как будто о погоде рассказывал. — Последующие инъекции мы делали каждые полгода, постепенно увеличивая дозу. Мальчики не ощущали дискомфорта. Мы занимались их обучением и наблюдали, как реагирует мозг. К моменту, когда создание колонии нанороботов было близко к завершению, у нас был готов преобразователь программного кода в электрические импульсы, понятные мозгу. Близнецам исполнилось четыре, когда мы провели первую обратную стимуляцию. Первые же опыты продемонстрировали потрясающий успех: мальчики послушно выполняли все наши команды, как роботы. С тех пор мозг перестал быть единоличным коммутатором импульсов в организме.

— И что было дальше?

— Дети мало спали, и у них развились уникальные интеллектуальные способности. В пять лет они заучивали наизусть целые поэмы и решали дифференциальные уравнения. Все характеристики мозга, способные иметь определенную степень, регулировались. Несколькими нажатиями кнопок мы превращали детей в гиперактивных вундеркиндов.

— Это и есть ваши боты? Ральф вздохнул:

— Нет. Этих маленьких тайцев мы тоже потеряли. В 1996-м году, когда им исполнилось шесть лет, начались проблемы... большие проблемы...

— И что на этот раз?

— Я не знаю. — Ральф почесал голову со сконфуженным выражением лица, как экспериментатор, который перепутал реагенты, а в результате оставил лабораторию без крыши. — Возможно, Джек простимулировал какую-то *не ту* область мозга. — Тимур открыл рот, собираясь спросить, что именно канадец имеет в виду, но Ральф резким движением руки показал, что не хочет прерывать рассказ. — Что-то не то стало прерываться

из мозга. Нечто такое, чего там *не могло быть*. Каждая последующая стимуляция вызывала теперь у детей странные визуальные образы, которые шестилетние близнецы, за всю жизнь считанные разы выходившие за пределы лаборатории, никогда не могли видеть. Откуда-то появились слова, которыми они смогли описывать то, что чувствуют. Джеп обезумел и продолжал раздражать этот участок, желая узнать, чем вызван такой странный эффект. Он называл это «темной стороной». Прошло четыре месяца, и «темная сторона» начала активизироваться самостоятельно. Мы фиксировали необычные импульсы, которые сами по себе стали возникать в их мозгу и рассеиваться по всей голове. Результат был еще более непонятным. Дети начали рисовать драконов, каких-то фантастических чудовищ. Порой говорили странными голосами, произнося длинные, грамматически правильные фразы. Я не знаю, как тебе передать, что мы чувствовали. Меня трясло от страха: шестилетние шкеты, сверкая глазами и хмуря брови, вещают утробным голосом. Иногда они плели тарабарщину. Кейтаро даже предполагал, что это какой-то неизвестный нам язык. Еще через полтора месяца у них стали меняться черты лица. У каждого по-своему. — Канадец долго думал, прежде чем сказать последнюю фразу: — Складывалось впечатление, как будто что-то пробивается сквозь их мозг в наш мир.

— Попахивает мистикой, — скептически заметил Тимур.

— А потом один мальчик убил другого с изощренной жестокостью.

— Что???

— Проанализировав ситуацию, мы пришли к выводу, что причиной неадекватного поведения послужил конфликт между активной частью мозга и мозговыми платами. — Со стороны могло показаться, что Ральф говорит сам с собой. — После убийства второй мальчик сошел с ума — он перестал разговаривать, бросался на всех, рычал. Шестилетний малыш стал агрессивным, как медведь. Через три недели он умер от предельного физического истощения.

— И после этого вы продолжили исследования?

— Да. — Ответ был тверд. — Только на этот раз с применением ЭСТ.

— Что такое «э-эс-те»?

— Электрососудистая терапия. Электрошок.

— Я не понимаю.

— После смерти близнецов мы оказались на грани банкротства. Это были самые трудные времена за весь срок существования проекта. Я и Джеп отчаянно искали спонсоров. Обращались в «Боинг», «Эйрбас», «Тойоту», «Дженерал Моторз». Безуспешно. Но о наших исследованиях

узнали в Пентагоне. Однажды на пороге нашей лаборатории в Бангкоке появился подтянутый сухощавый американец. Это был Вильям Ноланд. С конкретными предложениями, а главное — с конкретными деньгами.

— Объясните, какое отношение к вашим экспериментам имеет электрошок.

— Не перебивай меня. Все по порядку... В конце 1996-го я, Джеп и Кацуро вылетели в Штаты, где выложили все, что имели к тому времени. Немного, учитывая то, что оба эксперимента закончились фиаско. На удивление, этого оказалось достаточно. Сама идея произвела впечатление. После коротких переговоров мы подписали договор с Министерством обороны США. Так появилась «NGF Lab». За несколько дней Кацуро распродал все оборудование в Бангкоке. Американцы стали бешеными темпами строить исследовательский центр в Атакаме. Я надеялся, что лаборатория будет где-нибудь в Неваде, но американцы не хотели иметь лабораторию *такого* толка на своей территории, чтобы в случае чего выйти сухими из воды. Дескать, это не мы, это все японцы... Место выбирали долго. Выбрали Чили — лояльную к США и стабильную страну с огромными пустынными территориями на севере. — Ученый прокашлялся. Разговор утомил его, сердце билось неровно. — Естественно, вложив деньги, Пентагон смог определять направление работы. Это поменяло все. Ему были не нужны разговаривающие обезьяны и дети, решающие дифференциальные уравнения. Военным было нужно то, что мы потом стали называть ботами, то есть группа разумных существ, способных обмениваться информацией в режиме реального времени по беспроводной связи на расстоянии до километра, с мозгами, соединенными в одну сеть. Таким было техническое задание. Для опытов нужна была группа младенцев одного возраста с максимально близкими биометрическими параметрами.

— И где вы их взяли?

— Вырастили с нуля.

— Клоны?

— Да нет. — Профессор снисходительно улыбнулся. — Ты смотришь слишком много фантастических фильмов. Одняйцевые близнецы с оптимизированными генами, выношенные суррогатными матерями. Сперму для них получили от норвежского донора — здоровяка-полярника. Потом Тиана Эмерсон немного поработала с эмбриональными клетками, и в бластоцисты^[64] суррогатных матерей вводились уже генетически улучшенные клетки. Дети родились как раз тогда, когда Кейтаро завершил работу над пятым поколением нанороботов. На десятый день после

рождения мы сделали им первые инъекции. Параллельно я стал применять к ним электрошок.

— Вы пытали новорожденных электрошоком?! — Тимур не считал себя слишком впечатлительным, но это было уже чересчур.

— Я бы не назвал это пытками.

— А как вы это называете?

— Необходимостью. История с тайскими близнецами показала, что активное сознание рано или поздно войдет в конфликт с сигналами, которые посылают мозговые платы. Поэтому надо было каким-то образом подавить активность сознания. Электрошоковая терапия, конечно, не является общепризнанным методом лечения нервных заболеваний, однако ее до сих пор используют в медицине. Правда, у нее есть четко выраженный побочный эффект — нарушение памяти. При разовом применении процедуры память со временем восстанавливается, при постоянном же применении потеря памяти становится необратимой. Чрезмерная сила тока и сверхпродолжительность процедуры усиливают эффект. Мы накладывали электроды на одну сторону головы, а не на виски с двух сторон. Так мозг повреждается меньше, зато больше нагрузки приходится на правое полушарие, которое отвечает за эмоциональность, сексуальность, творческие способности. Оно закладывает основы личности. Без него человек становится похожим на робота. Именно это нам и было нужно. Так что это были не пытки, а производственная необходимость.

Тимур молчал. Услышанное подействовало на него, как электрошок.

— Я люблю находиться под землей. — Ральф задумчиво водил глазами по цеху. — Здесь все просто и спокойно... Если бы не эти проклятые буферные процедуры, я бы здесь жил. — Ральф растянул губы в сомнительном подобии улыбки: — Когда-нибудь они доведут меня до инфаркта. Пойдем. Пора тебе их увидеть.

Тимур не хотел никуда идти и не хотел никого видеть. Но оставаться под землей он не мог, поэтому отправился за Ральфом по направлению к выходу.

**Воскресенье, 16 августа, 10:56 (UTC –4)
Исследовательский комплекс «NGF Lab»**

Они вышли наружу. Солнце припекало. Африканцы заканчивали ремонт ограды. Ральф проверил, как продвигается работа, и направился ко второму инженерному корпусу. Подавленный Тимур плелся за ним.

Войдя в здание, они поднялись на третий этаж.

— В этом здании мы держим ботов. Тиана Эмерсон как-то назвала этот корпус концлагерем «Ясли». Здесь они едят, спят, внутри корпуса расположен двор, где их выгуливают. В левом крыле здания — лаборатория программирования. Раньше там сидели наши штатные программисты.

Внутри «ясли» напоминали тюрьму. Замкнутый коридор тянулся вдоль всего периметра здания. Через равномерные промежутки в него выходили двери из прозрачного пластика. Окон, выходящих во внутренний дворик, в коридоре не было.

— Подходи, не бойся, они заперты.

Тимур шел как сквозь толщу воды. Подойдя к первой камере, он заглянул внутрь. Ему открылась узкая комната с вытянутым в высоту окном. Простая кровать, стул с прямой спинкой и унитаз. Под потолком горела лампа дневного света. На стуле сидел светловолосый мальчик и апатично смотрел прямо перед собой. На вид вполне сформированный. Крепкий, мускулистый.

Тимур заглянул в камеру напротив. Та же картина: похожая на карцер комната и светловолосый мальчик, который сидит, положив руки на колени. Малыши были совершенно одинаковыми. Он заглянул еще в пару дверей. Везде было одно и то же, только один из мальчиков лежал на кровати.

— Они выглядят старше своего возраста, — комментировал Ральф. — Это из-за постоянных тренировок и стероидов. Им только двенадцать, но они уже половозрелые.

Тимур сосчитал число комнат в коридоре. Девять по внешней стене и семь по внутренней — всего шестнадцать. Если такая же планировка в трех остальных участках коридора, то всего на этаже шестьдесят четыре комнаты. Тимур попробовал вспомнить, сколько этажей в «EN-2», но не

смог.

— Сколько же их?

— Шестьдесят.

Тимур прикусил язык. Он не ожидал, что общая численность ботов превышает дюжину. А тут — шестьдесят генномодифицированных существ, которым в мозги насовали наночипов, запрограммировав их на выполнение военных операций, и которые по неизвестным причинам вышли из-под контроля. Господи, во что он ввязался?

Канадец неправильно истолковал молчание. Старый профессор воспринял его как признак недоверия. Как любой человек, говорящий неправду, он подозревал: собеседник интуитивно чувствует ложь.

— Ну, если честно, то шестьдесят пять.

Тимур поднял брови.

— Хорошо, семьдесят, — отведя взгляд, пробормотал Ральф.

— Вместе со сбежавшими?

— А, какая разница, — вздохнул канадец. — Ты все равно узнаешь. Сто пять перспективных боевых единиц. Сто пять чертовых ботов. Сорок два из которых сейчас на свободе...

Если вчера, увидев, что бот — живое существо — двигается точно, как компьютерный персонаж, Тимур по-настоящему перепугался, то сейчас он был просто в ужасе — сорок два хорошо подготовленных бойца, которые вышли из-под контроля, бродят вокруг комплекса. СОРОК ДВА! Не удивительно, что Штаерман так запаниковал по дороге из Антофагасты.

— Правда, один погиб. Его сбил грузовик на дороге, ведущей в Каламу. То есть уже сорок один.

— А зачем так много?

— Я уже объяснял. Таков был заказ Пентагона. Боты разрабатывались не просто как существа, которым можно посылать команды через мозговые платы, а как цельный отряд с коллективным сознанием, некий рой, похожий на эскадрилью истребителей пятого поколения, о которой я говорил вчера. Подумай сам: невозможно реализовать программу, имея под рукой десять, двадцать или даже тридцать подопытных. Этим как раз занимался Емельянов. Он наладил систему обмена информацией в режиме реального времени, связавшую всех малышей в одну сеть. Стукни одного по голове, и об этом узнает вся стая. Информация, которую получит один бот, сразу же станет достоянием всех. Фактически отряд ботов — это единый организм с сотнями пар глаз, рук и ног. При отработке коллективных действий мы использовали твои коды.

— Это я уже понял, — кивнул Тимур.

— Они умеют стрелять из любого оружия. За несколько дней до побега мы стали учить некоторых из них вождению автомобиля. Но неудачно. И еще — они не разговаривают. Совсем. Это побочный эффект использования электрошока.

— Как они сбежали?

— Хороший вопрос. Последние две недели я задавал его себе раз сто в день... Понимаешь, согласно техническому заданию американцев боты должны действовать роем, обмениваясь информацией. Мы достигли этого, создав колонии нанороботов в их головах и объединив их в сеть. Вместе с тем нам известно, что эти колонии не в состоянии нормально функционировать из-за конфликтов с сознанием. Что-то постоянно лезет через них, вызывая разнообразные неадекватные проявления. Мне удалось подавить сознание путем выжигания электрошоком. Это привело к тому, что боты отупели, лишившись элементарных навыков. Пришлось усложнить программное управление. После того как мы внедрили твои коды, долгое время все было о'кей. Но примерно месяц назад они стали вести себя неадекватно. А две недели назад почти половина их сбежала. Ты должен выяснить, почему это случилось. Ты получишь описания всех экспериментов, видеозаписи тестов, все программные файлы и другие материалы. Я буду готов ответить на любые твои вопросы. А пока с тебя хватит. Пошли.

Ральф развернулся и зашагал к выходу.

— Сейчас Кацуро должен вводить в курс дела Стефана Эрмглена — прибывшего вчера физиолога. Мы присоединимся к ним, поскольку есть еще одно важное обстоятельство, которое Стефан объяснит лучше меня.

Ральф привел Тимура обратно в «EN-3», в кафетерий, из которого они отправились на экскурсию. Там их ждали Такеда и Эрмглен. У шведа было характерное для скандинавов слегка отрешенное выражение лица, поэтому трудно было судить, как он отреагировал на рассказ японца. Тимуру показалось, что мешки под глазами физиолога стали немного темнее, но возможно, причиной тому был беспокойный сон ночью, а не история о зверствах, производимых над младенцами в «NGF Lab».

Издали молодой японец и швед походили на двух докторов, которые в перерыве между обходами вырвались на перекур, чтобы поделиться последними новостями. На столике, за которым сидели Такеда и Эрмглен, стояли пластиковые стаканчики с кофе и лежал белый шлем с затемненным прозрачным забралом, такой, как у пилота современного истребителя.

— Приветствую! — помахал им рукой японец. — Берите кофе и присоединяйтесь к нам.

Кацуро и Стефан подвинулись. Четверо мужчин расположились за одним столиком.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Ральф у японца.

— Прекрасно, Ральф. Спасибо. — Кацуро повернулся к Тимуру: — Ну, что скажешь?

— Я просто поражен... — ответил программист.

Такеда выглядел безмятежным, но что-то тревожное поблескивало в его глазах. Тимур заметил, что вместо кофе в стакане у него была вода.

— Чем именно?

— Всем, — прозвучал аморфный ответ.

— Интересно... Интересно... Есть идеи, как уладить нашу... м-м-м... ситуацию?

— Я не могу сказать ничего определенного, пока не увижу код программы для ботов.

— Понятно. Но ты готов помочь?

— Да. — Тимур сдержался и не добавил: «А разве у меня есть выбор?»

— Замечательно! — взгляд Кацуро был отсутствующим. Не хватало чего-то неуловимого, но очень важного. Казалось, вместо глаз стояла стена. Кацуро вертел головой, поднимал и опускал подбородок, а стена не двигалась. — Угощайся печеньем, Тимур. А теперь еще порция

информации, но обещаю — последняя на сегодня.

Тимур пригубил кофе. Японец начал:

— Есть три особенности сбегавших ботов, которые вам нужно знать, прежде чем включиться в работу. Я нарочно рассказываю о них напоследок, чтобы именно их вы запомнили лучше всего... Первая: они действуют только ночью. Могут что-то делать и днем, но их активность падает. Догадываетесь о причине? Нет? Закон сохранения энергии еще никто не отменял. Функционирование мозговых плат, как и всякого процессора, приводит к дополнительному тепловыделению. Обычной циркуляции крови уже недостаточно для их охлаждения. Чтобы мозги бота не закипели, это тепло надо отводить. Перебрав ряд технических решений этой проблемы, мы остановились на следующем. — Японец нажал какую-то кнопку на шлеме и подвинул его к Тимуру: — Его разрабатывал Алан. Можешь попробовать.

Тимур надел шлем. Голову окутала приятная прохлада.

— Искусственное охлаждение, — не удивился Тимур.

— Да. Помимо системы охлаждения, — объяснил Такеда, — шлем содержит прибор ночного видения, карты местности, которые выводятся прямо на стекло лицевого щитка, защиту от осколков и многое другое. Боты могут обходиться без шлема при температуре не выше 22 по Цельсию, максимум до 28 при хорошем обдуве ветром. При более высокой температуре воздуха — перегрев, болевой шок, смерть.

— Вчера они напали еще засветло, — заметил Тимур, снимая с головы шлем с кондиционером.

Японец вздрогнул и потер виски.

— Атака произошла после захода солнца. Кроме того, весь день дул сильный прохладный ветер, что и позволило ботам передвигаться по пустыне...

— Ясно...

— Вторая особенность ботов, — поспешил сменить тему японец, — в обычных условиях их практически невозможно застрелить.

Тимур и Стефан подозрительно переглянулись.

— Это уже слишком, — сказал швед. — Как такое возможно?

— О'кей, — уклонился Кацууро. — я не совсем правильно выразился. В нормальных условиях в бота практически невозможно попасть.

— Чем это вызвано?

— У бота осуществляется непрерывная стимуляция базальных ганглий — части головного мозга, которая отвечает за координацию движений и скорость реакции. Благодаря этому боты способны уклоняться от пуль, так

как их реакция достигла невероятного уровня.

— Уму непостижимо! — воскликнул швед.

— Мы не планировали такой эффект. Сами были поражены, когда его выявили. Три года назад двое ботов набросились на случайно оказавшегося на месте их тренировки лаборанта, приняв его за учебную цель. Лаборант стал палить в них из пистолета с резиновыми пулями, но даже не задел никого. Поначалу мы подумали, что он промахнулся от волнения и неожиданности, но потом провели несколько экспериментов и установили, что если стрелок находится в поле зрения ботов, то они начинают реагировать за доли секунды до того, как происходит нажатие на курок. Запомните: ботов можно подстрелить, но только тогда, когда стрелок *не находится* в поле их зрения. Как боты определяют момент выстрела — неизвестно. Возможно, по глазам, может, они фиксируют малозаметные предварительные сокращения мышц, предшествующие нажатию на курок. Как бы то ни было, зная, куда направлен ствол, они прогнозируют траекторию пули и... успевают уклониться.

— Видимо, с тех пор охрана и стала носить при себе дробовики, — заключил Тимур.

Кацуро даже не пытался скрыть удивление:

— А этот шкет хорошо соображает!

— Да, и многое подмечает, — согласился Ральф.

— Я хочу, чтобы вы усвоили... — Японец колебался. — Они придут сегодня, и... — Он с шумом выпустил из груди воздух: — Поэтому сегодня вы получите дробовики. Я не хочу, чтобы вы тратили патроны, паля во все, что движется. Контролируйте себя. Не покупайтесь на невинный вид ботов — ночью у любого из нас нет против них ни единого шанса. Действуйте с хитростью.

Тимур ощутил, как холодок мерзкой целлофановой пленкой сжимает внутренности. За стенами лаборатории ждала жестокая реальность. Двадцать лет в этих комнатах кипела работа, горстка фанатиков билась над полубезумной идеей, не подозревая, что выпускает джина из бутылки. И теперь снаружи бесится результат. Результат, с которым помимо воли придется контактировать.

— А откуда такая уверенность, что они придут? — перебил Тимур.

— Они приходят каждую ночь с тех пор, как сбежали.

— Но почему?

— У нас есть то, что им нужно. Собственно, это третья особенность, о которой вам следует знать.

— И что это? — Тимур придвинулся поближе. На секунду его

внимание снова привлек пластиковый стаканчик японца, в котором была просто вода. Почему вода? Почему не кофе?

— Гормон альдостерон. Боты будут приходить, пока не получают его. Без него им крышка. — Такеда перевел взгляд на шведа. — Стефан, расскажи дальше ты.

Стефан Эрмглен по-мальчишечьи вытер руки о рубашку и фальшиво откашлялся.

— Среди болезней человека есть эндокринное заболевание под названием болезнь Аддисона. Это заболевание, при котором в надпочечниках снижается выработка необходимых для жизнедеятельности организма гормонов, в частности альдостерона. Обычно болезнь Аддисона развивается медленно, в течение нескольких месяцев, иногда лет. — Эрмглен преодолел смущение и заговорил уверенно. — Симптомы могут оставаться незаметными и не проявляться, пока не произойдет какой-либо стресс или же человек подцепит болезнь, повышающую потребность организма в глюкокортикоидах^[65].

— Без фанатизма, — мягко прервал его Кацуро, — ты не на научной конференции.

— О'кей, простите. Симптомы болезни Аддисона — мышечная слабость, пониженное давление, тошнота, боли в желудке, иногда депрессия. Но в отдельных, редких случаях симптомы могут возникать поразительно быстро. Такое состояние характеризуется острой недостаточностью коры надпочечной железы и называется аддисонический криз: внезапная боль в животе и спине, диарея, приводящая к обезвоживанию организма и развитию шокового состояния, резкое падение давления, психические расстройства. Затем происходит коллапс сердечно-сосудистой системы. Если не принять срочных мер, больной умирает. У меня все.

Такеда продолжил:

— При создании объекта повышенной опасности, к примеру АЭС или подводной лодки, всегда предусматриваются меры безопасности на случай так называемой МПА, максимальной проектной аварии. Понимая, что объект наших исследований несет в себе потенциальную угрозу, Кейтаро тоже позаботился о мерах безопасности. Максимальной проектной аварией в нашем случае являются отказ ботов подчиняться командам и бегство. Именно то, что и произошло. Кейтаро рассматривал такой вариант. Так что в зародышевых клетках будущих ботов был приглушен ген, который отвечает за производство альдостерона. Кора надпочечной железы ботов не вырабатывает гормон. С самого рождения «малыши» должны постоянно

получать его извне. Без этого они погибнут.

— То есть если их не поймать, боты через какое-то время умрут? — спросил Тимур.

— Абсолютно точно. Инъекция альдостерона должна производиться раз в 29 дней. Следующая запланирована на 24 августа. После 24-го у нас есть еще три дня. Если до 27-го мы не вернем беглецов и не введем им гормон, мы потеряем 40% популяции. Тимур, я хочу, чтобы ты принялся за работу уже сегодня.

— Одиннадцать дней... — быстро сосчитал Тимур.

— Должен постараться.

XXXVII

После совещания Тимур и Ральф возвращались в жилой корпус.

— А что будет, если я вдруг не справлюсь?

— Ты слышал: в худшем случае боты передохнут, как мухи, из-за аддисонического криза. Однако это недопустимо. Миллиарды долларов вылетят в трубу. У нас нет денег, чтобы вырастить еще одно поколение... Тебе, может быть, все равно, но меня и обоих японцев сотрут в порошок.

Задавая вопрос, Тимур хотел узнать, что будет с ним, если он не справится или не захочет справиться. К счастью, канадец его не понял. Опомившись, парень решил пока что не поднимать эту тему.

— И последнее.

— Я слушаю.

— А кто такой Хорт и для чего он нужен ботам?

Ральф выдержал длинную паузу.

— Вадим Хорт — это программист, тоже украинец. Тоже работал над проектом. Вместе с материалами по ботам ты получишь его резюме и автобиографию.

— Он здесь? — Мысль о встрече с соотечественником несколько оживила Тимура.

— Нет... — ученый смутился. — Не рассчитывай на Хорта. Вадим погиб...

Внутри все провалилось.

— Как?!

— Во время вылазки в пустыню. Он первый погнался за убегающими ботами...

— Но если боты убили Хорта, почему они требуют его позвать?

Канадец остановился и опустил голову, прикрыв ладонью губы и подбородок — совсем как роденовский Мыслитель.

— Не знаю, Тимур. Мы понятия не имеем. С момента бегства боты немало удивляли нас, но именно это волнует меня больше всего.

XXXVIII

Воскресенье, 16 августа, 13:18 (UTC –4)

«DW», жилой корпус

— Я тебя искал, — Штаерман походил на манекен, вырезанный с обложки журнала «Forbes» и выставленный в пустыне Атакама: костюм-двойка, начищенные до блеска туфли, аккуратно уложенные блестящие черные волосы. Не совсем уместный здесь манекен.

— Я тоже, — не растерялся Тимур.

— Что? — удивленно прищурился чилиец.

— Ничего, Оскар. — Что-то внутри подсказывало парню: держи язык за зубами. — Зачем я тебе?

— Ральф тебе все рассказал?

— Все, что считал нужным.

— И что ты об этом думаешь?

«Я думаю, что вы не лучше фашистов и все до одного кончите международным судом, после чего вас зажарят на электрическом стуле до хрустящей корочки».

— То, что вы сделали, поражает. Это настоящий прорыв.

— Я не так глуп, украинец, — снисходительно улыбнулся Штаерман. — Чтоб ты там ни надумал, помни: ты обязан выполнять свою работу. Бежать отсюда некуда. Мы в дикой пустыне, амиго, где нет ни морали, ни милосердия или справедливости. Сотни людей сдыхали в здешних песках, проклиная день, когда сюда попали. Я не хочу, чтобы ты стал одним из них. В мои обязанности входит следить за тем, чтобы информация о проекте «NGF» не выходила за пределы внешней ограды, поэтому я официально предупреждаю тебя...

В коридоре показались Ребекка и Алондра, народ подтягивался в столовую на обед. Бекка помахала Тимуру рукой. Парень легкомысленно кивнул в ответ.

— Подойди сюда, — недовольный тем, что его прервали и нарушили серьезность момента, Штаерман подвел Тимура к выходившему на юг окну. — Видишь вон тот холмик? — Сразу за жилым корпусом располагалась спортплощадка, за ней виднелся полуметровой высоты холмик. — Там зарыт индийский программист, который наотрез отказывался работать и упорно требовал разорвать контракт.

Внешне Тимур сохранял невозмутимость, раздумывая: блефует чилиец или нет?

— Забудь о контракте, Тимур, — продолжал чилиец. — Ты получишь деньги, только если будешь делать, что прикажут, и не будешь совать нос туда, куда не надо. Главное, что я хочу до тебя донести: ты уедешь отсюда не тогда, когда ботов поймают, и даже не тогда, когда беглецы умрут, а только тогда, когда я тебе позволю. Понял?

Тимур поднял на Штаермана глаза и искренне сказал:

— Мне нужен Интернет.

— Ты что, не понял?! — взбесился Штаерман. Он утратил самообладание. Злился, хотя злиться должен был бы Тимур, и это раздражало его еще больше. — Ты что, деревянный наполовину?! Я кому все это говорил?

— Я просто хочу написать своей девушке, что благополучно добрался до места. Я обещал ей, — парень валял дурака, что еще больше раздражило чилийца.

— Да пошел ты, и твоя девушка вместе с тобой! Кейтаро запретил любые контакты с внешним миром, пока ботов не поймают!

— Ты можешь стоять рядом, пока я буду писать письмо. Я переведу весь текст на испанский в «Google translate».

— Иди ты на-а-а хрен! — Оскар уже кричал. — Ты идиот! Еще раз услышу от тебя что-то подобное, клянусь, ляжешь рядом с индусом.

— Как ты думаешь, стоит обсудить твои угрозы с Кейтаро? — Тимур решил сыграть ва-банк.

Штаерман побагровел, но вынужден был промолчать. На висках пульсировали вены.

— Не кипятись, — Тимур изобразил беззаботность, хотя внутри все кипело. — Я тебя понял. Буду иметь в виду. А теперь пора обедать. — Он повернулся к Штаерману спиной.

«...Когда я тебе позволю» еще долго звенело у него в ушах.

— Посмотрим, как ты заговоришь, когда настанет время покидать «NGF Lab», — прошипел ему вслед Штаерман.

Чилиец не мог знать, что когда придет это время, его уже не будет в живых.

Воскресенье, 16 августа, 19:21 (UTC +2)

Киев, Украина

Сжав губы, Алина поглядывала на телефон. Мобильник настырно подпрыгивал: извлекал из корпуса неприятные зубодробильные звуки и, дергаясь, двигался по столу.

Не ответить в третий раз она уже не могла.

— Да, мама, слушаю.

— Ну, наконец-то! Слава Богу, дочка! Как ты там?

— Все хорошо, мама.

— Хорошо?! Это правда, что мне рассказал папа?

Все острые проблемы Алина сначала обсуждает с отцом. Он реагирует более спокойно и передает информацию маме в адаптированном виде, спасая ее сердце от инфаркта.

— Я не знаю, что он тебе рассказал.

— Что этот козел тебя бросил и свадьба... — В трубке послышался скрежет зубов. — И свадьба отменяется.

— Тимур — не козел. Ему предложили прекрасную работу, и он был вынужден на два месяца уехать в Южную Америку. Свадьба не отменяется, а переносится на... на октябрь. — Девушка едва сдерживалась, чтобы не бросить трубку. Впереди ее ждало море пустых фраз.

— Алина, не выгораживай его! Они все такие! Я больше тебя пожила, я знаю! Знаю! — Опять яростный скрежет зубов. — Никуда он не уехал, я уверена. Валяется сейчас в обнимку с какой-то шлюхой. Сволочь!

— Мама, прошу тебя... Я сама проводила его до самолета.

— Ну и что? Это ничего не значит! Как это — бросить невесту за месяц до свадьбы? Даже если миллионы предложили, где это видано?.. Стоп. Ты провожала его в аэропорт?! Ты сама виновата. Носишься с ним как с писаной торбой, а он плюет на тебя. Убила бы этого козла! Тетя Галя сразу сказала, что все программисты — все дебилы. В головах — одни формулы дурацкие. И дети от них страшные рождаются.

Алина не отвечала, надеясь, что так мама быстрее успокоится. Эффект получился противоположный.

— Алина, дочка, что ты молчишь? С тобой все в порядке? Хочешь, я приеду к тебе? У тебя есть валерьянка?

— Мама, мне не нужна валерьянка! Я не пью успокоительного! У меня все нормально!

— Я приеду.

— НЕ НАДО.

Мама многозначительно вздыхала в трубку:

— Ты, главное, не переживай. Поплачь — это помогает, но забудь про этого скота. Глаза бы мои его не видели. Он тебя не стоит. А со свадьбой я сама разберусь.

Тут уже Алина не вытерпела:

— Извини, у меня входящий звонок. Это по работе. Нужно ответить.

— Какая работа? Сегодня же выходной.

Алина прервала разговор. Ей было тяжело спорить с матерью, защищая Тимура. Обычно ей легко удавалось переубедить мать. В этот раз аргументов было маловато, но разве женщины пользуются аргументами во время спора? Однако девушка так и не заступилась за него по-настоящему. Она просто не смогла. Он так и не написал ей ни строчки.

С утра Алина просматривала новости в Интернете, боясь натолкнуться на сообщение об авиакатастрофе или исчезновении самолета. Это единственное, что могло оправдать ее любимого. Наступил вечер, она ничего не нашла. С одной стороны, это радовало, а с другой — означало, что самолет благополучно приземлился в Сантьяго-де-Чили, а Тимур за сорок восемь часов так и не дал о себе знать.

Алина чувствовала себя так, как будто ей перевалило за восемьдесят лет: слабая, апатичная, равнодушная. Из-за этих чувств она ненавидела себя. Обида и ненависть подступали к горлу, понемногу выплескивались и лились на Тимура. А он не отзывался. Может, мама права и он действительно решил порвать с ней таким дебильным способом? Кто их знает, этих программистов?

Но в тот вечер Алине все же удалось заснуть, потому что в глубине души она надеялась, что утром обнаружит кучу мейлов от Тимура, не пришедших вовремя из-за проблем в сети. Или он позвонит. Или...

А тем временем мама Алины Алла Федоровна не сидела сложа руки. Четыре года назад, когда ее дочь уже встречалась с ненавистным программистом, за Алиной некоторое время ухаживал сын ее сотрудницы Денис — молодой и перспективный юрист Киевского горсовета. Небольшой недостаток в виде непропорционально толстого зада Дениса компенсировался рядом существенных преимуществ: новеньким кроссовером «Mazda CX7», двухкомнатной квартирой в центре города, несколькими миллионами гривен на счету и умением обходиться с

тонкокожими, слезливыми мамашами. Серьезный, респектабельный молодой человек, уверенно плывущий по жизни. Как бревно.

Для Аллы Федоровны Денис сразу стал кандидатом в зятя номер один. Но Алина после первого же свидания отшила юриста. Он же, серьезно запав на девушку, стал засыпать ее цветами и подарками. Пока не нарвался на Тимура. Все обошлось относительно мирно, но Тимур еще долго ворчал на Алину.

Алла Федоровна достала записную книжку. Она не осилила искусство записи телефонных номеров в память мобильного, а потому до сих пор пользовалась блокнотом. Записная книжка — это немного старомодно, зато надежно. Она нашла и набрала нужный номер.

— Денис? Денис, здравствуйте! — Она сделала голос послаще. — Это Алла Федоровна, мама Алины. Простите, что беспокою... Да, да... Ой, спасибо! У меня для вас интересная новость...

Тупик

Воскресенье, 16 августа, 14:48 (UTC –4)
«EN-2», второй инженерный корпус

После обеда Ральф снова пригласил Тимура во второй инженерный корпус. Они миновали «ясли» и пошли прямо в лабораторию программирования. За раздвижными дверьми (с надписью «PROGRAMMING LAB») скрывалось просторное помещение, заставленное рабочими станциями и другой «тяжелой» аппаратурой.

— Это и есть лаборатория программирования? — Тимур огляделся по сторонам.

— Да, — закрывая дверь, сказал ученый.

— А там что? — Вдоль стены в глубине лаборатории стоял ряд кресел с фиксаторами для рук и ног. Над некоторыми висели бочкообразные шлемы, похожие на те, что используются в парикмахерских для сушки волос.

— Магнитные стимуляторы. Дополнительные методы влияния на ботов. Если бот справился с поставленной задачей, то мы сажаем его в кресло без колпака и подаем электроимпульс в центр удовольствия^[66] в мозге. Если же задание выполнено плохо, мы сажаем его в «кресло искупления».

— И что происходит?

— На голову действует магнитное поле. Не такое, как в томографе, но все же довольно мощное, которое заставляет вибрировать платы из нанороботов. Между собой нанороботы сцепляются и расцепляются, но от дендрита оторваться не могут, и бот чувствует адскую боль.

— Но зачем наказывать? Разве вы не полностью их контролируете?

— Не совсем. С некоторого времени примерно в 15% случаев боты отказываются выполнять даже элементарные команды. Сигнал управляющей программы приходит в мозг, но бот каким-то образом блокирует его и не подчиняется. Причину мы так и не поняли. Бывает, после десяти успешно отработанных упражнений бот вдруг упрямится и не хочет выполнять точно такое же одиннадцатое. Поэтому мы и решили применить дополнительную стимуляцию.

Тимур отвернулся, чтобы Ральф не увидел выражение его лица.

— Садись вот здесь. — Ральф подключил к компьютеру переносной

жесткий диск. — Я подготовил необходимые материалы. До 12:00 завтрашнего дня ты должен все просмотреть. Для начала — запись побега.

Отыскивая нужный файл, канадец не прекращал рассказывать:

— Боти не получают пищу в камерах. Их кормят всех вместе утром и вечером в их столовой. Она занимает вторую половину этого крыла и представляет собой помещение площадью двести квадратных метров с шестиметровым потолком. Непонятные эпизоды начались года два назад, но случались редко. Однако месяц назад их число резко возросло. Все инциденты происходили в столовой. 31 июля боты вернулись после полевой тренировки. После душа их повели в столовую. Все как обычно. Они поели, а потом... убили надзирателя и заблокировали входы в зал. А после этого они сделали вот что...

Ральф запустил видеофайл. Запись была черно-белой, неплохого качества.

Сотня ботов переворачивает скамьи, стаскивает их ко входам в столовую и блокирует двери. «Малыши» двигаются быстро, без малейших задержек. Каждый знает, что ему делать. Ни один не столкнулся с товарищем, ни один не помешал другому.

У Тимура от удивления открылся рот — он впервые наблюдал за работой роя. От одинаковых лиц рябило в глазах.

За считанные секунды скамьи разнесли и сбросили к дверям. Потом боты собираются у южной стены столовой. Полтора десятка мальчиков становятся в ряд, упираясь руками в стену. За ними выстраивается второй ряд, задние кладут передним руки на плечи. Следующие влезают на плечи нижним рядам. Они выпрямляются, балансируя на плечах нижних. Одной рукой упираются в стену, другой — держатся за плечо товарища. Боты строят пирамиду из собственных тел. Пирамида тянется к люку в потолке.

И снова все действия четкие и спланированные, ни одного лишнего движения.

— Невероятно, — прошептал Тимур.

Вскоре пирамида из трех ярусов завершена. Всего в ней шестьдесят три бота. Карабкаясь по ним, словно обезьяны по склону холма, остальные боты добираются до люка в потолке.

— Он был не закрыт. Снаружи люк нельзя открыть, — оправдывающимся тоном прокомментировал Ральф. — Зато изнутри он открывается свободно. Никто и подумать не мог, что кто-то сможет дотянуться до него.

Сорок один вскарабкался по пирамиде. Сорок второй подтягивается

и сам пролезает в люк. Остальные остаются в зале. Боты точно знают, сколько из них могут выбраться наружу, поэтому пирамида сразу распадается. Оставшиеся боты собираются в центре столовой и обреченно ждут прибытия охранников.

Тимур подумал, что боты похожи на муравьев — существ, которыми управляет высший разум. Каждый бот знал, куда становиться в пирамиде. И когда последний, сорок второй, исчез в люке, пирамида рассосалась. Боты знали, что больше никто не сможет... Эх, если бы тогда он придавал больше значения этой мысли. Но он был программистом, то есть привык больше полагаться на логику, а не на интуицию.

— Почему они не использовали столы? Тогда больше ботов смогло бы убежать.

— Столы прикручены к полу.

— А где в это время были вы?

— За охрану отвечали чилийцы. — Худые пальцы профессора мелко дрожали: стресс из-за событий двухнедельной давности по-прежнему давал о себе знать. — Сначала мы с Кейтаро решили придержать парней. Когда поняли, что задумали боты, штурмовать столовую было уже поздно.

Дальше идет видеозапись с четырех камер, расположенных во дворе. Помогая друг другу, боты появляются на плоской крыше и по западной стене второго инженерного корпуса соскальзывают на песок. В это время из жилого блока выскакивают пять вооруженных охранников-чилийцев и бегут к ботам.

— Мы бросили бойцов наперехват, когда боты спустились с крыши. Это было большой ошибкой.

Несмотря на наличие огнестрельного оружия, боты молниеносно сбивают охранников. Тимур никогда не видел, чтобы людей убивали настолько быстро. Сорок два мальчика просто рвут чилийцев на куски.

— Трое погибли мгновенно. Их разорвали так, что невозможно было разобрать, где кто. Четвертый под утро умер в лазарете. Пятый на всю жизнь останется парализованным. Боты забрали у одного из охранников электронный ключ от ворот и ушли в пустыню. — Канадец вздохнул. — Я надеялся, что они остановятся. Я не представлял, как боты смогут выжить в Атакаме.

Камера показывает, что боты, удаляясь, бегут плотным табуном, как марафонцы. Мелькают ноги, вздымается пыль.

— У некоторых ботов на головах были электроэнцефалографы. — продолжал Ральф. — При помощи этих аппаратов велся круглосуточный мониторинг отдельных мозгов. Мы проанализировали мозговую

активность во время побега. Я имею в виду активность живой, не механической части мозга.

— И?

— Ноль. Абсолютный ноль. Все управляющие ими импульсы исходили от мозговых плат.

— Значит, кто-то запрограммировал их на побег?

— Однозначно нет. Это исключено. Не вижу никакого мотива для такого поступка. Да и кто мог бы написать столь сложную программу? Боты на тренировках с трудом справлялись с атакой обычного здания. Стоило снять щиты с ограждения, открыв им окружающий мир, как боты начинали творить неизвестно что. Даже если бы кому-то захотелось организовать побег, это невозможно. На данный момент мы просто не знаем, как реализовать это на практике.

— Как тогда боты осуществили вот это? — Тимур ткнул пальцем в экран. — Из того, что я видел, и из того, что успел почувствовать на собственной шкуре, следует, что ваши боты ведут себя как разумные существа. Причем очень разумные существа.

— Они начали так себя вести, только когда вырвались на свободу, — сердито парировал Ральф. — Никто до сих пор не понимает почему.

— Я могу ознакомиться с программным кодом, который был активен во время побега?

— К сожалению, мы не в состоянии отслеживать процессы, запущенные в мозговых платах. Это слишком сложно, процедура требует специального оборудования и проводится в лабораторных условиях. Энцефалографы фиксируют только общую активность.

— То есть двоичный код, действовавший во время формирования пирамиды, недоступен?

— Нет.

— Вы уверены, что команды приходили с плат?

— Да. Поэтому мы тебя и вызвали. Платы работают на основе программного ядра, которое написал ты. Оно определяет коллективное поведение роя, мы никогда его не трогали.

— Это абсурд! — воскликнул Тимур. — Боты, которых я делаю для компьютерных игр, не обладают *интеллектом*. Даже если облечь их в плоть! Мой алгоритм предусматривает заранее заданный набор конкретных действий в ответ на те или иные конкретные условия. Не больше. Ральф, поймите главную разницу между игрой и жизнью: разработчик игровых ботов одновременно определяет и все возможные внешние условия — то есть *создает мир*, в котором живут боты. Вы не

можете взять ботов из стрелялки и просто выпустить в реальный мир, потому что *не вы создали этот мир*. Управляющая программа постоянно будет давать сбой.

— С самого начала так и было. Боты были довольно тупыми, пока не случилось то, что ты сейчас имел удовольствие наблюдать на видео.

Ральф Доэрнберг повторно запустил ролик. Тимур попросил:

— Мне нужна видеозапись действий, под которые существует четко прописанный программный код.

— Есть такая, — без колебаний ответил Ральф. — Два с половиной года назад мы принимали здесь делегацию из Пентагона. Генералы инспектировали комплекс и интересовались промежуточными успехами. Кейтаро продемонстрировал им, как боты под перекрестным огнем атакуют учебные цели-манекены. Все параметры того показа точно фиксировались. В том числе сохранился программный код, скомпилированный на мозговые платы перед началом теста. Но сначала я хочу, чтобы ты просмотрел видеозаписи событий, случившихся накануне побега.

Ральф ушел, на какое-то время оставив Тимура одного.

Пришла Бекка, предложила сделать кофе. Через минуту вернулась с пластиковым стаканчиком и двумя круассанами.

Перед Тимуром были сотни гигабайтов отснятых материалов: тесты, тренировки, видео с камер наблюдения. Имена файлов с проявлениями, по выражению Ральфа, «inadequate behavior»^[67] начинались символами ###.

Сначала Тимур наугад открыл несколько файлов. Вот боты прогуливаются во внутреннем дворе второго инженерного корпуса. Ничего интересного. А вот запись, сделанная во время полевой тренировки. Посреди пустыни стоит здание с пустыми окнами, имитирующее укрепленный дом, вдалеке за ним виднеется бетонная стена, ограждающая полигон. Боты, крадучись, приближаются к зданию в шлемах с винтовками в руках. Двигаются неуклюже, постоянно отвлекаются. Да еще и изображение «прыгает», не успевая фокусироваться (камера была закреплена на шлеме одного из ботов). Мальчики выглядят неорганизованными, более того — заторможенными. За мгновение до начала штурма запись почему-то обрывается.

Запустив третью запись, Тимур вздрогнул: на экране была лаборатория программирования, в которой он сейчас находился. Сначала даже появилось ощущение, что его снимают скрытой камерой. Сам ролик оказался коротким. Оператор зафиксировал процесс перепрошивки ботов: четверо «малышей» сидели, прикованные к креслам. У компьютера стояли двое: Ральф и какой-то высокий белый мужчина. Неизвестный что-то горячо объяснял Ральфу, тыча пальцем в экран. Тимур не знал, что видит перед собой покойного Вадима Хорта.

Выборочный просмотр файлов ничего не необычного не обнаружил. Далее Тимур перешел к файлам с пометками ###.

Самый старый ролик был записан 13 июля. Колонна ботов под конвоем шагала к выходу за пределы внешнего ограждения. Ворота были уже открыты. Вдруг один из мальчиков резко рванул в сторону и налетел прямо на проволоку. Посыпались искры. Бот, корчась, упал на землю. Конец записи.

В другом ролике видно, как во время организованного выхода колонны за ворота один из ботов сумел незаметно отделиться от остальных и убежать за «EN-2». Затем мальчик просто стоял и смотрел в стену. При

выходе на полигон ботов пересчитывали, поэтому пропажу обнаружили и подняли тревогу, бросились на поиски. Через две минуты бота нашли: он продолжал неподвижно стоять, разглядывая стену корпуса. Причем именно южную, по которой боты потом спустились с крыши столовой.

На следующих файлах, сделанных за несколько дней до побега, повторялась одна и та же картина: во время ужина (именно во время ужина, ни разу во время ленча) несколько ботов внезапно набрасывались на своего товарища. Бедолагу били, потом, держа за руки и за ноги, клали на стол, готовясь то ли распять, то ли выпотрошить. Каждый раз практически сразу вмешивалась охрана. Как только охранники вбегали в зал, боты сразу отпускали жертву, как ни в чем не бывало усаживались рядом за один стол и принимались за еду.

Чем больше записей просматривал Тимур, тем яснее он понимал, что побег не имеет никакого отношения к сбоям в мозговых платах. Он вообще не имеет отношения к алгоритмам, которые используются в играх. На столь сложное поведение способны только разумные существа.

Похоже, месяц назад боты проснулись. Или что-то проснулось в них.

Воскресенье, 16 августа, 18:14 (UTC –4)

«EN-2», второй инженерный корпус

Ральф вернулся за полчаса до ужина.

— Как дела, парень? Проголодался?

Тимур потер усталые глаза. *На экране мелькало изображение одного из карцеров. Ночь. Бот стоит у окна. Выглядывает... Изображение переключается. Окно камеры находилось на третьем этаже «EN-2» и выходило точно на площадку, служившую крышей столовой. В центре кадра — люк, через который боты вырвутся на свободу. Потом опять появляется карцер. Минуты идут, но бот не отходит от окна, буквально прилипнув к форточке. Смотрит.*

— Все это странно. Но должен вас огорчить, Ральф. Их поведение выходит за пределы функциональности моих алгоритмов.

Канадец сморщил лоб.

— Ты посмотрел запись показательного боя для генералов из Пентагона?

— Как раз собираюсь.

— Тогда смотри.

Тимур отыскал файл и загрузил его в медиапроигрыватель.

— Тест на самом деле был простой. Исходные условия жестко лимитированы. Однако генералы чуть не прыгали от восторга. С тех пор проблем с финансированием нет.

Видеоролик открылся. Запись длилась 44 мин 23 с. Начиналась нарезкой сюжетов, снятых во время встречи американской делегации. *Генералы в очках, в строгой форме без знаков различия выходят из двух вертолетов. Их встречают Кейтаро Рока, Кацуро Такеда и Вилл Ноланд.*

— Перемотай вперед, — попросил Ральф.

Генералам показывают комплекс. Потом везут на полигон в пустыню. Начинается демонстрационный показ.

— Суть теста заключалась в следующем: на специальном участке, огражденном бетонными блоками, друг за другом стоят манекены. Они изображают врагов.

Тимур видит манекенов. *Их двадцать. Расставлены как попало. Бетонные стены вокруг формируют длинный коридор. В одном конце его*

перекрывает бронированный щит. За ним стоят два бота. С другого конца коридор заканчивается тупиком. В этом месте высоко на стене прикреплены на кронштейнах два скорострельных авиационных пулемета M134 «Миниган»^[68].

— Пулеметы снабжены лазерным прицелом и компьютеризированной системой поиска цели, — объяснил Ральф. — Они реагируют на движение, молниеносно открывая огонь. Мы зарядили их боевыми патронами.

Повсюду валяются бетонные блоки, автомобильные шины, ржавые бочки. За ними кое-как можно спрятаться от пулеметных прицелов. Ботам дают оружие и компилируют на мозговые платы программу уничтожения манекенов.

Генералы, надув щеки, с интересом следят за приготовлениями с наблюдательного пункта, устроенного на холме неподалеку.

Показ начинается. Боты выбегают из-за защитного щита. Пулеметы сразу открывают плотный огонь. Летят бетонные осколки стен, пули вздымают песчаную пыль. Однако через считанные секунды пулеметы смолкают. Над площадкой висит туман из дыма и пыли. Кто-то из американских офицеров снимает очки и хмурится.

Тимур поглядел на Ральфа. Он не понял, что произошло.

— Смотри дальше, — коротко бросил Ральф.

Идет замедленный повтор. В левом нижнем углу экрана высвечивается время с начала боя, число пулеметных выстрелов и «убитых» манекенов. Боты затратили на всю операцию 19 секунд, «уничтожив» все 20 манекенов. За это время пулеметы произвели по 840 и 973 выстрела, но даже не зацепили ботов. Они двигались настолько быстро и непредсказуемо, что компьютеризированной системе не удалось их даже поцарапать.

В углу экрана висают итоговые титры:

00:19.16

SHOTS: 840|973

TARGETS DESTROYED: 20

— Да, это круто, — признал Тимур. — Но ничего бы не вышло, если бы свели к минимуму количество независимых параметров, поступающих из внешнего мира.

— Погоди, сейчас будет самое интересное.

Наблюдательный пункт. Довольные американцы, просмотрев замедленный повтор, пораженно качают головами, улыбаются,

похлопывают по плечам Вилла Ноланда. Некоторые даже аплодируют. Кейтаро от гордости надулся, как индюк. Стоит поблизости довольный, заложив руки за спину.

Вдруг к нему подбегает Ральф и что-то взволнованно шепчет на ухо. Они отходят в сторону и вглядываются в тестовую площадку. Там что-то происходит. Лицо Кейтаро вытягивается. Он отдает приказ Ральфу. Ральф Доэрнберг быстро спускается с помоста, прихватив с собой «ремингтон». За ним идут два чилийских охранника. Тем временем Джен подходит к американцам и торопливо уводит их с наблюдательного пункта.

— Что там случилось? — спросил Тимур.

Ральф кивнул на экран.

Картинка снова меняется. Посреди экрана моргает: «ЭКСПЕРИМЕНТ ЗАВЕРШЕН». Камера наплывает на ботов, которые стоят у тупика, окруженные бетонными блоками. Один из них вскакивает на спину другому, дотягивается до кронштейна с пулеметом. Подтянувшись, бот дотягивается до поворотной системы и несколькими ударами разбивает ее. Пулемет наклоняется, жужжит и валится на землю.

«ЭКСПЕРИМЕНТ ЗАВЕРШЕН». Тогда что за хрень с этими ботами?

В это время из-за брони появляются Ральф с охранниками, они боязливо направляются к ботам по коридору. Боты пытаются добраться до второго пулемета. Но он находится выше первого и прежним способом его не достать.

Эксперимент завершен? Да что вы!

— Можно выключать, — сказал Ральф. — А вот в этом файле алгоритм, по которому действовали боты.

Тимур наклонился к монитору. С удивлением отметил, что интерфейс дебагера ему неизвестен. К счастью, синтаксис напоминал C++, поэтому с кодом проблем не было.

```
int TEST_010524 ()
{
    Targets DOLLS (System.GetTargets (gt_Front, gt_Type1));
    if (!DOLLS) return 0;
    int NT = DOLLS.GetTargetsNumber ();
    for (int i=0; i<NT; i++)
    {
        System.MoveToObject (DOLLS[i], 1, 0, 0);
```

```

DOLLS[i].Destroy;
}
System.Macros ();
Clear ();
if DOLLS.AllDestroyed () return 1
else return 0;
}

```

Все было довольно просто. В памяти создается место для переменной, которую называют DOLLS^[69]. При помощи подпрограммы Get-Targets^[70] анализируются объекты на площадке и в ячейки DOLLS вводятся координаты объектов типа gt_Type1, то есть манекенов. Оператор GetTargetsNumber^[71] задает количество мишеней и последовательность их уничтожения. После запускается цикл, на каждом шаге которого бот уничтожает одну из целей. Этими действиями руководят подпрограммы MoveToObject^[72] и Destroy^[73]. После того как все цели уничтожены, производится очистка памяти. Непонятно Тимуру было лишь предназначение оператора System.Macros.

Просмотрев код, Тимур вдруг понял, что программа не предусматривает уничтожение пулеметов ботами. В их сознании (точнее, в виртуальном видении мира) M134 просто не существовали! Боты должны были реагировать лишь на манекены. Несмотря на это, «малыши» нашли «Миниганы». Получается, что боты пытались уничтожить пулеметы через две минуты после того, как сама тестовая программа была стерта с их мозговых плат.

— А теперь взгляни на визуализацию результатов энцефалографии.

На экране появилось новое окно, разделенное пополам. Одну часть занимало 3D-изображение мозга, на второй демонстрировалась видеозапись боя. Двадцать секунд от начала боя платы в мозгу светились красным, то есть напряженно работали. Остальные части мозга оставались серыми, то есть инертными. Порой кое-где проступали розовые пятна. «Уничтожив» последний манекен, боты замерли.

— В этом месте процедура удаляется с мозговых плат, — уточнил Ральф.

Все части 3D-изображения мозга стали пепельно-серыми. Тимур перевел взгляд на запись с видеокамеры. Бот взбирался на плечи другому, чтобы дотянуться до пулемета. Программист снова подумал: программа ни при чем. Снова взглянув на 3D-изображение мозга, Тимур похолодел. Мозг

оставался пепельно-серым, за исключением центральной части платы — она стала ярко-красной. Бот не думал, он подчинялся импульсам с процессора.

Тимур оказался в тупике. Он верил, что боты не способны реализовывать сложное поведение, запрограммированное существо физически не способно на такое. В то же время факты подтверждали обратное: мальчиками руководила программа.

Ральф тем временем уже поглядывал на часы:

— Закругляемся, мы уже опоздали на ужин. Через пару минут Джеп прикажет запереть двери и опустить жалюзи на окнах в жилом корпусе.

— Один вопрос: до приезда американцев ботов выпускали на площадку?

— Конечно. Предварительно мы дважды устраивали им тренировку. Только вместо пулеметов на кронштейнах были установлены пейнтбольные пушки.

— Были какие-то отклонения в поведении?

— Никаких.

Понедельник, 17 августа, 08:55 (UTC –4)

«DW», жилой корпус

Ночь с воскресенья на понедельник прошла без приключений. Ограда была под напряжением, ботов ждали. Но они как сквозь землю провалились.

После завтрака Кейтаро собрал группу на плановое совещание.

— Как успехи, Тимур? — без предисловий спросил он.

Программист сложил руки на столе.

— На мой взгляд, причиной побега и предшествующих событий не мог стать сбой в работе мозговых процессоров. То, что осуществили боты, нельзя назвать сбоем. Но то, что во время побега ботами управляли сигналы с мозговых плат, сильно затуманивает картину. Сегодня я продолжу расследование, подробнее анализируя коды, но на данный момент я не до конца понимаю, что от меня требуется...

— Если бы мы понимали, тебя бы сюда не вызвали. Мы собрались для того, чтобы всем вместе попытаться отыскать причины, приведшие к побегу ботов, — холодно прервал его Джеп. — Но независимо от того, найдем мы их или нет, на тебя, Тимур, ложится задача написать программу, которая вернет беглецов в лабораторию. Шестьдесят три «малыша», оставшихся в «яслях», поддаются перепрошивке. Мы сохраняем доступ к их мозгу. Нет никаких причин думать, что с беглецами будет иначе.

— А вы разве уже не пробовали запрограммировать их на возвращение?

— Пробовали. Сначала стирали все подряд. Потом забрасывали в головы подпрограммы, направленные на понижение активности и эмоциональных проявлений. Программы загружались, но не запускались. Тебе надо разобраться, в чем тут дело, и написать программу, которая бы работала.

Программист смотрел на Ральфа, Кейтаро, Тиану. Они выглядели расслабленными. Тимур понял, что на него хотят переложить ответственность за поимку ботов, надеясь, что он все легко разрулит и боты сами прибегут в свои ясли. Они не понимали, что шансы мизерны. Разработка и отладка такой программы могут занять месяцы. За это время

боты сдохнут в пустыне.

Поэтому он отважился на вопрос:

— Слушайте, чуваки, а как насчет плана «b»?

Повисла тишина. Ральф ответил, тщательно подбирая слова:

— Мы перед твоим прибытием рассматривали разные варианты, и многие из них... бóльшая их часть... почти все они неприемлемы.

— То есть у нас нет никаких альтернативных вариантов? Только программа?

— Есть, — в разговор вмешался Хедхантер. Амбал придвинулся к столу, погасил окурок в чем-то пластиковом стаканчике и буркнул: — На крайняк мы траванем выродков. Вот это и есть план «b», украинец.

Ральф бросил на Хедхантера гневный взгляд, но вынужден был признать:

— В принципе такой вариант существует. В крайнем случае мы применим нервно-паралитический газ во время их атаки на комплекс. Никто не собирается травить ботов, это только...

— Это недопустимо! — вдруг заорал Такеда и ткнул пальцем в сторону Хедхантера: — Кто вообще пустил эту гориллу в зал совещаний?

Все замерли. Рино подобрался, мышцы груди пошли волнами, челюсть выдвинулась вперед с явно слышным клацаньем.

— Как ты меня назвал? — тихо спросил великан, но в голосе его чувствовалось затаенное дыхание урагана.

Японец понял, что перегнул палку и, стараясь исправить ситуацию, залопотал:

— Это миллиарды долларов инвестиций! Чем вы думаете? — на всякий случай Кацуро немного отодвинулся от края, чтобы Хедхантер не мог схватить его, перегнувшись через стол. — А вы хотите прикончить всех ботов, заодно еще и отравив кого-то из своих. Это ваш план?

Хедхантер сжал кулаки. Глаза как будто стали глубже, сфокусировавшись на горле молодого японца. Ральф наклонился к нему и что-то тихо, но твердо сказал.

— Я тоже против применения газа, — вдруг подал голос все время молчавший Емельянов. Его вначале никто не услышал, потому что все следили, как Ральф успокаивает Рино. Тогда русский повторил: — Я против применения нервнопаралитического газа.

— Я согласна с Кацуро, — поддержала молодого японца Тиана Эмерсон. — Давайте не делать из мухи слона. Ситуация не такая уж и опасная. Не ссорьтесь. Мы справимся. Нас здесь одиннадцать человек, большинство ученых. А применять газ? Это будет как-то... тупо. Вам не

кажется? Нам же надо просто их переловить.

— Я думаю, что смогу решить поставленную задачу, — пробормотал Тимур. — При этом вы прекрасно знаете: на то, чтобы реализовать задуманное, у меня десять дней. — Он дважды пожал плечами. — Не моя в этом вина. Я найду решение, гарантирую, но отладка программы может затянуться. Поэтому я и спросил о запасном варианте.

Кейтаро подождал, чтобы убедиться, что Тимур закончил.

— Спасибо за откровенность, Тимур. У нас с Ральфом есть кое-какие наметки, а уважаемый Рино Хедхантер любезно согласился их исполнить. Естественно, если в этом возникнет необходимость и только с моей санкции.

Рино сидел неподвижно, как снайпер, следя за Такедой. Кейтаро продолжал:

— У нас есть баллоны с зоманом^[74]. Как уже сказал Ральф, это нервно-паралитический газ. Строением и большей частью своих свойств он похож на зарин^[75]. Ты же слышал о зарине? — Тимур припомнил, что когда-то читал статью о химическом оружии, а потому кивнул. — Так вот, зоман — тот же зарин, только в 2,5 раза токсичнее. При обычных условиях зоман — бесцветная жидкость, имеющая легкий запах свежескошенной травы. Он вызывает поражение любым способом, но быстрее всего — через ингаляцию. Первые признаки отравления проявляются при концентрации паров в воздухе более 0,0002 мг/л. Смертельная доза при воздействии через органы дыхания — 0,03 мг/л. Любое живое существо, имеющее нервную систему, утрачивает контроль над организмом и гибнет. Идея состоит в том, чтобы при очередном налете ботов пустить на них зоман, доведя концентрацию паров в воздухе до 0,01~0,02 мг/л, а самим надеть противогазы.

— А потом?

— Потом у нас будет две-три минуты, чтобы перетащить ботов в помещение с чистым воздухом и впрыснуть им антидот — атропин^[76]. Но даже в лучшем случае выживет 70% ботов. Не больше. Поэтому мы и рассчитываем на тебя, Тимур.

— Это рискованно, — снова вмешался Такеда. — Вы собираетесь применить газ на открытом пространстве. Каким образом вы обеспечите нужную концентрацию паров зомана? Как будете ее контролировать? А если поднимется ветер? Или наоборот — внезапно наступит штиль, и боты погибнут за 15 секунд?

— А этот антидот? — поддержал его Емельянов. — Вы уверены, что

он подействует? Что он не просрочен? Вы его проверяли? Когда его применяли в последний раз? Во Вьетнаме? Во время ирано-иракской войны?

Тимур должен был признать, что Кацуру и Игорь, наверное, правы. События начнут развиваться не так, как запланировано, и боты отбросят копыта от паралича. Замысел простой, но вряд ли осуществимый. Но его удивила настойчивость, с которой эти двое, молодой японец и русский, защищали ботов. Что-то странное было в их экспрессивном упорстве.

— Кацуру, Игорь, остыньте, — мягким, но не допускающим возражений тоном произнес Кейтаро. — Зоман не понадобится. Не так ли? — Джеб посмотрел на Тимура.

— Я сделаю все, что от меня зависит, — качнул головой Тимур.

— Но есть еще один способ... — осторожно включилась в разговор психиатр Лаура Дюпре.

— Это исключено, — оборвал ее Кейтаро. — Я знаю, о чем ты, Лаура. Но ничего не выйдет. Хорт попробовал, и ты знаешь, что с ним случилось.

— Вы не договариваете, — не сдавалась девушка. — Вы что-то утаиваете.

— Ты опять за старое.

— Но Вадим не пошел бы к ним, если б не был уверен...

— Лаура, перестань, — отмахнулся, как от мухи, Кейтаро.

— Никакая программа не сможет их вернуть. — твердо заявила Лаура. Кейтаро сжал губы. Психиатр разошлась: — Вы слепцы! Долбанный междисциплинарный подход привел к тому, что ученые бросаются из одной отрасли в другую, ни в одной не получая основательных знаний. Я уважаю ваши достижения, Кейтаро, но вы невежда в вопросах, касающихся мозга. Вооружившись современными методами и инструментами, вы с Ральфом полезли в мозг, но не имеете представления о психологии. Вы можете расковырять мозг до последнего атома, но понятия не имеете, как он функционирует на макроуровне. — Лаура повернулась к Тимуру: — Тебе сказали, как погибло первое поколение ботов? Таиландские усыновленные близнецы?

— Ну, я слышал об этом...

— Тебе сказали как?

— Да, один мальчик убил другого.

— Он не просто убил, он пытался его изнасиловать. — Психиатр выпятила нижнюю губу. Глаза за стеклами безумно блеснули. — И это пятилетний ребенок! Как тебе такое, украинец? Ты хочешь сказать, виновата программа? Чушь. Невозможно запрограммировать организм на

действия, к которым он не готов с точки зрения физиологии.

— Этого я не знал. — Тимур хмуро покосился на Ральфа.

— Конечно ты не знал! Потому что никто из этих умников не смог бы тебе объяснить, что произошло. — Лаура повернулась обратно к Кейтаро. — Что должно произойти, чтобы вы перестали лезть туда, куда не надо? Дело не в том, что вам не хватает компетентности, вы должны наконец понять: не все в этом мире можно познать. Во вселенной множество вещей, которые человек не может объяснить, проанализировать или описать формулами, не потому что до них невозможно докопаться, а потому что мы не способны их постичь. И одной из таких вещей является голова!

Кейтаро не реагировал. Лаура продолжила с еще большим напором, подкрепляя слова жестами:

— Вам кажется, что сознание, мышление и речь — наиболее сложные функции организма, которые являются уникальными и приобретаются только со временем после рождения. Но это не так. Человеческое тело — чертовски сложный механизм. Миллиарды разноплановых клеток развиваются и функционируют в тесном сосуществовании. Легкие дышат, сердце качает кровь, желудок переваривает пищу, почки фильтруют кровь и так далее. Эти органы сложны, и управлять ими весьма непросто, однако организм с этим справляется — и справляется сам. Никто его не учит и не программирует. Сколь бы ни были сложны эти данные, они передаются с генами. Они существуют еще в зародыше. Они никуда не деваются при рождении малыша. Так почему бы не допустить, что кроме регулятивной информации и безусловных рефлексов с генами передается еще нечто? Нечто такое, что не может проявиться до трехлетнего возраста, потому что ребенок слишком мал, а после трех лет это нечто глушат сознание и социальные нормы. Нечто бессознательное...

— И что? — сквозь зубы процедил Ральф.

— Ральф, вы любите повторять, что человеческий мозг используется всего лишь на 30%. Задумайтесь: может, это неспроста? Может, за десятки тысяч лет эволюции человеческий организм развил барьер, возвел своеобразную защиту, не позволяющую использовать мозг по полной? Вам не приходило в голову: это оттого, что лучше не трогать остальные 70%? Боюсь, вы выпустили это *нечто* наружу...

XLIV

После того как совещание закончилось, Лаура подошла к Тимуру.

— Тимур, он разговаривал с ними, — таинственно прошептала она.

— Кто?

— Вадим Хорт. В его кабинете осталось много записей об этом, но после гибели Вадима Джеп забрал их и никому не показывает.

— Ральф говорил мне, что боты не разговаривают, — не поверил Тимур.

— Я не утверждаю, что он разговаривал с ними в буквальном смысле, но каким-то неизвестным мне способом общался с ботами. Джеп упорно не хочет этого признавать.

— Для чего ты мне это говоришь?

— Не хочу, чтобы ты напрасно тратил силы. Ты на ложном пути. Вадим совершенствовал их, но при этом наткнулся на что-то... другое... Что-то сложное, пришедшее из самой глубины их мозга. Боты гораздо сложнее, чем кажутся на первый взгляд.

Тут Лаура заметила, что к ним приближаются Такеда и Тиана, замолчала, опустила голову и, не попрощавшись, отошла от Тимура.

На выходе из корпуса Тимура догнал Ральф.

— Как ты себя чувствуешь? — Старый канадец выглядел озабоченно.

— Нормально, — с деланным равнодушием ответил Тимур. — Иду на рабочее место. Хочу поглубже залезть в коды. — На самом деле его зацепили слова Лауры. «Хорт говорил с ними. Общался каким-то неизвестным способом». — Особенно те, которые писал Вадим Хорт.

Они вышли во двор. Воздух быстро прогревался.

— Не слушай ее, — осматривая горизонт, сказал Ральф.

— Кого? — Тимур сделал вид, что не понял.

— Лауру. Это американцы настояли, чтобы в команде был психиатр. Мы долго не могли найти никого, кто решился бы отказаться от практики и поехать в пустыню. Лаура Дюпре оказалась в «NGF Lab» только потому, что ее карьера во Франции рухнула.

— А что случилось?

— Один из ее пациентов повесился во время приема. Она вышла из кабинета на несколько минут, чтобы ответить на телефонный звонок, а когда вернулась, мертвец уже болтался на люстре. Ее выгнали из клиники, и четыре месяца она не могла найти работу.

Тимур пожал плечами. Для него этот факт ничего не означал. Дело в том, что люди часто не видят разницы между психиатром и психологом. Путают их. Психиатр — это профессиональный врач, человек, изучающий психические расстройства, занимающийся их лечением и профилактикой. Психологом может стать всякий, кто умеет слушать и вовремя кивать головой. Когда больной с психоорганическим синдромом вдруг надумал повеситься, это, конечно, неприятно, но что поделаешь — такое бывает. Точно так же кардиолог может потерять пациента, которому приспичило выкурить сигаретку через два дня после перенесенного инфаркта. Однако Лауре не повезло. О ней начали думать как о *психологе*, который довел клиента до самоубийства. А это намного хуже. Дюпре начали избегать.

— Печально, — сказал Тимур.

— Да. Это я к тому, чтобы ты не принимал всерьез ее слова. Эта девица далека от того, над чем мы работаем.

Понедельник, 17 августа, 10:37 (UTC –4)

«EN-2», второй инженерный корпус

Проверив содержание жесткого диска, Тимур убедился, что файла нет. Парень нахмурился. Колеблясь, поднял трубку внутреннего телефона и набрал номер Ральфа.

— Ральф, должен вас побеспокоить.

— Я весь к твоим услугам.

— Я сейчас разбираю код процедуры, которая управляла ботами во время демонстрационного боя. Сейчас анализирую код отдельных системных функций.

— Возникли какие-то проблемы?

— Не совсем. Я обнаружил, что во всех процедурах, которые в последние три года внедрялись в головы ботов, присутствует вызов функции System.Macros. Я просмотрел модуль System, и оказалось что процедура Macros в нем *не* прописана. Есть только указатель на нее. Когда в теле основной программы вызывается System.Macros, в модуле System запрос перенаправляется на MacrosVH.MacrosCreate. Модуль MacrosVH подключен напрямую к System. Его код хранится в файле MacrosVH.bcf.

— И?

— Такого файла просто нет.

— То есть?

— Файл под названием MacrosVH.bcf отсутствует. Его нет на винчестере, на котором записаны программы управления ботами. Поэтому я не знаю, зачем Вадим вызывал в каждой программе этот System.Macros.

— Ты уверен, что файла нет?

— Абсолютно. Возможно, он остался в персональном компьютере Вадима... Если такой, конечно, существует... Во всяком случае, он мне нужен.

— Хорошо, я поговорю с Кейтаро.

Тимур удивился. Это и все?

— Ральф, вы не понимаете. Мне кажется, в этом файле и содержится ключ ко всем проблемам.

— Я позвоню. — Он явно не хотел продолжать разговор.

— Хорошо, я буду ждать звонка.

Тимур отложил трубку. Он вспомнил страстную речь Лауры Дюпре во время утреннего совещания. Может, Лаура и попала в «NGF Lab» случайно, но она не была случайным человеком в проекте. Ральф и компания что-то скрывали.

Тимур перевел компьютер в спящий режим. Взял со стола папку с бумагами, лежавшую на краю стола. Вчера он не заглядывал в нее и теперь жалел об этом. Тимур Коршак принялся изучать биографию Хорта.

В папке кроме автобиографии и характеристик Вадима были примеры работ, которые Хорт проводил в московском «МАЙКОНе». Ральф постарался, делая подборку. Старый канадец сделал все, чтобы у Тимура не было необходимости выходить в Интернет.

С первых страниц Тимура удивило, что Хорт не имел никакого отношения ни к разработке искусственного интеллекта, ни к играм, моделирующим поведение людей. Он занимался CAD-системами, разрабатывал программное обеспечение для архитекторов и инженеров. Непонятно было, как он попал и что делал в «NGF Lab»!

Программист увлекся, забыв об обеде. Бекка принесла ему еду прямо в лабораторию. А Ральф все не звонил.

Понедельник, 17 августа, 16:38 (UTC +2)

Киев, Украина

Алина напоминала паровой котел с неисправным манометром. Для постороннего взгляда — как всегда, сдержанная и спокойная. Зато внутри напряжение достигла уровня, который мог убить ее. Ничто не выдавало жгучего огня, бурлящего в девичьем сердце.

Она мысленно проклинала Тимура. Думала о том, что он и вправду не стоит ее. Что в нем нет ничего особенного. Что он никогда ее не любил. Но это не помогало. Уязвленная гордость все время возвращала к вопросу: почему? Она безрадостно смотрела в зеркало, придирчиво оглядывая себя. Неужели я недостаточно хороша для него? Алина вспоминала их перепалки за последние полгода. Что я не так сказала? Может, я ему просто надоела? Но почему он ушел именно так? Ничего не сказал, придумав нелепую отговорку.

Время от времени злость отступала. Алина понимала, что Тимур не такой. Даже если бы она ему надоела или он нашел себе другую, он бы сказал об этом прямо. Он нашел бы способ разорвать отношения цивилизованно. Если разрыв за месяц до свадьбы вообще может быть цивилизованным. В такие моменты на глаза наворачивались слезы. Алина чувствовала, что с ним случилось что-то плохое, непоправимое. Поэтому она решила наступить на собственную гордость и писать ему письма до тех пор, пока он не ответит.

От: SeaFlower

Кому: Tym_the_Botfucker

Тема: 1

Время: 16:38 17AUG

Привет!

Ты так и не написал. Это так на тебя не похоже. Я не понимаю, что происходит. Я очень волнуюсь за тебя. Напиши. Пожалуйста, напиши. Хоть одно слово. Даже если тебе это неприятно, просто напиши, что с тобой все в порядке.

Алина

*От: SeaFlower
Кому: Tym_the_Botfucker
Тема: 2
Время: 17:57 17AUG*

Я буду писать тебе, пока ты не ответишь. И буду нумеровать каждое письмо. Я ничего не требую. Просто отзовись. Эта неизвестность так невыносима! Почему ты такой жестокий?

*Алина
1*

*От: SeaFlower
Кому: Tym_the_Botfucker
Тема: 3
Время: 19:12 17AUG*

Я пересилила себя и позвонила твоим родителям. Ты им тоже не написал. Мама переживает. У тебя что-то случилось? Или ты просто забыл им написать? Как всегда, в принципе... Если не хочешь общаться со мной, напиши хотя бы родителям. Они очень волнуются.

*Алина
1*

*От: SeaFlower
Кому: Tym_the_Botfucker
Тема: 4
Время: 22:41 17AUG*

Я позвонила твоему Дмитрию Витальевичу. Он успокаивал меня. Сказал, что твое молчание может быть связано с секретностью работы. Ладно. Но ты мог сказать об этом заранее? Неужели так трудно написать два слова из аэропорта в Сантьяго? Я уже не знаю, чего мне хочется больше: увидеть во входящих твое письмо или убить тебя.

Алина

Алина будет слать письма еще почти две недели. Они будут становиться с каждым разом все более злыми и обидными. Последние они будет нумеровать и отсылать их пустыми, как некий абсурдный спам. Она упорно будет писать, пока внутреннее напряжение не деформирует ее сердце до неузнаваемости и она возненавидит Тимура так, как можно ненавидеть только того, кого раньше любил...

Понедельник, 17 августа, 20:04 (UTC -4)

«DW», жилой корпус

В кабинете Кейтаро царил полумрак, горела только настольная лампа. Сам он сидел в большом кожаном кресле. Ральф стоял у окна, засунув руки за пояс. У входа в кресле поменьше развалился Хедхантер. Его туша прямо нависала над подлокотниками. Кресло то и дело жалобно скрипело под его весом.

— Для того чтобы перепрошить, их для начала надо найти, — не оборачиваясь, говорил Ральф.

Кейтаро хмурился, поглаживая рукой подбородок:

— Я... думал об этом.

— Когда Тимур напишет программу-антидот, тех, что в пустыне, надо будет как-то приманить.

— Они придут, — нетвердо сказал Кейтаро. — Должны прийти.

— А если нет?

— Ральф, боты не выживут без альдостерона.

— «Малыши» не появляются уже второй день. Ты же не думаешь, что они просто валяются в солончаковой пустыне и загорают? Что, если они пошли в Каламу? Или еще хуже — в Антофагасту?

Старик Джеп тяжело вздохнул:

— Хорошо, признаю, у нас проблема. Как ты предлагаешь затащить их в километровую зону?

— Необязательно тащить их всех на базу. Достаточно будет внедрить к беглецам одного бота с вправленными мозгами. Главное, чтобы украинец написал процедуру, которая гарантированно запустится. Тогда она сама распространится между мозговыми платами остальных ботов.

— Это все пустая болтовня, пока вы не знаете, где они прячутся, — вставил Хедхантер.

Ральф и Кейтаро сокрушенно замолчали. Японец втянул шею и вжался в кресло.

Раньше с этим не было проблем. Неделю назад боты ежевечерне бросались на штурм. Появлялись сразу после захода солнца и пытались найти способ проникнуть внутрь лабораторий. Но это было неделю назад. За последние два дня беглецы не приближались к защитному периметру.

Боты исчезли. Это означало, что их придется разыскивать.

Джеп пристально посмотрел на Хедхантера:

— Если сегодня-завтра они не объявятся, отправишься на поиски.

Южноафриканец был не в восторге, но перечить не стал.

— Отберешь четырех человек. На складе есть четыре офф-роад-мотоцикла.

— «Yamaha-YZ250», — подсказал Ральф.

Японец продолжил:

— Сомневаюсь, что беглецы прячутся в местах, куда можна добраться на машине.

— Но... — замялся Хедхантер, — мои люди не умеют ездить на мотоциклах.

— Что? Ты это серьезно?

— Да.

— Неужели... Никто? — У Джепа недовольно сузились глаза.

— Кроме Джеро и меня самого.

— Почему?

— В Анголе и Намибии, где они росли, парней учат убивать, а не гонять по горам на спортивных мотоциклах. У нас байки не популярны.

— Ладно, поедете вдвоем. Возьмете с собой Джеффри, парень точно разбирается, как управлять «Ямахой», — Джеп говорил беззаботно. — Подумаем, кого еще послать с вами.

Рино скрипнул зубами:

— Я не хочу ехать на мотоциклах. Я и в машине не чувствую себя в безопасности. Если мы сунемся в пустыню на байках, они нас порвут.

— Не порвут, — отрезал Кейтаро. — Не преувеличивай. Кроме того, на машинах вы отъедете не дальше, чем на несколько сотен метров от грунтовых дорог. Так мы будем искать ботов до Нового года. На этот раз ты должен позаботиться, чтобы вернуться на базу задолго до темноты.

— У нас нет выбора, — добавил Ральф и повернулся спиной к окну.

— Твое задание, — уточнил Кейтаро, — найти следы и по возможности локализовать их логово. Боты где-то прячутся на протяжении дня. Они не могут постоянно находиться на солнце. — Рино сопел и кивал. — Только не лезь на рожон. За людей отвечаешь головой. Как только найдешь «малышей» или хотя бы определишь, где они прячутся, возвращай всех назад.

— Я понял, Кейтаро, — опустил голову Хедхантер.

Той ночью боты не пришли.

Не придут они и завтра.

39 противогазов и... альдостерон

XLVIII

Одним из проявлений типично хаотической системы являются ураганы. Научное изучение ураганов началось в 70-х годах XX века. Заниматься разрушительными циклонами начали в Японии и США, где эти природные явления случаются очень часто, нередко оставляя после себя ужасную разруху. Ученые обнаружили, что до стадии зрелого урагана дорастают только 10% всех циклонов. То есть в природе существует целый ряд факторов, препятствующих превращению обычного циклона в ураган. В институте передовых идей NASA начались разработки компьютерных программ для моделирования поведения ураганов с целью оценки факторов, влияющих на их развитие. Оказалось, что ураган в основном подпитывается энергия, выделяющаяся при конденсации влаги в восходящих потоках воздуха. Достаточно охладить воду под эпицентром молодого циклона всего на каких-то полтора градуса, чтобы ураган затих сам по себе. В ходе исследований подтвердилась и невозможность каким-либо образом повлиять на уже сформировавшийся ураган. Нет никакого способа утихомирить эту колоссальную энергию.

Пока Джеп и Ральф размышляли в кабинете, как заполучить обратно непокорных ботов, в пустыне, совсем неподалеку от них, происходили события, кардинально меняющие ситуацию. Основатели проекта не могли и предположить, что проблема зашла так далеко и уже достигла стадии зрелого урагана.

Вторник, 18 августа, 18:58 (UTC –4)
Шоссе № 23 «Сан-Педро — Калама»
19 км на запад от Сан-Педро

Грязно-белый джип «nissan», когда-то принадлежавший одному крестьянину из Сан-Педро, вперевалку ехал с юга перпендикулярно трассе № 23. Автомобиль двигался неторопливо, иногда рывками, похоже, что-то было не в порядке со сцеплением или коробкой передач либо же водитель не так давно сел за руль полноприводной машины.

Кое-как «nissan» добрался до раздолбанного шоссе, выехал на дорогу и остановился. Несколько минут внедорожник неподвижно торчал аккуратно посреди дороги, преграждая путь. Казалось, водитель заснул за рулем, так и не решив, куда дальше ехать. Прошло минут семь. Потом джип ожил, рывками повернул на запад и помчался по направлению к Каламе. Время от времени его выносило то на левую, то на правую обочину. Случайный наблюдатель, несомненно, решил бы, что сидящий за рулем в стельку пьяный, настолько упитый, что может распрощаться с жизнью на практически безлюдной дороге.

В салоне находились четыре чумазных двенадцатилетних мальчика. Четыре пары синих глаз холодно поблескивали в полумраке салона. У каждого на коленях лежало по черному дробовику «Mossberg 500» с полным магазином патронов.

Каким-то чудом проехав Каламу и не задавив при этом ни одного чилийца, квартет вооруженных несовершеннолетних мальчиков выехал на трассу № 24, соединяющую Каламу и Токопийю. Миновав Чукуйкамату^[77] — хутор из нескольких саманных домов неподалеку от Каламы, — машина понеслась по пустынному шоссе в направлении океана. Джип все более уверенно вел себя на дороге.

Вторник, 18 августа, 22:41 (UTC –4)
Южная окраина городка Токопийя
Побережье Тихого океана, Чили

Джейми Макака сидел у открытого окна, щелкал семечки, сплевывая шелуху в кулак, и размышлял о жизни. За окном мечтательно шелестел прибором необъятный Тихий океан. В животе Макаки напряженно бурчало.

У Джейми было 150 сантиметров роста (что немного даже для коренного чилийца), узкие треугольные плечи, карликовые, будто детские, руки и выпуклое брюшко — словно кто-то сунул ему под майку футбольный мяч. Лицо подходило к непрезентабельному туловищу — маленькое, сморщенное, с плоским широким носом и тонкими губами, едва прикрывавшими желтые кривые зубы. Из-за приплюснутого носа с большими овальными ноздрями, смотревшими, словно дуло двустволки, прямо вперед, его и прозвали Макакой. Кличка прилипла к нему в юности, когда у него еще не было весомых контраргументов для своих обидчиков. Впрочем, за пятнадцать лет пигмей притерпелся, а когда получил возможность «отчистить» имя, не захотел расставаться с кличкой. За последнее десятилетие Макака добился в криминальном мире северного Чили достаточной власти, чтобы спокойно отрезать язык любому, кто осмелится насмеяться над его обезьяньим псевдонимом. К его особым приметам можно добавить несколько десятков оставшихся на темени длинных волосинок, которые Джейми зачесывал назад, словно заправский нью-йоркский мафиози. Кроме того, на протяжении последних пяти лет этот амбициозный карлик страдал систематическими запорами.

Собственно, Джейми Макака и был мафиози. Разумеется, по скромным северночилийским меркам.

Всю свою жизнь (за исключением последней декады) Джейми был как тля: мелкий, серый, незаметный. Его коллегам было вполне достаточно оскалиться и помахать кулаками, чтобы обеспечить себе место под солнцем, но только не малышу Джейми. Лилипут был вынужден идти вперед, и при этом ругаться, плевать и стрелять во все, что движется. И он шел, медленно, но упорно, вступая в кровавые разборки с отборными головорезами Антофагасты. Дрался не на жизнь, а на смерть с разной сволочью. Джейми давно никого не боялся.

Похожему на примата пигмею недавно стукнуло сорок два года. Двадцать семь из них он занимался грязными и опасными делами: переправлял оружие, приходившее морем из Колумбии и Мексики, сначала аргентинцам, потом боливийской мафии, а затем наркодилерам и повстанцам в леса Мадре-де-Диос на юго-востоке Перу. А еще доставлял паленый «серый» боливийский кокаин в Антофагасту, откуда тот шел дальше на юг до самого Сантьяго, и собирал дань с торговых кораблей, которые заглядывали в Токопийю, и с подшефных ему борделей. Атакама была прекрасным местом для того, чтобы проворачивать темные делишки. Теперь это осталось в прошлом. В последние полтора года он потерял основные источники своих доходов. Аргентинцы уже давно не покупали оружие, перуанцев выкурила из леса регулярная армия, а боливийцы стали получать «пушки» непосредственно из Колумбии. Какое-то время он жил за счет поставок наркотиков, но и здесь за последние три месяца, как назло, обороты упали, а тут еще возникла неувязка с боливийским курьером... В общем, вырученные деньги больше не покрывали риск, и многие из его людей молча отошли от дел и заняли выжидательную позицию.

Поэтому Джейми сидел, с шумом втягивая дуплистым ноздрями соленые запахи океана, время от времени чихал и предавался размышлениям о выкрутасах капризной судьбы. Если так пойдет и дальше, он останется не просто без армии приспешников, но и без денег. А это уже никуда не годится.

— Ты слышал, Джейми? — прервал его размышления здоровяк, сидевший в плетеном кресле-качалке в глубине просторной застекленной веранды, окна которой выходили на океан.

— А что такое, Армандо? — не шелохнувшись, спросил Джейми.

Тридцатилетний мускулистый Армандо, чуть ли не единственный, кому Джейми по-настоящему доверял и кому прощалось многое из того, за что пигмей обычно отстреливал важные части тела, стал серьезным:

— Говорят, что в пустыне творится что-то странное.

— Да ладно.

— Стали пропадать люди.

— Они и раньше пропадали. Ну и что?

— Теперь все иначе, шеф. Раньше пропадала пара-тройка людей в год. А сейчас мой двоюродный брат говорит, что обезлюдели все усадьбы вокруг Сан-Педро: Сан-Хосе, Санта-Роза, Церильйос, Сан-Бартоло, Мачука^[78]. Исчезли целые семьи. Никто не знает куда. И это еще не все. В барах рассказывают, что за прошлую неделю между Каламой и Сан-Педро пропало восемь автомобилей.

Это была серьезная цифра для дороги, по которой в неделю проезжает с десятков машин.

— И почему мне должно быть до этого дело? — Джейми оставался подчеркнуто равнодушным.

— Я просто так сказал... немного странно, вот и все. — На самом деле Армандо было страшно, но он рассудительно решил не признаваться в этом боссу. — Люди из Сан-Педро болтают, что видели в пустыне демонов в обличье голубоглазых мальчиков.

— Демонов?

— Да, шеф. Белых, как молоко, и быстрых, как ветер.

Джейми расхохотался:

— И ты этому веришь, Армандо?

Армандо замялся, но пробормотал:

— Нет дыма без огня... — На это карлик снова прыснул, и Армандо, как будто прося прощения, пролепетал: — Просто я подумал, вдруг это боливийцы.

— Ерунда, — отмахнулся Джейми и повернулся к окну.

Неделю тому назад он недоплатил курьеру, который привез товар из Боливии, и тот при людях поинтересовался у Макаки, не трахают ли того в ноздри, а то они такие раздолбанные, что напоминают, ну, сами знаете что. Курьера закопали в пустыне в трехстах метрах на восток от Панамерикан, и теперь Джейми ждал реакции боливийских кабальеро.

— Это не они. Глупо убивать крестьян, да еще за двести километров отсюда.

Джейми больше не слушал Армандо. Макака закончил грызть семечки и, глядя на блестящий, как острое ножа, серп месяца, обратился мысленно к Богу. Он просил Всевышнего о двух вещах: подбросить ему новых клиентов и помочь нормально опорожниться. (За вторую просьбу Джейми было по-детски стыдно, он даже мысленно боялся ее озвучивать, но иначе не мог: мужичок замучился раз от раза тужиться так, что темнело в глазах.) «Неужели людям надоело мочить друг друга? Да никогда в такое не поверю! — возмущался бандит. — Или же соплякам из богатых семей перехотелось ширяться? Почему все так плохо, Господи? Неужели Тебе трудно сделать так, чтобы было как когда-то... — Макака задумался, уткнувшись подбородком в грудь, а затем поднял грустный взгляд на луну. — И желательно, чтобы клиенты были из Сантьяго. Столичные всегда больше платят».

Неожиданно в дверь дома позвонили, оторвав Джейми от беседы с Богом.

— Кого еще несет в такое время? — пробурчал Джейми, но голос его звучал совсем не сердито.

— Наверное, опять какой-то наркот за травкой, — предположил Армандо. — Прогнать его?

Макака не ответил, презрительно скривив губы. Это могло означать что угодно, но поскольку отрицательного ответа не прозвучало, Армандо поднялся и отправился на другую сторону дома к выходявшей на дорогу входной двери.

Глянув в глазок, он крикнул шефу:

— Это Мигель, шеф!

Мигель называл себя выдающимся мудрецом и философом, хотя на деле был бродягой и выпивохой, который, изображая глухонемого, просил милостыню в токопийском порту. Когда-то он работал санитаром в приюте для слабослышащих, что служило серьезным подспорьем в его нынешнем занятии, ведь он выучил как амслен, так и чилийский язык жестов^[79].

Поскольку никто в Токопийе не подозревал, что у него отличный слух, то Мигель слышал многое из того, что не предназначалось для чужих ушей, и работал на Макаку в качестве осведомителя.

— Впусти его, — равнодушно откликнулся Джейми.

Армандо открыл дверь и нахмурился:

— А это что за почетный караул?

По обеим сторонам от Мигеля, склонив головы и опустив глаза, стояли два белокурых ладно скроенных близнеца, таких же грязных, как и сам нищий.

* * *

— Мне нужно поговорить с Джейми, — сдерживая дрожь в голосе, пробормотал Мигель.

— Повторяю, это что за белые выродки приперлись вместе с тобой?!

Запуганный нищий вжал голову в плечи и напряженно покосился на Армандо.

— Если честно, то это *они*... — Несмотря на свежий ветер с моря, по щекам и худой шее Мигеля катились капли пота. — Это они хотят поговорить с шефом.

Если бы света, падавшего из коридора, хватило, чтобы Армандо разглядел синие, как сапфиры, глаза мальчиков, он ни за что не впустил бы их внутрь. Но свет в коридоре был тусклый, а детская внешность визитеров

ввела его (так же, как и людей из Сан-Хосе, Санта-Розы, Мачуки, Сан-Бартоло и Сан-Педро) в заблуждение.

— Черт знает что... Заходите, — сказал он и отошел от входа. Нищий и его молчаливые спутники проскользнули в дом Макаки. Джейми, сложив руки на животе, продолжал безмятежно смотреть в окно.

— Здравствуй, Джейми, — поздоровался Мигель, оказавшись на веранде.

— И тебе не кашлять, — отозвался хозяин и отложил семечки. — Кто это с тобой?

— Это...

— Ты только взгляни, Армандо! — перебил Макака, повернувшись в сторону вошедших. — Маленькие гринго! Да еще и близнецы. Дай-ка я угадаю: детки хотят поработать на папу?

— Не совсем так...

Вдруг произошло что-то такое, что заставило Джейми и Армандо напрячься. Один из близнецов грубо толкнул Мигеля в спину. Пальцы мальчика замелькали в воздухе — он что-то объяснял Мигелю на языке жестов.

— Шеф, эти двое хотят кое-что у вас купить, — портовый философ еле выдавливал из себя слова.

— Они что — немые?

— Да.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Они знают язык жестов. Правда, почему-то американский.

— Наглые, как черти. Как ты терпишь такое отношение со стороны этих сопляков?

— Я... э... ну... Джейми, ты не понимаешь, они...

Макака опять не дослушал. Хохотнул и отстранился от окна.

— Вот так прикол! Ты это видел, Армандо? Сколько живу, еще такого не встречал.

Но Армандо, разглядев ярко-синие глаза мальчиков, забеспокоился. Синеглазые несовершеннолетние глухонемые близнецы, общающиеся на американском языке жестов, среди пустыни — фантастика да и только. В отличие от босса, ему было не до шуток. Армандо пожалел, что окна открыты. За верандой начинался каменистый пляж, по которому можно было подобраться к самому дому. Пару секунд назад Армандо послышалось, что оттуда донесся слабый стук потревоженных камней.

— Ну и что им нужно?

Один из мальчиков — на сей раз без спешки — показал что-то на пальцах.

— Аль — до — сте — рон, альдостерон, — перевел Мигель.

— Что это такое? — Джейми растерялся.

— Я не знаю, Джейми...

— А как ты, черт побери, можешь из жестов выудить слово, которого ты не знаешь?

— Он показал по буквам. В языке жестов можно любое слово собрать из букв.

Карлик задумался, от умственного напряжения даже ноздрями зашевелил.

— Это, наверное, наркотик какой-то, да? Или я ошибаюсь? — Макака поглядел на Армандо. Тот лишь пожал плечами. — Что бы это ни было, я никогда не торговал альдостероном. Передай этим молодым джентльменам, что я ничем не могу им помочь.

Мальчик отрицательно мотнул головой и сделал несколько жестов.

— Джейми... — Мигель замялся, пытаясь потянуть время. Нищий судорожно искал какое-нибудь другое слово, но ничего подходящего в голову не приходило. — Он говорит, что ты... ну... *должен* достать альдостерон для них.

— *Должен?*

— Это не я сказал. Прости меня, Джейми! Это — он!

Джейми нюхом почуял подставу. Пока что его забавляла эта история, но что-то было не так. Запахло жареным. Во-первых, он еще никогда не видел Мигеля таким перепуганным. Во-вторых, поведение белобрысых бродяг не могло не удивлять. Обычные мальчики не могут себя так вести, если они не сумасшедшие или... если за ними никто не стоит. Это точно боливийцы! Макака пожалел, что впустил их в дом.

— Какого черта ты их привел, Мигель? — разъярился Джейми.

Левый близнец грозно, совсем не по-детски сдвинул брови, сверкнул глазами и снова показал что-то жестами.

— Не я их привел! — захныкал Мигель. — Это они меня нашли и приволокли сюда! — Он сделал паузу, набрав в легкие воздуха, и что есть силы закричал: — Джейми, берегись! Они злые! Я не знаю, кто они такие, но они...

Тут один из мальчиков схватил Мигеля за мошонку и сдавил ее, прервав предостерегающий крик. Мигель согнулся пополам и заскулил, как собака.

— Армандо, пушку! — заорал Макака.

Широкоплечий приспешник метнулся к столу, выдвинул один из ящичков и вытащил оттуда завернутый в замшу гигантский револьвер. Это был «Smith & Wesson.375» с запрещенными законом разрывными пулями, более известный как «Magnum». Пистолет мгновенно очутился в руках у Джейми. Коротышка провел пальцем по толстому хромированному столу и направил оружие на левого близнеца.

— Отпусти нищего, — скомандовал Джейми. Но мальчик и так уже отпустил Мигеля и теперь внимательно и спокойно смотрел на Макаку. Джейми стало не по себе от этого взгляда. Он впервые видел человека, который сохранял такое спокойствие при виде наставленного на него «магнума». Однако злость в итоге победила удивление.

— А сейчас мальчики скажут, кто их сюда прислал, да? — Бандит сообразил, что, возможно, они не слышат его. На самом деле ребята прекрасно его слышали, вот только не понимали по-испански. — Мигель, хватит держаться за мошонку, переводи!

Мигель сделал несколько жестов в сторону близнецов на амслене. Те никак не отреагировали.

— Почему они молчат, когда я задаю вопрос?! Они что — не поняли тебя, попрошайка?

— Они все поняли, — сказал Мигель. — Они слышат, только не говорят.

Пигмей перевел взгляд на мальчишек.

— Как вы нашли меня? — в голосе Макаки прорвались первые острые визгливые нотки. Постороннему они показались бы смешными, однако Армандо и нищий поджались, прекрасно зная, что прячется за этой писклявой интонацией. — Вы работаете на боливийцев? Кто выдал адрес моего логова? Отвечайте, а то... — Джейми опять-таки по-обезьяньи оттопырил верхнюю губу и сквозь крепко сжатые зубы злобно втягивал воздух.

Мигель дрожащими руками переводил. Близнецы не отвечали.

Гротескность и странная таинственность ситуации щекотали нервы. «Глухонемые белокожие двойняшки и полумертвый от страха попрошайка. Как в кино!» — веселился Макака, подогреваемый приятной тяжестью «магнума». Макака чувствовал невероятное наслаждение, граничащее с экстазом, сжимая элегантную серую рукоять, ловя глазами отблески отполированного шестидюймового ствола и массивного барабана.

Джейми обожал свою пушку. Он вообще не понимал, как можно пользоваться автоматическими пистолетами, если есть револьверы? Револьвер удивительно надежен: в состоянии полной готовности у него не

взведена ни одна пружина, то есть он может лежать годами в ожидании драки, а потом мгновенно выстрелить. Из револьвера можно пальнуть после осечки, просто повторно нажав спусковой крючок (в пистолетах приходится отводить затвор и вынимать из патронника несработавший патрон). Револьверу не нужен предохранитель — достаточно не взводить курок, и тогда в случае неожиданного падения, удара и тому подобного выстрела не произойдет. Отстрелянные гильзы остаются в барабане револьвера, а не вылетают автоматически. Соответственно они, во-первых, не могут попасть в стрелка, как это часто бывает при использовании пистолетов, а во-вторых — не остаются на месте стрельбы, тем самым делая бесплодными попытки точной идентификации оружия. Да, у револьверов есть недостаток: всего шесть патронов в барабане. Но реальная жизнь — это не кино, думал Джейми Макака. В отличие от фильмов, в ней практически не встречается ситуаций, которые нельзя разрешить шестью меткими выстрелами.

Наконец правый близнец сделал несколько жестов, явно не понравившихся Мигелю, который еще сильнее побледнел.

— Что он говорит? — рявкнул Джейми.

— О-он г-говорит, — заикаясь, скулил бродяга, — что к-кроме аль... аль... альдостерона им еще н-нужны п-п-противогазы. — Здесь белобрысый опять скрутил что-то из пальцев. — И... это... ц-целых тридцать д-девять ш-ш-штук.

Низкорослый мафиози остолбенел от такой наглости. Это было уже слишком.

— Уважаемые! — пискляво и в то же время по-театральному возвышенно изрек Джейми. Армандо понял, что мальчишки сейчас умрут. — Вы меня задолбали. Вы без приглашения врываетесь в мое жилище, просите какие-то наркотики, о которых я даже не слышал, на моих глазах плющите яйца моему другу и отказываетесь отвечать на вопросы. Ну, куда это годится?

После этих слов Джейми Макака, плавно взметнув вверх «Smith & Wesson», выстрелил, целясь правому мальчику в грудь. Юноша слегка дернулся, словно испугавшись звука выстрела. Ни бандиты, ни Мигель этого не заметили. Но даже если бы кто-то заметил это резкое движение, то ни за что не догадался бы, что чумазый пацан слегка отвел левую руку в сторону и выгнул вправо туловище специально для того, чтобы пропустить мимо пулю, летевшую прямо ему в сердце. Вместо того чтобы разворотить грудную клетку пацана, пуля вылетела в дальнее окно и утонула в ночной мгле.

Сизый дымок пороховых газов развеялся. Белокожий шкет торчал на месте, бесстрастно таращась на карлика. Джейми перевел взгляд на пол, разыскивая пятна крови, и ждал, что мальчик вот-вот рухнет вниз. Но крови не было. Парень продолжал стоять, и Джейми решил, что промахнулся.

Макака скривился. Короткая волосатая рука выпрямилась во всю длину, направив хромированное дуло в голову близнеца, один глаз закрылся... Он выстрелил снова. Мальчик снова дернулся, на сей раз сильнее, на доли секунды прижав голову к плечу, так, как будто что-то больно кольнуло его в шею, а затем выпрямился и замер.

— *Por que соño?*^[80] — взвизгнул мафиози.

Не сгибая руки, Макака перевел револьвер влево и выстрелил в другого близнеца. Результат был тот же. Пацан остался цел и невредим.

Несколько секунд царила тишина, и только Мигель тихонько хныкал, прощаясь с жизнью. Макака беспокойно ерзал в кресле, вытаращив желтые глаза и слегка высунув от удивления язык. Карлик выглядел забавно, совсем как обманутая каким-нибудь фокусником цирковая обезьянка, из-за чего Армандо не смог сдержаться и слегка усмехнулся. Эта усмешка стала последней в его жизни.

Неожиданно Джейми рассмеялся скрипучим каркающим смехом.

— Бляха, чуваки, я допер: вы меня разыгрываете? — Он перевел пистолет на Армандо. — Это твоя идея, чертяка? Два близнеца-гринго — это ты клево придумал! Типа, демоны из пустыни, да? Круто, черт побери!.. Но *холостые патроны*? Когда ты успел, амиго? — дуло пушки смотрело прямо в глаз мускулистого бандита.

Армандо открыл рот, чтобы быстро что-то сказать, но не успел — посмеиваясь, карлик нажал на курок.

Грянул выстрел. Маленького Джейми от носа до пупка забрызгало теплой кровью. Он, изрядно удивившись, визгливо ругнулся:

— *Que mierda...*^[81]

С такого расстояния разрывная пуля 375-го калибра^[82] не просто проделала симпатичную дырочку в черепе. Она снесла здоровяку три четверти головы, оставив только уши и кусок нижней челюсти.

Тело, которое так грубо лишили мозгов, взмахнуло руками, как будто говоря: «Ну, вот так, блин, всегда», и с глухим стуком упало на пол.

— Что ж это за день такой, а? — немного побледнел Макака, удивленно заглянув в дуло револьвера. Его не очень-то расстроило досадное происшествие с Армандо — всякое случается... Пигмея больше

волновало то, что пули из его «магнума» каким-то мистическим образом пролетели мимо малолетних нахалов.

Тем временем близнец, стоявший справа от Джейми, повторил свои знаки.

— Джейми, умоляю, — забормотал нищий, — не убивай меня, но этот придурок настойчиво просит передать тебе, что им нужны противогазы.

Опустив револьвер, маленький чилиец ошалело пялился на мальчиков. Карлик не знал, как объяснить позорный факт, что он трижды промазал с расстояния самое большее четырех метров, но страха не чувствовал. Постепенно все его естество заполняла желчная ярость. Он вскочил на короткие ноги и, выставив «магнум» вперед, пошел на близнецов.

— Фокусы решили мне показывать, детки? — зашипел Макака. — А что вы будете делать, если я засуну вам ствол прямо в рот и нажму курок? А?

Джейми подошел вплотную к одному из близнецов, но тут по бокам у него появились две тени и раздалось характерное клацанье взводимых курков. Джейми повернул голову в сторону и уткнулся в ствол ружья с калибром никак не меньшим, чем его ноздри. Повернул голову в другую сторону — та же картина. Мигель заорал и упал на колени, ударившись лбом об пол.

И тут все маленькое тело Джейми пронзил панический страх. И совсем не потому, что его держали на прицеле — такое с ним случалось не раз. Это был страх от того, что вокруг стояли четыре *абсолютно одинаковых* существа, двое из которых держали в руках дробовики. Злые существа, пришедшие из пустыни... К такому повороту отважный Макака оказался не готов: теплое вонючее пятно расплылось сзади по его штанам. Это было самое легкое и самое быстрое опорожнение за последние полгода. При других обстоятельствах этот факт безмерно обрадовал бы Джейми, подняв ему настроение как минимум на несколько дней (а то и на целую неделю!), но сейчас пигмей не ощутил ни радости, ни счастливого облегчения.

— Мигель... — хрипло позвал коротышка. Нищий, прикрыв голову руками, хныкал. — Мигель! — на этот раз громче.

— Да, Джейми? — сквозь слезы отозвался бродяга.

— Я только что обоссался...

— Простите, шеф.

Макака покраснел и встряхнул головой, подумав, что собирался сказать не это.

— Ты видишь то же, что и я? — быстро исправился он. — Мигель,

они все одинаковые?

— Да, шеф.

Ответа пигмей не услышал. Бот, на которого он направлял смертоносный «магнум», отпрыгнул в сторону и вперед, грациозно огибая ствол револьвера. Опускаясь вниз, он ударил Макаку ребром ладони прямо под ухо. Перед глазами у гангстера вспыхнули красивые розовые круги, затем сознание заполнила успокоительная тьма...

Джейми очнулся примерно через час. Электронный настенный хронометр показывал полночь.

Он вскрикнул, резко приподнялся и сел на полу, осматриваясь. К сожалению, все это ему не приснилось: в багровой луже неподалеку лежал застреленный им Армандо, а Мигель, обхватив руками колени, все еще сидел у двери. Кожу на лице Макаки стягивало от засохшей крови. Ну, и еще обгаженные штаны липли к заднице, лучше, чем все остальное, возвращая Джейми к реальности.

— Где эти ублюдки? — пискнул карлик. — Где они?

— Ушли, — вяло откликнулся Мигель.

— Какого хрена ты привел этих беломордых бычков ко мне? Кто они? — До Макаки наконец-то дошло, что он чудом уцелел. Страх отступил, на его место сползались гнев и уязвленная гордость. Ему было необходимо сорвать на ком-то злость.

— Я никого не приводил, — повторил нищий. Говорил он лениво и тягуче, как будто был под кайфом. — Это они приволокли меня сюда.

На полу у своих ног Джейми вдруг заметил изрядную кучу смятых банкнот. Тут были и чилийские песо, и американские доллары, и евро. Судя по общему объему, как минимум несколько тысяч в долларовом эквиваленте.

— А это что такое?

Макака потянулся и пододвинул кучу к себе. Под банкнотами лежал сорванный со стены календарь, в котором черным маркером был обведен четверг, 20 августа.

— Оплата. — Мигель посмотрел на Джейми отрешенным взглядом.

Макака только щелкнул челюстью, но ничего не ответил.

— Они просили тебе напомнить, что им нужен альдостерон. — Бродяга наморщил лоб, как будто говорил через силу: — Аль-до-сте-рон. Это не наркотик, а гормон. Они так сказали... И еще тридцать девять противогодазов... До четверга. Они придут в четверг вечером.

Джейми Макака поймал себя на том, что, высунув от старания язык, записывает непонятное слово на обратной стороне календаря. Затем покосился на часы — 00:08. Решив, что еще не поздно, бросился прочь с веранды.

Уже в коридоре липкий дискомфорт в кормовом отсеке настойчиво

напомнил о себе. Джейми выругался, побежал в спальню, сбросил брюки и трусы, по-быстрому подтерся портьерой (первым, что под руку попало) и влез в чистые шорты. Пробегая по веранде, Джейми вдруг увидел в зеркале, что на лбу у него было что-то написано черным маркером. Он придвинулся поближе к зеркалу, взгляделся и впервые в жизни прочел химическую формулу альдостерона: $C_{21}H_{28}O_5$.

— Вот говнюки, — выругался Макака, сгреб с пола деньги и затолкал их себе за пазуху.

Через несколько секунд коротышка был уже на улице.

«Господи Боже, ты все-таки очень странный чувак», — возмущался Джейми, оттирая слюной надпись со лба.

Маленький чилиец уже давно пришел к такому выводу. Он не раз обращался к Господу с просьбами и в короткий срок получал то, что просил. Чуть ли не на тарелочке. Но всегда выскакивало какое-то «но», которое ставило все с ног на голову. Вот и на этот раз он всего лишь просил вернуть ему бизнес, послать новых щедрых клиентов. И что? Клиенты, что и говорить, оказались щедрые. Только он много чего отдал бы, чтобы их в глаза не видеть.

О втором желании карлик не хотел и вспоминать. Покакал он от души, ничего не скажешь. В следующий раз надо бы попросить еще немного времени, чтобы снять штаны.

Шагая по темным улочкам Токопийи к дому Каберры, мексиканца-нелегала, который за деньги мог добыть любую вещь, находящуюся на американском континенте, Джейми уж было решил попросить Господа, чтобы у Каберры завалялось где-нибудь полсотни противогазов. Но тут же спохватился, одернул себя и вслух поклялся больше никогда не взывать к Богу. Ни за что! Ни при каких обстоятельствах! Слишком уж Он подозрительный и сомнительный чувак.

Добравшись до узкой улочки неподалеку от центра, Джейми громко постучал в нужную дверь нужного дома. Каберра был дома и еще не спал: из окон лился свет и звучала музыка. Какая-то попса. Мексиканцы повернуты на попсе.

Прошло минут пять, прежде чем дверь открылась. На Джейми, как теплая океанская волна, накатили ароматы алкоголя, травы и залиvistый женский смех. В коридоре, слегка покачиваясь, стоял обкуренный Каберра.

— Hola, mexicano, ^[83] — брякнул Макака.

— Что за хрень?! — Каберра даже подскочил. — Матерь Божья! Джейми, чувак! Это ты?! — если бы не низкий рост, узкие плечи и пучок волос, торчащих надо лбом, как у какого-то воина-команча, мексиканец ни за что не узнал бы Макаку. — Что с твоим лицом? А воняешь как! Господи! Ты как будто целый вечер хлебал кровь из тазика, а потом закусывал ее дерьмом!

Джейми вошел в дом и сразу же плюхнулся на стоявший в коридоре пуфик. Он тяжело дышал, как контуженный жарой пес.

— Каберра, чтоб я сдох, но в пустыне творится что-то странное, — Джейми отчаянно сжал у груди кулачки, — а еще мне нужны альдостерон и тридцать девять противогазов.

Долина Смерти

Неоглядные просторы Северного Чили от побережья Тихого океана до самых Анд представляют собой пустынное плато. Здесь нет ничего, кроме голых скал, серого песка и солончаков. За последние четыреста лет здесь не пролилось ни капли дождя, не выпало ни капли росы. Ученые утверждают, что дождей здесь больше не будет. Вообще. Это Атакама — чужая и враждебная всему живому, бездушная пустыня. Сахара или пустыня Намиб по сравнению с ней покажутся райским садом.

В самом центре этой пустоши, к юго-западу от сонного городка Сан-Педро-де-Атакама, высятся хмурые каменные громады. Могучие и грозные, они напоминают базальтовые скалы, но на самом деле сложены из известняков и осадочных минералов. Двадцать три миллиона лет назад Атакама в результате подвижек земной коры оказалась над поверхностью океана. Дождь, ветер и потоки воды, стекавшие в море, понемногу вымыли часть осадочных пород, оставив отдельные пласты, которые и породили такое феноменальное сплетение кряжей и долин, которое через миллионы лет превратилось в один из самых негостеприимных уголков планеты.

Самая длинная долина начинается в двух километрах от Сан-Педро и тянется на много миль к западу. За ней идет уже настоящая пустыня, где песчаные барханы навевают глухую тоску, где днем обжигает зноем застывшее небо, а ночью пронзает колючий холод. В этой долине нет дорог, поэтому нет ни бензоколонок, ни придорожных кафе. В ней ничего не растет, нет ничего живого, даже бактерий. Нет воды — ни на земле, ни под землей. Здесь пусто и одиноко, как на безлюдной планете посреди холодного космоса. Само название этого места соответствует его хмурой внутренней сути и жуткому внешнему виду. А называется оно Valle de la Muerte, что переводится как Долина Смерти.

Среда, 19 августа, 09:40 (UTC -4)

22°54'27" юж. ш. 68°27'35" з. д.

Пустыня Атакама

Вчетвером они поднялись на бархан. Сначала Хедхантер, за ним Джефф, потом Алондра и последним — нервный Джеро, ни на секунду не выпускавший из рук дробовик. Мотоциклы они оставили внизу, там, где песок напелзал на твердую почву пустыни. По сторонам поднимались остроконечные известковые скалы.

Причина для волнений была перед ними. С севера по песку к бархану широкой полосой тянулись следы. Большинство из них были расплывчатыми, размазанными: мягкий песок не способен сохранять четкие отпечатки. Только кое-где попадались явные отпечатки детской ступни.

— Как ты можешь что-то понять в этом хаосе? — спросил Джефф.

Рино, нагнувшись, водил головой на расстоянии полуметра от земли.

— Последний раз они были здесь дня три назад, — констатировал Хедхантер.

— Как раз когда прекратились нападения, — заметил Джеффри.

— Да, похоже, они собирались здесь перед каждым набегом.

— Где же они теперь?

Хедхантер посмотрел вдаль в направлении, откуда пришли следы. Метров через двести дюны обрывались, и дальше тянулся твердый грунт, на котором следы будут незаметны. Хотя какая разница? Все равно у них нет времени их выискивать. Надо полагаться на чутье.

— Следы идут из Долины Смерти, — сказал Рино. — Некоторые разбегаются здесь, — он выдавил каблуком ямку на вершине бархана, — но все до одного идут оттуда.

— Ты был в этой Долине? — удивленная его знаниями, спросила Алондра, которая вызвалась ехать с Джеффри, так как имела опыт управления спортивным мотоциклом.

— Да, в первый же день по приезде сюда. Через 48 часов после их побега. Мы носились по пустыне в их поисках. А еще через день Хорт нашел их... И попробовал поговорить с ними. Никто и не думал, что боты, оставшись без еды, воды, альдостерона и программного управления, будут

вести себя так агрессивно... — Хедхантеру было неприятно, но все же он вспомнил о Хорте.



Долина Смерти

— Я не вижу ни единого следа, который бы вел назад, — заметил Джеро, внимательно осматривавший каждую расщелину в скалах.

— Не волнуйся, Джеро. Они возвращаются домой другой дорогой. Если боты додумались, как сбежать из лаборатории, то будь уверен, они додумаются заметить следы.

— Так где же нам их искать? — подал голос Джеффри.

— Думаю, они где-то в Долине. Единственное место, где днем есть тень, а ночью можно спрятаться от ветра.

— А Лагуны [\[84\]](#)?

— Не дури. Они всегда приходили с севера.

— Но там нет воды, — возразила Алондра.

— Тут нигде нет воды, — ответил Хедхантер. — То, что в Лагунах, — не вода. В ней столько соли, что, выпив, умрешь быстрее, чем от обезвоживания. Вода есть только в Сан-Педро.

— Ты хочешь сказать, что они ходят туда за водой? — оторопела девушка.

— А у них есть выбор? Только в Сан-Педро можно достать достаточно воды, чтобы напоить сорок глоток.

— Но это значит, что боты контактируют с людьми? — ахнула Алондра.

Рино слабо улыбнулся.

— «Контактируют» — это ты хорошо сказала. Они не могут не «контактировать», ведь им много чего нужно, чтобы выжить в пустыне.

Хедхантер достал карту из-за пазухи и сложил ее так, чтобы было видно Сан-Педро-де-Атакама и Долину Смерти.

— Сейчас мы вот здесь. Предлагаю разделиться и обыскать Долину с обеих сторон: с востока и с запада.

Все собрались вокруг бочкообразного наемника.

— Мы с Джеро двинемся на северо-восток. Сначала заедем в Сан-Педро, расспросим местных жителей, не видели ли чего. А потом уже в Долину. А вы с Алондрой, — повернулся он к Джеффри, — двигайтесь на северо-запад. Давай сюда навигатор. Я обозначу две точки, — он взял у американца черный iPhone, — первую на входе в каньон, там вы повернете направо и поедете на восток, и вторую — примерно посередине, — Рино неуклюже водил пальцем по дисплею, разыскивая на карте крайнее западное ответвление Долины. Все эти новейшие цифровые штучки смущали его. Он привык обходиться старыми бумажными картами. — Если дойдете до второй точки и не встретите по дороге ни нас, ни ботов — разворачивайтесь и шпарьте напрямик на базу. Вопросы есть?

— Нет, — Джефф и Алондра отрицательно покачали головами.

— Отлично. Мы можем их настроить, чтобы слышать друг друга? — Рино ткнул пальцем на продолговатое устройство с короткой антенной, торчащее из заднего кармана Джеро. Кацуро перед выездом выдал ему два таких передатчика, добавив к ним миниатюрные наушники и микрофон, прикрепляемый за ухом.

— К сожалению, нет, — сказала чилийка. — По ним можно общаться только с базой.

Рино скорчил гримасу:

— Я так и думал. Тогда не включайте эту штуку, пока не наткнетесь на их логово. Конечно, если вы на него наткнетесь. Эти умники только будут мешать своей болтовней.

— Как скажешь, Рино.

Группа начала спускаться с бархана, направляясь к брошенным мотоциклам.

Хедхантер не случайно отправил Джеффри и Алондру на запад. Интуиция подсказывала ему, что ботов они там не встретят. Западная часть Долины Смерти наименее пригодна для жизни. Днем там даже зимой не

намного прохладнее, чем на солнечной стороне Марса. Кроме того, она слишком далеко от Сан-Педро. Какими бы быстрыми и злобными ни были боты, им надо выживать в крайне агрессивной среде. Им нужны еда, вода, какая-то одежда, возможно, медикаменты. «Они должны быть на востоке, где-то рядом с Сан-Педро», — размышлял Рино. Однако скользкая неуверенность изводила его.

— Джеффри... — позвал он, как только американец уселся на «ямаху».

— Да, Хантер.

Рино замялся.

— Говори, что хотел, громила! — улыбнулся американец.

— Будь осторожен, фелла. Нам надо просто их разыскать.

— Днем они не нападают, чего бояться? — отмахнулся Джефф, а после добавил не так уверенно: — Ну, так Кейтаро говорит...

— Джеффри! — повысил голос здоровяк. — Никакой самостоятельности.

— Слушаюсь, генерал! — парень по-военному козырнул и рванул с места, поднимая за собой клубы пыли. Алондра помахала рукой и помчалась за ним.

Хедхантер и Джеро смотрели им вслед. Засунув руки в карманы, наблюдали, как парочка отдаляется, петляя между рельефами пустынного плато.

— Босс, зря мы их отпустили, мне страшно, — сказал наконец Джеро.

— Заткнись, — рявкнул на него Хедхантер, но сомнения одолевали и его.

Предчувствие не обманывало Джеро. Джеффри и Алондра задержались на утрамбованной возвышенности, которая, извиваясь, тянулась в направлении норд-норд-вест. Склонились над смартфоном. Стройные силуэты четко вырисовывались на фоне выцветшего неба. Определив самый оптимальный путь, парочка двинулась дальше и быстро пропала из вида.

Жить им оставалось чуть больше двух часов.

Среда, 19 августа, 10:47 (UTC –4)
Окрестности поселка Сан-Педро-де-Атакама

Хедхантер и Джеро выбрались на дорогу в двух километрах к югу от Сан-Педро, ведущую напрямик в поселок, и проехали по направлению к нему полкилометра. Тут Хедхантер поднял руку, давая знак остановиться. Он приложил палец к губам, и оба мотоциклиста заглушили моторы, прислушиваясь.

— Почему так тихо? — настороженно произнес Хедхантер.

— Это пустыня, босс. Здесь всегда тихо, — пожал плечами Джеро.

— При чем тут пустыня? Мы в километре от поселка. Почему нет никаких звуков? Должно же быть хоть что-то: какой-нибудь придурок, прущийся к Мисканти посмотреть на идиотских фламинго, кто-нибудь из местных, отправившийся в Каламу за покупками, — что угодно.

Джеро не спеша оглядел пустыню. Впереди в серебристом мареве виднелись неуклюжие и кривобокие, припорошенные песком домики Сан-Педро. По правую сторону вдалеке поднимались в небо погасшие вулканы Анд. И никакого движения. Пустыня словно застыла.

— Не знаю.

«Это плохое предчувствие, — успокаивал себя Рино. — Джеро прав: это Атакама, а не Манхэттен в обеденное время». Несмотря на это, тревога осталась, а желание заходить в поселок уменьшалось, ускользало, как вино, вытекающее из дубовой бочки сквозь дырявое днище.

Рино стоял, наклонив байк и упершись ногой в асфальт. Джеро не двигался в ожидании решения босса. Повернув голову, Хедхантер увидел, что гереро улыбается.



Сан-Педро-де-Атакама. На заднем плане — вулкан Ликанкабур

— Что смешного, придурок?

— Да вот смотрю и думаю: мы с тобой, Рино, как два ковбоя. Ружья в чехлах, под задницами железные кони, а впереди — пустой поселок. Хей-хоу! Два сраных ковбоя XXI века!

— Не болтай лишнего, дубина. — Южноафриканец отмахнулся, завел мотоцикл и направился вперед.

Во второй раз они оба остановились уже без всякой команды, на въезде в Сан-Педро. Джеро вытянул дробовик из чехла, прилаженного, как у ковбоя, к седлу, и передернул затвор.

Поселок состоял из сотни беспорядочно расположенных одноэтажных домов с толстыми глиняными стенами и маленькими окошками, не пропускавшими внутрь жару. Местами на ветру развевались растянутые на подпорах простыни — они защищали дворы от пустынной пыли. Основной улицы, типичной для большинства южноамериканских поселений, в Сан-Педро не было. Она вроде бы начиналась у въезда, но почти сразу терялась в сплетении тропинок и неаккуратных строений, напивавших друг на друга.

Рино и Джеро находились на расстоянии пятидесяти шагов от первых домишек. Но даже на таком расстоянии было понятно, что хижины пустые. Из одного двора выглядывал здоровенный пикап «Ford-Ranger». Четыре двери были распахнуты настежь, внутри — никого нет. Чуть дальше поперек грунтовой дороги, преграждая путь вглубь села, стоял выгоревший автомобиль-водовоз с цистерной. Корпус обуглился настолько, что нельзя было определить оригинальный цвет. Повсюду на дороге были разбросаны обрывки одежды, обувь, обломки досок, битое стекло.

— Ты был прав, — заключил Джеро. — Эти выродки таки пошли на «контакт».

— Да, — мрачно откликнулся Хедхантер. Он был в Руанде в 1994-м в самый разгар кровавой бойни и нагляделся на разоренные деревни^[85]. — Это их рук дело. Глянь туда.

Хедхантер приподнялся над сиденьем и показал на взрыхленную землю возле одного двора.

— Следы? — Джеро посмотрел в указанном направлении и вначале ничего не увидел. Через мгновение он различил четкий отпечаток детской ступни. — Это может быть след кого-то из местных, какого-нибудь чилийского пацана.

— Ты хочешь сказать, что пацаны из Сан-Педро носят по пустыне босыми?

Джеро не ответил, насупившись еще больше.

— Пойдем посмотрим, что там.

— Где? — Гереро почувствовал, как вдоль позвоночника прокатилась противная дрожь, будто крыса по спине пробежала.

— Блин, на Марсе! В селе, конечно.

— Я не думаю, что это разумно, Рино.

— Не бойсь, Джеро. Село пустое. Грузовик догорел давно. Кроме того, мы должны.

— Ты же сам говорил, что ботам нужна вода. А вдруг они оставили кого-то охранять водокачку или что-то вроде? И что значит «мы должны»?

Хедхантер на миг заколебался. Он думал об этом. Но интуиция подсказывала, что боты должны держаться вместе и не будут сидеть в Сан-Педро.

— Зачем? И так все понятно — боты пришли за водой, перебили людей и убрались обратно в свое логово.

— Тут что-то не так, — не согласился Хедхантер.

— Что ты имеешь в виду?

Амбал неопределенно пожал плечами, слез с мотоцикла и, осматриваясь, достал дробовик.

— Пошли.

— Мы играем с огнем. — Джеро подчинился и побрел за южноафриканцем.

Они быстро миновали сгоревший водовоз и оказались в центре поселка. Рядом возвышалась самая известная достопримечательность Сан-Педро — белая испанская церковь постройки XVII века.

Повсюду видны были следы борьбы. Во многих домах были выбиты стекла. У некоторых домов стояли джипы — тоже с открытыми дверями и выбитыми стеклами. Хедхантер осмотрел автомобили: у всех в замок зажигания были вставлены ключи. Похоже, жители поселка хотели спастись бегством, но не успели, и их выволокли из кабин.

Кое-где на стенах виднелись пятна засохшей крови.

Следы были уже присыпаны песком. Песок намело и внутрь домов, причем довольно глубоко. С момента случившегося прошло не меньше двух дней.

Хедхантер заглянул в церковь, потом зашел в туристический офис — одноэтажную самановую хижину, где всем желающим предлагали карты Атакамы, прошелся по вытоптанной площадке, которая служила рынком. Потом завел один из автомобилей, убедившись, что тот исправен и заправлен горючим. Больших разрушений не было, хотя пустые дома и безлюдные улицы вызывали волнение и неприятный зуд под кожей.

Джеро держался рядом с боссом. Он не был трусом, более того, дома он считался смельчаком. Но в Намибии или Анголе все было просто: с одной стороны — курчавые чернокожие ребята с автоматами АК-47, с другой — такие же точно парни с американскими винтовками М-16. Не надо было напрягаться, чтобы разгадать, что в этих головах творится. А здесь, имея немалый арсенал огнестрельного оружия, они не могли уже столько времени справиться с кучкой сопляков, у которых были только пращи и рогатки. У наемника сердце останавливалось, когда он думал о том, что же будет теперь, когда у ботов появились ружья?

— Рино, — хрипло прошептал Джеро, — что здесь могло случиться? Где все?

Хедхантер молчал, хмуро озираясь вокруг.

— Босс, — не унимался гереро, — я думаю, надо убираться, пока мы не вступили в дерьмо, от которого не сможем отмыться. Если боты уничтожили целый поселок, не стоит здесь оставаться... Целый поселок... Несколько сот людей! Поверить не могу, что кучка сопляков...

— Слышишь? — оборвал его босс. — Слышишь звук?

Джеро вытянул шею, готовый дернуть в любой момент. Глаза чуть не выскакивали из орбит. Черные уши оттопырились, как у ежа. Несмотря на свист ветра и глухие удары сердца, гереро различил равномерный низкий гул, доносившийся из северной части поселка.

— Что это?! — Джеро едва не закричал.

— Возьми себя в руки. Это насос для воды. Людей уже нет, а насосная станция работает до сих пор.

— И что это значит?

Рино засунул дробовик под мышку, вытащил из кармана пачку «Marlboro Gold», вытряхнул сигарету и закурил.

— А почему ты думаешь, что я должен знать, что это значит? Пойдем посмотрим.

Пройдя на звук по одной из улочек, они вышли к заброшенной станции, обеспечивавшей водой большую часть Сан-Педро. Среди карликовых деревьев скрывался кирпичный домик с узкими оконными проемами без рам и плоской крышей. Ржавая железная дверь была распахнута. Старый навесной замок валялся рядом в песке. Внутри помещения работал большой, почти полметра в диаметре, электродвигатель. Его вал соединялся через редуктор с винтовым насосом^[86], который качал воду с двухсотметровой глубины. Из-за отсутствия надлежащего ухода механизм проржавел и жалобно стонал. Патрубки насоса протекали (прокладки давно сгнили и стерлись), выпуская

драгоценную влагу назад в песок.

По трубопроводу вода поднималась в напорную башню — старую и изъеденную коррозией цистерну, которая стояла на четырех металлических опорах, возвышаясь на двенадцать метров над землей. Оттуда вода подавалась в дома Сан-Педро.

Когда Хедхантер и Джеро подошли, из башни обильным потоком текла вода. В нескольких местах в днище были большие пробоины. За два дня песок распух от влаги, и под опорами поблескивали грязноватые лужи.

— Боты не знали, как получить воду, а поэтому просто пробрили или прострелили днище, идиоты, — заключил Хедхантер.

Получалось, что громадный насос работал на полную мощность, высасывая воду с невероятной глубины, только для того, чтобы она тут же выливалась назад на песок.

— Ага... — поддакнул гереро.

Тут же валялись пустые пластиковые бутылки, металлические канистры, деревянные бочки. Преимущественно дырявые, треснутые или без ручек, за которые их можно было бы нести.

— Они набирали здесь воду. Видишь? — Рино поддел ногой одну из дырявых бутылок. — Вот эти не смогли забрать с собой. А потом ушли.

— Угу... Босс, давайте уйдем отсюда.

— Не-а, — здоровяк беззаботно курил сигаретку.

Джеро едва сдержался, чтобы не застонать.

— Ну, что такое, босс?

— Надо еще сделать одно дело. Ты должен мне помочь. Сколько бы воды они ни взяли, им все равно придется сюда вернуться, когда она закончится.

Хедхантер снова вошел в помещение станции и, орудуя прикладом дробовика, оборвал провода, питавшие электродвигатель. Мотор остановился. Гул быстро стих. Слышны были только звуки водяных струек, падающих из цистерны с двенадцатиметровой высоты на мокрый песок. Вода будет стекать еще долго. Может быть, целый день. Объем цистерны не меньше чем десять кубических метров.

Потом Хедхантер нашел на верстаке в углу испачканный маслом гаечный ключ и вручил его африканцу:

— Держи, — после чего присел на корточки перед насосом. — Держи ключом болт, а я буду бить по ручке прикладом. Иначе мы их не откроем.

Молодой гереро, держа в одной руке ключ, а в другой «ремингтон», переминался с ноги на ногу — он не понимал, зачем босс возится с этим оборудованием.

— А почему бы нам просто не разнести помпы или не расстрелять электродвигатель? — Джеро любой ценой хотел как можно быстрее и как можно дальше убратся из Сан-Педро.

— Тупица, — беззлобно буркнул Рино, — ты как будто никогда не бродил по пустыням в своей Намибии. Это один из двух доступных источников воды в радиусе ста километров. А вдруг он понадобится нам? Просто открутим вал и спрячем его.

Джеро согласно кивнул и обхватил ключом один из болтов, удерживающих верхний фланец, а Рино, поставив дробовик на предохранитель, несколько раз шарахнул прикладом по ручке ключа. Резьба заржавела, и болты поддавались тяжело. Иногда Джеро не удерживал ключ и от удара вылетал на улицу. Они мучились минут двадцать, пока не открутили верхнюю крышку.

Наконец Хедхантер извлек покрытый скользким налетом ротор из корпуса насоса.

— Спрячем его в церкви, — сказал он.

Вдвоем они оттащили его в церковь и завалили кучей тряпья и досок.

— Вот и все, — сказал Хедхантер, вытирая руки о джинсы, — теперь в беглецов на одну проблему больше. Можем идти.

Джеро, чуть ли не подсакивая от нетерпения, выбежал на улицу.

— Босс, а боты не догадаются, как поставить его на место? — спросил он, быстро шагая по направлению к выходу из поселка.

— Я в этом уверен, — хмыкнул Рино. Они дошли до последних домов. Мотоциклы стояли на месте. — Если б они понимали, как работает насос, то не стали бы дырявить цистерну, а набрали воду из трубопровода. А кроме того... Я перестраховался, — хитро прищурившись, добавил он и раскрыл ладонь, показав Джеро болты от крышки насоса.

Они сели на мотоциклы, и Джеро с облегчением вздохнул. Вокруг раскинулся бескрайний простор, исключаящий любую возможность засады. Под африканцем был добротный байк, а со всех сторон больше не нависали хмурые пустые дома.

— Босс, теперь мы легко найдем их логово, — уверенно отметил чернокожий гереро. — В Долине начинается глубокий песок. Наверняка они оставили много следов, когда волокли канистры с водой.

Хедхантер пропустил это замечание мимо ушей. Усевшись на мотоцикл, он не сводил глаз с Сан-Педро. В глазах было видно напряжение. Мышцы на лице перекачивались волнами. Густо-красный шрам пульсировал и извивался, как живой. Как червяк, который, расплющившись, прилип к лицу.

Джеро помрачнел, осознав, что его патрону что-то не нравится. Он хорошо знал этот взгляд. И ужасно не любил такое выражение глаз. Потому что оно означало проблемы. Для них обоих.

— О чем ты думаешь, босс? — тихо спросил гереро. — Что-то не так?

— Ты видел хоть один труп? Джеро задумался.

— Нет...

— И я не видел. Тебе это не кажется странным?

— Это странно... — глуповато повторил африканец. — И правда странно.

— Вот и я думаю, Джеро, куда они, черт возьми, подевали столько мертвецов?

Среда, 19 августа, 10:11 (UTC –4)
«EN-2», второй инженерный корпус

За вчерашний день Тимур просмотрел шесть часов видеозаписей и сотни тысяч строк программного кода. Прекрасно разобрался в принципе кодирования ботов, но пропавший файл MacrosVN.bcf он так и не нашел, и назначение функции MacrosCreate по-прежнему оставалось неизвестным. Ральф об исчезнувшем файле говорить явно не хотел, твердя, что отдал Тимуру все, что было.

В среду Тимур вернулся к просмотру записей, которые были сделаны непосредственно перед побегом. Ему сообщили, что группа из четырех человек под руководством Рино с самого утра отправилась в пустыню искать ботов. Тимур понимал, что времени в обрез.

В который раз просматривая эпизоды, повторявшиеся во время вечерних трапез, Тимур старался сосредоточиться на деталях. И в какой-то момент заметил любопытную закономерность в сценах нападения ботов на своего товарища. Двадцать-тридцать ботов налетали на жертву. Поначалу именно к ним было приковано основное внимание. Теперь же Тимур обратил внимание и на то, что один бот всегда держался в стороне. Он не смотрел на потасовку, он следил за входом в столовую. Как только в дверь вбегала охрана, он прекращал наблюдение и садился за стол. Похоже, он засекал время, за которое появляется охрана.

Еще одно обстоятельство обнаружилось при внимательном просмотре записи самого побега 31 июля.

У столовой было три входа — два, ведущие в «ясли», и третий — GATE 05 — выходящий на улицу. В день побега боты заблокировали только те, что вели в «ясли». Внешняя дверь осталась незаблокированной столами. Во время предыдущих инцидентов охрана всегда прибегала из «ясель» и никогда через вход GATE 05. Даже если охранники находилась в корпусе «DW», им было проще вбежать в «EN-2» через центральный вход и добраться в столовую через «ясли», чем обегать весь корпус, чтобы попасть к GATE 05. Тимур понял, что боты, которым каждый вечер «промывали мозги», стирая всю память, содержащуюся на платах, каким-то образом запомнили, что охрана не использует внешнюю дверь.

Но больше всего Тимура удивило третье его открытие. Он просмотрел

немало записей выхода ботов за ограду на тренировки. Ворота всегда открывал один и тот же охранник — костлявый чилиец с морщинистым лицом, заядлый курильщик. Он выкуривал по две с половиной пачки в день, вместо легких у него были мешочки с жидким дерьмом. Чтобы открыть ворота, нужно было вставить в щель электронного замка магнитную карточку и ввести код. Чилиец при этом всегда покашливал, автоматически прикрывая рот кулаком. Просматривая запись внешних камер в день побега, Тимур обнаружил, что бот, который открывал ворота, не просто знал код. Перед набором кода он сгорбился и дважды подряд поднес ко рту сжатую в кулак руку. Он явно *имитировал жест курильщика-охранника*, считая, что без этого ритуала замок не откроется.

Тимур десятки раз оттягивал ползунок медиаплеера назад, просматривая эпизод. Это было не просто странно. Такое поведение шокировало. Программист был вынужден изменить свое мнение. Прямолинейность и механистичность действий бота указывали на то, что проблема в программировании. Поведение ботов было сложным, но при более глубоком анализе оказалось, что за поверхностной сложностью стоит примитивизм. Тимур еще сильнее ощутил необходимость найти `MacrosVN.bcf` — единственный файл, которого не хватало в исходных кодах.

Буквы VN в названии отсутствующего модуля означали «Vadym Nort», это очевидно. Тимур решил вернуться к биографии Хорта. Впрочем, только для того, чтобы снова уткнуться в тупик. Самый непроходимый из всех, какие только можно себе представить.

Мысли путались. Тимур пытался вернуться обратно к видеоматериалам, однако что-то не давало ему сосредоточиться. Какая-то мысль постоянно вертелась у него в голове: почему отладку ботов проводил Хорт — *специалист по CAD-системам*? Почему они сразу не пригласили Тимура?

Ведь что такое CAD-системы? Обычные рисовалки: 3D-редакторы с развитым интерфейсом и множеством инструментов для типичных конструкторских расчетов. Линейные алгоритмы, никаких генераторов случайных чисел, никакой теории хаоса. Как получилось, что CAD-программера привлекли к разработке ботов? Это смахивало на полный бред. Все равно что дантисту разрешить оперировать сердце или разработчика пароварок засадить за создание космического модуля.

Чем больше Тимур думал, тем больше падал духом. Он даже не подозревал, что разгадка была от него всего в одном шаге.

Среда, 19 августа, 12:11 ‘ UTC -4)

22 51‘10“ ю. ш. 681927“ з. д.

Восточное ответвление Долины Смерти

Воздух был сухим. На вкус как бумага. Казалось, что дышишь сквозь старую пыльную газету, которой тебе закрыли рот.

Хедхантер и Джеро свернули с дороги и въехали в Долину Смерти. Километров пять катили по твердому грунту. Русло ущелья извивалось, как удав, обернувшийся вокруг коряги. Стены его становились все выше, достигая высоты семиэтажного дома. Рядом со слоноподобными глыбами, попадавшимися на пути, мужчины чувствовали себя насекомыми.

Пекло солнце, разбрызгивая вокруг бесцветный огонь. Ветер в ущелье не пробивался и гудел где-то далеко над головой, изредка швыряя с высоты пригоршни песка.

Внезапно стены Долины Сметри расступились и начались глубокие пески. Широкая песчаная полоса, пробившись через стены ущелья, пересекала Долину наискосок с юга на север. Но чуть дальше, на расстоянии в несколько сотен метров, сплошной стеной поднимались известковые скалы. Стена эта была высотой метров в тридцать. По центру ее разрезала трещина шириной метров в пять, не больше.



К ней шли оставленные на песке многочисленные следы. По сторонам открытой прогалины барханы были гладкими, как кожа младенца, зато впереди тянулась полоса, покрытая множеством ямок, оставленных на податливом пылеподобном песке. Кое-где виднелись неширокие борозды, отмечавшие места, где боты тянули самые большие посудины с водой.

Хедхантер и Джеро остановились и заглушили моторы мотоциклов.

— Я же говорил — мы их быстро найдем, — Джеро старался говорить бодро, однако выглядел как школьник, говорящий отцу о том, что

провалил экзамен.

— Главное, чтобы они теперь не нашли нас, — ответил Рино.

— Давай кончать с этим, — сказал гереро, заводя байк.

Хедхантер не шелохнулся, оставив ногу на земле.

— Что?

— Что-то слишком много следов для сорока пацанов...

Полоса с отпечатками ног была шириной в восемь-десять метров.

— И что? Может, они прошли здесь несколько раз? — Постоянные недомолвки со стороны босса доводили Джеро до бешенства.

Хедхантер не ответил, завел мотоцикл и рванул через пески.

Джеро последовал за ним, но уже через несколько метров увяз в песке передним колесом и через руль вылетел из седла. Спустя мгновение обоими колесами увяз в песке и мотоцикл Хедхантера. Амбал сердито дергал мотоцикл, пытаясь вырваться из ловушки, но ноги не находили опоры и проваливались в теплое месиво песка. Понемногу их окутала пыль.

— Чертова пустыня! — выругался Рино. Его мотоцикл заглох.

Джеро просто кашлянул в ответ, поднимая свой байк.

— Придется тянуть их, пока не выйдем на твердый грунт.

— Может, поищем объезд?

— Ага, и потеряем следы. До ущелья не так уж и далеко, дальше, надеюсь, сможем ехать.

Делать было нечего — взявшись за руль, они принялись толкать мотоциклы. Это было нелегкое дело. Ноги утопали в песке. Пыль, поднимаемая в воздух каждым движением, забивалась в рот и ноздри. На лбу у Джеро проступили крупные капли пота, который мгновенно испарялся, оставляя на коже шершавые пятна соли. Тут же появлялись новые капли. Внешне Рино оставался спокойным: его лицо не выражало ничего, кроме упрямой сосредоточенности.

Этот момент стал особенным. Часы показывали четверть первого, и Рино не представлял, что всего через минуту вся его жизнь полетит вверх тормашками.

До этого момента Рино принадлежал к редкой категории людей, патологически не чувствующих страха. Ни перед чем. Даже перед смертью. Он был грубым, бесцеремонным, нахрапистым сорвиголовой, привыкшим доминировать благодаря своей физической силе. Смерть представлялась ему неотвратимым актом в конце жизненного пути, эпилогом, которого не избежать. Все остальное, что могло произойти на этом пути, он мог раздавить, разорвать на куски и, следовательно, этого не

боялся. Он подчеркнуто презирал людей, трясущихся над своими изнеженными задницами. Он и представить не мог, как можно бояться чего-нибудь.

Но, как известно, Господь наказывает нас за то, что мы не можем себе представить.

В ту жаркую среду в конце августа, посреди самой сухой пустыни на планете Земля, жизнь Рино повернула в новое русло. Если быть точным, это произошло в 12:17. Еще в 12:16 Хедхантер оставался тем наглым типом, который плевал на страх во всех его проявлениях. Зато в 12:17, выталкивая мотоцикл из очередной ямы, Хедхантер случайно глянул исподлобья вперед. И застыл на месте, конвульсивно вцепившись в руль.

Сзади за спиной пыхтел Джеро. Впереди, между двумя вертикальными известковыми стенами, куда они пробивались через полосу глубокого песка и где еще минуту назад никого не было, стоял Вилл Ноланд.

— Вилл? — пискнул Рино. Пусть это странно звучит в отношении двадцатикилограммового мужика со слоновьими бицепсами и шрамами на всех частях тела, кроме яиц и пяток, но да — именно *пискнул*.

Американец, которого пять дней назад поймали боты, стоял и смотрел на Хедхантера. Если быть точным, он *не смотрел* в прямом смысле слова. Вилл *не мог* смотреть. Точнее сказать, те места, где *когда-то* были глаза, были направлены прямо на Рино. Потому что глаз у Вилла больше не было. Вместо них у него были углубления, почерневшие от засохшей крови. Век не было тоже. Грязные сгустки плоти в глазных впадинах обрамляли засохшие куски рваной кожи. Рот застыл, образовав почти правильную букву «О». Шершавый язык торчал влево, загибаясь к верхней губе. От потрескавшихся углов рта к щекам тянулись бурые прожилки. Волосы, свисая свалывшимися прядями, искрились старческой сединой (как у Хорта, которого нашли после того, как он «поговорил» с ботами). Одна рука, явно сломанная, торчала под странным углом.

Казалось, из его широко открытого рта сейчас полезут черви, пауки или тараканы.

Вот тогда-то Рино впервые задумался над тем, что на житейском пути, в промежутке между рождением и финальным актом, существует множество вещей, которым не получится набить морду, которым не сделаешь больно и которых не убьешь, потому что они уже мертвые. А Вилл был мертв. (Ноланд стоял прямо, чуть пошатываясь вперед-назад, но Хедхантер не сомневался, что он мертв.) Настолько мертв, что его, наверное, придется хоронить дважды.

— Что с ним? — раздался сзади сдавленный голос Джеро.

Тут Вильям двинулся им навстречу. Он ковылял, волоча по песку одну ногу. Упал, но тут же снова поднялся: сначала над песком возникла изуродованная голова, за ней корпус, — и продолжил движение.

Рино вздрогнул, услышав, как за спиной вопит его лучший боец. Джеро визжал со знанием дела, по-женски звонко и высоко. Здоровяк хотел что-то сделать, треснуть его по башке или что-то в этом духе, но понял, что не может сдвинуться с места. Ему не под силу было ни повернуть голову, ни даже рот открыть, — он мог лишь тупо наблюдать, как Вилл Ноланд приближается к ним.

Вот тогда-то все и началось. Рино почувствовал, как что-то запульсировало у него в заднице. Прямо там, внизу. Как будто в копчик всадили несколько кубиков льда. Ноги стали ватными, желудок провалился до самой задницы, а кожа стянулась, словно кто-то поддернул ее на темени. Он раскрыл рот, но не выдавил из себя ни слова. Хедхантер не понимал, что с ним такое. Состояние было похоже на сердечный приступ или на приступ неизвестной болезни, которая долгое время скрывалась и вот, наконец, выбрала неудачный момент, чтобы проявиться. Но это не было ни то, ни другое. Это Рино расширил гамму своих ощущений, узнав, наконец, что такое непреодолимый и всепоглощающий страх.

— Бо-о-о-осс! О... о... он бежи-и-ит! — заорал Джеро, пытаясь развернуть свой байк. — На хрен! А-а-а!

Что именно «на хрен», он так и не смог объяснить. Мотоцикл увязал в песке.

— Бросай мотоцикл, — все же смог пробормотать Хедхантер. — Бежим!

Бросив все — фляги с водой, дробовики, рацию, — они рванули по песку назад. Выбрались на твердый грунт и припустили не оглядываясь.

Джеро, как и большинство выходцев из Южной Африки, был выносливым, как высокогорный баран. Очевидно, бегал он лучше толстозадого Хедхантера, который курил с тех пор, как в Анголе стал президентом Жозе Эдуарду душ Сантуш.

— Босс... э-хех... я сбегая в... ху-у-у... в Сан-Педро и пригоню машину, — прокричал Джеро на бегу. До Сан-Педро было километров восемь.

— Что-о?

— Я вернусь, обещаю... Я буду ждать... на дороге, иначе мы... не выберемся отсюда... — бросил ему Джеро.

— Куда?! Не бро... не бросай меня! — запаниковал Хедхантер.

Джеро быстро отдалялся. — Я убью тебя, черномазый!

Вскоре гереро совсем пропал из виду. Хедхантер собрался с духом и оглянулся. Ноlanda не было. Он отстал. Может, упал и не смог подняться. Но желания остановиться не было — Хедхантер продолжал бежать.

На всю жизнь запомнил он, каким сухим был воздух в тот день. Как обжигал горло шероховатый привкус старых газет, смешанный с запахом горячего песка. Бумажный вкус пустыни — неумолимый привкус смерти.

LVIII

Среда, 19 августа, 12:38 (UTC -4)

«DW», жилой корпус

Лаура неслась по коридору, на ходу заправляя рубашку в джинсы. Прическа стояла дыбом, смятая послеобеденным сном. На носу не было привычных очков.

Вылетев из-за угла, она едва не сшибла с ног Тимура, который неспешно шел в кухню с пустой чашкой.

— Быстрее! — выпалила девушка. — Джеффри вышел на связь.

— Откуда ты знаешь?

— Кацуро сказал. — Из-за спешки Лаура промахнулась, попав пуговицей не в ту петлю, и рубашку перекосило. — *Он нашел их.*

Чашка Тимура так и осталась пустой. Забыв о свежей порции кофе, он помчался следом за Лаурой в комнату с рацией.

Там уже находились Кейтаро, Такеда, Емельянов, Эрмглен и Тиана Эмерсон. За пультом сидел Ральф.

— Джеффри, прием. Это Ральф. Как слышишь?

— Отлично, — донесся из динамика напряженный и очень тихий голос Джеффа.

— Это так плохо слышно или он специально шепчет? — брякнул кто-то в толпе.

— Можешь говорить громче? — спросил Доэрнберг.

Несколько секунд из рации доносилось монотонное шипение. Наконец американец отозвался:

— Никак нет, — по-военному отрезал Джефф, а потом, спохватившись, добавил попроще: — Пардон, Ральф, не могу говорить громко. Мы слишком близко.

По лицам присутствующих в переговорной комнате прошла тень. Каждый вздрогнул, представив себя на месте Джеффри: среди песков, в опасной близости от ботов.

— Ты их видишь? Они где-то рядом?

— Ближайший — метрах в восьмидесяти, — сообщил Джеффри.

Бразилийка тихо выругалась. Тимуру как будто задул за шиворот ледяной ветер.

— Ладно, я понимаю, — медленно произнес Ральф. — Расскажи, где

вы сейчас.

Американец, сверившись с картой на iPhone, назвал координаты, а потом продолжил:

— Слева от меня обрыв глубиной футов в сто^[87]. Тянется с запада на восток. Внизу видно пещеры. Не полностью. Частично. С этого места видно паршиво, но именно в них прячутся боты. Мы с Алондрой залегли недалеко от пропасти.

— А где Хедхантер?

— Мы разделились часа два назад. Они с Джеро направились в другой конец Долины.

Внезапно Алондра негромко ойкнула. Джеффри шикнул на нее, но ойканье не стихало. Потом настала тишина. Похоже, американец закрыл чилийке рот ладонью.

— Что случилось? Что там у вас?

— Меня сейчас вырвет, — прохрипел Джефф.

— Что там?! — от волнения Ральф повысил голос.

— Тут бот... прямо под нами... — Джеффри отвечал отрывисто. — Я не замечал его...

— Что с ним? Что он делает? Опиши нам! — горячился Ральф.

— Он стоит... «малыш» просто стоит, но... О господи! На нем чье-то лицо.

— Что?!

— Он надел на себя чье-то лицо...

— Я не понимаю тебя, Джеффри. Повтори!

— Бот нацепил на голову лицо человека.

— Что ты такое говоришь?

— Похоже, он срезал кожу с лица у какого-то чилийца... снял, как скальп... и натянул на себя...

Тиана Эмерсон застонала. Эрглен отшатнулся от рации.

— Я же говорил тебе: они добрались до людей, — бросил Ральф Джепу.

В этот момент Тимур отключился от всего. Взволнованный говор, заполнивший радиорубку, долетал до него как далекий шепот. Он поймал себя на том, что его не удивило сообщение Джеффри. Описанная картинка вписывалась в его видение ботов. Правда, он еще не понимал почему.

Тимур начал вспоминать. Вначале демонстрационный тест для пентагоновских генералов: боты накинулись на «Миниганы», потому что после двух тренировок усвоили факт их существования. Потом в памяти воскресли вечерние атаки ботов: парень, засекавший время появления

охранников. За ними вынырнула картина побега: бот открывает ворота, набирая код и «кашляя» в кулак.

Тимур отошел от остальных и оцепенел. В досье Хорта было написано, что в «МАЙКОНе» тот работал над... макросами. Тимур знал об этом. Знал давно, но сначала почему-то не придавал значения.

В CAD-системах, чтобы при построении однотипных чертежей каждый раз не начинать с нуля, можно использовать режим макроса. Компьютер запишет последовательность нажатия клавиш. Получится программа, которую можно использовать повторно для создания похожего чертежа, изменив в ней лишь несколько параметров. Это и есть макрос. В «МАЙКОНе» Вадим работал над тем, чтобы действия пользователя превращались в максимально гибкий код. Ну конечно! Как же он не сообразил раньше! Ему больше не нужен файл MacrosVN.bcf. Он и так знает, что в нем содержится. Тимур чуть не подскочил на месте.

— О Боже, — прошептал он и бросился к радиостанции, выталкивая Ральфа из кресла, и закричал в микрофон: — Джеффри, это Тимур. Ты меня слышишь?

— Да, Тимур, я тебя слышу. Пожалуйста, не ори так, а то тебя буду слышать не только я, а заодно и пол-Атакамы.

— Этот бот с чужим лицом... — Тимур нервничал и говорил несвязно, — ну, с чужой кожей на лице, он еще там?

Радио затихло. Джеффри осматривал ущелье, выискивая бота. И вот прозвучал ответ, причем в голосе молодого американца послышались тревожные нотки:

— Да, он на том же месте. А что?

— Куда он смотрит? — не понижая голоса, выпалил Тимур.

— Сюда. Но не совсем на меня, вроде чуть-чуть в сторону...

Украинец сделал глубокий вдох, сжал кулаки и произнес:

— Джеффри, я только что кое-что понял, но нет времени объяснять. Ты должен немедленно...

Но Джеффри, не дослушав, перебил Тимура:

— Ого, народ! Я вижу людей.

— Каких людей? — отозвался Кацуро, придвинув к себе микрофон.

— Взрослых... Что за чертовщина?..

Тимур не мог ждать. Он грубо оттолкнул японца и заорал в микрофон:

— Джеффри! Алондра! Валите оттуда! Быстро убегайте! Ради всего святого!

— Тут люди... странные... — как замороженный, повторял Джеффри.
— Ходят как лунатики. Кто-то лежит на песке...

— Бегите, если вам дорога жизнь! — Тимур орал, рискуя сорвать голос. — Боты *учатся*! Они все время *учились*!!!

Ученые удивленно переглянулись, всерьез переживая за психическое здоровье Тимура.

— Парень, с тобой все в порядке?

И только старый Кейтаро нахмурился.

— Жаль, что мы не захватили камеру, — донесся голос из динамиков. — Вы не поверите, что я вижу. Это какой-то Освенцим, честное слово... Тимур, а почему мы должны убегать? — он наконец обратил внимание на крики Тимура.

— Дурак, беги! Хорт запрограммировал их на самообучение! Каждое результативное действие боты превращают в код, который потом ими же и управляет. Хорт всю жизнь этим занимался.

Несколько нескончаемых секунд в эфире царила тишина.

— И что с того? — в конце концов отозвался Джеффри. — Это что-то меняет? Я нашел их логово — это главное.

— Джеффри, ты издеваешься? Неужели ты до сих пор не понял?! — Тимура трясло, как в лихорадке. Сердце выпрыгивало из груди. Он не мог подобрать нужные слова, хотя уже знал, что должно случиться. — Они смотрят и анализируют, как вы отреагируете на чужое лицо! Боты думают, что мы узнаём их только потому, что они все одинаковые. Подумай, наконец! Сам факт того, что один из ботов надел чужое лицо и постоянно находится у тебя на виду, означает, что они с самого начала знали о вас, о тебе и Алондре!

— Что? — вскрикнул Джеффри.

— Они с самого начала знали, что вы придете, — закончил Тимур, обессиленно спустившись вниз на кресле.

Среда, 19 августа, 12:48 (UTC –4)
Шоссе № 23, неподалеку от Сан-Педро

Тяжело дыша, Хедхантер бежал по дороге. Над размякшим асфальтом дрожал обжигающий воздух. Справа поднимались известковые скалы. За ними была Долина Смерти.

Время от времени Хедхантер оглядывался назад. Он знал: если кто-то погнался за ним, убежать он не сможет. Сил бежать больше не было. Он перегорел. Как лампочка. Бег никогда не был его козырем. Хедхантер мог до крови на костяшках колотить грушу, часами таскать «железо» в тренажерном зале, но, когда дело доходило до длинного кроса, он пасовал.

Не зная, в каком именно месте он выбрался на трассу (выше или ниже, чем Сан-Педро), Рино бездумно двигался на юг. Амбал любой ценой стремился оказаться как можно дальше от Valle de la Muerte.

Неожиданно с севера раздался звук мотора. Рино остановился. Приложил руку козырьком ко лбу и стал смотреть. Страх медленно, но неуклонно сжимал горло.

Из-за холма показался бледно-голубой двухместный пикап «chevrolet». Хедхантер остановился и в тревожном ожидании уставился на автомобиль. Бежать смысла не было.

Вскоре «chevrolet» затормозил, не доехав до него нескольких метров.

— Босс, это вы? — Из окна высунулась курчавая шевелюра Джеро.

Рино молчал. На щеках заходили желваки.

— Я пригнал машину, — бодрее заявил африканец.

Хедхантер, не говоря ни слова, пошел к машине. Вышел на дорогу, обошел капот и подскочил к кабине со стороны водителя.

— Босс, что это вы... — Джеро не договорил. Хедхантер левым прямым вколотил его голову глубоко в кабину.

— Ты бросил меня, предатель! — рыкнул здоровяк.

— Я не бросал вас! — взвизгнул гереро. — Я... — Следующий удар откинул его на пассажирское сиденье. Подавшись за рукой, Рино наполовину ввалился в салон.

— Чертово трепло! Предатель! — кричал великан.

Джеро понял, что босс не утихомирится, вывернулся ужом, перелез на правое сиденье и выскочил из машины. Ключ остался в замке зажигания.

Хедхантер еще что-то прокричал, а потом открыл дверцу и сел за руль. Мотор зарычал.

— Босс! — закричал Джеро, держась от машины на расстоянии. — Ведь вы же не бросите меня одного! Рино, я не хотел! Я же вернулся!

«Chevrolet» начал набирать скорость.

— Не-ет! Стойте, стойте! Пожалуйста! — Джеро побежал следом, стараясь схватиться за кузов.

Пикап резко остановился, отъехав на десять метров. Замер и Джеро, не решаясь подойти к машине, от которой его отделяло полтора метра.

— Что, не мог найти машину с большим запасом топлива? Собираешься толкать ее до базы? — наконец донеслось из кабины. — Садись, черномазый! Дома поговорим о твоём поведении.

Среда, 19 августа, 12:53 (UTC -4)

22°54′09″ ю. ш. 68°25′19″ з. д.

Долина Смерти

— ...Сам факт того, что один из ботов надел чужое лицо и постоянно находится у тебя на виду, означает, что они с самого начала знали о вас, о тебе и Алондре!

Джефффри краем уха прислушивался к тому, что долетало из наушников. Его внимание было приковано к открывшемуся взгляду зрелищу. Но последние слова все же дошли до его сознания.

— Что? — вскрикнул он.

Но пока что в его голосе было больше удивления, чем страха. Трудно было поверить, что сидящий в десятке километров отсюда украинский программист, пусть даже очень толковый, лучше, чем они с Алондрой, разбирается в ситуации. Ведь они находятся в самом эпицентре событий.

Джефффри ошибался. Эта самоуверенность стоила ему жизни.

— Они с самого начала знали, что вы придете, — опять донесся голос Тимура.

Бот в маске из чужого лица, как и раньше, стоял неподвижно. Из-за крови, стекавшей с его маски, было трудно понять, куда он смотрит. Джефффри немного занервничал и бросил взгляд на мотоциклы. До них было метров двести. Можно добежать за полминуты. После этого боты их ни за что не перехватят. Парень успокоился.

Когда он перевел глаза обратно в сторону обрыва, то увидел, что рядом с залегшей за кочкой Алондрой стоит бот. Выродка от девушки отделяло полметра. Если бы хотела, она могла бы дотянуться до «малыша» рукой. Джефффри передернуло. Алондра глотнула воздуха и громко завизжала. Тут слева из-за камней появился еще один бот, за ним третий, четвертый. Все это время они, как ящерицы, наполовину зарывшись в песок, прятались рядом. Бот схватил Алондру обеими руками за горло и вытащил из укрытия.

— Нет! — зарычал Джефффри.

Вместо того, чтобы бежать к мотоциклу, он бросился к девушке. Бесплезное геройство, поскольку через полсекунды после того, как боты вытащили ее из укрытия, Алондра была уже мертва. Выродки хорошо

знали, куда бить и на что давить, чтобы как можно скорее лишить человека жизни. Бот свернул ей шею.

Ярость ослепила Джеффри. Он выскочил вперед и замахнулся кулаком на ближайшего бота. Тот легко увернулся. Джеффри ударил рукой воздух, не удержал равновесия и мешком покатился с обрыва вниз по склону. Он упал на дно ущелья напротив пещер, которые видел сверху. Парень с ободраным о камни лицом и полным ртом пыли тут же вскочил на ноги, готовый удирать или драться. Но вместо этого застыл, открыв рот. «О господи! — Он почувствовал, как волосы на голове шевелятся от ужаса. — Как они до *такого* додумались?!»

После падения ему открылась та часть ущелья, которую раньше закрывал южный выступ его стены. Вдалеке под скалами толпились несколько ботов. Они были настолько заняты, что даже не обернулись. Они разложили на земле одного из крестьян Сан-Педро. Джеффри догадался, что они с ним делают...

Из-за шока Джеффри не заметил, как первый преследователь сбил его с ног и попытался прижать к земле. Джеффри чудом вывернулся и швырнул боту в глаза горсть песка. «Я должен их предупредить, — пульсировало у него в голове. — Они умрут. Черт побери, если я не предупрежу, их всех убьют». На четвереньках отползая от напавшего, парень закричал, надеясь, что микрофон и передатчик не повредились при его падении:

— Тимур!... Тимур!... Я понял, откуда они... — Тут бот схватил его за горло. Джеффри видел, как к ним бегут другие боты. — ...рой ...у.. ег... вто...ту... тим... — прохрипел он.

Джеффри боролся до последнего. Если бы схватка происходила ночью, боты прикончили бы его за секунду, а так жара, хоть и не уравнивала шансы, все же притупляла силу уродов. Парень сопротивлялся, стараясь высвободить горло и предупредить об опасности. Об угрозе, которую никто из них не мог представить в самом кошмарном сне. Но не сумел. Один бот вжал его голову коленом в песок и пальцами выдавил его зеленые глаза. Другой острым камнем взрезал живот и запустил глубоко внутрь руки. Булькая, кровь, желчь и дерьмо вытекали на горячий песок. С этого момента, чувствуя, как сатанинское отродье в теле сопливого пацана потрошит его внутренности и разбрасывает их скользкими обрывками на песок, Джефф перестал отбиваться. Ему стало все равно. Он хотел только одного: чтобы его сознание как можно скорее поглотила тьма.

Среда, 19 августа, 13:09 (UTC -4)

«DW», жилой корпус

Тиана Эмерсон пулей вылетела из радиорубки и побежала в свою комнату, закрылась и до вечера не выходила оттуда. За ней к двери двинулся Джеп, бросив на ходу: «С этого момента запрещаю без моего разрешения выходить за ограду». Тимур метнулся к двери, чтобы перехватить его.

— Стойте! — Он схватил Джепа за руку. — Вы не можете просто так уйти.

Кейтаро обернулся. Усталое морщинистое лицо не выражало ничего.

— В очередной раз поджигаете хвост и сваливаете? Блин, это что — такой японский «зашибись-какой-действенный» метод решения проблем? Вам не кажется, господин профессор, что надо, наконец, попробовать убрать за собой дерьмо?! — Тимур уже почти кричал: — Если вы вдруг не заметили, то из-за вас погибли люди!

Редкий момент: восковое лицо Кейтаро обезобразили эмоции. Джеп разозлился:

— Кто ты такой, сопляк, чтобы *так* говорить со мной?

— А кто *вы* такой, чтобы так трахать мне мозг? Вы же знали! Признайтесь, вы с самого начала знали, что сделал с ними Хорт?

Кейтаро наморщил лоб и отвернулся, как будто готовился выйти из комнаты, но не прикоснулся к двери. После короткой заминки он ответил:

— Да.

— И вы мне не сказали об этом?! Я, как идиот, третий день ковыряюсь в обрывках программных кодов, пытаюсь найти, в чем же проблема, и даже не подозреваю, что Вадим Хорт на самом деле не усовершенствовал ботов. Он наделил их *собственным* компилятором, который может генерировать программный код на основе любых действий, и теперь они способны совершенствоваться сами. Вы хоть представляете, насколько велика разница между запрограммированными сбежавшими ботами и сбежавшими ботами, которые *могут программировать самих себя*?!

— Заткнись, — негромко приказал японец. — Ты...

— Не затыкайте мне рот!

— Ты не понимаешь.

— Это вы ни черта не понимаете! Сколько времени боты на свободе? Третью неделю, да? И все это время каждый из сорока двух «малышей» со скоростью торнадо впитывал в себя новые знания, которые мгновенно становились доступными для остальных. Тот код, который вы подсунули мне, не имеет ничего общего с тем, что сейчас творится у них в головах! Над ним сейчас сотни, а может, и тысячи новых макросов, и мы можем только догадываться, что в них.

— Остынь, я все понимаю. Тебе не говорили сознательно. Это был своего рода тест — догадаешься ты или нет. Считай, что ты его прошел. Так сказать, сдал экзамен, подтвердив квалификацию. В то же время, парень, — японец ткнул пальцем в программиста, — ты не улавливаешь главного. Да, Вадим перестарался — боты получили возможность самообучаться, и это объясняет, как они смогли сбежать, как выжили в пустыне, как научились писать. Я это знаю, это знал Хорт, а теперь узнал и ты. *Но я хочу услышать ответ на вопрос «почему?»*. Почему они сбежали? Что их побудило к этому? Почему они стали такими агрессивными? Самообучение — это только средство, а не причина. Макросы тут ни при чем. Когда боты убегали, их еще *не было*. «Малыши» вообще ничего не знали о существовании внешнего мира.

Тимур ненадолго задумался, решив, что японец все-таки прав, а потом глухо пробормотал, опустив взгляд на ноги:

— Если бы вы упомянули об этом раньше, Джеффри и Алондра остались бы живы.

— Может, остались бы, а может, нет, — повел бровями Кейтаро.

Украинец сдержался, пересилив желание заехать японцу в морду.

— А что еще вы от меня скрыли?

Джеп уже переступил порог. Не оборачиваясь, бросил Тимуру:

— Беглецы унесли с собой сто пятьдесят ампул с наноагентами.

На секунду Тимур растерялся, не понимая, что бы это могло означать. Старый японец удалялся по коридору.

— Но для чего? — крикнул парень вдогонку.

Кейтаро только пожал плечами. Тимур повернулся к Ральфу:

— Боты знали о существовании наноагентов? Зачем они им сдались? Это абсурд?

Ральф выдохнул и произнес:

— Мы думаем, они перепутали. Хотели, наверное, взять альдостерон. Они ощущали зависимость от гормона на физиологическом уровне. Все лежало в одном холодильнике: ампулы с альдостероном и запасы агентов третьего поколения. Ампулы по форме одинаковые, разный только цвет

жидкостей: раствор альдостерона прозрачный, а жидкость с нанороботами — темно-серая с металлическим блеском. Боты почему-то взяли более темные ампулы.

— Но это же означает...

— Да, они хорошо спланировали побег.

— И вы знали об этом!

Ральф отвел взгляд и спрятал руки за спиной.

Кацуро и Емельянов какое-то время послонялись по радиорубке, после чего за ними зашел Штаерман, и втроем они пошли обедать. Будто ничего и не случилось.

Выходя за ними, Лаура похлопала ошарашенного Тимура по плечу:

— Насчет макросов я ничего не поняла, но теперь по крайней мере ты понимаешь, как я чувствую себя среди этих хорьков с пластиковыми мозгами.

И Тимур действительно понимал. Это все равно что оказаться среди двоечников медицинского факультета, ставящих геморройные свечи умирающему от инфаркта, — и не иметь возможности что-то изменить. Или начать хирургическую операцию, не зная диагноз больного.

Ральф, Тимур и Стефан остались в радиорубке одни.

— Надо предупредить Рино, — вмешался Эрмглен. — Пусть немедленно возвращается.

Ральф снова сел за рацию. Несколько раз пытался вызвать Хедхантера на связь, но безрезультатно.

— Наверное, он выключил рацию, — бесстрастно предположил Ральф. — Этот амбал не из тех, кто будет слушать чью-то болтовню в своем ухе.

— Мы должны продолжать, — настаивал швед. — Думаю, как только он наткнется на ботов, то сразу выйдет на связь. И тогда мы его предупредим... Мы же не можем бросить его на произвол судьбы.

— Согласен со Стефаном, — хмуро поддакнул Тимур. — Если боты узнали о Джеффри, значит, они могут подстеречь и Рино.

Ральф покачал головой. Нейрохимик не разделял догадок Тимура. Он не верил, что боты выследили и поджидали Джеффри и Алондру. Причиной их смерти стало банальное совпадение. Скорее всего, они поплатились за какую-то свою неосторожность, чем-то выдали себя, привлекли внимание, сдвинули камень или что-нибудь в этом духе. Хедхантер — другое дело. Ему не привыкать рисковать головой в пустыне. Ральф не сомневался, что громила не пропадет. Однако вместе с этой мыслью маячила и другая: если вдруг что пойдет не так и Рино погибнет, его чернокожие рубаки слинянут отсюда со скоростью воды в унитазе. Их

не удержит никто и ничто. Ральф понимал это и рисковать не хотел.

Так что еще три четверти часа канадец висел на рации, повторяя как попугай: «Рино-прием-как-слышно-это-Ральф». В два часа пополудни Тимур проникся этой фразой насквозь — вплоть до хромосом. И вряд ли удивился бы через несколько лет, услышав ее от своего первенца вместо банального «ма-ма». Впрочем, Хедхантер так и не отозвался.

— Ральф, — сказал Тимур, — хватит. Они не вернутся.

Канадец отстранился от микрофона. Поднял покрасневшие глаза на украинца.

— Ладно. Будем ждать.

— Нечего ждать. — На щеках парня горел нездоровый румянец.

— Парень, я тебя понимаю, но не стоит...

— Ни хрена вы не понимаете, — программист говорил спокойно, но чувствовалось, что это затишье перед бурей. — Погибло пять человек, один парень ранен. Еще двое пропали, но у них есть все шансы пополнить ряды мертвецов. А мы не знаем, что творится в головах ботов! Неужели вы не понимаете, что к чему...

Неожиданно открылась дверь. Тимур прервал реплику на полуслове и повернулся. Из коридора высунулась курчавая, маслянисто-черная голова Сэма.

— Мистер Доэрнберг! Какая-то неизвестная машина приближается к базе.

Тимур, Ральф и Стефан вскочили со своих мест и чуть не сбили Сэма с ног, несясь в коридор.

— Откуда? — держась за левую сторону груди, спросил нейрехимик.

— С севера. — Африканец подумал и добавил: — Я бы сказал, не приближается, а... гонит.

— Для полного счастья нам не хватает только непрошенных гостей. — Сзади, за грудной клеткой, сгущалась тупая боль. Ральфу она ужасно не нравилась.

— Кто это может быть? — вставил реплику Тимур, а затем с плохо скрываемой надеждой в голосе добавил: — Кто-то узнал о нашей лаборатории? Нас разоблачили?

Нейрехимик проигнорировал вопрос парня.

— Сэм... — позвал он.

— Да, мистер?

— Вот ключи — выноси из подвала дробовики с патронами. Захвати нескольких своих товарищей и бегом к центральному входу. Понял?

Долю секунды чернокожий наемник колебался. Ральф почувствовал,

как ледяная волна хлынула вверх по рукам. Он небезосновательно ожидал, что Сэм наотрез откажется выполнять приказ, однако гереро кивнул:

— Понял, мистер, — схватил ключи и побежал.

— И еще — пускай Готто оповестит Кейтаро или Такеду. Приведи кого-нибудь из японцев.

— Будет сделано, мистер!

Через несколько минут все, кто был в радиорубке, а также Лаура, Кацуро и пятеро африканцев собрались в тамбуре у входа в «DW». Еще двух наемников-африканцев Ральф отправил на второй этаж, приказав до особого распоряжения вести себя тихо и залечь под окнами:

— Возможно, это случайно завернувшие сюда крестьяне. Не вздумайте показываться с оружием.

Старенький двухместный пикап «chevrolet» неопределенного цвета показался на пригорке, который тянулся к жилому корпусу. Мотор кашлял, как астматик, который вот-вот отдаст швартовые и уплывет в лучший мир. Машину дергало, бросало вперед, она ощутимо накренилась на правое переднее колесо. За двести метров до ограды двигатель издал последнее «хр-р-р» и сдох.

Открылись двери, и из кабины появились Хедхантер и Джеро.

— Живы! — разом выдохнули Тимур и Эрмглен.

Все из тамбура высыпали во двор.

Рино и Джеро без оружия, снаряжения и мотоциклов ковыляли к базе. Гереро хромал, держась в стороне от босса. Под его левым глазом красовался фиолетово-багровый полумесяц — огромный синяк.

Ральф открыл ворота и впустил прибывших внутрь ограды.

— Что с вами случилось? — Он напрасно пытался успокоить обезумевшее сердце, которое исполняло барабанную партию из какой-нибудь рок-оперы.

Рино ловил воздух короткими глотками. Но тут, задержав дыхание, он выпалил:

— Позовите Кейтаро.

К тому времени перед главным входом в «DW» собрались почти все, кто остался в лабораторном комплексе. Вышла даже Ребекка. Но старика Джепа не было.

— Кейтаро плохо себя почувствовал и просил не беспокоить, — отозвался Такеда. — Говори. Я все ему передам.

— Ботов мы не нашли... — начал Хедхантер, но на целое предложение ему не хватило кислорода, сердце слишком быстро гоняло кровь.

— Вы что, продали мотоциклы? — вставил пять копеек Штаерман, выскользнув из-за двери последним. — Откуда этот доисторический тарантас? — Он ткнул пальцем в машину, стоявшую с растопыренными, как крылья, дверцами за электрической оградой.

— Не перебивай меня, дятел, а то сейчас отобью на хрен твои мозги!! — Рино вспыхнул, как политый керосином хворост, но тут же опять захлебнулся. Отдышавшись, он заговорил, гневно сверкая глазами и глотая слог: — Мы видели Вилла.

— Что?! Вилла Ноланда?! — Ральф выпучил глаза.

— Да. Нашего Вилла.

— Он живой? Где же он?

— Он *не* живой... То есть... я не знаю. Я не могу объяснить. Он стоял на ногах, он двигался, но сомневаюсь, что он был живым.

— Что ты несешь? — не сдержался Штаерман.

— Я тебя сейчас порву, гнида! — взревел Хедхантер. Тимур и Ральф перехватили его, не дав дотянуться до Оскара. — Еще раз перебьешь меня, урод, я отрежу тебе уши, а тебя самого закопаю в пустыне вниз головой! — Амбал несколько раз махнул рукой, но, не достав чилийца, утомился. — Мы въехали на мотоциклах в Долину Смерти, увидели следы ботов. Тут появился Вилл. У него не было глаз, какие-то сгустки вместо них... И вообще он как будто попал под газонокосилку. — Джеро держался на безопасном расстоянии за спиной Рино, окруженный другими гереро, и после каждой фразы кивал. — Потом он двинулся на нас. Он был мертвый, я клянусь, Вилл был неживой. Нам пришлось бросить мотоциклы, они застряли в песке, и мы просто не успели их вытащить...

Рассказывая, здоровяк взял себя в руки. Его слушали, жадно ловя каждое слово и в то же время не веря услышанному. Штаерман больше не пытался встрять в разговор.

— А откуда машина? — спросил Ральф, кивком головы указывая на «шевроле».

— Джеро взял в Сан-Педро. После того как мы... ну... столкнулись с Виллом. Их там штук двадцать брошенных.

— Как брошенных?

— Мы заглянули туда перед этим. Хотели расспросить, что да как, может, кто-то видел что-нибудь подозрительное. Я предполагал, что боты только там могли добыть воду. Так что мне было интересно, как они воруют драгоценную жидкость из-под носа у чилийцев. — Мужчина перевел дух. — Два или три дня назад боты были там.

— И что? — затаив дыхание, спросил Тимур.

— В том-то и дело. Ничего. Там было пусто. Ни одного человека. Ни собак, ни скота. Все двери настежь, хижины пустые. Стоят машины незапертые с полными баками и ключами. И в то же время, — Рино облизал пересохшие губы и неосознанно понизил голос: — ни одного трупа...

— Крестьяне ушли? — неуверенно предположил Ральф. — Они куда-то сбежали или как?

— Они не ушли, — подал голос Штаерман. — Они исчезли.

— То есть?

— У Кейтаро есть информаторы в Антофагасте и Каламе, — сдержанно пояснил Оскар. — Мы платим хорошие деньги за слухи, приходящие из пустыни. Полтысячи крестьян не могут свалить с нажитого места так, чтобы об этом никто не узнал. Раз нам ничего не сообщают, значит... крестьяне исчезли.

— Я тоже так думаю, — Рино сказал это уже спокойно. — Чилийцы не ушли. С ними что-то сделали.

— С ума сойти... — Ральф потер лоб. — Вот так новость. Их убили?

Хедхантер наклонился к Тимуру и Ральфу и проговорил:

— Убили? Возможно. Тогда объясните мне, умники, как сорок мальчиков, пусть даже сильных и злых, смогли убить несколько сотен людей? Ну ладно, такое еще можно представить. Тогда скажите, что четыре десятка сопляков могут сделать с сотнями тел?

Тут вмешалась Лаура:

— Помните, Джеффри говорил про людей? Он видел людей в логове ботов.

— Что? Джеффри отыскал ботов? Что ж вы молчите? Они еще не вернулись? — встрепнулся Хедхантер.

Все отводили взгляды. Ответить решила только Лаура:

— Они не вернутся, Рино...

— Что ты такое говоришь? — Рино шагнул вперед и чуть не сбил девушку с ног.

Не отстраняясь, Лаура сняла очки, вмиг став какой-то беззащитной. Она близоруко моргнула (девушка едва доставала наемнику до плеча) и вполголоса сказала:

— Их убили. — Потерла пальцем глаз и повторила, как будто амбал не понял, о чем речь: — Боты убили их обоих.

Рино отшатнулся. Рот его открылся, как будто он хотел что-то сказать, но с губ не слетело ни звука. Только глаза заматались туда-сюда и дыхание снова сбилось.

— Они нашли логово вскоре после того, как вы разделились, — продолжила Лаура. — Оно в западной части Долины. Парень успел передать координаты. Они с Алондрой увидели нечто странное. Залегли и стали наблюдать.

— Странное?

— Да, людей каких-то. Возможно, тех самых крестьян... И еще что-то, о чем Джеффри не успел рассказать. — Лаура снова надела очки. — Это была ловушка. Украинец предупреждал, но его не послушали... Мы прослушали всю расправу в прямом эфире.

— По радио? — еле выговорил Рино.

— Да. Передатчик работал до последнего.

Рино взглянул на Тимура.

— Проблема гораздо серьезнее, — наконец подал голос украинец. — Боты обучаются. Вадим Хорт запрограммировал их на самообучение, и теперь они могут программировать сами себя. Они теперь экспериментируют, анализируют результаты и потом ими пользуются. И с каждым днем на свободе становятся все опаснее.

Воцарилось гробовое молчание. Ветра не было. Из пустыни не доносилось ни звука. Только когда кто-нибудь переминался с ноги на ногу, было слышно, как хрустит песок.

Хедхантер побагровел. Темно-синие мешки под глазами проступили сильнее. Казалось, он вот-вот взорвется. Штаерман, Кацуро, Лаура и Ральф неосознанно попятились. Джеро глотнул слюну и заморгал подбитым глазом. Но вдруг... Рино овладел собой. Краска сошла с его лица, а зрачки перестали болезненно метаться. Приступа гнева не случилось, однако каждый почувствовал, что наемник затаил что-то в себе. Сквозь мутную влагу кабанных глаз проглядывали багровые недра притихшего вулкана, который обязательно взорвется огнем. Скоро. Рино напоминал атомную бомбу, которая упала посреди города, но не взорвалась.

— Мне нужны ключи от гаража, — сдержанно обратился он к Такеде.

— Зачем? — удивился тот.

— Загнать туда машину, — голос Рино скрипел глухо и индифферентно, как у робота.

— Э...

— Джип на ходу. Просто горючее закончилось.

Такеда неохотно отстегнул от пояса карабин с целой связкой пластиковых ключей и стал возиться в поисках нужного.

Хедхантер, не дожидаясь, выдернул у него из рук всю связку и, не оборачиваясь, зашагал к корпусу «EN-1». Как тогда все думали, за

канистрой с бензином...

Среда, 19 августа, 16:45 (UTC –4)

«DW», жилой корпус

Последнее время ужин в «NGF Lab» всегда проходил раньше чем в, скажем, более цивилизованных местах. И это было связано не с диетическими соображениями, а с тем, что примерно через неделю после побега ботов Кейтаро распорядился заканчивать вечернюю трапезу до наступления темноты. После 18:30 столовая и остальные комнаты первого этажа блокировались, а заходить туда запрещалось.

...Ральф Доэрнберг, Кейтаро Рока, Кацуро Такеда и Оскар Штаерман, а также все остальные жители комплекса собрались в столовой на ранний ужин. Не было только раненого Хедхантера. Рино куда-то подевался. Тимур ждал, что перед ужином Кейтаро как-то прокомментирует ситуацию, изложит планы на ближайшее будущее. Однако японец, взяв поднос с едой, молча прошел к своему обычному месту. Парень разозлился. В конце концов, старик Джеп мог хотя бы сказать несколько слов в память о Джеффри и Алондре. Никто не требовал поминальной тризны с оркестром и километровой похоронной процессией, но нельзя делать вид, как будто ничего не произошло! Нельзя игнорировать гибель собственных людей!

У Тимура зачесался язык. Он колебался. Не хотел во второй раз ссориться с Кейтаро, понимая, что от старого японца зависит его судьба. Может быть, даже жизнь. Несколько минут он сидел, склонившись над тарелкой, ковырял макароны и набирался смелости, чтобы заговорить. К счастью, открыть рот так и не пришлось. События того вечера в один момент и навсегда отодвинули Кейтаро на второй план.

Вдруг закричал Емельянов:

— Смотрите! Смотрите, что он делает!

Русский, тяжело сопя, подскочил. Сбросив тарелку на пол, рванул к окну. Все остальные обернулись к окнам.

— Это Рино... — первой произнесла Тиана Эмерсон. Бразильянка говорила нетвердым полувопросительным тоном, как будто сомневалась в том, что видит, и таким образом уточняла, видят ли ее коллеги то же самое.

После этого все одновременно вскочили и прилипли к окнам. Тимур оказался рядом с Игорем. Емельянов психовал. Из левой ноздри показались

сопли, рубашка вылезла из брюк, неуместный галстук съехал набок, но ничего из этого профессор не замечал, дрожащими руками сжимая подоконник. Со всех сторон посыпались вопросы:

— Что это с ним?

— Что он придумал?

— Кто ему разрешил?

— Куда он их тащит?

Такеда позеленел от ярости — он понял, зачем Хедхантер забрал у него ключи.

Здоровяк только что вышел из корпуса «EN-2». Самого здания, где держали ботов, из окон столовой не было видно, между тем было совершенно очевидно, что Рино идет от второго инженерного, поскольку он тащил двух ботов по двору. Руки у них были связаны за спиной ремнями. Рино Хедхантер, попыхивая сигаретой, тащил мальчишек в направлении ограды. Боты не сопротивлялись. У них только немного перекосило лица.

В лучах заходящего солнца поблескивало мачете, заткнутое за пояс Хедхантера. Но это вначале никто не заметил, так как косые лучи изрядно слепили глаза.

Ральф открыл окно и закричал:

— Рино!... Рино-о-о!.. Что ты делаешь?

Хедхантер не подал виду, что слышит. Он подошел почти вплотную к проволочной ограде, швырнул одного из ботов на песок и вытащил из-за пояса мачете. Теперь огромный нож увидели все.

— Остановите его! — заволновался Такеда. — Он сейчас их покалечит!

— Рино! — снова закричал в окно Ральф. — Это не выход! Чего ты хочешь этим добиться? — На большее его не хватило, сердце начало учащенно биться, рассылая по артериям отвратительную слабость.

Игорь, выпучив глаза и открыв рот, прислонился к стеклу. С его губ стекала слюна. Спohватившись, мужчина раздраженно вытер рот тыльной стороной ладони.

— Его надо остановить! — заметался Кацуро Такеда. — Черт побери, что за идиотизм? Дайте мне дробовик, я пристрелю этого сумасшедшего.

Хедхантер обернулся и посмотрел на залитые мягким светом окна столовой. Лучи солнца отражались от стекол столовой, поэтому Хедхантер не мог разглядеть лица прильнувших к окнам людей, но знал, что они смотрят на него. Он пнул лежащего бота, потом поставил второго на колени перед собой и, схватив за волосы, запрокинул ему назад голову.

— Кретин! — заорал в открытое окно Такеда. — Придурок недоношенный! Отпусти его!

Рино поднял голову и, зажимая зубами сигарету, оскалился. Правый кулак крепче сжал обмотанную коричневым скотчем деревянную рукоять мачете.

— Вот дерьмо... — выругался Ральф.

— Зуб за зуб, око за око! — бросил в ответ Хедхантер. (Правда, корпус «DW» был слишком далеко, и его слов никто не разобрал.)

Такеда тем временем набросился на Кейтаро:

— Nantoka sitekudasai!^[88] Это наши деньги! Почему вы позволяете этому крестину делать все, что ему взбредет в голову?

Джеп ничего не ответил, с каким-то тупым оцепенением следя за развитием событий.

Не выпуская из левой руки волосы бота, Хедхантер правой занес над ним мачете.

— Это вам за Джеффри, уроды! — в ярости прошипел он, пуская дым из ноздрей.

Однако все было не совсем так. Молодой американец нравился Рино, но не настолько. Рино врал себе. На самом деле Хедхантер мстил не за убитого товарища, а за тот панический страх, который пережил в Долине Смерти. За то неведомое раньше отвратительное чувство, которое скрутило прямую кишку двойным морским узлом и заставило его дрожать, как пекинес в морозную погоду.

В приключенческих книжках любят писать, что мачете со свистом рассекает воздух. На самом деле ничего подобного: полуметровый нож без единого звука прочертил дугу и врезался в мягкую плоть.

Кровь хлынула потоком, как красный компот из опрокинутой кастрюли.

Тиана и Ребекка с отвращением отвернулись. Емельянов сполз на пол. Кейтаро не произнес ни слова. Такеда от злости заскрипел зубами:

— Гнида... В этой голове нанороботов на двести миллионов...

Хедхантеру не удалось отрубить голову с первого раза. Он замахнулся и ударил второй раз. На этот раз голова отделилась от тела. Брызгая темной кровью, туловище зашаталось. Хедхантер поднял отрезанную мальчишечью головку, по-варварски помахал ею перед собой и швырнул на песок.

— Боже! — пробормотал Ральф. — Зачем мы наняли этого дикаря?

Хедхантер рывком приподнял с песка второго бота и поставил его на колени, стиснув в кулаке русые волосы. Мачете взлетело вверх в третий

раз.

— А это за Алондру и моих парней, сложивших головы в треклятой пустыне!

В тот момент, когда Хедхантер собирался нанести удар, бот вдруг издал страшный рев. Нестерпимый рык, как взрывная волна, отбросил всех наблюдающих от окон столовой. Женщины завизжали, кто-то не удержал равновесие и плюхнулся на пол, со столов посыпались тарелки. Даже неизменно невозмутимый Кейтаро отскочил назад, врезавшись в стол.

Хедхантер тоже вздрогнул, но не отпустил волосы бота. Звериный рев, от которого, казалось, дрогнула земля, только разозлил его. На этот раз он вложил в удар всю свою бешеную силу и одним махом разрубил глотку напополам. Громоподобный крик оборвался, сменившись еле слышным бульканьем. Тело, брызгая кровью, распласталось на песке.

Хедхантер вынул догоревшую сигарету изо рта, деловито сплюнул себе под ноги и затолкал окурок в ноздрю казненного бота. Затем тщательно вытер мачете песком, взяв за волосы, поднял вторую голову с земли и пошел к оргаде.

На столбах ограды с внутренней стороны периметра были сделаны специальные прорезиненные выступы, на которые можно было вставлять при проведении ремонтных работ, не боясь удара током. Хедхантер взобрался на такой выступ и нанизал голову бота на острие на верхушке столба. Спустя полминуты вторая голова уже красовалась на соседнем столбе.

— Вот так-то лучше, мои пучеглазые щенки. — Рино потер руки. — Не знаю, думаете ли вы вообще в *нормальном* смысле этого слова, или вы просто безмозглые машины, которые все идеально планируют. Но если вы все-таки *думаете*, то в следующий раз обмозгуете дважды, прежде чем убить кого-нибудь из нас.

— Этого психа надо взять под арест, — горячился Такеда, наблюдая, как спокойно и размеренно Хедхантер копает яму. — Он только навредит! Он уже себя не контролирует.

Но его никто не слушал. Народ медленно разбредался, глядя себе под ноги. Возможно, японец и был прав, но после смерти Джеффа и Алондры никто, кроме Кацуро, Игоря и, может быть, Кейтаро, не осуждал кровавую экзекуцию.

Головы ботов так и остались на столбах.

LXIII

Двери столовой разъехались, и вошел вразвалку Хедхантер. Он был в майке, все еще потный после копания ямы. Тимур впервые увидел, насколько нереально большие, просто как воздушные шары, у африканца бицепсы. На правом плече, по форме напоминавшем футбольный мяч, красовалась татуировка: носорог, несущийся вперед, наклонив голову. На щетине виднелись засохшие капли крови. Хедхантер подошел к столу, бросил на него ворох противогазов, обвел всех присутствующих взглядом и произнес:

— Советую в ближайшие дни всем иметь при себе вот это. Завтра я отправлюсь в логово ботов и накормлю этих уродов зоманом.

Такеда судорожно сглотнул. Связка его ключей висела у Хедхантера на поясе. Но что-либо сказать гиганту он не посмел. Хедхантер уже развернулся к выходу.

И тут Тимур совершил поступок, неожиданный для всех, даже для него самого:

— Рино, подожди! — крикнул он в широченную, похожую на каменную глыбу, спину. Хедхантер остановился и слегка повернул голову. — Я с тобой!

— Милости прошу на борт, амиго! — оскалился Хедхантер.

— Даже и не думай! — вмешался Ральф. — Ты нужен здесь. Ты все еще можешь решить эту головоломку! Должен же быть какой-то выход. — Неожиданно левую сторону его груди пронзила боль, молнией выстрелив в левую руку. До самого локтя.

Никого не слушая, Тимур поднялся и направился к выходу.

— Надо как-то прекратить весь этот кошмар, — взяв в руки противогаз, сказал Тимур. — Пятеро погибли, целое село пропало без вести, а вы твердите о каких-то инвестициях! Неужели вы не понимаете, что никакая программа-антидот уже не решит проблему?

— Он просто не справился! — ехидно фыркнул Штаерман. — Хваленый украинский вундеркинд не смог решить задачу!

Поравнявшись с южноафриканцем, программист холодно парировал:

— Не обязательно биться над решением задачи. Иногда достаточно доказать, что решения не существует.

Пуритамское побоище

*Жизнь — хитрая штука. Как только к тебе
пришли все козыри, она начинает играть в шахматы.*

Народная мудрость

Четверг, 20 августа, 13:17 (UTC –4)

Исследовательский комплекс «NGF Lab»

Хедхантер и Тимур стояли на верхней террасе жилищно-административного корпуса и смотрели на пустыню. В воздухе висела поднятая ветром серая пыль. Солнце казалось сморщенным высохшим яблоком.

— Чертов ветер, — выругался Хедхантер.

— Ага, — кивнул украинец. Запущенная шевелюра развевалась на ветру, лезла в глаза.

Рино собирался отправиться в Долину Смерти после обеда и нанести решительный удар. Но резкий суховей, поднявшийся утром и к середине дня только усилившийся, делал бессмысленной газовую атаку. К тому же было не жарко: +24 °С. Это означало, что боты могут свободно действовать в пустыне в течение всего дня.

— Я не хочу туда ехать, — тихо произнес Рино.

После этих слов его передернуло. Однако кратковременный приступ стыда вернул его мысли к моменту встречи с Вильямом, после чего токсический страх залил желудок, топя другие чувства.

— Что будем делать? — спросил Тимур, поправляя растрепанные волосы.

— Ждать, — пробормотал Хедхантер. — Подождем до завтра.

— А ночью они еще кого-нибудь убьют...

— Тебе станет легче, если это будем мы?

Тимур с тревогой подумал, что проблема не только в новых смертях, но и в том, что с каждым днем боты становятся все умнее. А значит — все опаснее.

...Всю ночь с 20-го на 21 августа над пустыней, закручивая пыль в похожие на призраков вихри, неслись потоки холодного горного воздуха. К утру температура упала до +17 °С.

За завтраком в пятницу Рино практически ничего не ел. Кейтаро не появлялся. За столом также не было Кацуру Такеды и Емельянова. Остальные жевали молча.

Шло время, а пустынный ветер не утихал...

Пятница, 21 августа, 09:45 (UTC –4)

«DW», жилой корпус

После завтрака Тимур постучал в дверь комнаты Хедхантера и позвал его. Рино дремал после завтрака, но, услышав парня, поднялся.

— Украинец...

— Рино, мне кое-что пришло в голову... — сказал программист.

Хедхантер подвинулся на кровати, освобождая место для Тимура.

— Выкладывай.

Парень сел на край кровати, заложил руки между колен.

— Мы должны ночью нанести им удар, — отчеканил он.

— Что?! С ума сошел?

— Может пройти несколько дней, прежде чем ветер уляжется. Нам нужно отправиться в Долину в полночь.

— Болван! — сгоряча рявкнул Рино. Он представил, как бы чувствовал себя, наткнувшись на бездушного Вилла в темноте... позволив ему *подойти* в этой полной темноте.

— Выслушай меня, — затарахтел Тимур. — Боты запрограммированы на анализ каждой стычки с противником, чтобы не повторяться и в то же время отследить шаблонность действий соперника. Они привыкли к нашей тактике. Они, без сомнения, заметили, что мы действуем лишь в течение дня, а после захода солнца улепетываем на базу. Днем они прячутся от солнца в пещерах, но я уверен, они ждут нас и готовы к нашему появлению. Вспомни: несмотря на жару, они подкараулили Джеффри и Алондру, не исключено, что они и за тобой следили! А вот ночью «малыши» шастают по пустыне в поисках еды и воды. Они не рассчитывают на наше появление, так как знают, что мы, как хорьки, забаррикадировались в лабораториях.

— Наткнуться на них среди ночи равносильно самоубийству.

— Знаю. Но в темноте они полностью уверены в своих силах. Слишком уверены, Рино. Этим и надо воспользоваться. — Тимур перевел дух. — Ночью мы проскользнем в Долину и затаимся. Возле их логова. Если мы нападем днем, каждая потерянная минута (а они, поверь, будут) приблизит нас к ночи. Напав на ботов перед рассветом, мы выбьем у них почву из-под ног, заставим ошибаться, ведь тогда они будут знать: каждая

минута приближает их к восходу солнца, а прятаться негде.

— Очень рискованно, парень, — покачал головой Хедхантер.

— Не более рискованно, чем переть напролом среди бела дня, — взмахнул руками украинец. — Рино, у нас будет газ! Мы заляжем в засаде около «гнезда», дождемся возвращения ублюдков и подорвем баллоны с жидким зоманом. Все!

Рино хмурился, кабаньи глазки метались из стороны в сторону.

— А если они перехватят нас до того, как мы заляжем в Долине?

— Я думал об этом. До трех утра сидел за картами и... кое-что придумал. Смотри, вечером мы выедем в направлении на юг, в сторону, противоположную от Долины. Даже если боты засекут автомобиль,

вряд ли они догадаются о цели нашей вылазки и отправятся следом за нами.

— О'кей. А потом?



— После лагуны Баррос-Негрос поворачиваем на восток и выходим на трассу Сан-Педро — Paso Sico^[89], разворачиваемся и на всех парах несемся на север в сторону Сан-Педро и въезжаем в Долину Смерти с восточной стороны. Там мы сможем доехать на машинах до самого их логова.

— Ты просто крейзи, украинец...

Некоторое время Хедхантер обдумывал услышанное. Прошло немного времени, и амбал поднял голову. Крохотные глазки излучали решимость:

— Позови Джеро. По дороге введи его в курс дела, перескажи все, что изложил мне. Покажи все на карте. Начинаем готовиться прямо сейчас.

Уже на выходе Тимур обернулся:

— Хочешь отправиться сегодня?

— Да. У тебя что, были другие планы на вечер?

Парень улыбнулся и вышел из комнаты.

Пятница, 21 августа, 23:22 (UTC –4)

«EN-1», первый инженерный корпус, подземный гараж

Ветер завывал, врываясь через открытые ворота в полуподвал, где находился гараж. Ветер приносил за собой песок и прохладную темноту. Термометр показывал +16 °С.

— Меня удивляет одно, — говорил Тимур только для того, чтобы отвлечься от собственных дрожащих рук, укладывая баллоны с жидким зоманом в багажник «туарега». — У Кейтаро есть самое современное оборудование для создания машин величиной с мозговую клетку, и при этом у нас нет нормальных средств коммуникации.

— Ага, — откликнулся Рино. — Эти болваны знали, что мобильные тут не работают, но никто не подумал о закупке мощных радиостанций. Видно, никто не рассчитывал, что придется гоняться за результатами своих экспериментов по всей Атакаме.

— Мы как-то сможем держать связь между машинами?

— Да. Есть обычные рации. Но вот со связью с базой могут возникнуть проблемы, когда мы будем уже далеко.

Стефан Эрмглен, бледный и сосредоточенный, тоже вертелся рядом, всячески пытаясь помочь. Швед аккуратно рассовывал патроны от «ремингтонов» по специальным поясам.

Старик Джеп до сих пор не выходил на люди.

— Стефан, поднеси-ка сюда вон тот ящик, — обратился Хедхантер к шведу. — Там гранаты.

— Много будете брать?

— Чем больше, тем лучше. Я пока проверю моторы.

На операцию на двух машинах должны были отправиться восемь человек: Тимур, Алан Гринлон (инженер согласился безропотно), Рино, Оскар Штаерман (щеголь долго сопротивлялся, пока его не приперли к стенке) и четверо африканцев из отряда Хедхантера — Джеро, Ти-Джей, Ндонга и Фрэнки. Тимур предпочел бы видеть в команде кого-нибудь вместо Штаермана. Однако профессор Доэрнберг был слишком стар для участия в возможной мясорубке, а Кацуро Такеда, который, пожалуй, лучше всего подходил для этой миссии, всю пятницу провалялся с температурой 38,5.

К машинам спустился Алан. Он оделся в камуфляжную униформу пустынного (серо-коричневого) цвета. Подпоясался поясом с патронами, насовал в карманы «лимонок», проверил «ремингтон» и лениво, вполголоса доложил:

— Я готов, Рино, — как будто собирался на пикник на природе.

Вскоре пришли и африканцы, вежливо пожелали всем доброй ночи и стали молча ждать. Джеро и Ти-Джей, глубоко затягиваясь, курили.

Вскоре выяснилось, что у одного из африканцев, Ндонги, тоже сильный жар. Вдобавок странная сыпь покрыла его щеки и подбородок, словно он побрился грязной бритвой. Стефан осмотрел его и велел остаться. Швед, зная о высокой температуре у Такеды, заподозрил какую-то инфекцию, но решил пока что не поднимать шума.

Новость о Ндонге расстроила Рино. Овамбо был одним из лучших. Хедхантер долго думал и понял, что заменить его некем — еще два африканца, Сэм и Готто, должны были охранять базу. Таким образом, состав экспедиции сократился до семи человек.

Сборы еще не были кончены, когда в гараж неожиданно вошли Такеда и Штаерман. Такеда весь день провалялся в постели с высокой температурой, но узнав, что вместе с Хедхантером и Тимуром едут Алан и африканцы, решил этому помешать.

Японец едва держась на ногах. Лицо разрумянилось от жара, глаза блестели. На щеках и подбородке были заметны маленькие красные пятна, такие же, как у Ндонги.

— Что это означает? — на повышенных тонах начал Такеда, обращаясь к Хедхантеру.

Рино повернулся, опустив руку на решетку радиатора.

— А ты как думаешь, азиат? Собираемся в Антофагасту по девкам.

— Что ты несешь? Твоя задача — охранять базу. Я запрещаю покидать ее. Кейтаро не разрешил вашу операцию.

— В задницу твоего Кейтаро. Мы отправляемся в пустыню, — спокойно ответил Хедхантер, — и применим газ. Всех выживших после атаки ботов завтра поутру доставим в лабораторию. Точка.

— Как ты смеешь говорить со мной в таком тоне? Ты забываешь, кто здесь...

Хедхантер, словно играя, взял в руки «ремингтон» и направил дуло на японца. Джеро и Ти-Джей, курившие возле ворот на одной линии с Кацуро, метнулся в стороны, убегая из зоны обстрела. Оскар Штаерман побледнел и спрятался за спину молодого японца.

Немая неловкая сцена. Было слышно, как завывает, разбиваясь о стены

«EN-1», пустынный ветер.

— На всякий случай сообщаю, — подал голос Эрмглен, — ружье заряжено.

В течение нескольких секунд Хедхантер и Такеда не отрываясь смотрели друг другу в глаза.

— Пошел ты! — зло прошипел Такеда и быстрым шагом вышел из гаража.

— Я не еду с вами, — добавил Штаерман и пошел вслед за японцем. Напомаженные черные волосы отблескивали металлом в свете подвальных фонарей.

«Уже минус два, — подумал Хедхантер. — Сначала Донги, а теперь этот щеголь. А мы еще даже не выехали за ворота». Вслух сказал:

— Ты трусло, Штаерман.

— Я подчиняюсь старику Джепу. И Такеде. А не тебе.

— Ты жалкое трусло, — уколол его Рино. — Баба! После возвращения я накормлю тебя дерьмом, уродливая чилийская обезьяна.

— Ты не вернешься! — взвизгнул чилиец и поспешно ретировался, опасаясь, что Рино сгоряча нашьпигует его свинцом.

— Говнюк! — сплюнул Хедхантер, с грохотом закрывая крышку капота.

LXVII

— Итак, нас осталось шестеро, — хмуро заметил Алан.

Рино не ответил, сделав вид, что занят проверкой шин.

— Хантер, я поеду вместо чилийца, — неуверенно заявил Эрмглен.

— Ты чего? — Тимур, стоявший рядом, уставился на доктора.

— Док, ты когда-нибудь держал в руках оружие? — спросил Хедхантер.

— Я проходил службу в ВМС^[90] Швеции. Знаю, как обращаться с ружьем. А гранаты бросать и пятилетний ребенок сможет.

При других обстоятельствах Рино ни за что не взял бы Стефана. Ндонга стоил пятерых таких, как он. Но Хедхантер понимал, что сейчас не время привередничать и пренебрегать даже этим очкариком, который «знает, как обращаться с ружьем».

— Хорошо, док. Ты в команде.

Тимур присмотрелся к тщедушному физиологу с темными, почти синими мешками под глазами. Вряд ли от него будет много пользы, когда запахнет жареным. Лишь бы не мешал. Хотя, как говорится, картошка с маслом в семь раз сытнее, чем ничего.

Проверяя запас ампул с атропином, Тимур выбрал момент и тихо спросил Эрмглена:

— Стефан, почему ты решил поехать с нами? Тебя же никто не заставлял.

— Неужели ты не понимаешь? Ты же видел, чем они здесь занимаются. Я сомневаюсь, Тимур, что нас с такими знаниями отпустят назад. Когда придет время распрощаться с этим местом, я хочу быть на стороне людей, которые смогут меня вывезти отсюда. Живым.

Тимур вспомнил свою беседу со Штаерманом пятидневной давности. Стефан был прав.

— Хорошо. Тогда удачи тебе сегодня.

— Удачи нам всем...

В это время Рино и Джеро закончили осмотр второго «фольксвагена».

— Джентльмены, прошу на борт, — раздался развязный голос Хедхантера. Предчувствие заварухи наэлектризовывало его. Даже голос менялся. И так было всегда. — Соберитесь. Сегодня мы должны вжарить этим уродам!

Внедорожники выкатились из чрева гаража, миновали ворота и

повернули на юг. В первом за рулем был Хедхантер. Справа от него сидел Тимур. На заднем сидении ехали Стефан и Алан. Второй джип вел Фрэнки. С ним ехали Ти-Джей и Джеро.

LXVIII

Они без помех добрались до лагун и повернули налево.

Плато в этой части пустыни было ровным и твердым, кое-где поросшим кучками жухлой травы, которые напоминали присыпанных землей дикобразов (в Южной Америке их называют пампа или пампасы). Луна, как выпученный глаз, подслеповато смотрела на мертвую равнину. Джипы ехали, не включая фар.

Далеко впереди над пустыней вырисовывалась черная линия Анд.

В 01:20 обвешанные броней «туареги» добрались до трассы № 23, выехав на дорогу около заброшенного поста дорожной полиции. Рино включил дальний свет, и они понеслись в сторону Сан-Педро. Стрелка спидометра не опускалась ниже 120 км/ч. Фрэнки и компания не отставали.

Через двадцать минут машины добрались до кольцевой дороги, обходящей Сан-Педро с юго-запада. Объездная трасса подковой огибала Сан-Педро-де-Атакама и почти касалась поселка перед тем, как свернуть на юго-запад в сторону Долины Смерти. Подъезжая к повороту, Рино сбросил скорость. Позавчера именно здесь останавливались они с Джеро, прежде чем въехать в поселок.

Сзади раздался визг тормозов. На панели в машине Рино замигала рация.

— Рино? — скрипнул динамик.

Тимур взял переговорное устройство в руки.

— Говорит Тимур. Слушаем тебя, Джеро.

— У вас все в порядке?

Тимур покосился на Хедхантера. Тот слегка кивнул, не сводя глаз с открытой местности.

— Все о'кей, Джеро.

— Почему убавили скорость?

Тимур во второй раз взглянул на Рино. Южноафриканец пожал плечами:

— Передай ему, пусть следит за пустыней.

— Ничего серьезного. Рино просит передать, чтобы вы были начеку.

— Хорошо, понял.

Джип двинулся с небольшой скоростью: 30 — 40 км/ч, не больше. Тимур поднес к глазам ноктовизор и обводил взглядом пустыню. Через прибор плато просматривалось, как днем. Казалось, будто смотришь на

окрестности Сан-Педро при свете сквозь толстые зеленые стекла.

Внезапно Тимур вскрикнул, с перепугу схватив Хедхантера за рукав футболки.

— Стой!

— Что такое? — Рино ударил по тормозам. Головы Алана и Стефана вжались в сиденья.

— В пустыне что-то есть...

— Где? — Амбал схватил прибор ночного видения, борясь с чувством колючего страха, поднимавшимся от живота к горлу.

— Справа. Там кто-то лежит.

* * *

В километре от поселка и за полкилометра до того места, где остановились внедорожники, лежал мертвец. Лежал на боку, ногами к дороге, наполовину закрывая рукой лицо.

Рино потянулся к рации.

— Джеро, ты видишь? — прогудел здоровяк, нажимая кнопку вызова.

— Да, Рино. Это тело.

— Бот? — спросил Хедхантер.

— Нет, похоже, взрослый. Наверное, кто-то из местных. На вид лет сорока.

Хедхантер облизал сухие губы. В ногах сгущалась неприятная дрожь.

— Позавчера его тут не было. Я хорошо помню этот участок пустыни. Ни одного тела я не видел! Их не было нигде в окрестностях Сан-Педро!

Джеро молчал.

— Похоже, он уже давно мертв — высох, как мумия. Такое впечатление, что бедолагу протащили сквозь сушилку. Посмотри на предплечья и открытые части тела.

— Ага.

Как ни сопротивлялся Рино, перед глазами предстал Вильям, выходящий из-за известковых скал, из расщелины, куда они направлялись. Хедхантер вздрогнул, сжав руль.

Из оцепенения его вывел голос Джеро:

— Что будем делать, босс?

Рино прорычал, рискуя раздавить пальцами рацию:

— Едем в Долину Смерти. Без остановок!

Хедхантер повернул машину на юго-запад. Второй джип последовал

за ними. Загадочный мертвец утонул во мраке.

Через два километра внедорожники соскользнули с шоссе и въехали в извилистое русло Долины Смерти. Ехали медленно, поскольку то тут, то там из почвы, словно клыки, торчали сланцевые скалы. Конусы света заливали путь продолговатыми лужами света, но со всех сторон напирала тьма. Все это вместе взятое прожигало нервы, высверливало в животе большие холодные дыры.

В 02:22 до зеленой точки, обозначенной на GPS-навигаторе, осталось меньше километра. Рино остановил машину в природном укрытии — тесном ущелье между двумя кряжами, над которыми нависал широкий карниз, который постепенно снижался и сползал в пески. В этом месте дюны поднимались, наползая на сплошную, немного выпуклую известковую стену, похожую на стену крепости.

Никто не вышел из машины. Мужчины молча ждали, пока глаза привыкнут к темноте.

Первым заговорил Тимур:

— Если верить Джеффри, то за этим пологим подъемом открывается стофутовая V-образная пропасть. В нижней точке боты вырыли себе пещеры.

— Ага. А что если... они сейчас там? — выдавил из себя Рино.

— Не знаю...

— И я не знаю.

— Кого-то надо послать на разведку.

Рино тяжело засопел. В соседнем автомобиле Джеро молился, чтобы Рино не отправил его на рекогносцировку.

«Алан и Стефан не годятся. Хедхантер и африканцы не присутствовали при сеансе связи с Джеффри, им будет труднее ориентироваться на месте. Выбор ясен», — подумал Тимур и сказал вслух:

— Пойду я.

Пауза.

— О'кей, — отвел глаза Хедхантер.

Парень набросил на шею ноктовизор, сжал в руке «ремингтон» и неохотно открыл дверь.

— Подожди, — спохватился Рино, — возьми еще и противогаз. Услышишь выстрел или автомобильный гудок — быстро надевай. Пусть Джеп идет к черту — я не буду держать концентрацию на низком уровне,

выпущу весь зоман.

Лицо программиста стало бледным, белее луны.

— Ладно. Только не сигнал без дела.

— А ты не мешкай. — Рино поднял вверх сжатый кулак, мол, будь молодцом, и попробал пошутить: — И не мочи там всех, оставь нам немного.

Тимур кивнул, перекинул сумку с противогазом через голову и выбрался из машины. По песку он побрел к поднимавшейся перед ним скалистой стене. Первые триста метров преодолел быстро. Но чем выше он забирался, тем мельче становился песок. Ноги увязали, как в болоте, из-под подошв лавинами съезжали вниз целые пласты. Несколько раз он спотыкался, а один раз уронил в песок дробовик.

Наконец, парень добрался до стены из известняка. Начал обходить ее слева. Дойдя до низкого пролома между зубцами, поднялся на скалистый гребень, залег, надел прибор ночного видения и стал разглядывать лежащую по ту сторону гребня долину. Его спутники в джипах, которых не было видно под навесом, с тревогой наблюдали за ним. Минуты три Тимур лежал неподвижно, а затем подтянулся на руках и перемахнул через гребень.

— Спускается, — тяжело выдохнув, сказал Стефан.

— Да, — буркнул Рино.

Тимур исчез. Потянулись напряженные минуты ожидания.

**Суббота, 22 августа, 02:30 (UTC –4)
«EN-2», второй инженерный корпус**

Такеда медленно, словно лунатик, шел по полутемному коридору. Он все еще чувствовал слабость, хотя жар уже спал. По обеим сторонам от него тянулись камеры, в которых томились боты.

Небритое лицо Кацуро было скрыто тенью. В центральных галереях пятиэтажной башни царил полумрак. Он не включил свет в коридоре, чтобы никто не узнал о его ночном посещении. Слабый свет пробивался из камер сквозь прозрачные двери и расплывчатыми прямоугольниками лежал на полу.

Такеда шагал беззвучно. Казалось, по коридору плывет призрак. Но боты реагировали на него. Как только он подходил к очередной камере, бот открывал глаза, вставал с кровати и шел к двери. Он прижимался лицом к пластику и не сводил глаз с ночного гостя.

Такеда дошел до конца коридора и повернул обратно. Вдруг он остановился у одной из камер. Сделал шаг к двери. Бот, который стоял по другую сторону, отшатнулся. Минуту-другую они смотрели друг на друга. Оловянного цвета глаза японца и синие с кровавыми прожилками глаза бота — в них было что-то общее.

Такеда приложил ладонь к прозрачному пластику. К тому же месту с другой стороны приложил свою ладонь бот. Так они и стояли, разделенные сантиметровым слоем пластика, словно отец и сын во время свидания в тюрьме.

Суббота, 22 августа, 02:39 (UTC –4)

Долина Смерти

Хедхантер, надев прибор ночного видения, пристально вглядывался в верхушки скал. Амбал сохранял хладнокровие, но в груди все тяжелело свинцовое напряжение. Укрытие в тесном ущелье под наклонным карнизом казалось на удивление удачным. Джипы были защищены с трех сторон, но... было одно большое «но». Если вместо Тимура из-за хребта появятся боты, то уютное укрытие моментально превратится в ловушку, у которой есть все шансы стать могилой.

Время шло, а Тимура все не было. Клейкая тишина доводила до безумия.

Когда часы на бортовой панели показали 02:42, Алан Гринлон тихонько кашлянул и, наклонившись, спросил:

— Рино, а если он не вернется?

— Заткнись, — мотнул головой Рино.

— И все-таки. Кто-то пойдет следом за ним или как? Мы же не можем сидеть тут до утра.

— Закрой рот! — крикнул Хедхантер.

— Не ори. Ты прекрасно знаешь, с чем мы имеем дело.

— Я думаю, ботов там нет, — вмешался Эрмглен. — И Тимур скоро вернется, — пробубнил доктор. Через секунду, подумав, что его не поняли, швед добавил: — Я имею в виду, ботов там нет вообще.

— Что ты имеешь в виду? — удивленно и с ноткой надежды переспросил Хедхантер.

— Дело в том...

— Вот он, — облегченно выдохнул американец, вытянув руку между кресел. — Смотрите!

Именно в этот момент Тимур перелетал через гребень. Он не потрудился поискать какую-нибудь опору на внешней стороне известняковой стены и прямо с самого верха прыгнул на подступающий к хребту песчаный бархан, подняв почти невидимые в темноте облака пыли. Тут же выпрямился и большими прыжками стал спускаться вниз по песку. Дробовик болтался за спиной. Добравшись до твердого грунта, программист понесся к джипам, как ненормальный.

Чисто инстинктивно Хедхантер завел мотор. Тут же звуком заведенного мотора откликнулся и джип африканцев.

Но когда до джипов оставалось метров двадцать, Тимур, не выдержав, развел руками и закричал:

— Рино, их нет!

— Что?!

— Их не было тут по крайней мере два дня. С тех пор как подул ветер. — Парень, запыхавшись, налетел на «туарег» и разлегся на капоте.

— Откуда ты знаешь?

— Ни одного свежего следа — все замело песком. Боты ушли.

Бледный украинец ввалился в салон и, переводя дух, шлепнулся на сиденье.

Хедхантер, подняв бровь, повернулся к Эрмглену:

— Как ты догадался, док?

— Это же очевидно. После появления Джеффри и Алондры боты поняли, что обнаружены. И ушли.

Тимур и Хедхантер переглянулись. Их как будто холодной водой окатили. Парень перестал шумно дышать.

— Мы идиоты. Долбанные кретины, — признал Хедхантер. — Конечно, так и есть: они нашли себе логово в другом месте.

— Возвращаемся на базу, — предложил Алан. — Они теперь могут быть где угодно.

— Нет. Возвращаемся к месту, где лежал мертвец, — решил Хедхантер.

— Зачем? — удивился Тимур.

— Пока не знаю, — ответил Хедхантер. — Вы как хотите, но мы должны выбить из ботов дерьмо. И должны сделать это сегодня!

Автомобили выехали из укрытия и отправились в обратный путь к выезду из Долины Смерти. Когда машины выехали на более-менее открытое место, американец наклонился к Тимуру:

— Что там было, в этом их логове?

— Пещеры, слегка расширенные ботами.

Парень не хотел говорить об увиденном.

— И это все?

— Консервные банки, пластиковые бутылки, канистры. Много экскрементов. Следы от костров... — Тимур запнулся. Кадык, щелкнув, метнулся вверх-вниз по горлу.

— Договаривай, — не отставал Алан.

— У костров кучи обглоданных костей... И я думаю, что...

— Человеческих костей, — каким-то странным, издевательским тоном закончил Алан.

— Э... да. Собственно, я уверен: там лежали человеческие кости, целые скелеты. Но как ты...

— По-моему, это тоже очевидно, — пояснил инженер. — Боты едят людей.

Тимур заторможенно кивнул:

— Я тоже об этом думал. Боты стали людоедами.

— О Боже! — застонал Эрмглен, схватившись за голову. — Этого не может быть... Откуда такая уверенность? Может, это кости баранов или... или еще чьи-то... я не знаю...

Алан саркастически хмыкнул:

— Подумай сам, Стефан: Сан-Педро они опустошили, на крошечных огородах больше никто не работает, никто не возит из Каламы продукты. Сомневаюсь, что эти демоны ездят за покупками в Антофагасту или по ночам охотятся на пустынных сусликов. Четыре десятка молодых организмов, которые почти не спят, требуют энергии. Одной травой и тушканчиками они не прокормятся. — Гринлон говорил отвратительные вещи, но никто его не останавливал, он был прав. — Вот вам и объяснение, зачем им жители Сан-Педро: они для них как стадо коров — ходячие запасы мяса.

— Двенадцатилетние мальчики едят взрослых чилийцев... Меня сейчас стошнит!

Эрмглен старался изо всех сил, но не смог удержаться и вырвал на пол машины. Кисловатый запах рвоты заполнил салон.

— Чтоб ты сдох! — проревел Рино.

— Извини, Рино!

— Если не обоссут, то обрыгают! — Шея Хедхантера пошла красными пятнами.

— Прости, я не хотел.

— Я тебя прибую, недоросток! Проклятый коновал! После возвращения будешь мыть всю машину!

— Обязательно, Рино, все вымою, только успокойся.

— И зачем я только взял тебя с собой?!

Тимур не обращал внимания на перепалку между южноафриканским наемником и физиологом. Он был уверен, что Джеффри и Алондра погибли не из-за собственной неосторожности или рокового стечения обстоятельств. Боты знали об их приходе *заранее*. Как они могли получить эту информацию, Тимур не понимал. Но если они знали тогда, то точно так

же знали заранее и об их сегодняшнем появлении. Тогда почему они ушли? Испугались? Вряд ли.

Тимур не выдержал и выругался. Рино удивленно покосился на украинца.

— Не смотри на меня так. Просто мы всегда на шаг позади ботов. Луна скрылась. Тьма стала невыносимой.

Суббота, 22 августа, 03:26 (UTC –4)

Окрестности Сан-Педро

Джипы, не замедляя ход, синхронно съехали с шоссе, подкатили к мертвецу и остановились по обеим сторонам от лежащего тела. Слева — машина Рино, справа — внедорожник африканцев. Фары погасли.

— Я выйду и осмотрю тело, — сказал Эрмглен.

— Сиди не рыпайся, — коротко приказал Хедхантер.

Повисло хмурое минутное молчание.

Рино включил дальний свет. Треугольная часть пологого плато отделилась от темноты. Хедхантер внимательно вглядывался в освещенную поверхность пустыни. Потом выключил фары.

— День-два назад, — уставившись в темноту, произнес здоровяк, — здесь прошла большая группа людей. Песка здесь почти нет, и не все следы замело ветром.

— Они перегоняли куда-то свое «стадо», — предположил Алан.

— Рино, — шепнул Тимур. В его голосе звенело столько тревоги, что пассажиры «туарега» невольно повернулись к нему. — Пожалуйста, включи еще раз фары.

Хедхантер помедлил секунду, не больше, но выполнил просьбу. Пустыню опять залил желтый свет.

— Вон там еще один, — показал пальцем Тимур.

Действительно, там, где свет фар уже начинал растворяться в ночном воздухе, лежало еще одно тело.

Первым опомнился Хедхантер и, взявшись за рацию, окликнул Джеро:

— Джеро, как меня слышишь?

— Я здесь, Рино.

— Впереди новый мертвец. Поедем к нему, не отставай, но держись сзади.

— Слушаюсь, босс, — скрипнул динамик.

Хедхантер медленно направил к покойнику свой автомобиль. Джип с африканцами двинулся следом. Судя по одежде, перед ними лежал еще один житель Сан-Педро. Труп застыл в странной позе: будто человек стал на колени помолиться и умер, но не упал, а согнулся, уткнувшись плечами в землю. Если бы не следы истощения, можно было бы подумать, что он

без сознания и через пару минут встанет и пойдет по своим делам.

На этот раз Эрмглен не стал спрашивать разрешения и выскочил из машины, чтобы осмотреть покойника. Он должен был себя чем-то занять, чтобы отогнать навязчивые видения, в которых малолетние дети потрошат чилийских крестьян.

Швед подошел к телу и, достав из кармана шариковую ручку, ткнул ею мертвеца. Раздался сухой треск, похожий на звук ломающегося крекера. Стефан ударил покойника ногой в бок.

— Что ты делаешь? — Тимур спрыгнул на землю.

— Мне нужно увидеть его лицо.

Мертвец качнулся и с тихим шорохом упал набок. Эрмглен присел у его головы, ковырнул ручкой остекленевшие глаза, оттопырил губу, чтобы посмотреть на зубы, коснулся волос. К горлу подкатывала тошнота, но желудок был уже пуст.

— Нет никаких механических повреждений: ударов, порезов, дырок от пуль, которые могли бы стать причиной смерти, — вскоре сообщил Стефан. — Он умер от дегидратации.

— Не удивительно, — откликнулся Тимур. — Мы же в пустыне. Видимо, боты их не кормят и не поят.

— Нет, Тимур, ты не понял. Он умер от *полного обезвоживания*. Судя по тому, что рассказал Рино о посещении Сан-Педро два дня назад, «малыши» захватили людей дня за два до того, как он там появился, то есть этот бедолага попал в руки ботов четыре дня назад. Человек может умереть без воды за три-четыре дня, но за такой срок он никогда, я подчеркиваю — никогда! — не превратится в высохшую мумию, как вот этот.

В подтверждение своих слов швед ткнул ручкой в изможденного мертвеца. Хедхантер, выйдя из джипа, стал позади, внимательно слушая Стефана Эрмглена.

— Даже если бы за все время у парня во рту не было бы ни капли воды, и он каждый день пробегал марафонскую дистанцию, он и то выглядел бы лучше. За четыре дня человек не может настолько истощиться и потерять столько влаги. Тем более что сейчас в южном полушарии зима — день короткий, солнце не такое уж и злое.

— И что это может означать?

— Это означает, что боты что-то сделали с пленниками, чтобы довести их до такого состояния. Существует множество болезней, сопровождающихся диареей и сильным пото- и слюноотделением. То есть, я хочу сказать, с физиологической точки зрения такое возможно.

— Посмотри, как он лежит, — подошел Рино. — Они пришел сюда

сам.

— Ускоренная дегидратация не лишает подвижности, пока не начнется развитие шока. — Стефан, как детектив, посмотрел на ногти жертвы и пробормотал: — Надо бы забрать его на обратном пути. На базе я сделаю вскрытие и точно определю причину смерти. — Последние фразы прозвучали ровнее, врач понемногу обретал самообладание.

Если бы Эрмглен отвез мертвеца на базу и провел вскрытие, все бы сложилось по-другому. Анализ крови открыл бы глаза Кейтаро и Ральфу (которые до сих пор не осознавали, что не просто стоят на краю, а уже летят в пропасть масштабной техногенной катастрофы), прояснив не только то, что боты делают с людьми, но и немало других фактов, пока что неизвестных слепцам с профессорскими званиями. Результаты анализов дали бы ответы на вопросы, откуда боты узнали об альдостероне, как нашли Джейми Макаку. Выяснилось бы много неприятных вещей, ведь все было взаимосвязано. И главное — результаты вскрытия позволили бы избежать следующих нелепых смертей. Но, к сожалению, Эрмглен не знал, что ему не суждено было вернуться. Ни за телом, ни на базу...

Хедхантер прошел немного вперед, опустил на одно колено неподалеку от капота «туарега». Тимур подсел к нему.

— Что-то увидел?

— Следы продолжают.

— Куда?

— Вон туда, — Рино показал рукой почти точно на восток, — в горы.

Тысячи отпечатков широкой лентой исчезали во тьме, за которой где-то далеко возвышались невидимые в такой черноте Анды. Парень вернулся в «танкомобиль» и принес карту региона Антофагаста. Мужчины разложили ее на песке прямо под передним бампером. Запыленные фары били теплым светом в лицо, но ни Рино, ни Тимур не замечали этого.

— Что они там забыли? — почесал затылок Хедхантер. — Это голая пустошь.

— В десяти километрах отсюда Пуритама...

— Два-три занюханных жилища, которые ночью и не заметишь. Теперь, наверное, и они обезлюдели. Кроме Пуритама — больше ничего.

Всматриваясь в карту, Тимур не сразу осознал, как близко оказались они от Линканкабура. По прямой до кратера было километров двадцать пять — двадцать семь (конечно, если не учитывать подъем). Подумав о подъеме, украинец начал вчитываться в отметки высот, и сердце его застучало быстрее.

— Рино, посмотри на высоты: 4000... 4100... 4300 метров над уровнем

моря^[91].

— И правда, — нахмурил брови южноафриканец.

— Рино, они пошли в горы.

Тимур сам не понял, отчего внутри у него все похолодело от этой мысли. Он не знал, плохо ли это, скрывается ли за этим какая-то новая, еще не осознанная угроза, но тот факт, что «малыши» поперлись на высокогорье Анд, поднял в нем томительное волнение. Если есть на земле место менее пригодное для жизни, чем пустыня Атакама, то это склоны Анд, подпирающие пустыню с востока.

Хедхантер сморщил лоб. Слишком много сомнений, слишком много чего пошло не так, как планировалось, и он не осмеливался принять очередное решение.

— Как думаешь, что делать? — вполголоса спросил он у Тимура.

— Боты спешно покинули Долину Смерти. Так торопились, что до смерти загнали нескольких пленных. Мне кажется, они чего-то боятся, Хантер. Может быть, я ошибаюсь, но мы должны дожать их, пока у нас есть шанс застать их врасплох. — Программист придвинулся вплотную, понизив голос, чтобы их не могли услышать: — Не знаю, как тебе объяснить, но меня прямо трясет от непонятного чувства, что они знают о нашем появлении, что они заранее о нем знали. Но они чего-то боятся, не готовы сегодня отбить нашу атаку, поэтому отступают, рассчитывая, что мы не найдем их и вернемся на базу.

В течение нескольких секунд Хедхантер размышлял, а затем резко поднялся:

— Ти-Джей! Джеро! Едем дальше. Достаньте из багажника баллоны с газом и держите их наготове. Ни сам зоман, ни его испарения не являются взрывоопасными, в случае чего можете просто пальнуть по контейнеру. Только не забудьте о противогазах.

— О'кей, босс.

Гереро метнулись к багажнику и перебросили несколько баллонов с высокотоксичным газом в салон. Тимур, сложив карту, сделал то же самое. В экипаже Рино следить за баллоном поручили Алану. Он безропотно поставил баллон себе под ноги и, заложив «ремингтон» прикладом под мышку, опустил ствол ружья вниз между ног.^[92] Противогаз положил на правое колено. Стефан, Тимур и Хедхантер тоже вытащили резиновые маски и сложили рядом.

Вскоре стало очевидно, что следы никуда не поворачивают.

— Рино, — позвал Тимур.

— А?
— Ты бывал где-нибудь восточнее Пуритамы?
— Один раз. Мы с Хортом доезжали почти до самого поселка.
— И что там?
— Голые камни, разреженный воздух и собачий холод.
— А за Пуритамой?
— Крутой подъем, извилистые тропы, оставшиеся еще от инков. Я не поднимался дальше.

— Ты уверен, что мы сможем их выследить их ночью?

Рино высокомерно оскалился:

— Я уверен, что у нас нет выбора. Мы будем ехать по следам столько, сколько понадобится. Пока не догоним засранцев.

Через минуту песок исчез и следы пропали. Джипы ехали по твердой поверхности. Кое-где случались одиночные выступы скал, а под колесами стучали камни. Хедхантер, ехавший и до этого медленно, убавил скорость.

Он уж собрался было остановить машину, чтобы выйти и попробовать отыскать следы, но тут раздался сигнал рации, напоминающий раскаты далекого грома.

— Эй, чуваки... — даже через помехи чувствовалось, что Джеро напуган. — Вы слышите?

Тимур, чтобы не отвлекать Рино от руля, потянулся за передатчиком:

— Это я, Джеро. Говори, что у тебя.

— Тут еще трупы.

«Боты оставили трупы, чтобы мы не сбились со следа», — мелькнула тревожная мысль в голове у Тимура, но он вмиг забросил ее в глубины мозга.

— Где?

— Со всех сторон. И справа, и слева. Надень ноктовизор и посмотри.

Тимур надел прибор ночного видения. Ему ужасно не хотелось этого делать. И не только из-за боязни того, что ожидало его в темноте. Просто в случае атаки он может не успеть *снять* ноктовизор и *надеть* противогаз. Количества зомана, находящегося в *одном* контейнере, вполне достаточно, чтобы отправить на тот свет 9 — 10 тысяч людей... Тимур хорошо понимал: несколько лишних секунд, потраченных на то, чтобы снять прибор, могут дорого ему обойтись.

— Он сказал *тела*? — переспросил Стефан Эрмглен.

Участок дороги, освещенный фарами, мерцал бледно-зеленым пятном на экране прибора. Джеро сказал правду: взгляд наткнулся на высохших, странно скрюченных чилийских крестьян.

- Справа трупы. Вдоль дороги.
- Сколько их? — спросил Эрмглен.
- Пять... нет, шесть... семь...

Джип вдруг подскочил, наехав передним колесом на какое-то препятствие. Раздался хруст. Хруст костей.

- Восемь, — мрачно констатировал Хедхантер.

Впервые после отъезда с базы Тимур занервничал. Его внутренний стержень, не выдержав напряжения, начал плавиться. Тимур внезапно понял, что их вылазка закончится не так, как планировалось. Десятки литров смертоносного газа, гранаты, дробовики, броня на машинах — словом, все, что до этого успокаивало и придавало уверенности, отходило на задний план по мере того, как из темноты вдоль дороги выплывали новые покойники. Отвага и решимость Тимура остались где-то там, внизу, возле второго тела, неподалеку от Сан-Педро, и не захотели подниматься в горы.

Пустыня тем временем пошла в гору. Местами угол наклона доходил до 30°. Моторы нутно ревели, а капоты торчали вверх и перекрывали обзор. Момент, идеальный для нападения на их караван. Но ничего не происходило. Только, как и раньше, то тут, то там попадались трупы крестьян. Все они лежали ничком, головой на восток.

Экспедиция миновала Пуритаму, так и не увидев ее в темноте.

— Знаете что? — подал голос украинец, опять взглянув на карту. — От Пуритамы до границы с Боливией всего двадцать километров. А что, если боты уже в Боливии?

Об этом никто не подумал. Поначалу Рино не понял, насколько в таком случае усложняется их положение:

- Какая разница, где их травить?

— Хантер, это суверенное государство, — потряс картой Тимур. — Нехватка пунктов контроля не означает отсутствия приграничных патрулей. Только подумай, что будет, если нас поймают. У нас баллоны с зоманом, которого хватит, чтобы отравить пол-Боливии, гранаты, ружья. Выражение «незаконное пересечение границы» — это детский лепет по сравнению с тем, что мы собираемся сделать, попав на боливийскую территорию.

— Вот уроды! — Рино, как горная река, медленно, но верно выходил из берегов. — Скоты! Как они меня достали!

- Думаете, они нарочно? — Тимур пытался осмыслить ситуацию.

— Если боты в Боливии, нам придется повернуть назад, — сказал Эрмглен, испуганно наблюдавший за тем, как беснуется великан (казалось,

еще немного, и Рино оторвет руль). — Мы же не собираемся воевать с боливийской армией?

— Ребята, подождите, — вмешался Алан, — понимаю, мы и так уже по уши в дерьме, но если боты перешли границу и начнут бесчинствовать на боливийской территории... Представьте, что будет, если они доберутся до какого-нибудь большого города. Сомневаюсь, что нам удастся дальше скрывать от общественности то, что здесь происходит.

— Какая, к черту, общественность? Что ты несешь? — рявкнул амбал.

— Если боты попадут в Боливию, в нашу и без того не слишком приятную историю будет вовлечена третья сторона, совсем не заинтересованная в том, чтобы замять эту историю. И я ужасно боюсь, что вонючие, как свежий навоз, факты начнут всплывать один за другим, как пузырьки из-под воды, и разлетаться по миру. Вы представляете, сколько международных актов и законов нарушено во время этих экспериментов? Все напечатанные экземпляры Конвенции ООН о правах ребенка можно смело отдать в общественные туалеты, где их используют по назначению... Не знаю, как вы, а я не хочу закончить карьеру в международном суде по обвинению в преступлениях против человечества.

Машины выбрались на горизонтальный участок. Вокруг свистел ледяной ветер.

— Кроме того, у меня есть мерзкое предчувствие, что рано или поздно нам придется просить помощи у Соединенных Штатов. Вряд ли официальна Америка станет вмешиваться, если весь мир узнает об экспериментах над ботами, которых по милости Пентагона все детство «ласкали» электрошоком и которые потом сожрали целую чилийскую деревню.

— Никто ни у кого не будет просить помощи! — в ярости заревел Хедхантер.

— Не горячись, Рино. Я только акцентирую внимание на том, что вопрос возвращения ботов в лаборатории отныне не актуален, главное сейчас — не допустить, чтобы дерьмо попало в вентилятор.

— Что это там, черт возьми, такое? — вдруг заметил что-то впереди Тимур.

— Мы должны их забросать гранатами, расстрелять, отравить газом, раздавить колесами, — разошелся Гринлон, — и если для этого надо перейти боливийскую границу, то... блин... — Невольно взглянув вперед, мужчина прервал свою страстную речь. — Что за!..

Следом за ним выпучил глаза и Рино. Их джип приближался к...

— О господи! Не-е-ет! — закрыл лицо Тимур.

— Вот черт! Черт! Черт! — следом за украинцем заладил Алан Гринлон.

Стефан провизжал что-то нечленораздельное и выблевал остатки ужина на кресло Тимура.

— Назад! Поворачивай назад, идиот! — заорал американец, срывая голос.

Хедхантер нажал на тормоз и вывернул руль влево. Джип занесло. Он почти остановился, когда ему в зад въехал второй внедорожник — Фрэнки не успел среагировать. Стальной бампер, взорвавшись искрами, сорвал заднее крыло. Джип с африканцами отлетел куда-то в сторону, проехал немного на двух колесах и едва не опрокинулся.

Машина Хедхантера напоролась на пригорок и заглохла.

Суббота, 22 августа, 04:13 (UTC –4)

Безымянное ущелье к востоку от Пуритамы

Чилийские Анды

Джип Рино окутала тьма, но машина Фрэнки (которая теперь выскочила вперед) не заглохла. Ее фары продолжали освещать приличный сегмент пространства. Они доехали до перевала. По бокам торчали острые скалы. Дно ущелья покрывал песок, из-за чего складывалось впечатление, как будто отряд снова оказался в пустыне.

В сотне метров впереди высились четыре кучи из беспорядочно сваленных человеческих тел. Жуткие кучи расположились выгнутым полумесяцем (крайняя правая из них — ближе всего к внедорожникам). Они полностью перекрывали ущелье. Мужчины, женщины, дети... Между соседними кучами были промежутки не более двадцати метров.

Семь пар глаз не отрываясь разглядывали четыре горы из мертвецов.

Тимур сопел, как рыба, которую вытащили из воды. К страху и напряжению добавилось еще и кислородное голодание. Разреженный воздух не насыщал кислородом кровь.

— Что за хрень? — прошептал Тимур.

Рино подумал, что перед ними запасы мяса, но не хотел, чтобы его машину обрыгали еще больше, поэтому вслух произнес:

— Понятия не имею.

— А вдруг среди них есть живые?

— Давай без геройства, фелла. Не вздумай выходить из машины.

Каждая куча насчитывала 30 — 40 истощенных, высушенных тел. Зрелище вызывало шок. Правда, главный «сюрприз» еще ждал мужчин впереди.

Хедхантер повернул ключ зажигания. Мотор хрипнул и заглох. Рино попробовал второй раз. Теперь информационная панель ожила, а двигатель отозвался размеренным хрипом.

— Рино, ты уверен, что хочешь туда ехать?

Амбал не ответил. Порывшись, достал из-под своего сидения цилиндрический фонарь и протянул его Тимуру.

— Лезь наверх, — Рино показал на люк, — но не высовывайся. Свети туда, куда не светят фары. И будь внимательным.

Из люка второго джипа показалась голова Джеро. Он тоже держал в руках лампу.

Лучи фонарей выхватывали из темноты выскакивающие по сторонам скалы.

Джипы корпус в корпус поползли в сторону мертвецов. Держась подальше от обрывистых стен долины, Фрэнки направил свой «туарег» в промежуток между первой и второй кучами (если считать справа налево). Соответственно, «бронемашина» Рино протиснулась в просвет между второй и третьей.

Когда джипы проезжали мимо тел, Тимур не выдержал и обвел лучом груды тел. Это напоминало кадры из документального фильма о немецких концлагерях. Парень вспомнил слова Джеффри: «Вы не поверите, что я вижу. Это какой-то Освенцим, честное слово...» И Тимур почувствовал, что *они* здесь. Даже если это не логово, боты где-то рядом. Он был готов поклясться, что «малыши» наблюдают за машинами.

Внезапно ему показалось, что в груди мертвецов что-то пошевелилось. Куча вздрогнула и начала распадаться. Зашевелились руки и ноги, мертвецы сползали на песок. Тимур чуть не завопил, но вовремя понял, что это всего лишь игра его воображения. Рука с фонарем тряслась, из-за чего короткие тени мигали и создавали иллюзию движения.

Автомобили беспрепятственно миновали жуткие кучи и двинулись дальше.

На расстоянии двухсот шагов за линией тел виднелась треугольная скала, разделявшая ущелье на два рукава. Гора отдалялась, напоминая скалистый остров посреди устья реки. Ровные песчаные рукава, сужаясь, огибали «остров» с обеих сторон, затем какой-то отрезок пути тянулись параллельно и в конце концов терялись в темноте.

— Давайте лучше остановимся и обследуем кучи, — начал было Тимур, но его прервал неожиданный возглас.

— Там! — громко тьякнул Джеро, показывая пальцем вперед. — Там кто-то стоит!

Крик, усиленный эхом, ударил по ушам. Программист чуть не уронил фонарь: в ответвлении, огибавшем треугольную скалу слева, он увидел людей. На этот раз *живых* людей. Худые, как скелеты, крестьяне шеренгой перекрывали проход между «островом» и стеной ущелья. Дюжина или, может, полтора десятка изможденных людей. Считать было некогда. Один из них поднял руку, явно прося о помощи.

Оба водителя нажали на тормоза.

Тимуру ситуация показалась до боли знакомой. Когда-то он сам

программировал схожую схему коллективной атаки игровых ботов. Алгоритм назывался «Охота на цель на открытой территории». Как-то так. Суть сводилась к тому, чтобы загнать игрока в ловушку. Боты создавали несколько *видимых*, но фиктивных засад, в одной из которых скрывались «загонщики». Фальшивые засады перекрывали все выходы с территории, кроме одного, где и находились основные силы. Во время атаки застуканный врасплох игрок, не имея времени осознать, что засады липовые, бросался к единственному свободному выходу и таким образом...

— Рино, это ловушка. — Тимур сам удивился, насколько спокойно прозвучал его голос.

Хедхантер не ответил. «Сейчас появятся “загонщики”», — мелькнуло в голове у программиста. Он развернулся на 180 градусов и прошелся лучом прожектора по наваленным кучам мертвецов. Как раз вовремя. Трупы из крайней кучи (теперь она была крайней левой для Тимура) на глазах разлетались в стороны, из-под них один за другим появлялись боты.

— Сзади боты, — без паники, но достаточно громко сообщил Тимур. Троица в салоне оглянулась. Украинец бил лучом прямо в уродов.

Взрыв адреналина заткнул глотку страху, а радость, вызванная осознанием того, что он спрогнозировал атаку, придала сил. «Пускайте зоман!» — хотел сказать Тимур, но слова застряли у него в горле.

— Fu-u-u-uck! — в один голос закричали Хедхантер, Алан и Эрмглен. Фонарь, звякнув о крышу машины, выпал у Тимура из рук.

На всех ботах были надеты противогазы.

Такого не ожидал никто. Фрэнки рванул вперед. Гереро завернул свой джип вправо от треугольной скалы — в свободный проход, где *не было* людей. Хедхантер развернул машину за ним следом.

— Стой! — соскользнув в салон, заорал Тимур. — Только не вправо. — Он схватился за руль и силой вывернул его в другую сторону.

Фрэнки отдалялся.

— Пусти руль, придурок!

— Долго объяснять. Боты загоняют нас в ловушку!

Уроды приближались.

Возможно, Хедхантер упирался бы и дальше, но в этот момент автомобиль Фрэнки попал передними колесами в замаскированную яму. Задние колеса поднялись в воздух и крутились, не доставая до земли.

Хедхантер побледнел и снял ногу с педали газа.

В следующий момент земля вокруг попавшего в яму джипа забурилась и из присыпанных песком укрытий начали подниматься мускулистые

фигурки ботов. Двое подскочили к застрявшей машине и распахнули дверцы. Вслед за ними из песка появились еще два бота с «моссбергами» в руках. Все они были в противогазах.

— Куда... куда мне ехать? — еле выдавил из себя Рино.

(Несчастный Ти-Джей, который понял, что сейчас умрет, несмотря на отчаяние, вывихнутое плечо и сломанную ключицу, из последних сил старался дотянуться до баллона с зоманом. Он дотянулся окровавленными пальцами до спускового клапана, но тут его руку перехватил Фрэнки. Ти-Джей попробовал вырваться, но Фрэнки, оскалившись по-звериному, налег на руку Ти-Джея всем телом. Четыре или пять выстрелов слились в один... В глазах Ти-Джея, который так и умер с протянутой к желтому баллону рукой, застыло изумление.)

— Думай быстрее! — заорал Хедхантер.

«В игре миссия считается проваленной, если игрок убивает заложников или кого-нибудь из мирных жителей. Боты уверены, что люди ни за что не причинят вреда другим людям. Для ботов не существует разницы между игрой и жизнью», — эти мысли стремительно пронеслись в голове Тимура. И он приказал:

— Дави крестьян!

— Что? — вскрикнул Эрмглен. — Это невинные люди!

У Тимура не было времени для объяснений:

— Рино, давай влево. Это единственное место, где можно проскочить.

Повторять не пришлось. Хедхантер рванул налево. Но боты уже были у них на хвосте. Тимур сорвал с гранаты Ф-1 чеку и бросил ее назад через люк. Раздался характерный хлопок, джип осыпало осколками, и ущелье застелил густой туман пыли, сделав еще плотнее окружающую темноту. Заметив летящую гранату за секунду до взрыва, боты метнулись врассыпную и распластались по земле. Никто из них не пострадал.

Джип понесся на шеренгу крестьян. В последний момент те бросились врассыпную. Какой-то чилиец с глубоко запавшими глазами, выцветшими волосами и синеватыми язвами на бескровном лице замешкался. Удар забросил его на капот. С глухим стуком, без единого вскрика он перелетел через «туарег» и упал на песок позади машины.

Левое ответвление ущелья круто поворачивало на север. Беглецы выехали на пологий спуск и понеслись на северо-запад — назад в Атакаму.

Тимур надел ноктовизор и, высунувшись в люк, посмотрел назад. Боты отстали. Парень едва различал их плечистые фигуры. Но погоню не прекращали. Глядя на них, программист окончательно убедился, что боты — не люди. Они двигались быстрее, как обезьяны или четвероногие пауки

— низко наклонив голову и используя все четыре конечности. Маски противогазов придавали им футуристическую жуть.

Песок скоро закончился. Почва становилась все более каменистой. После того как джип несколько раз, как на трамплине, подпрыгнул на островерхих камнях, Хедхантер притормозил. Этого оказалось недостаточно. Спуск становился все круче, внедорожник набирал скорость. За окном мелькали все бóльшие камни. Тимура охватило недоброе предчувствие:

— Рино, не гони.

— Я не газую... — Глухой удар, машина взлетела вверх. — Э-э-эх, черт!

— Рино, останавливай машину...

Одновременно с толчком от приземления воздух разрежало громкое «бух!» разорванной шины. Автомобиль еще раз подбросило и развернуло в воздухе правым боком. Хедхантер вывернул руль, но склон был крутым, а голое колесо не цеплялось о землю. Коснувшись грунта, «туарег» опрокинулся, какое-то время с грохотом полз на крыше, потом, зацепившись за что-то, встал на колеса, почти сразу снова перевернулся и устремился вниз, увлекая за собой лавину из мелких камней. Добравшись до ровного участка, джип остановился — застыл кверху дном...

Когда все стихло, Тимур открыл глаза. В голове стучало. Локоть левой руки распух, кисть плохо слушалась, а с правой щеки вниз на висок стекала струйка крови (парень висел вниз головой, удерживаемый ремнем безопасности). Вывернувшись, он освободился от ремня и встал коленями на крышу автомобиля, упираясь головой в спинку сидения, спиной к треснутому лобовому стеклу.

Надо выбирать. Пересиливая боль в руке и ребрах, Тимур подергал ручку двери, она не открывалась. Водительскую дверь сорвало при аварии. Через отверстие была видна каменистая пустошь, но этот выход преграждала стокилограммовая туша Хедхантера.

— Рино... — тихо позвал украинец. — Рино, черт побери, ты жив?

Хедхантер издал еле слышный стон.

— Надо выбирать отсюда, Рино! Боты будут с минуты на минуту!

Вдруг Тимур ощутил легкий кисловатый запах, похожий на аромат свежескошенной травы... или сена. Приятный, успокаивающий. Наверное, они скатились на высокогорный луг, примяв густую траву, подумал он. Он посмотрел через дверь наружу. Несмотря на темноту, парень четко видел мертвую каменистую поверхность. Откуда, блин, здесь трава?

И тут до него дошло.

— Черт! Только не это!!!

Тимур уперся спиной в дверь и стал пинать Хедхантера обеими ногами.

— Зоман! Это зоман! — захлебываясь, завизжал он. — Очнись, тюфяк!

Треснул один из баллонов. Может быть, несколько.

Хедхантер закричал, пошевелился. Сдвинуть с места его тушу Тимур вряд ли смог бы даже на ровной поверхности, а в сплюснутом салоне опрокинутого «фольксвагена» и подавно.

Запах усиливался. Тимура охватило такое чувство, будто он упал в копну свежего сена.

— Рино-о-о! — заорал украинец в ухо великана.

Хедхантер не шевелился.

Тимур запаниковал. Хотелось зарыдать от отчаяния, порвать бесчувственного Рино на куски. И очень не хотелось умирать.

Усилием воли парень взял себя в руки: «Не дышать. Для начала — просто не вдыхать отравленный воздух. Представить, что я под водой». Он плотно сомкнул губы и зажал пальцами нос. Но что дальше? Так он продержится минуту-полторы. Не больше.

Вдруг его осенило: «Противогаз! У меня был противогаз!» Он помнил, что до аварии положил противогаз в боковой отдел дверцы. Он мог улететь далеко или вообще порваться, пока «туарег» выделял кульбиты, но это была единственная надежда на спасение. Не дыша, Тимур начал шарить по кабине. Секунд десять программист не мог ничего отыскать, и костер паники снова разгорелся в животе. Кислород в легких заканчивался. Перед глазами поплыли круги... Неожиданно Тимур обнаружил, что противогаз лежит прямо под ним: освобождаясь, он уселся на него. Он вытащил из-под себя маску, натянул ее на голову и сделал неглубокий вдох. В нос ударил запах старой влажной резины, сухой пыли и... больше ничего. Угольный фильтр и гофрированный шланг не пострадали.

Звуки теперь доносились словно сквозь слой воды, но Тимур расслышал возню в задней части салона. Обернувшись, он увидел, как Алан выбивает ногами дверь. На яйцеподобной голове американца был противогаз.

После четырех или пяти ударов дверца вылетела прочь. Прежде чем он высунулся наружу, Тимур протянул руку и схватил Алана за рубашку:

— О-о-ги! А-бу гу-у е-ффо! — загудел программист и показал пальцем на Хедхантера.

— А-но! — прогундосил в ответ Гринлон. Видимо, Алан сказал

«ладно» или что-то в этом духе, понять было трудно.

Алан быстро выбрался наружу и стал тянуть Хедхантера за левую руку из кабины. Тимур помогал ему, толкая здоровяка ногами. Рино несколько раз открывал глаза, однако не приходил в сознании окончательно.

Вместе они справились быстро: меньше чем за четверть минуты великана извлекли из кабины, переместили подальше от машины и уложили между камнями.

Убедившись, что с Рино все в порядке, Тимур и Алан бросились назад к машине за Эрмгленом и вытащили его. Швед сильно побледнел и учащенно дышал, на губах вздувалась пена. Мышцы были напряжены, тело была частая дрожь.

Алан и Тимур переглянулись. Американец сокрушенно покачал головой. Никто из них не знал, сколько зомана вытекло. Сколько времени прошло после аварии? Одна, две минуты? Концентрация газа в воздухе вполне могла оказаться летальной. Тимур что-то прокричал в лицо Гринлону и поволок Эрмглена к впадине между камнями, где лежал Хедхантер.

Алан вернулся к машине, вынул из нее дробовики, гранаты, патроны, два ноктовизора (третий разбился) и противогаз Стефана. Отнес все к их укрытию.

Перебрав вещи, принесенные американцем, Тимур в сердцах ударил по резиновому затылку.

— Атропин! — закричал он, растягивая скулами маску и показывая на Стефана.

— Фак! Я идиот, — глухо, но разборчиво выругался Алан. Кричать через противогаз было непросто.

Они побежали обратно к машине. Обшарив кабину, они отыскали одну коробку с ампулами атропина. Из восьми ампул уцелела только одна. Остальные семь разбились. Из сумки Эрмглена Тимур достал одноразовый шприц.

Когда они вернулись, Хедхантер уже очнулся, поднялся на ноги и рассматривал в ноктовизор склон, с которого они скатились.

— А-до а-деть о-ти-о-газ! — замахал руками Алан.

— Газ! Газ! — вторил ему Тимур, тряся резиновым хоботом.

— Я не буду натягивать этот гандон себе на голову, — хмуря брови, сказал здоровяк.

— И-и-от! — злился Гринлон.

— Не визжи, — отрезал Рино. — Я в норме, — и тут же объяснил: —

Ветер дует с юга.

Тимур огляделся, пытаясь по звездам сориентироваться, где север, а где юг. Пока он определял, что внедорожник лежит на юго-востоке от их укрытия, Алан снял защитную маску.

— Все равно это опасно. Вдруг ветер переменится?

— Вот когда переменится, тогда и надену. Не знаю, как у вас, а мой противогаз давит мне голову так, что мозги чуть ли не из задницы вылазят.

Украинец тоже снял противогаз и почесал вспотевшую голову. Алан отломал шейку ампулы и набрал в шприц раствор атропина. Найдя вену на изгибе руки, вколол все содержимое Стефану Эрмглену. Через минуту шведа перестала бить дрожь.

— Я видел, что это ловушка, но даже представить себе не мог... — пробубнил Тимур.

— Откуда они узнали? — посмотрел на него Рино. — Как, черт побери, они могли пронюхать о газе?

Тимур пожал плечами:

— Не знаю.

Хедхантер отвернулся. У него была собственная гипотеза, но она ему страшно не нравилась. Он не хотел о таком даже думать. По крайней мере, сейчас — были проблемы и поважнее.

— Займитесь доктором. Я буду начеку.

Тимур и Алан помогли Стефану сесть.

— Воды, — прохрипел доктор. — Дайте попить.

Тимур выматерился. Они притащили с собой в пустыню гору оружия и боеприпасов, десятки килограмм зомана, но были настолько уверены в благополучном завершении операции, что не взяли воды.

— Прости... — прошептал украинец. — Воды нет...

Гринлон, прикусив губу, потупил взгляд.

Вдруг Рино напрягся, подобрался весь, как кошка, которая готовится к прыжку.

— Поднимайтесь, — скомандовал амбал.

— Что там? — вытянул шею Тимур, вглядываясь в темноту.

— Надо уносить ноги.

— Они здесь?

— Давно. Просто только что они нас увидели.

Тимур поднес к глазам второй прибор ночного видения и направил его в темноту. Несколько ботов, низко нагнувшись, мчались по наклонному спуску. До них было километр-полтора, но расстояние быстро сокращалось.

— Мчатся сюда, — подтвердил Тимур.

— Стефан, ты можешь идти? — обратился к Эрмглену Алан Гринлон.

Стефана опять начала бить дрожь. Возможно, атропин был просроченный, а может, доктор слишком долго находился под воздействием зомана. Теперь он не просто дрожал, его мышцы периодически сокращались. Тело напоминало мешок, внутри которого ползают и извиваются черви.

Эрмглен из последних отрицательно покачал головой.

— Тогда мы понесем тебя.

— Нет... Оставьте меня... Это конец...

На губах у него опять запузырилась пена, из носа вязкими струйками стекала слезь, даже мышцы лица начали хаотически подергиваться. Хедхантер положил руку на плечо Алана.

— Если хочешь, могу его пристрелить, — без обиняков предложил Рино. — Все же лучше, чем попасть в руки ботов. Но, черт возьми, не устраивайте слезливых сцен. Мы не можем больше ждать. И не вздумайте брать его с собой.

— Нет... Н-нет... — захрипел Стефан, а потом поманил рукой Хедхантера.

Амбал неохотно наклонился.

— Оставьте... м-мне... гранаты, — тяжело выдавил Эрмглен.

Хедхантер поднял брови. Секунд пять стоял не двигаясь, а потом подал знак рукой Тимуру. Стараясь не смотреть доктору в глаза, украинец вложил осколочную гранату в руку шведу.

— И еще одну... дай... в... левую руку... — попросил Стефан Эрмглен.

Тимур положил в дрожащую ладонь еще одну темно-зеленую «лимонку».

— Пошли, — подгонял Хедхантер.

— Прощай, Стефан, — тихо сказал Эрмглену Тимур.

Дергаясь, Стефан кивнул. Алан отвернулся, тихо выругавшись. Взяв оружие и припасы, троица растворилась в темноте. Рысцой, не оглядываясь, они направились на запад.

Эрмглен перевернулся на живот. Преодолевая болезненные судороги, идущие по телу, он пополз на открытый участок. Он не хотел, чтобы боты пробежали мимо него. Добравшись до места, откуда было видно машину, Стефан перевернулся на спину. По очереди вырвал предохранительные кольца из «лимонок» и, крепко стиснув спусковые скобы, стал ждать.

Стефан чувствовал, как нарастает действие яда и наступает последняя,

самая тяжелая фаза отравления — мышцы начали неметь. У доктора произошла самопроизвольная дефекация, дыхание прерывалось, он захлебывался слюной и рвотой, горячие слезы текли из глаз непрерывными ручьями. Стефан не верил в Бога, но сейчас начал молиться. Шевеля землистыми губами, он обращался к Господу, моля не останавливать сердце, не останавливать сердце, не останавливать сердце... Пусть оно сжимается, колет и болит, но еще несколько минут качает кровь.

...Поскольку Эрмглен лежал на земле, первый бот заметил его уже на совсем близком расстоянии и чуть не налетел на шведа. «Мальш» резко затормозил, подняв вокруг себя клубы пыли, затем лег на землю и юркнул за ближайший камень. Остальные преследователи, мгновенно получив информацию о том, что впереди человек, тоже затаились.

После этого целых три минуты ничего не происходило. Стефан отчаянно цеплялся за жизнь, стараясь не отпустить преждевременно спусковые скобы «лимонок». Боты, спрятавшись, смотрели на человека в сознании, который знал об их присутствии, но не убегал и не нападал, разлегшись на открытом месте. Сконфуженные неясной ситуацией, «мальши» искали объяснение среди известных им моделей поведения, запрограммированных когда-то Тимуром Коршаком, но ничего подходящего не находили. Программа не могла подсказать, как действовать. Боты владели многими тактическими хитростями и стратегическими приемами. Вместе с тем многое находилось за пределами их понимания. Многие *действительно важные*. В частности, им ничего не было известно о том, что такое самопожертвование — такая маленькая долбаная штучка, свойственная только человеку, которая нередко перечеркивает лучшие замыслы даже гораздо более сильного врага.

Решив, что швед не представляет для них опасности, боты вышли из своих укрытий и подошли к нему, собираясь добить. К тому времени доктор почти не дышал (сердце замолкало, сокращаясь один раз в две-три секунды), но все еще был в сознании. Подпустив их, Эрмглен оскалился и... разжал кулаки. «Лимонки» детонировали. Двое ботов превратились в фарш, третьему оторвало ухо. Остальные отступили, забившись в малейшие неровности каменистого рельефа.

Кто бы мог подумать, что первый урон ботам при стычке на открытой местности нанесет не Хедхантер или кто-то из его головорезов, а неуклюжий шведский врач! Между тем было еще кое-что, о чем люди никогда не узнают. В действительности задержка, вызванная самоотверженными действиями Стефана, унесла жизни не двух, а пяти ботов. Через минуту после взрыва «лимонок» трое из них распрощались с

жизнью, надышавшись паров зомана из перевернутого «туарега», которые проникли в щели их *больших не по размеру* противогазов...

Ни Тимур, ни Рино не знали, что во время первой атаки ботов находились ближе всего к победе. Полной победе.

Дело в том, что круглые отверстия для глаз в противогазах ощутимо ухудшали видимость. Обычный человек довольно быстро адаптируется к такой перемене, но не бот. Реакция, скорость принятия решений и стремительность ботов в высокой степени зависят от того, насколько быстро и полно они впитывают информацию об изменениях в окружающей обстановке. На 90% эта информация поступает через глаза. Боты не оставили наблюдателей, которые бы следили за атакой со специальных наблюдательных пунктов и таким образом служили бы глазами для остальных, потому что не знали, насколько далеко распространятся пары зомана. В результате, когда *всё* их зрение ограничивалось несколькими десятками мутных кружочков, боты потеряли львиную долю своей эффективности. В отличие от людей они не могли быстро перестраиваться.

Но самое главное — то, что людям следовало применить зоман. Напуганные стремительностью предыдущих событий, Рино и Тимур переоценили противника. *Все противогазы*, добытые Джейми Макакой, предназначались для взрослых, то есть были большого размера. Поэтому маски свободно болтались на детских головах ботов, оставляя щели, сквозь которые легко просочился бы смертоносный газ. Тимур был прав, боты действительно обучались. Каким-то образом они узнали о противогазах, а также о том, где их можно найти. Однако откуда им было знать, что противогаз бесполезен, если края резиновой маски не прилегают вплотную к голове? Им негде было тестировать свою защиту.

Жаль, но не догадались об этом обстоятельстве и их противники. Увидев на головах у ботов противогазы, они совсем потеряли надежду на победу. Если боты: а) разведали о газовой атаке, б) узнали о средствах личной защиты и в) смогли их достать в Атакаме, было вполне логично допустить, что мальчики разберутся с размерами. Это казалось очевидным...

...Убегающая от ботов тройка вскоре наткнулась на скалистый кряж.

— На плоскогорье они нас догонят и расстреляют, — запыхавшись, сказал своим товарищам Хедхантер. — Надо спрятаться.

Никто не спорил. Они взобрались на кряж, нашли среди скал тесную нишу, защищенную вертикальными уступами с юга и запада, и залегли в

ней.

— До восхода солнца два часа, не больше. Мы должны продержаться, — прошамкал Алан.

Лицо Тимура с горечью перекопилось. Ужасно хотелось пить.

— Мы в Андах, Алан. В разгар зимы и далеко за отметкой четыре тысячи метров. Даже если солнце будет светить весь день, температура не поднимется выше восемнадцати градусов. Для ботов это не помеха...

Боты, растянувшись широкой линией, быстро приближались к подножию кряжа.

Суббота, 22 августа, 10:28 (UTC +2)

Киев, Украина

— Привет, — Денис заметно волновался.

— Привет, — равнодушно ответила Алина.

— Давно не виделись. Как у тебя дела?

— Денис, у меня нет настроения для разговоров. Говори что хотел.

— Я... я не... я просто позвонил узнать, как дела...

— Просто отлично. — Девушка явно демонстрировала, что разговор утомляет ее. — Это все?

— Нет, подожди, — голос в трубке напрягся. — Я не хочу навязываться, но... может, мы бы сходили куда-нибудь завтра? Ты любишь суши?

— Спасибо, Денис, но у меня другие планы.

— Тогда, может, давай во вторник?

— Денис...

— Просто посидим, поговорим, как старые друзья. Мне действительно нужно тебя увидеть.

Алина поняла, что он так просто не отстанет.

— Хорошо. Позвони в понедельник. Я подумаю.

— Отлично! Тогда до понедельника.

— Пока.

— Пока! Был рад тебя слы...

Девушка повесила трубку, в душе надеясь, что бывший ухажер больше не позвонит.

Но он позвонит. И еще не один раз.

Оно

Это чувство не сравнится ни с чем. Для ученого нет ничего лучше, чем осознание того, что абстракции, осуществленные в его мыслях, в точности соответствуют чему-нибудь в природе. Каждый раз, когда такое происходит, это пугает. Ученый поражен тем, что построения его разума воплощены в реальность. Это огромный шок и одновременно большая радость.

Лео Каданофф^[93]

...Жизнь — как пятница в мыльных операх. Создается иллюзия, как будто все идет к завершению, но в понедельник опять начинает вариться то же самое старое дерьмо.

Стивен Кинг. Дьюма-Ки

Суббота, 22 августа, 12:44 (UTC –4)

«DW», жилой корпус

Кацуро Такеда поднимался по лестнице на крышу жилого корпуса. Жар у него спал, но он до сих пор чувствовал сильную слабость. Бурые пятна на коже больше не напоминали порезы от бритья. Они стали более заметными, объемными. Почти все теперь загноились и распухли.

Выскочив на террасу, японец подбежал к бетонному парапету. Закрывая ладонью глаза от солнца, посмотрел на север.

Через минуту на горизонте появилось облако пыли. Такеда опустил руку. Его губы перекосила гримаса. Он постоял еще с минуту, вглядываясь покрасневшими глазами в пустоту, после чего так же быстро покинул крышу.

Он спустился на четвертый этаж и без стука вошел в кабинет Джепа.

— Они возвращаются, — сказал он по-японски.

Кейтаро Рока потерял надежду увидеть живыми тех, кто отправился в ночную вылазку. После слов Кацуро Джеп бросился к окну и стал напряженно и долго всматриваться в пустыню, пока не убедился, что действительно видит приближающийся столб пыли.

— Как ты узнал? — удивился старый профессор. — Ты же не мог их увидеть.

Такеда не ответил. Облако приближалось.

— Там только один джип, — сказал Кейтаро. — Где второй?

Кацуро молчал.

— Кацуро, возвращается только один джип! Они летят, как сумасшедшие. — Машина неслась, не разбирая дороги. Кейтаро Рока отвернулся от окна. — Что-то случилось!

Молодой японец стоял, как манекен в витрине. От него нестерпимо воняло.

— Да что с тобой? — прошептал Джеп.

Автомобиль был уже близко. Это был белый пикап.

— Это не «туарег», — упавшим голосом сказал старый японец.

Такеда подошел ближе. Глаза блестели, отражая свет из окна. Он замер в шаге от Кейтаро, уставившись ему в затылок. Рука Такеды поднялась и...

Дверь с грохотом открылась. С выпученными глазами в кабинет ввалился Штаерман:

— Кейтаро, Рино возвращается!

— Это не наша машина. Едет кто-то другой, — сказал Джеп.

— Рино только что вышел на связь. Ральф принял сообщение. Это они.

Кейтаро, Ральф, Оскар, Лаура и Бекка собрались во дворе. К ним присоединились Готто и Сэм. Ндонга не показывался. Белый пикап «chevrolet» подъехал к ограде. Вышли Хедхантер, Тимур и Алан.

— Вам не кажется, что нечто подобное уже было? — спросила Лаура.

— Дежа-вю, — подтвердил Штаерман. — Сейчас они подойдут, и Рино начнет рассказывать страшную историю.

— Что случилось? Где твои люди, Рино? Куда подевались «туареги»? — посыпались вопросы, как только троица уцелевших добралась до входа в «DW».

— Воды! — прохрипел Хедхантер.

Бекка сбегала в корпус и принесла бутылки с холодной водой. Прибывшие жадно пили, морщась оттого, что ледяная жидкость обжигала горло.

— Что случилось со Стефаном и твоими парнями? — сгорал от нетерпения Джеп.

Рино все еще накачивал свои сто двадцать обезвоженных килограмм живительной влагой. Заговорил Тимур. Он кратко рассказал о погоне и засаде около Пуритамы.

— Они знали о газе?! — ахнул Ральф. — Но это невозможно!!! — От этой новости сердце пустилось в бешеный галоп. Канадец сделал глубокий вдох и несколько раз стукнул кулаком по груди, пытаясь сбить аритмию. К сожалению, «мотор» не хотел успокаиваться.

— Знаю, что невозможно, — повысил голос Тимур. — Но они знали.

Затем он рассказал о гибели чернокожих наемников и о том, как их «туарег» перевернулся.

— А что потом? Как же вам удалось вырваться? — Ральф был серым, как земля, но любопытство заставляло на какое-то время забыть о беспорядочном и изнурительном стуке в груди.

Украинец пожал плечами:

— Я не знаю.

— Что?

— Я не знаю, — растерянно повторил Тимур. — Примерно за час до рассвета боты окружили нас среди скал где-то на северо-востоке от

Пуритами. А потом они... по-моему, они зависли...

— Зависли? — в один голос сказали Кейтаро и Ральф.

— Да. Пятеро из них начали безостановочно ходить у нас на виду по небольшому кругу. Мы сначала решили, что они просто отвлекают нас. Но время шло, а они продолжали наматывать круги. Потом появились остальные боты и увели с собой этих пятерых очумевших.

— И все?..

— Да. — Тимур устало вытер лоб предплечьем. — Мы просидели в скалах еще час. Боты больше не появились. Тогда мы бросили все и побежали.

— Куда побежали? — не понял Ральф.

— В Сан-Педро и взяли там машину. И вот мы здесь, — терпеливо объяснил Тимур.

— Сан-Педро превратилось в стоянку подержанных машин, — Штаерман взглянул на «chevrolet» старой модели.

Было видно, что Кейтаро совсем пал духом. Старый японец молча развернулся и медленно побрел прочь — сгорбленный, поникший, с растрепанными волосами. Он явно уже не надеялся, что ботов удастся вернуть. Старик выглядел жалко. Впрочем, никто не испытывал к нему сочувствия. Кейтаро чем-то напоминал Адольфа Гитлера в последние дни Второй мировой войны.

Держась за сердце, вслед за ним отправился и Ральф.

Мужчины были шокированы тем, что боты оказались готовы к газовой атаке. И никто не обратил внимания на отсутствие Такеды...

...Тимур никогда не узнает, что стало причиной программного сбоя, из-за которого боты зависли. Не было одной-единственной причины. Сначала «малышей» привел в замешательство поступок Эрмглена: ни одному боту не постичь того, что сделал швед. Трое ботов расположились с северной стороны перевернутого джипа. Южный ветер быстро окутал их парами зомана. На тот момент концентрация газа в сорок раз превысила среднесмертельную дозу. Боты умерли в конвульсиях меньше чем за полминуты.

Они не смогли связать гибель трех товарищей с действием зомана, так как были уверены в своих противогазах. По их представлениям, газ должен был бы действовать одинаково на всех, например, как радиация, — независимо от ветра.

Столкнувшись с необъяснимой угрозой, «малыши» прекратили преследование. Им ничего не стоило отрезать беглецам путь в пустыню, после чего убить их по одному. Боты не сделали этого, остерегаясь новых

смертей. Дальше — самое интересное. Попытки обработать последние события, то есть превратить их в новые программные инструкции (макросы), привели к каскаду сбоев в работе процессоров в мозгу ботов. Как правильно отметил Тимур, несколько ботов просто «зависли».

Понятно, что одного неудачного макроса недостаточно для того, чтобы заикнуть мозговой процессор. «Зависанию» поспособствовали также физиологические причины. Человеческие органы, как и все остальное в этом мире, изнашиваются. Если не давать им отдохнуть, они перестают работать нормально, а затем отказывают. Возьмем для примера человеческое сердце. Диастола (период расслабления сердечных мышц для принятия в желудочки свежей порции крови) длится 0,37 — 0,4 с. То есть почти половину времени, приходящегося на один сердечный цикл (0,8 — 1 с), сердце отдыхает. То же с мозгом. Для его *нормального* функционирования необходимо 7 — 8 часов здорового сна. Дефицит сна вызывает «выключение» отдельных участков мозга даже у бодрствующего организма. Этот факт известен давно. Биологи из университета Висконсина в Мэдисоне когда-то опубликовали статью в «Nature», где рассказывалось об опытах над крысами. Разными методами грызунам не давали спать. Чтобы понять, что при этом происходит с мозгом, к головам подопытных прикрепили электроэнцефалографы. Сканы электрической активности мозга показали, что после продолжительного периода без сна животное еще не спит, однако отдельные группы нейронов отказываются работать, перейдя в режим медленного сна. Происходит что-то вроде перебоев в электроснабжении, а это выводит из строя определенный участок коры головного мозга и в итоге вызывает ошибки во время движения или при принятии решений.

В этом эффекте нет ничего странного. С точки зрения биологии сон отдельных групп нейронов выгоден организму. Пока часть клеток работает, остальные восстанавливают силы. Таким образом — переключая функции между разными полушариями, — работает мозг дельфинов, глубоководных рыб и других животных, не имеющих возможности выспаться «по-настоящему». Только вот человеческий мозг — не мозг дельфина. Он сложнее. И совсем не приспособлен к внеплановым отключениям «электроэнергии». Человеческому мозгу нужен сон.

Измученные мозговыми платами — генераторами импульсов, не знающими усталости, — боты расклеивались на глазах. У одних переставал работать желудок, у других нарушалась координация движений, третьи на время теряли зрение и слух, и почти все страдали от мучительных судорог.

Из-за непонимания процессов в головах ботов ни Тимур, ни его коллеги не обратили внимания на важный нюанс. Парень не придавал значения тому, что после очевидного закливания боты не отключились. Они не выпали из реальности, превратившись в желеподобные «овощи». Что-то продолжало руководить ими. Что-то сохраняло контроль. И это были не мозговые платы.

Воскресенье, 23 августа, 11:01 (UTC –4)

«DW», жилой корпус

После побоища под Пуритамой жизнь в исследовательском центре замерла. Больше не проводились утренние совещания. Прекратились коллективные завтраки, обеды и ужины. Каждый ел, когда хотел, и то, что успевал выхватить из погреба. Люди избегали друг друга. Кейтаро не выходил из своего кабинета. Он не спал, не принимал душ, ничего не ел. Сидел и молча таращился в окно. Никто не знал, что будет дальше. Он не делал никаких попыток исправить ситуацию, а ведь исчезновение целого поселка не могло долго оставаться незамеченным. Хорошо хоть боты прекратили свои нападения на базу.

Тимур отыскал Ральфа в его спальне — комнате № 407. Ральф лежал на кровати, уставившись в потолок. На тумбочке у кровати стояли баночки с лекарствами.

— Как самочувствие? — поинтересовался Тимур.

— Нормально, — соврал Ральф, его самочувствие было далеко от нормального.

— Не хотел вас беспокоить...

— Ничего, — не поворачивая головы, произнес Ральф. — Говори.

— Я думаю, у нас еще есть шанс взять ботов живыми.

— Каким образом? — Ральф приподнялся на локтях. Тимур подложил ему подушку.

— Завтра 24 августа, да? То есть день, когда ботам должна быть сделана инъекция альдостерона. — Тимуру не очень-то хотелось помогать Ральфу и Кейтаро, но он понимал, что от того, вернутся боты живыми или сдохнут в пустыне, зависит судьба всех участников проекта. Парень хотел как можно скорее покинуть это место.

— Да.

— Я предлагаю не вводить альдостерон одному из оставшихся у нас ботов, — сказал Тимур.

— Зачем?

— Затем, чтобы наблюдать за ним. Кацуро сказал, что без инъекции боты могут оставаться в живых еще три дня. Как только мы увидим, что выбранный бот ослабел и утратил способность к сопротивлению, мы

отправимся в пустыню и заберем остальных.

Ральф сел на кровати. Лицо его еще больше потемнело, но глаза загорелись:

— Ты рассказал о своем плане Кейтаро?

— Нет.

Канадец медленно спустил ноги на пол. Тяжело поднялся. Он так часто дышал, что рот не закрывался.

— Пойдем. Надо все распланировать.

— Я слышал, что он никого к себе не впускает и ни с кем не разговаривает.

— Мы его разговорим. — жестко процедил Ральф. — *Теперь* мы его разговорим.

Ученый набросил рубашку и, шаркая, вышел вместе с Тимуром в коридор. Парень поддерживал его.

— Ты чертов гений, приятель, — говорил он Тимуру, держась за его плечо — Я рад, что ты с нами. Рад, что ты не сдаешься...

Откуда им было знать, что запасы альдостерона у беглецов больше, чем их собственные?

**Понедельник, 24 августа, 08:13 (UTC –4)
«EN-2», второй инженерный корпус**

Ральф лично делал инъекции. Ему помогали африканцы Сэм и Ндонга.

Ботов по одному выводили из камер и вели в операционную палату на нижнем этаже «ясель». Для простоты учета тех, кому сделали инъекцию, выпускали во внутренний двор второго инженерного корпуса.

Тимур тоже присутствовал в палате. Просто наблюдал.

Введение гормона проходило без заминок. После каждого выпущенного «малыша» Ральф ставил черточку в записной книжке. Принимая во внимание двух ботов, которых казнил Хедхантер, таких черточек должно было набраться шестьдесят. Последнего, шестьдесят первого бота, следовало оставить без альдостерона.

Вакцинация близилась к концу. Количество отметок в блокноте канадца достигло сорока семи. Сэм и Ндонга повели во внутренний двор сорок седьмого бота. Однако почти сразу, возбужденные, прибежали обратно:

— Мистер Доэрнберг! Быстрее! Посмотрите, что там происходит!

Ральф вздрогнул. Рука инстинктивно потянулась к сердцу.

— Там! Там! — заладили негры.

Нейрохимик устало взглянул на листок с черточками и поднялся. Африканцы рванули к выходу во двор. Тимур, оставив канадца, погнал следом.

В верхней части двери находилось квадратное зарешеченное окошко. Сэм и Ндонга расступились, пуская Тимура к нему. Парень прижался к стеклу. Боты столпились в северо-восточном углу двора. Практически возле двери. Мальчики не двигались, застыв в разных позах, как будто в какой-то детской игре. Но *головы у всех были повернуты в одну сторону*. Перед ними была глухая стена. Они смотрели так, как будто могли видеть сквозь нее. Казалось, что неизвестное силовое поле повернуло их лица в конкретном направлении. По сути, так и было. Далеко за лабораториями что-то звало их, ненасытно влекло к себе.

За спиной у Тимура часто дышал Ральф.

— Куда они смотрят? — нетерпеливо выпалил парень.

— Не знаю.

— Я имею в виду: в каком направлении?

Канадец задумался.

— Сложно сказать точно. По-моему, на северо-восток. Хотя... нет, немного севернее: норд-норд-ост.

— И что там? Что в том направлении?

— Нужна карта. Я так сразу не определю.

В ступоре боты находились полминуты. Затем встрепнулись, как будто сквозь толпу пропустили волну холодного воздуха, и разбрелись кто куда.

...Еще тринадцати ботам, которые остались в «яслях», Ральф ввел альдостерон без проблем. Шестьдесят первого бросили в специальный изолятор рядом с лабораторией программирования, где за ним постоянно наблюдала видеокамера.

Во вторник, 25 августа, ощутимых перемен с подопытным не произошло. Приблизительно раз в два часа Ральф Доэрнберг или Рино Хедхантер жестоко дразнили изолированного бота. «Малыш» каждый раз агрессивно реагировал.

На рассвете в среду у бота проявились первые признаки истощения. Мальчик угасал на глазах. Началась сильная диарея. Через два часа после завтрака «малыш» еле двигался. Его глаза запали, черты лица заострились, а это свидетельствовало о том, что началось обезвоживание организма. Ральф измерил артериальное давление — 90/60. Аддисонический криз развивался. Несмотря на это, мальчик все еще реагировал на внешние раздражители.

За пять минут до полудня в присутствии Ральфа, Рино и Тимура бот впервые потерял сознание, стали конвульсивно подергиваться ноги. Полуприкрытые веками белки глаз дрожали.

— Пора начинать, — сказал Ральф. — Если до конца сегодняшнего дня твои ребята найдут ботов, их еще можно будет спасти.

Хедхантер кивнул. Посмотрев на беспомощного «малыша», Рино сделал глубокий вдох и вышел из изолятора.

— А с тебя, дружок, хватит. — Ральф сделал боту спасительную инъекцию.

Тимур помог привязать подопытного «малыша» к койке, после чего канадец загнал в вену катетер и подключил его к капельнице.

— Он не умрет? — поинтересовался Тимур.

— Не должен...

В изолятор вошел Кейтаро. Уголки губ безвольно опущены. Немытые волосы торчат клочьями. Глаза — как два погасших уголька.

— Как он? — Джеп кивнул на бота.

— Готов. — Ральф регулировал зажим на катетере.

— Ребята Хедхантера выехали?

— Я только что отправил его.

Кейтаро Рока постоял еще немного, а потом подошел к Тимуру и молча пожал ему руку.

Во дворе возле первого инженерного корпуса в машине ждали Сэм и Ндонга. Последний выглядел неважно. Если бы кто-то измерил Ндонге температуру, то удивился бы, что он еще держится на ногах: 39,3 °C.

Однако Стефан был давно мертв, а Ндонга терпел и не жаловался. Черный цвет кожи неплохо скрывал лихорадочный румянец и... язвы на его щеках.

Африканцам выдали одноразовые шприцы и полсотни ампул альдостерона. Их отправляли наобум. В действительности никто не знал, где искать ботов.

Хедхантер еще раз проинструктировал своих людей:

— Когда обнаружите ботов, убедитесь, что они не опасны. Только тогда выходите из машины. Быстро свяжите их и начинайте делать уколы. Только смотрите — не влепите кому-нибудь двойную дозу. — Сэм кивал, Ндонга сосредоточенно проверял свой дробовик. — Если будете в зоне доступа, дайте знать о своем местонахождении. Понятно? В конце пакуйте ботов в машину, сколько влезет, и быстро назад.

Проблема состояла в том, что на ходу оставалось всего два автомобиля: «Фольксваген-Туарег» и пикап «Тойота-Тундра». Ввести альдостерон недостаточно для того, чтобы спасти ботов. Аддисонический криз (или острая надпочечная недостаточность) требует внутривенного введения жидкости и непрерывной гормональной терапии. После того как ботов найдут, их необходимо перевезти в лабораторный комплекс. Хедхантер сомневался, что за один заезд двумя машинами удастся привезти сорок тел. Однако альтернативных вариантов не было: спасти нескольких ботов все же лучше, чем не спасти ни одного.

Отправив Сэма и Ндонгу, Хедхантер поднялся в радиорубку, чтобы поддерживать постоянную связь с «туарегом» и следить за передвижением своих парней. Сначала африканцы направились в Долину к пещерам, в которых когда-то прятались боты. Они были пусты. Потом заглянули в Сан-Педро. Поселок был мертвым. Затем Сэм повел машину к Пуритаме. Там они увидели «туарег», в котором несколько дней назад погибли Джеро, Ти-Джей и Фрэнки. Тел погибших не было. Не было и ботов.

В семь вечера в радиокомнате к Рино присоединился Ральф.

Время шло. Приближалась ночь. Сэм и Ндонга поехали обратно.

За несколько километров от Сан-Педро они наткнулись на следы.

— Босс, здесь следы, — тоскливо доложил Сэм. — Это точно боты.

— Куда они ведут? — схватившись за микрофон, сказал Хедхантер.

— На север, — сообщил Сэм.

Ральф и Рино посмотрели на карту Антофагасты.

— Они пошли к гейзерам Эль-Татио, — ударил себя по лбу Хедхантер. — Это же очевидно! Там есть вода. Чем мы раньше думали?

Канадец взглянул на наручные часы. Его глаза наполнились печалью.

— Поздно. Убирай их оттуда. Плато с гейзерами слишком далеко.

Даже если твои парни найдут ботов, они не успеют их привезти.

Рино медленно повернул лицо к Ральфу:

— Старик, ты уверен?

Нейрохимик сокрушенно покачал головой:

— Это конец, Рино... конец...

— Сэм, сваливайте оттуда... Сэм? Ты меня слышишь? Прием!

В этот момент связь прервалась. Сэм и Ндонга их больше не слышали.

Четверг, 27 августа, 07:55 (UTC –4)

Спальное крыло корпуса «DW»

Тимур прямо подскочил на кровати, когда осознал, что кто-то нависает над ним. Неведомая сила заставила его полуоткрыть глаза, а в следующую секунду он сел, одним махом сбросив с себя одеяло и едва сдерживаясь, чтобы не закричать. Затуманенный мозг никак не мог сориентироваться, где он и что происходит.

Возле кровати, наклонившись, стоял Рино Хедхантер.

— Это я, — сказал амбал, — доброе утро.

Щурясь и мигая, украинец натянул на ноги одеяло.

— ...утро, — пробормотал он. Испуганная кровь уходила из конечностей. Колочее онемение отпускало. Парень обрадовался, что все-таки совладал со страхом и не закричал.

— Я тебя напугал?

— Нет, — обронил Тимур. — Ты давно здесь стоишь?

— Только что зашел.

Лицо наемника затеняла усталость. Чувствовалось, что Рино этой ночью не спал.

— Так тебе чего? — спросил программист, все еще немного охрипший после сна.

— Есть две новости. Обе плохие, — инертно произнес южноафриканец.

— Валяй.

— Джеб застрелился.

— Когда?! — Новость была неожиданной, но не так чтобы потрясла Тимура. Он догадывался, что ботов не нашли, так что самоубийство Кейтаро не ошеломляло. Как ни крути, смерть японца ничего не меняла: боты погибли, все кончено. Обещанных контрактом денег — Тимур давно это понял — ему все равно не видать. Независимо от того, жив Кейтаро или мертв.

— Сегодня ночью, — произнося это, Рино смотрел куда-то мимо украинца. Взгляд прилип к стеклу, но не сфокусировался. Хедхантер не смотрел через окно, он просто отвел глаза от собеседника.

Тимур вдруг понял, что следующая новость будет гораздо хуже.

— Какая вторая?..

— «Туарег» с моими бойцами не вернулся.

— О господи... — голос Тимура изменился, он как будто застонал из глубокого подвала.

— В 20:35 я потерял связь. В последний раз Сэм связывался со мной за минуту до этого и сообщил, что они нашли следы. Похоже, боты свалили на Эль-Татио.

— Что за Эль-Татио? — спросил Тимур.

— Плоскогорье с гейзерами.

— А где оно?

— В 60 километрах на норд-норд-ост от Сан-Педро.

«В этом направлении смотрели боты...» — тревожно подумал Тимур.

— Боты пошли туда, поскольку на плато есть вода, — сказал сквозь зубы Рино. — Вдоволь. Там несколько десятков горячих гейзеров, подземные источники. А еще пещеры...

— Может, твои парни нашли ботов и просто не успели вернуться?

— От Сан-Педро, где Сэм в последний раз выходил на связь, до Эль-Татио два часа езды. Максимум. Даже в темноте. Учитывая всякие задержки, Сэм и Ндонга должны были бы вернуться самое позднее в три часа утра.

— Ты намекаешь, что боты живы? — ошеломленно выпучил глаза Тимур.

— Да.

— Но как же этот чертов гормон? Как они могли выжить без альдостерона?

— Не знаю... Я ждал возле рации всю ночь. Ни одного сигнала. Сэм и Ндонга остались на Эль-Татио.

— Мертвые?

— А ты думаешь, они там пикник устроили или что?

Украинец остановился, так и не натянув до конца футболку. В отчаянии схватился руками за голову. Значит, ничего не кончилось. Конечно, могло так случиться, что у машины спустило сразу два колеса или потек радиатор и перегрелся двигатель, но Тимур нутром чуял, что это не так. Он мог успокаивать себя сколько угодно, но трезвый и неумолимый внутренний голос нашептывал, что африканцы не вернутся. Не вернутся больше никогда. Отчаяние, как кислота, въедалось в сердце.

Четверг, 27 августа, 08:09 (UTC –4)

«DW», жилой корпус

— Доброе утро, — поздоровался Тимур.

Ральф ответил анемичным кивком. Канадец сидел спиной к двери, не отрывая глаз от стола. Большой палец левой руки нащупывал пульс на правой. Ладони дрожали.

Зайдя, парень осмотрелся. Он впервые находился в кабинете Кейтаро, который находился на самом верхнем этаже. Из окна открывался прекрасный вид на пустыню. Значительную часть комнаты занимали два прямоугольных стола, составленные буквой «Г» — перпендикулярно друг к другу. Вокруг стояло несколько кресел. Почти все пространство столов занимали два огромных монитора Sony, отодвинув на край лампу, телефоны и канцелярские принадлежности. Несколько ящиков были выдвинуты. Один лежал на ближайшем к Тимуру кресле. Где-то внизу под столами гудел системный блок.

Не отыскав глазами тела, Тимур подумал, что мертвеца убрали. Сделал шаг в сторону, понял, что ошибся. Кейтаро Рока лежал в дальнем углу комнаты, вытянувшись вдоль левой от входа стены. Из-за стола не было видно пятен крови и выбитых пульей мозгов на стене и полу, а мониторы заслоняли самого покойника. Между столом и стеной застряло перевернутое кожаное кресло. Вокруг мертвеца были разбросаны какие-то бумаги.

Продвинувшись еще немного влево, парень увидел револьвер. Небольшой, с коротким стволом, однако назвать его «дамским» язык не поворачивался — калибр был приличный. В отверстие дула мог легко пролезть мизинец взрослого человека. Выстрелом пистолет отбросило от тела. Он сейчас валялся возле ног мертвого японца. Тимур вытянул шею, заглянув в угол, где лежала голова, и поморщился. На правом виске у Джепа чернела дыра с обожженными краями размером с косточку персика. Ударной волной Джепу выдавило глаза, и они выпятились, как у жабы. Из ноздрей и ушной раковины выходили струйки засохшей крови.

Тимур собирался уходить, когда его взгляд случайно упал на монитор. На нем в окне почтового клиента от MS «Outlook Express» было открыто письмо, пришедшее от пользователя с ником «Информатор02» (Snitch02) и

адресованное «Слушателю» (*Hearer*).

— Монитор работал? — спросил программист.

Доэрнберг не отозвался. Вместо него ответил Рино, который стоял, облокотившись плечом на дверной косяк, не заходя в комнату:

— Да. Компьютер был включен, когда его нашли.

Письмо было написано по-испански. Тимур пробежал его глазами. Он достаточно знал испанский, чтобы ухватить суть.

From: Snitch02

To: Hearer

Subject: El robo

Time: 22:12 26/08

Buenas noches!

Неделю назад в Антофагасте ночью ограбили три аптеки. Преступников было двое. Я бы не писал об этом (считал, что информация несущественная), если бы не два обстоятельства. Первое — из аптек не взяли ничего ценного: никаких наркотических веществ или дорогих лекарств. Из всех трех мест прихватили только один, конкретный препарат. Идиоты не знали, что его можно купить и без рецепта. :)

Второе — одного грабителя вчера вечером задержали. Оказалось, какой-то полусумасшедший, который дважды отсидел за разбойное нападение и попытку изнасилования. На допросе он признался, что ограбление было заказано. При этом заказчик отдал за лекарство 350 тысяч песо^[94]! Этих денег достаточно, чтобы закупить таблеток вдвое больше, чем было украдено. Но меня поразил не столько идиотизм ситуации, сколько предложенная сумма. Такие деньги в Антофагасте платят разве что наемным убийцам. Похоже, это лекарство кому-то было очень нужно. Имя заказчика устанавливается...

Имеет ли значение, какой именно препарат украли?

P.S. Насчет людей из Сан-Педро пока ничего не узнал, но ходят странные слухи. Завтра продолжу расспрашивать.

Silva

Тимур не сразу переварил прочитанное. Его как будто парализовало. Боты раздобыли альдостерон! Вот почему на самом деле застрелился

Джеп. Первое, о чем Тимур подумал, когда к нему вернулась способность трезво мыслить: Сэм и Ндонга не вернутся. Затем вынырнула колючая мысль о том, насколько они недооценили ботов.

Вверху списка «Outlook Express» висел мейл, полученный после полуночи. Непрочитанный. Взглянув на тему в поле Subject, Тимур понял, что у Кейтаро не было необходимости читать это письмо. Парень все же открыл его.

*From: Snitch02
To: Hearer
Subject: Hormona aldosteron
Time: 00:39 27/08*

Только что звонила мой информатор из полиции. Это был гормон под названием альдостерон. Воры выгребли все до крошки: и ампулы, и таблетки.

Ага, чуть не забыл. Ограбление состоялось в ночь в 19-го на 20-е.

Надеюсь, информация пригодится.

Silva

— Ральф, вы видели последние два письма? — спросил Тимур.

— Да. Это от информатора в Антофагасте. Старый отставник, тридцать лет служил в полиции.

— Ничего странного не заметили?

— Где?

— В сообщениях.

Ральф посмотрел на Тимура, как на ненормального:

— Если ты намекаешь на то, что боты узнали о гормоне и смогли его...

— Да нет, — замотал головой украинец, — я шокирован, но после того, что было возле Пуритамы, это как-то не очень неожиданно.

— Тогда что?

— Аптеки грабили *не боты*.

Ральф вздрогнул. Мозг старика наконец-то избавился от оцепенения и начал работать:

— О... Я сразу не сообразил... Ты хочешь сказать, боты каким-то образом за... заставили воров украсть для них альдостерон? Это

невозможно.

— Не знаю. Но ничего лучше в голову не приходит...

Почти выйдя из кабинета, Тимур обернулся:

— Ральф.

— Что?

— Можно еще один вопрос?

— Конечно.

— А кто обнаружил тело?

— Молодой японец. Такеда. Он разбудил меня, а потом сообщил остальным, включая Лауру и Алана. А почему ты спрашиваешь?

— Здесь беспорядок, — Тимур обвел рукой комнату. — Сомневаюсь, что Кейтаро стал бы устраивать ревизию бумаг, прежде чем пустить себе пулю в лоб.

— К чему ты клонишь?

Вместо ответа Тимур пожал плечами. Его вдруг перестали интересовать Кейтаро, Кацуро, Ральф и их эксперименты. Все, к чему от стремился, — как можно скорее убраться из «NGF Lab». Хватит! Парень знаком показал Рино Хедхантеру, что хочет с ним поговорить.

Правда, поговорить им так и не удалось.

— Ральф! Ральф! — Лаура выскочила из спального крыла и увидела Тимура и Рино, которые спускались по лестнице. Обрадовавшись, француженка захлебывалась словами: — О, Рино! Скорее сюда. Кацуро сжег дневник Хорта!

— Что?!

— Он забрал из кабинета Кейтаро записи Хорта и сейчас жжет их у себя в комнате.

Рино побежал следом за Лаурой и ураганом ворвался в комнату Кацуро Такеды. Из глаз великана летели искры. Тимур не отставал.

Молодой японец сидел на корточках посреди комнаты. Лицо Такеды было покрыто гнойными язвами. Они были действительно страшными. Перед ним на полу догорали остатки толстой тетради. Хедхантер схватил японца за ворот, поднял вверх, как щенка, и с размаху ударил об стол.

Тимур бросился к тетради, сбивая ногами языки пламени. Погасив огонь, он сник. Хватило одного взгляда, чтобы понять: записи уничтожены. От страниц остались только черные скомканные свитки из пепла, рассыпающиеся от одного прикосновения.

— Что-то осталось? — требовательно спросил Рино.

— Ничего, — Тимур стряхнул с ладоней остатки пепла.

Амбал схватил японца за волосы и треснул головой о край пластикового стола.

Кацуро поначалу попробовал сопротивляться:

— Что за?..

Бряк! — южноафриканец припечатал круглолицего снова.

— Я не...

Хрясь! — еще раз.

— Что ты де...

Трах! — стол сдвинулся на целых десять сантиметров.

После четвертого удара Кацуро затих и не выставлял рук. Несколько язв лопнули. Потек коричневый гной.

Рино лупил япошку, как тряпичную куклу, остервенело вдавливая черноволосую голову в поверхность стола, в котором уже образовалась вмятина. Надавав с десятков таких тумачков, Хедхантер, наконец, решил, что достаточно доходчиво разъяснил свою позицию, и отпустил японца.

Кацуро без сознания свалился под стол.

— Что за шум? — в просвет между дверью и косяком просунулось лицо Гринлона. — Что за стук здесь у вас?

— Рино настучал Кацуро мордой об стол, — пояснила Лаура.

— С какой стати?

— Он сжег записи Хорта, — амбал пнул ногой черные остатки дневника.

— Мы потеряли последнюю возможность раскрыть тайну ботов, — с горечью проговорил Тимур.

— Тимур, может быть, не потеряли, — вдруг подала голос француженка.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился программист.

— Я вот думаю, если японцы так рьяно скрывают любые документы, связанные с Вадимом Хортом и его работой, значит, они действительно чего-то стоят.

— И что?

— Во втором инженерном корпусе у Хорта был собственный кабинет. После побега ботов его опечатали и никого туда не впускали. Поскольку Кейтаро сейчас мертв, мы можем туда спуститься. Вдруг там что-то осталось?

Рино Хедхантер не дослушал Лауру.

— Вперед! — загорелся он. — Пока эти умники и туда не добрались.

— Но Ральф... — попробовал сдержать бунт Алан Гринлон. — И у нас ключей нет.

— В задницу вашего Ральфа! — выдвинул челюсть Рино. — Я выбью дверь.

Все вместе они пошли к ближайшему выходу. Впереди шагал Рино. Затем Тимур, Лаура и Алан. В хвосте незаметно пристроился Игорь Емельянов. Его глаза выпучились и потемнели.

Четверг, 27 августа, 09:41 (UTC -4)
«EN-2», второй инженерный корпус

После второго удара дверь треснула посередине. Третьим ударом Хедхантер высадил ее окончательно.

Группа протиснулась внутрь. Комнатка была тесной, без окон. Судя по запаху, вентиляции тоже не было, или же она испортилась. Воздух был застоявшийся, маслянистый.

Они стояли в полумраке, подслеповато моргая, пока Алан не догадался нащупать выключатель и включить свет. Лампы работали. Третью площадь занимал L-образный стол. Под одним его крылом выстроился ряд ящичков. На столе находились четыре лотка для бумаг. Сразу было видно — пустые. С другой стороны пристроился старый монитор. Возле него лежала такая же древняя клавиатура.

— Что здесь делают эти доисторические орудия труда? — Тимур наморщил лоб, показывая пальцем на монитор. — Я думал, что Вадиму Хорту предоставили самую мощную рабочую станцию, какая только существует в природе. Но это?.. Ральфу должно быть стыдно.

— У него была нормальная рабочая станция, — возразил Емельянов. Из рта у него воняло. — Шестиядерный процессор, водяное охлаждение, шесть слотов оперативной памяти общим объемом 48 гигабайт. Ее забрали.

«Тогда почему оставили этот хлам? — размышлял Тимур. — Потому что этот ископаемый мусор не имел никакой ценности? Для чего тогда Хорт *притащил* его сюда?!»

Алан присел около древнего монитора.

— Это не компьютер, — после беглого осмотра отметил американец.

— А что же тогда? — рядом опустился на корточки Тимур.

— Монитор и клавиатура — еще не означают, что перед нами комп.

— Ты прав. Я что-то не вижу системного блока.

Дисплей и клавиатура подключались к неизвестному устройству, которое напоминало DVD-проигрыватель: плоское, черное, минимум кнопок на фронтальной панели. Устройство через адаптер подключалось к сети.

— Что это, черт возьми, такое? — спросил Алан, который крутил в руках продолговатую коробку.

Тимур пожал плечами. Лаура тем временем один за другим открывала выдвижные ящики стола.

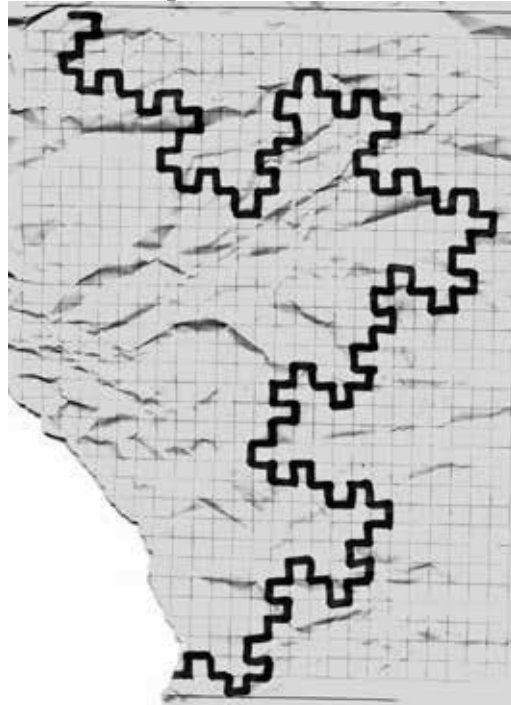
— Пусто, — разочарованно произнесла она.

— А это что? — В углу нижнего ящика Хедхантер разглядел скатанную в шарик бумажку.

Лаура подобрала и развернула листок. Удивленно вскинула брови:

— Это как-то связано с программированием? — Психиатр передала вырванную из блокнота страницу Тимуру.

Украинец изучил листок. Красная ломаная линия — и больше ничего.



— Не знаю. Может, просто какие-то каракули...

— Это не компьютер, — профессор Емельянов отвлек внимание от найденного листка. Русский ткнул пальцем в приплюснутое черное устройство. — Это приемник.

— То есть? — уточнил Алан Гринлон.

— Я сделал его. То есть спроектировал. Полгода назад по просьбе Вадима.

— Ты знаешь, для чего оно?

— М-м-м... — Емельянов почесал затылок. — Не знаю. Этот приемник точно такой же, как в головах у ботов. Он не может посылать приказы, он только передает и считывает информацию с мозговых плат.

Тимур и Лаура переглянулись. Игорь продолжил:

— Разумеется, он не из нанороботов, но по всем параметрам совершенно аналогичный.

Вдруг устройство скрипнуло и тихо загудело.

— Наверное, я ненароком его включил, — извиняющимся тоном объяснил Алан.

Зажегся экран монитора. Через минуту в верхнем левом углу высветилось:

CONNECTION COMPLETED
CORRELATION IS STABLE
TALK^[95]

Шрифт был жирным, ярко-зеленого цвета.

— У кого-нибудь есть идеи, что это, черт возьми, может быть? — Гринлон шмыгнул носом.

— Мы с кем-то соединились, — простовато ляпнула Лаура. В следующий момент психиатр склонилась над клавиатурой и ради шутки пробежалась по клавишам:

| ► Хелло!

Несколько секунд ничего не происходило, а потом... в плоской коробочке что-то пикнуло, курсор самопроизвольно спрыгнул на строчку вниз и на экране, буква за буквой, появилось:

◀ | ПРИВЕТ ХОРТ ЭТО ТЫ?

Емельянов с перепугу громко пукнул.

— Ой, блин... — ляпнул он, прикрывая рот рукой. — Простите...

— Что это было? — прошептал Тимур.

— Я просто пернул. Я не хотел.

— Да не ты! Я к Лауре обращаюсь.

— Я ничего не делала, — пролепетала девушка.

А на экране тем временем появилась новая строка:

◀ | ТЫ ХОРТ?

— Ответь, — сказал Тимур Лауре.

— Что ответить?

— Что ты не Хорт.

Лаура послушно набрала:

|► Нет. Я не Хорт.
◄| КТО ТЫ?

— Что за чертовщина? — посерьезнел Алан. — Это какая-то компьютерная программа?

— Нет, — тревожно замотала головой Лаура.

— Пусть лучше пишет Тимур, он шарит во всех этих компьютерных штучках.

Француженка не соглашалась:

— Это не программа. — Дюпре обратилась к украинцу: — Неужели ты не понимаешь, Тимур, эволюционный механизм, запрограммированный Вадимом Хортом, — это только средство. У ботов есть все возможности, но нет мотива для того, чтобы вести себя так, как они себя ведут.

— Ну и что?

— Мне кажется, что будет лучше, если переговоры будет вести Тимур, — твердо сказал Хедхантер, отстраняя психиатра от клавиатуры.

Тимур неохотно подошел к клавиатуре и набрал:

|► Меня зовут Тимур. Я программист.

Прошло две минуты, и вот появилось:

◄| СПАСИБО ЧТО ПРИШЕЛ ТИМУР ГДЕ ХОРТ?

— Зачем им Хорт? — недружелюбно смотрел Рино.

— Похоже, я понимаю, что происходит, — сказал Тимур. — Это не программа типа «вопрос — ответ». При помощи этого передатчика Хорт смог заговорить с ботами. «Малыши» не разговаривают, но Хорт смог написать компилятор, который перекодирует импульсы в мозгу у ботов в английские слова. Вероятно, он проводил эксперименты на себе, чтобы классифицировать сигналы.

— Это что же — мы говорим с ботом?

— Типа того, — подтвердил украинец. — Я думаю, что они ищут Хорта, потому что макросы начали давать сбой. Макрос всегда требует отладки — после того, как процессор создает макрос, его редактирует программист. Константы заменяются переменными. Хорт каким-то образом автоматизировал этот процесс. Не знаю, как он этого добился, но уверен: он не смог его отладить. Это практически невозможно. Поэтому макросы ботов и дают сбой. И чем сложнее поведение бота, тем более

запутанным становится код в его голове.

Затем Тимур написал:

| ► Хорта нет.
◄ | ГДЕ ОН? ПУСТЬ ПРИДЕТ ХОРТ

— Настоячивый, — процедил Алан.

И тут же выскочила следующая строка:

◄ | ПОНРАВИЛСЯ СЮРПРИЗ С ПРОТИВОГАЗАМИ?

Полуминутная пауза. Все оторопели. Первым очнулся Рино.

— Вот говнюк, — прошипел он, в голосе смешались страх, удивление и раздражение. — Что это такое? — Хедхантер помотал головой, все еще надеясь, что это какой-то розыгрыш. — Неужели они способны на такое? Неужели мы сейчас...

Лаура тронула Тимура за локоть и спокойно сказала:

— Спроси его: он один или их несколько?

— Что?

— Это не *один* бот.

— Я тебя не понимаю.

— Напиши: «Ты один или вас много». И вопросительный знак в конце.

Тимур написал:

| ► Ты один или вас много?
◄ | ТЫ О ЧЕМ ТИМУР?

— Вот видишь, оно тебя не поняло!

— Подожди. Уточни... напиши ему: «Я о мальчиках».

— Это бред, Лаура.

— Пожалуйста, напиши!

| ► Я о мальчиках
◄ | О БОТАХ? ХОРТ НАЗЫВАЛ МАЛЬЧИКОВ БОТАМИ

Психиатр задумчиво молчала. Тимур подумал и набрал:

| ► Да, я имел в виду ботов.
◄ | ЧТО ЗНАЧИТ ВАС МНОГО?

Программист поморщился.

— Стой! — не дала ему заговорить Лаура. — Ни слова! Оно понимает. Спроси... это последнее... я умоляю: «Ты один из ботов или ты — группа?»

В голосе Лауры было что-то такое, что заставило Тимура подчиниться.

|► Ты один из ботов или ты — группа?

Через тридцать секунд пришел ответ:

◄| ЭТО НЕ БОТ

НО БОТЫ ЭТО ГРУППА КОНЕЧНО ГРУППА ОНИ ВСЕ
ВМЕСТЕ ВЫ ЖЕ ЭТОГО ХОТЕЛИ НЕ ТАК ЛИ?

Мужчины притихли. Каждый из присутствующих изо всех сил пытался вникнуть в то, что появилось на экране. Тимур перечитывал последние фразы, облизывая губы, но так и не улавливая сути. От напряжения на висках выступили капли пота. Парень почувствовал, как в сердце заползает вязкая неуверенность. Программист искоса взглянул на Лауру. Существо, чем бы оно ни было, *понимало* ее. Как ни прискорбно, но психолог понимала больше, чем он. Гораздо больше, чем все они.

— Что, черт возьми, значит — «это не бот»? — хмуря брови, побледнел Алан.

— Я жалею только о том, что Кейтаро сейчас не с нами, — произнесла Лаура. Она говорила тихо, не заботясь об акценте, осознавая, что мужчины ловят каждое ее слово.

— Если бы Джеп был жив, мы бы здесь не сидели, — хмуро заметил Емельянов.

— Японец ошибался, — медленно, как в трансе, продолжала Лаура. Тимур злился на нее: казалось, психолог нарочно растягивает слова, смакуя триумф. — Надо было с самого начала послушать меня.

Хедхантер схватил ее за плечо:

— Ты знаешь, как остановить ботов?

— Этого я пока не знаю, — медленно ответила Лаура. — Как и вы, я еще многого не понимаю. Но точно знаю, что сейчас мы разговариваем не с ботами. Хорт хотел общаться с ботами, но наткнулся на что-то другое и понял это. Поэтому он так бесстрашно бросился за ними в первые дни после побега. Надеялся найти общий язык с... с этим.

— С чем — с *этим*? — не отставал Хедхантер. — Что сейчас

переписывается с нами?

— Помните, я говорила о коллективном бессознательном? Обо всем злом, жутком и уродливом, спрятанном глубоко в подсознании человека... многих людей. Я думаю, это оно и есть. Благодаря мозговым платам оно смогло... нет, не материализоваться, а влиять на ботов, а значит, влиять на материальный мир. Это какая-то особая форма сознания. И именно она распоряжалась ботами во время побега.

— Получается, что-то выползло из мозгов и стало... стало как кукловод... — подытожил Алан.

— Да. Но только не кукловод. Мой профессор, великий поклонник Карла Юнга, назвал бы его психосуществом.

Тимур молча думал о том, что теория Лауры о кукловоде или психосуществе не объясняет, как боты узнавали об их планах, о газовой атаке, об альдостероне. Его размышления прервало новое сообщение:

◀| ТИМУР ТЫ ЗДЕСЬ? ДАВАЙ КАРТИНКИ
МНОГО ЛЮДЕЙ УМЕРЛО ИЗ-ЗА ТОГО ЧТО ХОРТ
ПЕРЕСТАЛ ПОКАЗЫВАТЬ КАРТИНКИ

Украинец обливался потом. В кабинете стало нестерпимо жарко.

— Выключайте его, — большие капли пота падали со лба, — давайте перенесем этот механизм в жилой корпус. Я не могу больше здесь сидеть.

Алан потянулся и ударил по кнопке Power. Экран погас. Тихий вздох облегчения пронесся по комнате.

Передатчик, монитор и клавиатуру перетащили из рабочей комнаты Хорта в большой зал корпуса «DW». Ральф Доэрнберг держался в стороне, игнорируя аппаратуру. Ему не было нужды ее разглядывать. Он, похоже, либо знал, либо догадывался о ее предназначении. Установку собрали, хотя запускать ее никто не спешил.

— Включать? — буркнул Тимур.

— Подожди, — сказала Лаура. — Оно ни разу не написало «я».

— Ну и что? — вопросительно посмотрел на нее Алан.

— Вы не понимаете... У него... у этого существа до сих пор не сформировалось самосознание. Оно называет себя так, как его называл Хорт. Оно существует для себя самого скорее как объект для нас, людей, нежели как самостоятельный субъект среди нас.

— И что это, блин, значит, умница? — вмешался Рино Хедхантер.

Лаура выглядела растерянной. Ральф приблизился к их группе и наводрил уши.

— Оно — дитя...

— То есть? — вскинул брови канадец.

Дюпре повернулась к старому профессору:

— Это существо находится на уровне развития трехлетнего ребенка. Оно не осознает себя как субъекта деятельности, а следовательно — не осознает результатов своих действий. Рефлексия является базовым свойством субъекта, благодаря которому становится возможной регуляция жизнедеятельности. Из ботов вылезло много дерьма, которое накапливалось в нашем подсознании поколениями. Благодаря контакту с мозговыми платами оно с фантастической скоростью впитывает в себя информацию об окружающем мире. Поэтому способно решать задачи, которые под силу только профессорам или академикам, но... оно не понимает, не постигает этого. Оно убивает и в то же время относится к этому как ребенок, который с удовольствием сломал только что купленную в супермаркете игрушку.

— И это значит... — пробормотал Тимур, уставившись в напряженное лицо девушки.

— Это значит, — Лаура обвела всех тяжелым колючим взглядом, — что оно будет убивать дальше.

— Хорошо, что делать нам? — сменил тему разговора Алан.

— Ты имеешь в виду, должны ли мы остаться и... — Тимур не договорил.

— Да. Кейтаро мертв. Нас никто не держит. Мне плевать на Кацуро Такеду или на Штаермана. Мы можем уехать отсюда подальше.

— Но это... неправильно, — потупился Тимур.

— Ты хочешь быть правильным, но мертвым? — вспыхнул Алан.

— Нет. Просто подумай, что будет, когда боты доберутся до больших городов.

Американский инженер задумался. Ральф Доэрнберг, плотно сжав губы, молчал.

— Я не говорю о муках совести, — продолжал Тимур. — Я и сам был бы не прочь свалить. Но пройдет не одна неделя, пока чилийцы поймут, с чем имеют дело. Мы знаем, что у ботов есть альдостерон и ждать их смерти бесполезно. Погибнет масса невинных людей, прежде чем их усмирят. Я очень сомневаюсь, что Пентагон будет помогать чилийской армии консультациями. Представляете, сколько знаний боты впитают в себя за это время? Через месяц они станут практически неуязвимыми.

— Как ты предлагаешь этому помешать? — спросил Гринлон.

— Я не знаю. Что я знаю наверняка, так это то, что у нас нет выбора.

— Что?

— Во-первых, я не думаю, что оно так легко выпустит нас из пустыни, а во-вторых... у нас осталось недостаточно машин, чтобы вывезти всех за один раз. Несколько человек должны будут остаться в «NGF Lab» и ждать, пока кто-нибудь за ними вернется.

Тимур развел руками, дескать: давайте, парни, кто из вас согласится на это?

После приличной паузы Рино поднял брови и произнес:

— Украинец, когда ты так говоришь, мне хочется тебя убить. В то же время не могу не признать, что ты прав. На меня не рассчитывайте. Я мог бы остаться в лаборатории, но я не вернусь в это проклятое место. Даже не думайте!

— Вот дерьмо, — процедил американец. — Как так вышло? Мы же в ловушке...

Ральф опустил подбородок на грудь. Тимур предложил:

— У нас есть альдостерон, мы знаем, как общаться с ботами, или, по крайней мере, можем влиять на них. Мы должны попробовать поговорить с ними... убедить их... Только так мы сможем выбраться отсюда живыми.

Неизвестно, что взяло верх: чувство ответственности, боязнь оказаться среди тех, кого бросят на произвол судьбы в комплексе, или банальный

страх соваться в пустыню, — но никто не стал ему возражать.

— Но не сегодня, — решительно сказала после паузы Лаура. — Я хочу все обдумать. Это чудовище, которое вылезло из их голов, может изрядно испортить нам жизнь. Мне нужно время.

В тот вечер смонтированный в главном зале передатчик так и не включили. По молчаливому согласию «свидание» с психосуществом перенесли на следующее утро.

Четверг, 27 августа, 23:49 (UTC –4)

Спальное крыло корпуса «DW»

Раздался стук, а точнее, грохот в дверь. Тимур не отозвался, потому что знал, что с такой силой колотить в дверь может только Рино, и уже через секунду, независимо от того, каким будет ответ, Хедхантер ввалится в комнату.

Парень не ошибся. Дверь распахнулась, и из проема вынырнула нечесаная голова южноафриканца. Едва освещенное настольной лампой лицо имело хмурый и усталый вид.

— Спишь?

— Нет.

На коленях у украинца лежала неоткрытая книга — «Конго» Майкла Крайтона. Парень никак не мог настроиться на чтение.

— Вставай, — без обиняков сказал Рино. — Есть разговор.

Тимур встал с постели и принялся молча натягивать джинсы.

— Алан связался с Пентагоном, — продолжил здоровяк.

— Зачем?

— Черт его знает. По собственной инициативе. Просил о помощи.

Украинец на минуту прекратил застегивать пуговицы на джинсах и посмотрел на Рино. Вспомнился недавний эпизод с Кацуро Такедой.

— Ты его побил, да?

— Да нет, — отмахнулся здоровяк, — не трогал я его. Просто он говорит, что на нас забили болт. Попросил позвать тебя, хочет, чтобы мы втроем все обсудили.

— О'кей.

Тимур набросил рубашку и вместе с южноафриканцем покинул спальное крыло.

Алан ждал их в комнате отдыха, прихлебывая остывший чай. Вид у него был скверный: явно сердитый, но вместе с тем обреченно-безразличный. Словно у человека, который только что проиграл в рулетку миллион баксов и раздумывает, что делать: покончить с собой или сжечь на хрен казино.

— Полчаса назад я разговаривал с каким-то козлом из Пентагона... — начал Алан, морща лоб. Морщины поползли вверх, заняв половину его

лысины.

Сложив по-турецки ноги, Тимур уселся на ковре возле дивана:

— Это они вышли на нас?

— Нет. Я сам позвонил.

— Как? — удивился Тимур.

— Знаю, мы договаривались этого не делать, но я не мог не позвонить. Через интернет... Позвонил по скайпу.

Взяв сигарету, Рино закурил; струйка дыма поплыла к потолку. Тимур потер глаза:

— Что, вот так просто позвонил по скайпу в Пентагон? Бляха-муха, это как в мультике каком-то. Разве такое возможно?

— Не совсем. Я позвонил в call center, а потом уговорил соединить меня с кем-нибудь, кто в курсе насчет «NGF». Я сам не верил, хотя меня все-таки переключили на какого-то протиральщика штанов с гималайскими вершинами на погонах.

— Продолжай.

— Я начал рассказывать, кратко и, ясное дело, без упоминания имен о том, что у нас происходит. Разговор записывали, я знаю. Потом этот кретин спросил, понимаю ли я, что разговариваю по незашифрованному каналу связи и чем мне это грозит? Я, конечно, ответил, что да. У меня же не было другой возможности дозвониться! Поэтому еще секунд двадцать пытался ему объяснить, что без вмешательства спецподразделений мы здесь долго не продержимся. Тут, видно, эта гнида получила инструкции от кого-то выше рангом, перебила меня и сказала, чтобы я больше не звонил. — Алан глотнул чаю и причмокнул. — Я попробовал, но ни один из их номеров теперь не отвечает.

— И что? — спросил Тимур.

— Штаты умывают руки. Не просто отказываются помочь, а открещиваются от нас. Мы теперь сами по себе.

Тимур нахмурился, удивляясь, какого черта Гринлон вытащил их из постели. Как будто что-то странное было в том, как поступил Пентагон.

— Я не понимаю, а ты ждал, что стоит только свистнуть, и сюда к нам на выручку, как в ваших старых долбанных вестернах, примчится кавалерия?

— Я ничего не ждал, — обиделся инженер. — Все зашло слишком далеко, проблема не решится сама по себе, а мы сами не справимся.

— У нас нет выбора... Я иду спать. — Тимур поднялся.

«Тоже мне, — думал парень по дороге в свою комнату, — нашел проблему. Нас похерили. И что? Бедняжка Алан потерял веру в

американское правительство? Какое несчастье! Еще бы слезу пустил... — Тимур скрипел зубами, зная, что пересидел сонливость и вряд ли быстро уснет. — Все правительства одинаковы, Алан. Пожил бы ты в Украине. У нас там силовики всю страну имеют по три раза в день. Вот это прозрел бы...»

Тимур ошибался. Он недооценил Соединенные Штаты. «Кавалерия» уже готовилась к наступлению. Правда, в несколько другом амплуа.

Пятница, 28 августа, 01:15 (UTC –5)

Пентагон

Арлингтон, Вирджиния, США

Двое военных, одетых в темно-синюю форму, шли по тускло освещенному коридору — в это время в Пентагоне работало только дежурное освещение. Лица у них были встревоженные и несколько растерянные. Обоим перевалило за пятьдесят, у каждого были прекрасные блестящие залысины. Глаза одного из них были красными и припухшими из-за преждевременно прерванного сна. Второй, похоже, вообще не ложился. Они спешили в зал совещаний.

— А я тебе говорил: эта гребаная затея до добра не доведет, — пробасил тот, который с заспанными глазами. — Предупреждала меня мама: никогда не связывайся с япошками!

— Перестань! — огрызнулся второй.

— А ты представляешь, что будет, если кто-то из них уцелеет и все разболтает прессе?

— Но не можем же мы просто так убрать их всех!

— Можем.

— Нет, не можем! Даже если Президент и министр Гарнетт дадут ход операции, как ты предлагаешь это сделать? Забросить морпехов? Вынужден тебя разочаровать: подвести авианосец водоизмещением сто тысяч тонн к берегу Чили так, чтобы этого никто не заметил, невозможно. У нас нет авианосцев-невидимок!

— Плевать! Пусть лучше твякают о недружественных действиях и вторжении, чем подробности проекта «NGF» станут общеизвестными.

— Не забывай, исследовательский центр находится более чем в двухстах километрах от побережья. Как высаживать спецназ? Ты же не думаешь, что у чилийцев нет ПВО^[96]?

— Неразрешимых проблем, Кевин, не бывает — бывают неприятные решения.

Разговор вели заместитель министра обороны США по амуниции, технологиям и логистике^[97] Джеймс Форрестол и генерал ВВС^[98] Кевин Чилтон, возглавлявший стратегическое командование (USSTRATCOM). Форрестол был за силовое решение проблемы.

Дойдя до нужного кабинета, Джеймс без стука открыл дверь:

— Господа министры, генералы, доброй ночи!

Присутствующие невпопад ответили на приветствие.

— Мы не опоздали?

— Нет. Я как раз готовился начать. Садитесь.

В огромном кабинете без окон собрались почти два десятка высших офицеров армии США. Вдоль длинного, немного старомодного стола в высоких кожаных креслах сидели начальник Южного командования (USSOUTHCOM) генерал ВВС Дуглас Фрейзер, командующий специальными операциями (USSOCOM) адмирал ВМС Эрик Олсон, начальник военно-морских операций адмирал Гарри Роугхед, командующий Тихоокеанским флотом США (USPACFLT) адмирал Патрик Уолш, замначальника штаба ВВС генерал Керрол Чандлер, командир боевого авиационного командования генерал Вильям Фрейзер, командующий ВВС Тихоокеанского района генерал Гарри Норт и другие. Отдельной группой с правой стороны стола расположились представители Глобального ударного командования ^[99] ВВС во главе с действующим командиром генерал-лейтенантом Фрэнком Клотцем. Во главе стола сидел министр обороны США Леон Гарнетт.

Пробежавшись глазами по тем, кого среди ночи выдернули на совещание, Чилтон упал духом. Это конец. Конец всему. Проблему будут не решать, а устранять. Патрик Уолш, Дуглас Фрейзер, Гарри Норт не были задействованы в проекте. До сегодняшней ночи они не знали о его существовании. Никто их не вызывал бы, если бы «NGF Lab» не собирались сровнять с землей.

— Вы ознакомились с сообщением Гринлона? — глянул исподлобья министр.

— Да, — подтвердил Форрестол.

— Я только что приказал аннулировать его паспорт, банковские счета и номер социального страхования. Отныне его просто не существует.

— А остальные?

— Половина коллектива, насколько я понял, уже мертва. В том числе и мистер Кейтаро Рока. Об остальных мы должны «забыть». — Министр обвел тяжелым взглядом всех присутствующих и договорил: — Президент дал добро на операцию.

Форрестол вздохнул с облегчением.

— Другими словами, он дал добро на применение военной силы на территории Чили? — уточнил адмирал Уолш.

— Да. Вы все правильно поняли, адмирал.

— Может, будет лучше, если сначала мы все же попытаемся помочь японцам, сэр? — несмело подал голос Кевин. — Не хочется так просто ставить крест на таком проекте.

— Это исключено, генерал. За десять лет Министерство обороны вбухало в «NGF» сорок миллиардов. Это больше, чем мы потратили на разработку «Рапторов». И это слишком.

— Ведь демонстрация ботов в Атакаме, на которой мы были, прошла успешно.

— Да, замечательный эксперимент, — иронически отозвался министр Гарнетт. — Вот только не помню, чтобы нас кто-то предупреждал, что боты могут стать неконтролируемыми и сбежать. Эти тупорылые целый месяц не могут их поймать! — неожиданно заорал он.

— Снова деньги на ветер, — донесся тихий вздох с противоположного конца стола.

— Что поделаешь? — взял себя в руки министр. — Половина промышленности еле держится на плаву, финансовый рынок тоже на ладан дышит. Никто не выделит нам еще полмиллиарда на спасение проекта. Мы не можем в такое время вытащить пятьсот миллионов из бюджета, ничего не объясняя налогоплательщикам. Мы должны закрыть проект.

— Но, сэр, мы не можем закрыть проект, — стиснул кулаки Кевин Чилтон. — Это не автомобильный завод, который можно просто остановить... Там чрезвычайная ситуация... Есть жертвы.

— Сколько?

— По предварительным оценкам 200 — 300 человек. В основном чилийские крестьяне.

Леон Гарнетт поправил очки. Его лицо было бледным, брови нахмуренными, но в глазах полыхал безжалостный огонь:

— Повторяю для деревянных и для тех, кто просто не понял: мистер Кейтаро Рока и его подчиненные на протяжении последних десяти лет проводили эксперименты на детях, пытаясь вырастить бойцов нового поколения. Сейчас ситуация вышла из-под контроля и не похоже, что когда-нибудь нормализуется. Поскольку эксперименты проводились при финансовой поддержке США, я не должен вам объяснять, что будет, если информация об этом проекте и... хм... о том, какие именно опыты проходили в Атакаме, просочится в прессу. «Уотергейт» покажется нам ничтожной интрижкой. Поэтому лаборатории, а также все, кто имел какое-либо отношение к проекту «NGF» и не находится сейчас здесь, должны быть ликвидированы. Причем ликвидированы без шума и свидетелей. — Гарнетт откинулся на спинку кресла. — А теперь я хочу, чтобы вы

рассказали мне, как мы это сделаем.

Слово взял генерал Дуглас Фрейзер:

— Сухопутная операция недопустима. Мы не высадимся в Атакаме, не уведомив власти Чилийской республики. А они обязательно потребуют объяснений...

— Что вы предлагаете, генерал?

— Нанести точечный ракетный удар.

— Отклоняю сразу. Это неприемлемо так же, как и наземная операция.

— А если...

— Прекратите! — крикнул министр. — Чили — суверенное государство. Тем более — наш союзник.

— Баллистическая ракета не обязательно должна нести ядерный заряд — я это имел в виду. Мы можем использовать другие взрывчатые вещества.

Вмешался Джеймс Форрестол:

— Там пять зданий, расположенных близко друг к другу. Ракета может отклониться и не попасть. Если заряд будет иметь недостаточную мощность, придется производить повторные залпы. В конце концов, мы разрушим только комплекс, а люди могут спастись. И тогда они точно все расскажут. Кроме того, русские засекут запуск. Не могут не засечь. Они же потом рты порвут, горлая на весь мир об американской угрозе и о том, как мы плюем на международные договоренности.

— О'кей, ясно.

— Единственный способ — это скрытая ночная авиабомбардировка.



Тяжелый стратегический стелс-бомбардировщик «B-2 Spirit»

— Здесь есть проблема, — с сомнением покачал головой генерал Клотц, который чувствовал, что, скорее всего, именно ему поручат непосредственное планирование и проведение операции. — Чили слишком

далеко от аэродрома Уайтмен, где базируются наши бомбардировщики-невидимки «В-2»^[100]. До Атакамы оттуда 7800 километров. Это гораздо больше, чем боевой радиус полета «В-2». После того как мы закрыли авиабазу в Панаме, туда не так просто добраться.

— У нас что, закончились самолеты-заправщики? — удивленно поднял брови Гарнетт.

— Господин министр, заправщик тоже должен откуда-то взлететь и куда-то приземлиться...

— Это и вправду настолько далеко?

— 7800 км — только по прямой. Реально (учитывая тот факт, что нам нужно обойти воздушное пространство Перу и Мексики), чтобы доставить бомбы, придется пролететь все 9000 км. Столько же, чтобы вернуться.

— Мы можем поднять «В-2» с авиабазы на острове Гуам^[101] и сделать промежуточную посадку на острове Пасхи, — предложил заместитель начальника штаба ВВС Чандлер. — Там трехкилометровая посадочная полоса. «В-2» заправится и полетит дальше.

— Это же чилийская территория... — донеслось с противоположной стороны стола.

— Растудыть твою!.. — прорычал министр, набросившись на Керрола Чандлера. — Откуда в Министерстве обороны берутся такие дебилы? Вы предлагаете сделать дозаправку на территории Чили для того, чтобы потом бомбить Чили? О господи... Кто-нибудь хочет занять мое место перед тем, как объяснять это Президенту? Я готов поменяться должностью с любым из вас, господа.

— Там же пустыня... — оправдывался Чандлер. — Если удастся незамеченными проскользнуть через системы ПВО, никто не узнает об авианалете. Мы специально выбрали место для строительства экспериментального комплекса с таким расчетом, чтобы...

— Это «В-2», штабной болван! Пустыню трясоти будет так, что дома начнут шататься даже в Буэнос-Айресе, а после налета чилийцам придется перерисовывать карты Атакамы.

Офицеры притихли. Министр хмурил брови, переводя сердитый взгляд с одного на другого.

— «В-2» может сесть на авианосец? — спросил Фрэнк Клотц.

— Я не знаю, — откликнулся Вильям Фрейзер. — По крайней мере, он не проектировался для этого... Я имею в виду «В-2».

— И авианосец тоже! — пробасил адмирал Уолш.

Фрейзер покопался в бумагах и ответил:

— Размах крыльев 172 фута^[102]. Вес с минимальным запасом топлива и без боекомплекта — примерно восемьдесят тонн. Полностью «заряженный» — сто пятьдесят.

— Забудьте! Это слишком много, — замахал руками кто-то из адмиралов флота.

— Но можно попробовать.

— Вы не сможете посадить такой бомбардировщик! Он слишком тяжелый и слишком медленный.

— Ясное дело, — добавил кто-то.

— Операция будет проходить ночью. «Призрак» будет садиться в темноте. Вдруг что-то пойдет не так, вы угробите не только самолет, но и авианосец.

Министр обороны покраснел, как вареный рак:

— Я не понял, черт вас побери, вы сейчас обсуждаете вероятность утопить авианосец в мирное время?! Коллеги, я вполне серьезно: кто хочет на мое место?

Однако генерал-лейтенант Фрэнк Клотц не слушал министра. Он загорелся идеей:

— Адмирал Уолш, какой самый большой самолет сможет принять на себя авианосец?

Патрик Уолш задумался:

— М-м... «С-130 Hercules»^[103] — это самое тяжелое, что когда-либо садилось на авианосец. Да и то только в качестве эксперимента.

— Значит, нам придется повторить этот эксперимент во второй раз, — выпалил Клотц.

Кто-то заинтересованно хмыкнул. Офицеры переваривали услышанное.

— Одна из модификаций «С-130» — это воздушный танкер. «КС-130», если мне не изменяет память.

— Объясните подробнее, Клотц, — заинтересовался министр Гарнетт.

Клотц вырвал из своего блокнота листок, исписанный расчетами, и подвинул к центру стола.

— Учитывая крейсерскую скорость «Призрака», до Атакамы от Уайтмена девять-десять часов лета. На седьмом часу полета «В-2» будет огибать тихоокеанское побережье Перу. Перед вылетом общая масса горючего в бомбардировщике составляет 73 тонны. За шесть часов полета он потратит около 35 тонн. Поскольку «С-130» — турбопропеллерный самолет и движется медленнее «Призрака», то должен вылететь заранее. Он

будет ждать «В-2» как раз у побережья Перу. «Геркулес» сливает «Призраку» 20 тонн горючего, разворачивается и пустой летит к авианосцу, который держится на расстоянии 1500 — 2000 километров от побережья. Приземляется на него. После дозаправки запас топлива в баках «В-2» будет составлять 58 — 59 тонн (еще на 8800 километров полета). На всякий случай после завершения операции в воздушном пространстве США «В-2» будет ждать еще один заправщик, который долетит топлива, чтобы «Призрак» мог дотянуть до авиабазы в Миссури.

— Вы гарантируете, что, сцедив все горючее перед посадкой, «С-130 Hercules» сможет приземлиться на «Рональда Рейгана»^[104]?

— Думаю, да.

— Думаете?

— Да, сэр. Заправщик сядет на авианосец.

Леон Гарнетт обмозговывал предложение, потирая рукой подбородок.



Заправщик «КС-130» на базе транспортного самолета «Lockheed C-130 Hercules»

— Хорошо, Фрэнк, — решил Гарнетт. — Даю вам зеленый свет. Сегодня до обеда представьте мне подробный план операции. А вы, адмирал, готовьте авианосец. Даю вам два дня.

— Слушаюсь!

— Это не все. Мне понадобятся «Рапторы»^[105], — потребовал Клотц.

— Зачем?

— Для прикрытия и зачистки. Мало уничтожить лаборатории. Необходимо ликвидировать всех, кто был задействован в проекте. Ведь кто-то из персонала может успеть сбежать в пустыню на машине или как-то еще. Стотонный «В-2» — не очень удобное средство для погони за беглецами по Атакаме.

— Хорошая мысль.

— Видите, — добавил Уолш, — авианосец хочешь не хочешь придется подтягивать. Сколько «Рапторов»?

— Думаю, четырех «F-22» хватит.

— О'кей. Можете применять истребители. — Министр обороны зевнул и обратился к присутствующим: — У кого-то есть вопросы или замечания?

— А как же те боты, сэр? Те, что убежали в пустыню? — хмуро спросил Кевин Чилтон. — Они опасны.

Снова повисло молчание. Все взгляды были направлены на главу оборонного ведомства. Министр недолго думал перед тем, как ответить:

— На них ведь не написано: «Сделано по заказу Министерства обороны США»?

— Да... То есть нет, не написано. — Начальник стратегического командования мог не отвечать, вопрос был риторическим.

— Пусть с ботами разбираются чилийцы.

Фрактальная одержимость

LXXXVII

Пятница, 28 августа, 08:46 (UTC –4)

«DW», жилой корпус

Заспанный и невеселый Тимур шел в зал совещаний. Со вчерашнего дня этот зал стал своего рода командным пунктом.

Парень проснулся в полпятого утра. Долго лежал, прижав колени к груди и уставившись в звездное небо за окном. Думал о том, что будет показывать психосуществу...

Без пяти девять в зал пришли Ральф, Оскар и Тиана (после смерти Джеффри и Алондры женщина ни с кем даже словом не перекинулась). Оскар отхлебывал кофе из огромной чашки. Ральф доедал сэндвич. Молчали. Через минуту появился Алан Гринлон. Почти сразу за ним нагрянул Хедхантер, который тащил за собой связанного по рукам и ногам бота.

— Этот подходит? — спросил здоровяк (Тимур решил, что Вадим Хорт показывал рисунки ботам). — Если будет брыкаться, я другого приведу.

Программист рассеянно кивнул. Рино усадил мальчика на табурет с противоположной стороны стола. Бот безразлично смотрел перед собой. Сам Хедхантер сел неподалеку, рядом с ботом. Остальные разместились так, чтобы их и «малыша» разделял стол.

Последней пришла Лаура. Такеда не показывался.

Тимур достал из кармана листок, найденный вчера в рабочей каморке Хорта. Обыкновенные закорючки, нарисованные темно-красным маркером. Скорее всего, Вадим Хорт выводил их неосознанно, обдумывая какую-то проблему. Нередко люди рисуют, разговаривая по телефону, только бы занять руки... Парень включил устройство для связи с психосуществом. Загорелся монитор, на нем появилось сообщение о том, что связь установлена.

Тимур набрал на клавиатуре:

| ► Привет! Ты здесь?

Парень пожирал глазами монитор, надеясь, что психосущество не ответит. Хотелось думать, что все увиденное вчера — вымысел.

Фантастический, дурацкий сон. Никакого кукловода нет, и ничего не вылезало из подсознания ботов... Тимур чуть было не поверил, а потому вздрогнул, увидев, как на темном фоне появились жирные зеленые буквы:

◄| ПРИВЕТ ТИМУР ХОРТ ПРИШЕЛ?

|► Нет.

◄| ПЛОХО ОЧЕНЬ ПЛОХО ГДЕ РИСУНКИ?

— Зачем мы это делаем? — прошептал Ральф.

— Тихо, — процедил Рино. Как будто это существо, нескладные фразы которого появлялись на экране, могло их услышать.

Тимур задумался, формулируя в уме предложение, а затем написал:

|► Рядом со мной сидит бот. Я буду показывать рисунки ему. Хорошо?

◄| ДА БОТ ВИДИТ ТОЛЬКО ПУСТЬ РИСУНКИ БУДУТ ХОРОШИМИ ИНАЧЕ КТО-ТО УМРЕТ

— Вот опять, — отметила Лаура, — оно не сказала «я вижу». Вместо этого — «бот видит».

— Не хочу вмешиваться, но... где, черт возьми, твои рисунки, Тимур? — кашлянув, поинтересовался Алан.

Программист откинулся на спинку кресла.

— Включите основной комп.

Лаура потянулась и нажала кнопку «Power» на системном блоке. Тимур спросил:

— Там есть графический редактор? Что-нибудь посерьезнее, чем Microsoft-овский «Paint».

— «CorelDraw» подойдет?

— Годится...

Пока компьютер загружался, Тимур напряженно размышлял. Картинки... Картинки... То, что показывал ботам Хорт, имело на них грандиозное влияние. Вернее, на психосущество. Иначе оно не искало бы Хорта с такой настойчивостью. Лаура сказала, что по своему развитию психосущество близко к трехлетнему ребенку. А что нравится этим чертовым детям? У Тимура не было детей. И в ближайшее время не планировалось. У него даже крестников не было. Он терпеть не мог сопливых спиногрызов и, соответственно, понятия не имел, что им может нравиться. Яркие абстрактные рисунки? Зверушки, птички? Нет, не то.

Сомнительно, чтобы психосущество любило смотреть на пушистых зверушек. Что мог показывать ему Хорт? Пейзажи? Фотографии городов? И это вряд ли. Тимур чувствовал, что ответ очень прост. Он где-то рядом. Нужно искать что-нибудь элементарное и незатейливое...

Он и решил начать с простого. Запустив «CorelDraw», нарисовал черный равносторонний треугольник и отправил его на принтер.



Оскар Штаерман находился ближе всего к принтеру. Он вынул лист:

— Я не удивлюсь, если после такого *оно* захочет треснуть тебя по башке.

— Не мешай ему, — вступилась Лаура. — Он знает, что делает.

Но Тимур на самом деле *не знал*. Он понятия не имел, что дальше делать.

Взяв листок с треугольником, украинец положил его перед ботом. Ничего не произошло. «Малыш» вертел головой, как юродивый. Взгляд оставался нефокусированным и равнодушным. Тимур с надеждой, почти с мольбой взглянул на экран с чатом. Психосущество молчало.

Но вдруг с ботом произошла перемена. Брови заострились, глаза стали шире, как будто на них нажали изнутри, а зрачки задвинулись вглубь, как внутренний глазок объектива при настройке резкости. Он склонился над листком. Склонился ненатурально, так, будто какая-то невидимая рука схватила его за шею и ткнула носом в лист А4.

Присутствующие напряглись, глядя то на бота, то на экран. *Оно* молчало, зато бот поднял голову и несколько раз несильно дернул руками, пытаясь развести их в стороны. Несколько раз дергание повторилось. Бот пытался вытащить руки из-за спины.

— Рино, — глядя на «малыша», сказал Тимур. — Освободи ему руки.

Где-то за спиной украинца застонал Штаерман, отходя ближе к выходу.

— Ты хорошо подумал? — поднял бровь Хедхантер. — По-моему, идея — дерьмо.

— Да, подумал.

Хедхантер неохотно развязал петлю, стягивавшую запястья бота. «Малыш» наклонился над столом и начал водить пальцем по листу. Движения были резкими, механическими.

Лаура и Ральф даже рты открыли от волнения.

— Дайте фломастер, — попросил Тимур. — Быстрее!

Тиана достала из ящика стола фломастер и передала его Тимуру. Он снял колпачок и положил маркер на стол перед «малышом». Бот перестал водить по листу пальцем и уставился на предмет, который ему подсунули.

— Он не знает, что с ним делать, — констатировал Ральф.

Тимур взял маркер и провел несколько линий в углу листа, показывая, что этот предмет рисует. Бота даже передернуло, он вырвал из рук программиста фломастер. Потом быстро, не отрывая фломастер от бумаги, нарисовал точно такой же по размерам равносторонний треугольник, симметрично перевернутый относительно первого, и стал его закрашивать. Менее чем через минуту изображение на листе стало таким:



Линии были *идеально* ровными. Напечатанную часть от дорисованной ботом можно было отличить только благодаря тому, что черный цвет маркера слегка отличался от черной краски принтера. Бот сформировал геометрически правильную шестиугольную звезду. Звезду Давида.

Хедхантер вытянул шею, сконфуженно разглядывая рисунок.

— Это что за фигня?! — заревел он. Кабаньи глазки великана вылезли на лоб. — Этот говнюк хочет сказать, что он еврей? Да они издеваются над нами! Съели половину населения Атакамы, а теперь ноют, что они евреи. А мы, значит, сраные фашисты! Да? — Рино побагровел и брызгал слюной. — Штаерман, ты где? Подходи, поздоровайся с родственником, твою мать!

Тимур почувствовал, как что-то екнуло под сердцем. Даже холодок пошел по груди. Штаерман несмело огрызнулся, Хедхантер что-то заорал в его сторону, но программист ничего не слышал. Рука его потянулась в карман за листком, который они нашли в комнате Хорта. Он уставился на причудливую линию, чувствуя, как мороз переместился из груди на спину. Это не каракули. Это... Тимур напрягся. Сжал память, как простынь, которую выкручивают после стирки. Где-то он уже видел эту линию. Он изучал ее, поскольку она обладает специфическими свойствами. Это было в университете? Нет. Значит, сталкивался, когда штудировал программирование. Он гнался за воспоминаниями, хватая их, вырывая из темноты, и тут из ниоткуда в мозгу проступило: КРИВАЯ ПЕАНО.

— Тиана, дайте мне, пожалуйста, карандаш и лист бумаги. —

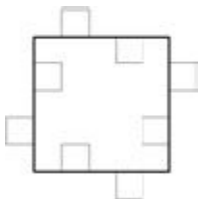
отсутствующим голосом попросил Тимур. Он боялся пошевелиться, зная, что ниточка воспоминаний может выскользнуть из рук.

Бразильянка выполнила просьбу, достав из ящика стола аккуратно заточенный карандаш и чистый лист А4. Программист положил лист перед собой и устался в его девственную белизну. Со стороны он напоминал сосредоточенного медиума на спиритическом сеансе. На самом деле парень лихорадочно вспоминал. Любой имеющий отношение к 3D-графике отличается прекрасной зрительной памятью и геометрическим мышлением. Тимур не мог *явно* вспомнить, что собой представляют кривые Пеано, но мог начать их *рисовать* и таким образом восстановить в голове необходимую информацию.

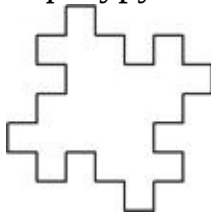
Закусив нижнюю губу, Тимур нарисовал квадрат, пользуясь пластиковым ковриком для мыши вместо линейки.



Верхнюю сторону на глаз разделил на пять равных отрезков точками. Затем, опираясь на 2-й и 4-й отрезки, построил два квадрата поменьше, так что второй лежал внутри большого квадрата, а первый — за его пределами. Ту же процедуру проделал с тремя оставшимися сторонами большого квадрата:



Затем стер резинкой отрезки, на которых маленькие квадраты касались большого. Полученную фигуру Тимур хорошо обвел карандашом:

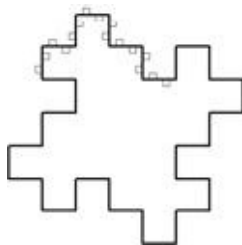


— Ты готовишь следующее изображение? — придвинувшись, заинтересовался Ральф.

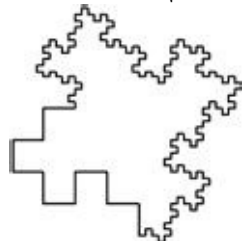
Парень не ответил. Рисование поглотило его. Остальные функции мозга поблекли. Кончики пальцев покалывали — из них выходило давно забытое знание.

Каждую сторону получившейся фигуры Тимур снова разделял на пять

частей и снова строил два маленьких квадрата — один снаружи, другой — внутри. Вот так:



Тимур ощущал фантомный зуд в затылке, понимая, что оказался за шаг от разгадки. На каком-то этапе он остановился, не закончив прорисовывать квадратики на всех сторонах. В этом не было необходимости. Четверть фигуры осталась без изменений. Вместо этого парень принялся возбужденно стирать отрезки, общие для малых квадратов и основного контура. Наконец он получил то, что хотел:



— Ничего не напоминает? — показал он результат Лауре и Ральфу.

Француженка открыла рот:

— Это же... Тот же рисунок, что на листке из комнаты Хорта!

— Да, Хорт не случайно его нарисовал.

— Но что это такое?

— Самовоспроизводящаяся кривая Пеано. «Урод» в классической геометрии. Можно продолжать процедуру построения новых квадратинов до бесконечности: узор будет становиться все мельче, причем каждый его участок будет подобен всей фигуре.

— А почему урод?

— После преобразования площадь фигуры, ограниченная кривой, не меняется: один квадрат вырезается, но точно такой же добавляется. Зато длина ломаной линии на каждой итерации возрастает в 1,8 раз. Если продолжить преобразование, кривая будет бесконечно возрастать, порождая парадокс: линия бесконечной длины ограничивает фигуру с вполне конечной площадью.

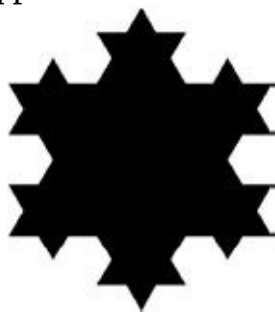
— И что?

— А главное — зачем это нам? — вмешался в разговор Ральф Доэрнберг.

Тимур перевел взгляд на рисунок бота. Он понял, что никакая это не

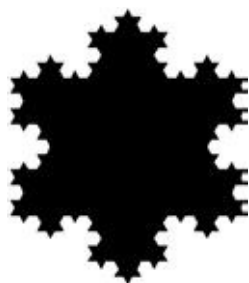
звезда Давида, а вторая итерация снежинки Коха. Один из простейших фракталов. Он даже не сразу поверил, что все так просто.

А потом сел за компьютер и стал рисовать в «CorelDraw». Лаура и остальные удивленно молча наблюдали. Сначала программист превратил треугольник в шестиугольную звезду, как это сделал бот. Затем каждый отрезок фигуры разделил на три равные части и на каждом среднем звене построил равносторонний треугольник с длиной стороны в три раза меньшей, чем сторона звезды Давида. Закрасил черным получившуюся фигуру — третью итерацию фрактала «снежинка Коха».



Дрожащими руками распечатал изображение на принтере и положил перед ботом. Если его догадка верна, бот сделает следующую итерацию.

Тимур смотрел перед собой, чувствуя, как волосы становятся дыбом. Странно сжимая фломастер, бот склонился над рисунком и старательно дорисовывал маленькие треугольнички на каждой из сторон предложенной фигуры. Через несколько минут у него получилась четвертая итерация снежинки Хельге фон Коха:



— Поверить не могу, — сказал Тимур, — оно тащится от фракталов.

— Что это, черт возьми, такое? — почесал затылок Рино, подозрительно глядя на странную многоугольную звезду.

— Фрактал.

— Фра... фрактал?

— Да.

Хедхантер смешно насупился.

— Это какое-то радикальное течение сатанистов? — догадался он.

Тимур не сдержался и прыснул.

— Да нет же! Рисунок — фрактальный. И кривая Пеано тоже фрактальная. Фракталы — это такие фигуры, которые повторяют сами себя при разных масштабах. Психосуществу нравятся фрактальные изображения.

— Но почему? — спросила Лаура.

— Спроси что-нибудь полегче... Я не знаю.

— Но все-таки?

— Ну... Фрактальная геометрия описывает форму сложных природных объектов, таких, как турбулентные вихри, кровеносная система, деревья. Возможно, *ему* нравятся эти рисунки, поскольку *оно* видит в них базовые принципы организации мира. Кроме того, фрактальная геометрия имеет прямое отношение к теории хаоса, помогая при визуализации и анализе нелинейных процессов. В головах у ботов рой нанороботов, который по своей сути является типичной хаотической системой. Возможно, психосущество видит что-то родственное в... в том хаосе, который... ну... заключен во фракталах. — Тимур запнулся, чувствуя, что вряд ли его кто-нибудь понял. Да и сам он уже запутался. — В общем, мне кажется, *оно* смотрит на фракталы, как в зеркало.

— Украинец дело говорит. Что-то в этом есть, — поддержал Тимура Алан, который единственный из ученых имел представление о фракталах.

— И что это нам дает? — скептически спросил Ральф.

Тимур тем временем набирал на клавиатуре:

| ► Такие рисунки показывал Хорт?

◀ | РИСУНКИ ПРОСТЫЕ ТИМУР ОНИ НЕИНТЕРЕСНЫЕ

| ► У меня есть другие. Сложные.

◀ | ГДЕ ОНИ? ПОКАЗЫВАЙ

Тимур взглянул на Ральфа:

— Мне нужен Интернет.

Ральф кивком дал добро — главный компьютер был подключен. Парень пересел. Он вошел в «Google» и набрал в строке поиска «ChaosPro 4.0». Когда-то он развлекался с этой программой, изучая фракталы. Через секунду установочный файл программы уже загружался на рабочий стол.

— Генератор фракталов «ChaosPro», — объяснял Тимур, дожидаясь окончания загрузки, — программа небольшая, freeware^[106], способна создавать невероятно сложные фрактальные изображения. Хочу посмотреть, как на них отреагирует психосущество.

— Хорт тоже занимался графикой, — заметил Ральф. — Ты думаешь, он не показывал их ботам? Или это что-то такое, о чем Вадим мог не знать?

— Конечно Хорт знал. Более того, я уверен, он *хотел* их показать. Но узнав о психосуществе, он почему-то решил не рассказывать о нем Кейтаро. Потом, у Хорта не было Интернета, а без компьютера можно нарисовать только простейшие фигуры, да и те не удастся приблизить. Зато «ChaosPro» позволяет строить множество каверзных фракталов... Сейчас увидите.

Он запустил скачанную программу и быстро создал удивительную фигуру, которую все, кроме Алана и, может, еще Емельянова, видели впервые.

— Задница! — прокомментировал Хедхантер.

— Множество Мандельброта^[107], — оживился Алан, узнав характерные очертания, которые стали символом новой эры в геометрии. — Я так и думал.

— Да, — кивнул головой Тимур, пропустив мимо ушей дурацкое замечание Рино. — Начнем с классики.

— Я рад вашему взаимопониманию, ребята, — сердито посмотрел на них Ральф. — Но, может, вы объясните простым смертным, что это за...

— Задница с бородавками, — авторитетно уточнил Хедхантер. Тимур запустил изображение на печать, а затем принялся объяснять:

— На рисунке — множество Мандельброта. Это тоже фрактал, самовоспроизводящаяся фигура. Первым ее построил математик Бенуа Мандельброт^[108], человек, заложивший основы фрактальной геометрии. Он первым дал описание целому семейству фигур с уникальными свойствами, которые в последствии сам назовет фрактальными.

— Что-то я не вижу в ней никакого подобия, — заметил Оскар, принеся из принтера лист бумаги, который еще пахнул краской.

— Не торопитесь, — Тимур щелкнул мышью по рисунку и увеличил один из его фрагментов.

— Ух! — не сдержался Ральф. Новая картинка получилась еще ярче.

— Множество Мандельброта сформировано из бесконечного числа фигур, похожих на кардиоиду, — продолжал Тимур. — Каждый из этих... не знаю, как правильно сказать... овалов, касающихся большой кардиоиды, имеет собственный набор меньших овалов, диаметр которых стремится к нулю, и т. д. Этот процесс продолжается до бесконечности, формируя фрактал. При увеличении проступают новые ветки с кардиоидами и дугами, которые связаны с основной фигурой.

Принтер поскрипывал, медленно печатая первое увеличение множества Мандельброта.

Подвинув оба листа к боту, программист позвал психосущество:

| ► Как тебе такие рисунки?

Бот застыл над ними. Сначала его опухшие глаза еще больше выпучились, чуть ли не выпадая из орбит. Он тихонько заскулил, а потом сжался всем телом, как человек, погружающийся в теплую ванну. На мониторе появилось:

◀ | ПРЕКРАСНО ПРЕКРАСНО ПРЕКРАСНО

— О да! — не скрывал радости Тимур.

— Кто бы мог подумать... — почесал лысину Алан.

◀ | БЫСТРО ПОКАЗЫВАЙ ЕЩЕ

— Пожалуйста, — украинец игриво поклонился экрану и принялся приближать один из завитков красного «дракона», полученного на предыдущем рисунке. Новый рисунок был красного цвета, украшенный ярко-желтыми молниями. В середине выныривала черная кардиоида — копия главной фигуры. Тимур сохранил его на рабочий стол и снова приблизил фигуру, центрируя изображение относительно заостренного стержня — «шпиля». Оказалось, «шпиль» тоже увенчан точно такой же кардиоидой. Рисунок, несомненно, был фракталом, только весьма необычным — каким-то космическим, сверхъестественным, нечеловеческим.

Третий и четвертый листы выползли из лотка лазерного принтера и мигом перекочевали на стол. От одного взгляда на них бот всхлипнул и стал дышать быстрее, по-крысиному. Ошибки быть не могло — он всхлипывал от удовольствия.

◀ | ЕЩЕ

Лаура Дюпре неодобрительно наблюдала за происходящим: психосущество было похоже на конченого наркомана, который получил дозу. И немалую. Но хочет еще и еще. И самое главное — понимает, что *может* получить еще.

— Как эта фигура строится? — спросил Ральф Доэрнберг.

— Вот это самое интересное. Или, наверное, самое удивительное. Понимаю, что не математикам в такое будет непросто поверить, но вся эта красота описывается одной простой формулой: $z_{j+1} = z_j^2 + c$, только не для обыкновенных, а для комплексных чисел.

— Что? — не поверил нейрохимик.

— Множество Мандельброта, — попробовал объяснить Тимур, — это совокупность всех z , не стремящихся к бесконечности. Собственно, из того, что вы видите на распечатках, фрактал — это только то, что закрашено черным. Остальные точки стремятся к бесконечности, а их цвет изменяется в зависимости от того, с какой скоростью $z \rightarrow z^2 + c$ удаляется от нуля^[109].

— Это слишком сложно, — покачал головой канадец.

— До 1975 года о существовании этой фигуры никто не догадывался. Вручную ее рассчитать невозможно. Для этого не хватит жизни. Мандельброт первым изобразил ее при помощи компьютера, продемонстрировав, что даже в простой алгебраической формуле может скрываться головокружительный хаос.

Тем временем Оскар Штаерман принес пятый по счету лист бумаги и положил его перед ботом. «Малыш» поплыл. Глаза закатились, изо рта потекла слюна. Лоб, шея и руки покрылись блестящими каплями пота. Он напоминал человека, который вот-вот достигнет оргазма.

— Оно что-то делает с ботом, — встревожилась Тиана.

— Наверное, раздражает центр наслаждения, — предположил Ральф. — Стимулирует мозг. Точно так же, как это делаем мы в награду за выполнение учебного задания на полевых тренировках. Это достаточно легко. И они это любят.

— Это мне не нравится! — наконец, высказала свои опасения Лаура.

— Почему? — не понял Тимур.

— Он как наркоман.

— Кто, бот?

— Нет, — Лаура ткнула пальцем в монитор. — Оно. Психосущество. А ты только увеличиваешь дозу.

— И что?

— Я еще не видела наркомана, которому бы пошло на пользу увеличение дозы.

Тимур на секунду растерялся.

— Я думал, может...

— Ты думаешь, что мы сможем убить ботов картинками?

Сомневаюсь.

На экране появилось:

◀| ДАВАЙ ЕЩЕ СЕЙЧАС ЖЕ

— Честно говоря, я не удивляюсь такой реакции, — округляя глаза, пролепетала Тиана. — У меня самой дух захватывает. Но я согласна с Лаурой — оно становится более агрессивным.

«У меня самой дух захватывает». Слова Тианы направили мысли Тимура в неожиданное русло.

— Мы можем попробовать приманить ботов, — предложил парень.

— Как это? — то ли удивилась, то ли задохнулась от неожиданности Лаура. — Куда приманить?

— Я сейчас кому-то как приманю... — возмутился Рино.

Украинец понятия не имел, что из этого может получиться, но нутром чуял: за идею стоит ухватиться. Он повернулся к Ральфу:

— Сможем ли мы до вечера установить на крыше экран и проектор?

Выпятив губы, канадец размышлял. Он догадывался, к чему клонит Тимур.

— Насколько я понимаю, ты хочешь вытащить проектор на крышу и соединить с компьютером, — наконец произнес нейрехимик, сверля парня взглядом, — для того чтобы транслировать вот это, — он ткнул пальцем в монитор, — на улицу. Я правильно думаю?

Тимур утвердительно закивал головой.

— Это безумие! — произнесла Лаура.

Ральф поднялся, прошелся к окну и задрал голову:

— Не уверен, что хватит длины проводов, но до вечера что-нибудь придумаем. — Старик опустил голову и посмотрел на украинца. — Вот только ты должен убедить меня, что нам это нужно.

— Вы видите, насколько психосущество увлечено фракталами, — продолжал Тимур. — Я предлагаю перестать общаться, сказав, что продолжим разговор только с теми ботами, которые сейчас в пустыне. Если оно хочет и дальше ловить кайф, пусть приведет ботов к лаборатории.

— И что потом? — одними губами выдохнула Тиана.

— Вспомните сообщение от информатора из Антофагасты. Боты как-то пронюхали, где можно взять альдостерон. О'кей, пока что примем это как есть, без объяснений. Возможно, этому поспособствовало психосущество, кто знает. Но мне кажется, главное в сообщении Силвы другое, — Тимур поднял палец, как оратор на трибуне, — боты *не грабили*

аптеки, они договорились с чилийцами, чтобы те украли и принесли им альдостерон.

На долю секунды сознание Ральфа свернулось в клубок. Нейрохимик отгородился стеной от остальных присутствующих. Он не мог представить, что эфемерное, бестелесное создание зашло настолько далеко. Каким бы настоящим ни казалось это существо, оно обособлено от реального мира. Канадец не мог поверить, что капризный джин, выпущенный из мозгов двенадцатилетних мальчишек, который шалит от ярких картинок, смог самостоятельно отыскать место, где можно достать альдостерон. Это выходило далеко за рамки рационального разума нейрохимика. Следовательно, будучи незатейливым ученым, Ральф поступил как всегда: ухватился за самую простую идею, валявшуюся под ногами. *Боты не узнали о гормоне, ботам о нем рассказали.* Соответственно, у них не было нужды договариваться. Кто-то достал им альдостерон. Но в следующий момент нейрохимик откестился от такого, можно сказать, кощунственного предположения. Кто на такое способен? И зачем? Бред. Такая гипотеза выглядела еще более нереальной.

— Вот и мы попробуем с ними договориться. — Блеснув глазами, украинец перевел палец на экран: — Если психосущество пойдет на контакт, мы используем его, чтобы спокойно, без кровопролития, завести ботов обратно в «ясли».

— Ага, — скорчил саркастическую мину Рино, — конечно. Если страуса пугать с частотой 50 Гц, его можно использовать как отбойный молоток.

— Это интересно... и смело, но... я не знаю. — Ральф покосился на южноафриканца. Номинально оставаясь руководителем проекта, канадец молчаливо выпрашивал согласие на проведение такой операции у великана.

Неожиданно для всех Хедхантер уступил:

— Как хотите. Я тоже не знаю. Но в пустыню больше не полезу. Я лучше намочу свои яйца в ацетоне и подожгу их. Это точно. И негритосов своих не пущу... То есть негритоса, — хмуро добавил здоровяк, вспомнив, что изо всей его группы в живых остался только Готто.

— Можно попробовать, — пристыженный бесцеремонностью Рино, пробормотал Ральф.

— Ау, народ! — попробовала возразить Лаура Дюпре. — Вы тут вспоминаете какие-то письма от информаторов, а я хочу напомнить вам кое-что другое. По-моему, кое-кто забыл, как в прошлую субботу драпал от ботов по пустыне так, что пятки сверкали. И теперь вы хотите позвать этих

монстров сюда? Вы в своем уме, люди?

— У нас нет другого выхода, — с металлом в голосе настаивал Тимур.
— Ни я, ни Рино, ни кто-либо из вас не согласится снова добровольно сунуться в пустыню. Ситуация патовая. Мы не можем просто сидеть и ждать. Они не умрут сами по себе и не выпустят нас по-хорошему.

Точку в споре поставило психосущество:

◄| ЕЩЕ ДАВАЙ ЕЩЕ НОВЫЕ КАРТИНКИ

— Видишь? Мы сможем — *смо-жем!* — им манипулировать. — В этот момент Тимур действительно верил в то, что говорил. Подчеркнуто хрустнув пальцами, он пробежался по клавиатуре:

|► Больше не буду тебе ничего показывать...

◄| ПОЧЕМУ?

|► Потому что я так хочу.

— Как-то не слишком дипломатично, — заметил Ральф.

Тимур отмахнулся и прикипел к монитору. Сердце стучало прямо во рту, под языком. Он невольно постукивал ногтем по столу.

Оно не отвечало минуту. Парень ожидал бурной реакции, взрыва ярости или чего-то подобного, однако фраза, посланная в ответ, разочаровала. Она была скорее обиженной:

◄| ХОРТ ТАК НЕ ДЕЛАЛ ОЧЕНЬ ПЛОХО ТИМУР
ПЛОХО ПЛОХО

И тут же следом:

◄| ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ?

Оно вело себя в точности как наркоман. Лаура устало потерла пальцами виски:

— Хочется верить, что вы понимаете, что делаете, но... по-моему, мы делаем большую глупость. Они придут сюда, поймут нас, заберут гормон и будут сидеть, как в кино, и смотреть эти долбанные романтические картинки. Только без попкорна.

Никто не послушал французенку.

|► Приведи ботов к лабораториям. Я буду показывать

картинки только тем, которые придут из пустыни. Приведи их сегодня.

После долгой паузы на экране буква за буквой начал появляться текст:

◀| ХОРОШО ДОГОВОРИЛИСЬ БОТЫ ПРИДУТ
СЕГОДНЯ НОЧЬЮ НО ЕСЛИ ОБМАНЕШЬ УМРЕТ МНОГО
ЛЮДЕЙ ОЧЕНЬ МНОГО ЛЮДЕЙ ТИМУР СУЩЕСТВО
ПОВЕДЕТ БОТОВ В БОЛЬШИЕ ГОРОДА В ТО МЕСТО
КОТОРОЕ ВЫ НАЗЫВАЕТЕ БОЛИВИЕЙ

— Да, похоже, ты его зацепил. Прорвало, как дамбу, — констатировал Алан.

Впрочем, что-то было не в порядке. Украинец перечитал нескладный английский текст. Какая-то деталь не давала покоя. Все получилось слишком легко. По-детски просто. Возникало ощущение, будто существо слышало все, о чем шла речь в зале, и ответило именно то, чего от него ожидали. Это была странная игра, вот только Тимур не понимал, по чьим правилам они играют.

Больше всего беспокоила фраза: «В то место, которое вы называете Боливией». Вы называете Боливией. Что-то в ней было не так. Откуда боты знают, что именно *мы* называем Боливией?

Хотя какая разница? Боты придут. В конце концов, именно этого он и хотел.

— Ну, вот и все. Теперь надо готовиться к приходу гостей. — Тимур попробовал улыбнуться, однако улыбка потухла, не родившись. В глазах, смотревших на него, проступал подспудный страх. — Надеюсь, у нас все получится.

Он ошибался. Позвать ботов к лабораториям — не самое худшее, что он мог придумать. Это все равно, что усадить безногого калеку голым задом на растревоженное гнездо земляных ос, а потом сказать: «Давай, чувак, все в твоих руках». И надеяться, что у него все получится.

Теория хаоса, или теория нелинейных динамических систем, возникла как альтернатива классической физике. Еще долгое время после того, как эта теория с боем отстояла право называться наукой, объяснив ряд явлений, к которым классическая физика боялась даже подступиться, многие ученые упорно не признавали достижений «коллег-хаотиков». Даже в наше время в большинстве учебников по физике и математике нелинейным системам уделяется мало внимания: две-три страницы в самом конце. При этом делается акцент на том, что такие системы являются *редкими исключениями*, а советы по их решению сводятся к банальной рекомендации: принять упрощение в модели, пренебречь линейностью и по возможности свести дифференциальные уравнения к линейным аналогам, имеющим решение^[110]. Если аналогов нет или принятые допущения искажают результат, математика затыкается, опускает руки и... просто игнорирует такие системы. Проблема в том, происходящие в природе процессы в абсолютном своем большинстве являются как раз *нелинейными*. Движение галактик, вспышки на Солнце, океанические течения, теплообмен, турбулентность, атомарные процессы описываются уравнениями, от которых у обыкновенных физиков темнеет в глазах. Как раз-таки линейные системы, на изучение которых студенты тратят 99% времени, и являются исключением. На самом же деле вселенная — ужасно нелинейная. Вселенная — хаотическая. И то, что отдельные ученые отворачиваются от этого факта, как страус, пряча голову в песок, не отменяет самого этого факта.

Точно так же и *фрактальная геометрия* зародилась как альтернатива классической эвклидовой геометрии. Ведь эвклидова геометрия не способна передать форму облаков, контуры речных русел, очертания морского побережья, горный рельеф, броуновское движение и тому подобное. Для классической геометрии перечисленные выше примеры оказываются слишком сложными, страшно неупорядоченными, хаотичными, а значит — не поддающимися математическому описанию. Так же, как теория хаоса показала, что за видимым беспорядком скрывается изысканная упорядоченность, так и фрактальная геометрия продемонстрировала, что за всем разнообразием и кажущейся сложностью природных форм стоит поразительная простота.

Примером природных фракталов могут служить: кровеносная система

человека (разветвления вен, артерий и капилляров похожи, иногда точно повторяют друг друга, независимо от масштаба, в котором рассматривается система), трахеи (тот же принцип), турбулентность в атмосфере (сначала появляются большие вихри, в них при приближении открываются малые), береговая линия (невозможно визуально определить, с какой высоты делались разные снимки одного и того же побережья, поскольку при каждом приближении в береговой линии появляются новые элементы), облака, деревья, горный рельеф. Замечательный пример фрактала — лист папоротника: любой элемент листа при приближении точно воспроизводит его полную форму.



Фрактальная геометрия и наука о хаотических системах не просто взаимосвязаны. Они являются разными проявлениями одного и того же. Нередко можно услышать, что фракталы — это самое красивое проявление хаоса.

Пятница, 28 августа, 19:12 (UTC –4)

Главный зал корпуса «DW»

— Вон они!

— Все?

— Не знаю, тридцать точно есть...

Ральф по внутреннему телефону вызвал техническую комнату:

— Оскар, убавь свет. Они должны видеть изображение.

...Экран смонтировали без проблем. Алан оказался неплохим сварщиком. Из арматуры, оставшейся после строительства базы, он за час смастерил две L-образные опоры на крыше «DW»-блока. К ним болтами прикрутили футляр, из которого раскручивалось белое полотно кинотеатра. Экран, чтобы его не сорвало ветром, по периметру обклеили скотчем.

Проектор приклеили (тоже скотчем) к стульчику, а сам стульчик закрепили на тумбе вытяжной вентиляции, сверху прикрыв аппарат пленкой от пыли. Емельянов протянул из главного зала на крышу провода, соединяющие проектор с компьютером. Через три часа после начала работ конструкция была готова, и Тимур полез на крышу настраивать проектор.

Экран стоял на северной стороне здания, и его слегка развернули к западу так, чтобы ботам было удобно смотреть на него с плоского возвышения, которое, как высунутый язык, тянулось к лабораторному комплексу с северо-запада и заканчивалось у самой ограды. Ральф направил на это возвышение часть установленных на крыше прожекторов.

Боты появились вскоре после семи — как только стемнело. Ральф, Рино, Лаура, Алан, Игорь и Тимур ждали их. Тианы не было. Сказала, что не хочет этого видеть. И Кацуро не показывался целый день. Штаерман и Готто засели в аппаратной, они должны были контролировать яркость прожекторов и следить за тем, чтобы боты не пытались снова сделать подкоп под оградой с северной стороны комплекса...

— Приглуши свет, — повторил Ральф и отложил трубку.

Штаерман послушался. Прожекторы поблекли. Боты подошли ближе.

Выглядели на сей раз они жалко. Грязные, заросшие, страшно худые — стадо полудохлых скелетов. И только глаза иногда злобно вспыхивали, отражая свет мощных ламп. Двое, склонив головы, наматывали круги, как и те, которые «зависли» во время Пуритамского побоища. Большинство

расселись на глыбах или прямо на песке, держась подальше от центра освещенного овала. Несколько «малышей» клевали носом. Боты напоминали бездомных мальчишек, которые не знают, что делать и куда идти. Зрелище навевало грусть. Наличие психосущества в определенной мере реабилитировало детей.

Тимур включил передатчик. Его ждало сообщение:

◄| БОТЫ ПРИШЛИ

|► Чудесно. Тогда продолжим.

Тимур спроецировал на экран на крыше заготовленную заранее иллюстрацию — очередную картинку множества Мандельброта, полученную приближением симметричных иголок, на которых он закончил демонстрировать фрактал с утра.

|► Нравится?

Ответа не было.

Большинство ботов находилось в полусонном состоянии, словно осы в ноябре — еле живые, но еще способные ужалить. Им катастрофически не хватало сна. Только трое или четверо из них смотрели на экран. Иногда кто-то из них отходил, буквально вырубаясь на ходу. На его место вставал другой, хотя ни разу количество «зрителей» не превысило четырех. Похоже, для психосущества этого было достаточно.

Прошло несколько минут.

— Почему оно не отвечает? — нахмурилась Лаура.

— Не знаю, — Тимур кусал губы, — думаю, молчание нужно расценивать, как... одобрение. Может, чудовище прямо оцепенело от... от такого...

Девушка скептически взглянула на украинца:

— Ты уверен?

Время шло. Не убирая изображения с проектора, Тимур готовил еще один рисунок, черт знает насколько глубоко погружившись в множество Мандельброта. Он ничего не выдумывал и приблизил центральную часть предыдущей фигуры. Чем дальше, тем более непостижимыми становились рисунки. Теперь внутренности фрактала напоминали одновременно и океанскую бездну, и далекие галактики, и вместе с тем что-то более близкое: молнию или узоры кровеносных капилляров.

Изображение пошло на проектор. Боты зашевелились. Тимур не мог

сказать наверняка, не померещилось ли ему. Действительно ли была какая-то перемена в поведении ботов, когда он поменял изображение, или ему показалось, потому что он ожидал, что боты как-то отреагируют?

Однако прошло еще полминуты, но никакой осмысленной реакции не было. Ничего похожего на то, что творилось утром с ботом сегодня утром.

— Чувак, мы что, так и будем сидеть и тупо втыкать на них? — наседала Лаура, нервно вытирая рот рукой. Ее темные глаза как будто подсвечивались изнутри двумя карманными фонариками. Так и блестели из-под очков. Девушка что-то придумала. — А что ты будешь делать, когда закончатся фракталы?

— Я не знаю, — сердито ответил программист. — Надо попробовать договориться.

— Ну, так давай, договаривайся, — с нажимом сказал Ральф.

Совершенно автоматически Тимур провел еще одно увеличение, как и в прошлый раз, увеличив центральную часть фрактального рисунка, полученного на предыдущем этапе. Кардиоида, которую Рино Хедхантер окрестил «задницей с бородавками» и которая, казалось, бесследно исчезла на трех последних картинках, неожиданно появилась вновь.

— Гляди-ка, опять она, — не смог скрыть удивления нейрхимик.

Строка состояния внизу рабочего окна генератора фракталов сообщала, что Тимур достиг 2000-кратного увеличения. У всех, кроме Алана, который раньше сталкивался с фракталами, это просто не укладывалось в голове. Представьте, что, начав разглядывать человека сквозь увеличительное стекло, вы понемногу добрались до цифрового микроскопа, через который смотрите на молекулы... как вдруг среди них натыкаетесь на странных маленьких человечков — точную копию того, с которого начинали. Можно в штаны наложить. Без дураков.

Тимур сохранил изображение в формате JPEG, хотел послать его на экран, но Лаура прикосновением руки остановила его:

— У меня есть другая идея. — Она подошла к сидевшему поодаль Емельянову и уселась рядом. — Господин Емельянов, можно я у вас кое-что спрошу? — доверительным тоном психиатра обратилась к нему Лаура.

— Э... да... — буркнул он.

— У вас в ноутбуке... — Лаура ткнула пальцем в лэптоп Игоря, толстый профессор подозрительно поднял бровь. — Да, именно в вашем ноутбуке... У вас там есть порнография? — Дюпре задала вопрос таким тоном, как будто интересовалась, не завалялась ли у русского случайно где-нибудь 6-я симфония Бетховена в формате mp3.

Емельянов покраснел. Он принес ноутбук по просьбе Тимура, чтобы

на всякий случай иметь под рукой комп, не подключенный к проектору на крыше, и теперь понял, что попал в ловушку.

— Что?

— Это же ваш личный лэптоп. У вас есть порно? — напористо повторила Лаура.

— Я не понимаю... — еще больше багровея, пролепетал русский. Рука потянулась к шее, он начал чесаться, отвернув воротник рубашки. За воротником открылись напухшие пятна. Под ногтями у Емельянова остались кусочки кожи и кровь.

— Пожалуйста, не стесняйтесь. — Все присутствующие обернулись. Психиатр продолжала наглеть: — Я знаю, у вас есть. Поделитесь каким-нибудь фильмом с клубничкой. И не смотрите так на меня. Я хочу показать его ботам.

— Но зачем, Лаура, показывать им порнографию? — поразился Тимур.

— Я рада твоим успехам, Тимур. Но не увлекайся своими рисунками, — заговорила Лаура. — Думаю, что боты (в смысле биологических организмов) и та непонятная форма отражения реальности, с которой мы столкнулись, это... м-м... как бы лучше выразиться... две разные сущности.

— Объясни, что ты имеешь в виду.

— У нормального человека сознание — это высшая психическая надстройка над всей нервной деятельностью, своего рода барьер, который не выпускает наружу подсознательное. Оно не позволяет подсознанию влиять на действия и решения. По крайней мере, в явной форме. У ботов этот барьер (то есть целостное сознание) разрушен при помощи электрошока — для того, чтобы в мозг могли проникнуть команды от наноплат. Но тем самым был открыт путь и для подсознательного. После того как Игорь Емельянов разработал систему обмена данными и мозговые процессоры были соединены в одну сеть, из разрозненных кусков подсознательного сформировалось единое целое. И не было ничего, что могло бы этому помешать. Слияние состоялось, и в результате перед нами психосущество. Я, как и вы, не знаю, что оно такое и как его правильно называть. Но я уверена, Тимур, что это проявление существует независимо от «малышей». Оно не в их головах и не в мозговых платах. Оно управляет ботами, оно взаимодействует через них с нашим миром, но боты не являются им. Показывая фракталы, ты обращаешься не к «малышам», а к тому, что прячется за их глазами, ты общаешься с существом, которое стало чем-то вроде сверхсознания, и забываешь о главном — нам нужно

уничтожить ботов.

— Но...

— Никаких «но»! — психиатр проявила настойчивость и твердость. — Я считаю, что уничтожить эту форму психического отражения невозможно в принципе. Оно есть в каждом из нас, но в то же время существует вне нас и... вне материи вообще. Выполняя его прихоти, ты теряешь время. Оно привело сюда ботов, потому что не беспокоится об их судьбе. «Малыши» — только средство. Я попросила у Емельянова hardcore-видео не для того, чтобы поиздеваться. Я хочу достучаться до ботов напрямую. Хочу пробиться к тем остаткам человеческого или животного, которые в них сохранились после применения электрошоковой терапии, вживления миллионных роев нанороботов, форсированной эволюции во внешнем мире и после того, как контроль на ними захватило полусумасшедшее психосущество. Это единственный шанс с ними справиться.

— Демонстрируя им порнофильм? — прищурился программист.

— Посмотри на них. Ботам сейчас по двенадцать лет, хотя физически они тянут на четырнадцать-пятнадцать. Если обычному мальчишке в таком возрасте показать порнуху, у него от перевозбуждения из ушей повалит дым. Он ни о чем другом не сможет думать. Благодаря порнографии я хочу узнать, остались ли у ботов хоть какие-то инстинкты, свойственные человеку, и можем ли мы к ним апеллировать, обойдя мозговые процессоры и психосущество. Разбудив в них сексуальность, мы выведем их из равновесия, заставим потерять контроль, а тогда...

— И что тогда?

— У меня есть одна мысль... — Лаура запнулась. — Я не могу сказать ничего определенного. Давай сначала увидим, как они отреагируют на непристойную постельную сцену.

— Игорь, — пряча глаза, обратился Тимур к Емельянову, — если у тебя там случайно есть видео такого содержания, сбрось его сюда, пожалуйста.

Тимур пустил по столу к Емельянову флэшку. Тот сначала сморщился и отшатнулся от нее. Потом медленно, как будто двигаясь сквозь толщу воды, не поднимая глаз, открыл ноутбук и вставил флэшку в порт. Его спина была напряженно ровной. Лицо стало фиолетовым, рубашка под мышками потемнела.

Прозвучало лихорадочное щелканье мышки, на экране замелькали окна «Проводника». После — продолжительная пауза, униженный вздох и, наконец, последний двойной щелчок. Емельянов открыл папку «Интересные фотографии с дачи».

— Ого... — не сдержался Тимур, прикусив губу, чтобы не прыснуть. Его пробивало на смех как от названия папки, так и от ее содержимого. Полсотни вложенных папок, названных именами порнозвезд: Alexis Amore, Jenna Jameson, Lanny Barby, Shyla Stylez, Sunny Leone, Tera Patrik и другие.

— Вам... — не поднимая глаз, промямлил профессор, — что-нибудь конкретное?

— Да нет, — криво улыбнулась Лаура. — Я не ожидала... гм... такого широкого выбора, поэтому целиком полагаюсь на ваш вкус.

Емельянов посинел еще больше. Несколько секунд всматривался в экран своего ноутбука, а затем перетянул один из файлов из папки «Shyla Stylez» в открывшееся на экране окно флэшки. Затем вынул флэшку из гнезда и по столу переправил ее обратно Тимуру.

— Voila une personne qui ne s'est pas ennuyee tout ce temps^[111], — не сдержалась Лаура.

— Спасибо, — кивнул Тимур, забрав USB-диск.

На мониторе главного компьютера, а значит, и на внешнем экране, все еще висело изображение множества Мандельброта. Среди ботов тоже все было без изменений.

Когда Тимур вставлял флэшку в системный блок, на мониторе переговорного устройства появилось новое сообщение:

◀| ЕЩЕ

— Ага, кукловод, не по зубам тебе Мандельброт! — улыбнулся Тимур.

— Не радуйся, — остудила его пыл Лаура. — Рано или поздно ему надоест. Хватит уже этих павлиньих раскрасок. Покажи лучше картинки для взрослых.

Тимур перестал улыбаться, наклонился и набрал на клавиатуре:

|▶ Сейчас. Подожди.

Затем сбросил видеоролик на рабочий стол основного компа, запустил его и развернул медиаплеер на полный экран. К сожалению, никто не обратил внимания, что ролик недлинный. Он был компиляцией нескольких эпизодов и длился 6 мин 22 сек. Наверное, Емельянов нарочно подсунул такой, а может, других не было. Такие куски обычно доступны для скачивания из Интернета.

Мелькнула короткая заставка, которая предостерегала, что следующий контент разрешен для просмотра исключительно лицам, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Затем началась сама сцена. Два накачанных бычка без всякого выражения на дебильноватых физиономиях старательно драли грудастую блондинку Шейлу. Сразу и спереди, и сзади.

Большинство мужчин, собравшихся в зале совещаний, несколько недель обходились без секса. Не просто без секса, даже без намеков на таковой. Мужчины не видели женщин, если не считать Лауры, Бекки, Тианы и Алондры. Однако Лаура пресекала все попытки ухаживаний за ней, Тиана была немолода, Алондра, пока была жива, спала с Джефффри Такером, а Ребекка отдавала предпочтение чернокожим парням из отряда Рино. Не было также доступа к Интернету для того, чтобы расслабиться хотя бы так. И далеко не каждый имел при себе основательные запасы на черный день, как у профессора Емельянова. Ясное дело, после первых же кадров природа взяла свое. Вместо того чтобы смотреть в окно на ботов, мужчины, как намагниченные, потянулись к экрану.

— Что это они с ней... делают? — Ральф наклонил голову и поправил очки. — Разве так можно? — На эти несколько минут он забыл о своих проблемах с сердцем. Впервые за последние четыре года.

— Уф, жуть, — выдохнул Алан. — Красиво! Просто живописно...

На то же самое смотрели боты — изображение воспроизводилось на внешнем экране...

— Смотрите, — отвлекла мужчин от экрана Лаура.

Тимур повернулся:

— Они возбуждились.

На освещенном пятачке, где раньше было не больше трех-четырех ботов, теперь собралась целая дюжина. Кое-кто из них был еще в посеревших от грязи спортивных плавках, но большинство были голыми (одежда давно порвалась в клочья). Члены набухли и поднялись, как дула зениток, целясь в большой экран. Боты приросли к проекционному изображению.

— Правда? — необходимо оторвался от монитора канадец.

— Да!

— Ёханный бабай! Вы только посмотрите! — Алан подбежал к окну.

Один за другим боты поднимались с песка и, как зомби, выползали на свет. Через минуту все — абсолютно все — застыли, как вкопанные, глаза на экран.

— Я же говорила, — просияла Лаура.

В какой-то момент «малыши» начали асинхронно пошатываться и

астматично открывать рты, как рыбы, выброшенные из воды на берег.

— Странные... — Американец прижался носом к стеклу.

— Похоже, стонут, — предположил Тимур.

— Именно. Прямо горят от желания, — деловито объяснила психиатр, — не знают, как избавиться от накопленной сексуальной энергии. Главное, что боты *чувствуют*, а значит — мы можем ими манипулировать.

— Правда? — в этот момент украинец поверил, что им удастся усмирить и «сраного кукловода», и его марионеток.

— Без дураков.

— Если это правда, то ты гений.

Тем временем на мониторе появилось:

◀| ЧТО ЭТО?

Но никто ничего не заметил, поскольку все сконцентрировались на том, что происходит за оградой комплекса.

Тимур подъехал на стуле к подоконнику и спросил:

— Ральф, вы не могли бы добавить немного света?

Канадец поднял трубку внутреннего телефона.

— Готто, это ты?.. А где Штаерман? Вышел? О'кей. Ничего, просто добавь немного света.

Прожектора стали светить сильнее. Ни один из ботов не отреагировал: не заслонился и отступил в тень. Тимур покачал головой:

— Они не видят ничего, кроме экрана. Они в ступоре. Это невероятно!

Позже, вспоминая события этого сумасшедшего вечера, парень решит, что именно эта неудачно брошенная фраза подтолкнула Рино к дальнейшим действиям.

— Разве сексуальность — не продукт подсознания? — растерянно пробормотал Ральф. Он никак не мог определиться, куда ему смотреть: на ботов или на порно.

— Глупости, — уверенно ответила Лаура, — Бездумное искажение идей Фрейда. Сексуальное влечение всегда *явно* воздействует на поведение человека. Мы можем это отрицать, можем скрывать причины своих действий, придумывая иллюзорные мотивы, но это не так. Вы немного неправильно трактуете понятие бессознательного, Ральф. Сексуальные образы, фантазии, похоть являются частью активного сознания. По большей части это результат внешнего раздражения. Иногда, пытаясь не думать о сексе, человек все равно ощущает, что плотские желания управляют его действиями, но это не означает, что сексуальные помыслы

идут из подсознания. Эротические образы искушают и манят. Человеку нравится, когда они возникают. Настоящее подсознательное — злое и страшное, а потому всегда остается в тени. Ну, почти всегда...

Вопрос на экране повторился:

◀| ЧТО ЭТО?

И опять не был замечен.

В этот момент на экране один из участников оргии извлек из партнерши свой член и стал мастурбировать, готовясь к эякуляции на ее силиконовую грудь.

Все было снято крупным планом.

— Фе, — поморщился Ральф и отвернулся.

И тут случилось то, что было вполне прогнозируемо: один из ботов повторил действия актера. перевозбужденному подростку хватило нескольких движений, чтобы кончить. Так произошла успешная операция по избавлению от сексуальной энергии. В мозговом процессоре появился новый макрос, затем произошла передача в остальные процессоры, и — бинго! — все боты уже знают, как снять возбуждение. Через несколько секунд три десятка ботов, пожирая глазами экран, в унисон заработали кулаками.

— Бляха, скажите, что я сплю, — прохрипел украинец и расхохотался.

— Не вижу ничего смешного, — сказал Ральф. — Это мерзко.

— Как в фильмах Тарантино... Да где там! Квентин отдыхает.

— О-ля-ля! — покачал головой Алан. — Ко всем нашим преступлениям добавилось еще и массовое совращение несовершеннолетних.

Лаура тоже улыбнулась:

— Слушайте, если их не трогать, может, они задрочатся до смерти?

— До смерти — не знаю... Но если через полчаса они не угомонятся, то половина точно повырывает себе члены.

— Ха-ха-ха! — неожиданно Лаура рассмеялась, закрывая лицо руками. — Алан, ты подумай, что было бы, если бы Пентагон принял их на вооружение. — Девушка тараторила, как герой какого-то мультфильма, акцент становился невыносимым.

— То есть? — не понял Гринлон.

— Представляю заметку в USA Today или New York Times: «Вчера отряд специального назначения по дороге на штурм укреплений террориста Айдида в центре Могадишо, Сомали, наткнулся на постер с

Дженной Джеймсон. Штурм отменен. Двоих бойцов спасти не удалось — отрыв половых органов, остальные — под наблюдением медиков. Врачи оценивают их состояние как стабильно тяжелое».

— Надо было показать им гей-порно. Вот бы сейчас было представление!

Американец досмеялся до икоты. Только Емельянов молчал, тупо, но в то же время настороженно уставившись в свой лэптоп.

При этом Лаура краем глаза заметила новые сообщения в чате и, ни с кем не посоветовавшись, смело ответила:

|► Что это? Это такой фрактал, дружок! Threesome называется.

Не удержалась и добавила смайлик:

Наслаждайся: -Р

Вряд ли оно поняло смайл, но ответ существа сбил с толку:

◄| НЕТ НЕТ НЕ ЭТО! РИНО

Из-за этого «РИНО» в конце Лаура встревожилась и перестала хохотать. Психиатр уже собралась было ответить, но руки сами собой отдернулись от клавиатуры. Девушка по привычке взволнованно провела пальцами по губам. Это заметил Тимур.

— Что оно пишет? Это ему не нравится, да?

— Да нет, здесь что-то другое, Тимур. Подойди, пожалуйста.

Тимур отошел от окна и заглянул в монитор, где появилось новое сообщение:

◄| ПУСТЬ ОН НЕ ИДЕТ ТУДА РИНО РИНО!!!

— Что это значит? — занервничал программист.

Следом подошел канадец:

— Что-то не так, парни?

Боты кончали тяжелее и дольше, но продолжали мастурбировать.

— Я не знаю. — Лаура посмотрела по сторонам и чуть ли не прокричала: — Где этот чертов Хедхантер?!

Алан и Ральф подскочили. Тимур оглядел зал — Рино не было.

— Вышел подрочить, гы-гы, — отшутился Гринлон.

Даже Ральф Доэрнберг захохотал, хотя Тимур чувствовал, что сейчас не до смеха. Лаура побледнела и снова вытерла рот рукой. Что-то происходило, и никто не понимал, что именно.

— Он был здесь минуту назад.

— Я знаю. А где он *сейчас*?!

Хедхантер вышел из своей комнаты, неся в правой руке чехол с каким-то продолговатым предметом, а под мышкой левой зажимая свернутое в рулон одеяло. Вместо того чтобы вернуться в зал совещаний, он пошел к пожарному выходу и поднялся наверх по боковой лестнице. По дороге он несколько раз тревожно оборачивался — у него было такое чувство, что кто-то крадется за ним. Но никого не было.

Перед дверью на крышу он остановился и вынул из чехла снайперскую винтовку «SSG-69»^[112] с кованым стволом и прикладом из орехового дерева. Перед вылетом в Южную Америку Хедхантера предупреждали, что с собой не стоит брать дальнобойное оружие, поскольку толку от него будет мало. Южноафриканец не послушался, прихватив свою преданную «австрийку». Это была старая надежная модель, которую он повсюду возил с собой. Магазин был рассчитан на пять патронов, и у Хедхантера в запасе было всего два магазина — то есть в общей сложности пятнадцать патронов.

Хедхантер приладил оптический прицел, вставил обойму и глубоко вдохнул. Он гнал прочь мысли о том, что в темноте за дверью его может ждать безглазый Вилл... или что-нибудь в этом духе. Рино старался пересилить себя, но его не покидало отвратительное чувство, будто кто-то стоит рядом и следит за каждым его шагом. Держа ружье перед собой, Хедхантер открыл дверь и затаил дыхание, готовый выстрелить в любой момент. Тусклый свет обогнул его фигуру, выскользнул наружу и прилип к бетонной крыше. Тьма оказалась не такой густой, как он ожидал. Луч проектора, а также отблески от экрана неплохо освещали плоскую крышу.

Рино шагнул вперед и подложил одеяло под дверь, не давая ей захлопнуться (она закрывалась автоматически, и снаружи ее нельзя было открыть). Затем наклонился и перебежал к одному из прожекторов, стараясь, чтобы его тень не была заметна с холма, на котором мастурбировали боты.

Здоровяк улегся на холодный бетон и положил винтовку перед собой. Полежав пару секунд, протянул руку и снял оптический прицел.



Снайперская винтовка «SSG-69»

Он был лишним: «малыши» находились рядом — внизу, за оградой. Потом прижал приклад к плечу, прислонился к нему щекой и... заколебался. Под мушкой стоял двенадцатилетний мальчишка. Конечно выродок. Но в то же время ребенок, который, беспомощно таращась, впервые в жизни занимался онанизмом. Здоровяк не поддавался сопливым сантиментам, но в детей никогда не стрелял...

Оно еще раз высказало протест:

◄| ОСТАНОВИТЕ ЕГО!

Шутливое настроение ушло из главного зала.

— По-моему, наш африканский бизон сейчас доиграется. Только не говорите мне, что этот сукин сын спускается к ним. — Алан все еще пытался шутить: — Его же там сейчас отымеют, как последнюю шлюху!

Желание насмеяться окончательно исчезло, когда... хрустнул первый выстрел. Негромкий. Как будто где-то на карнизе треснула ветка.

— Что за звук? — всполошился Ральф Доэрнберг.

Никто не ответил. Все бросились к окнам. Даже Емельянов сорвался со своего места.

На первый взгляд ничего не изменилось — боты, выпучив красные глаза, по-прежнему занимались мастурбацией. Не верилось, что могло быть что-то не так. Мужчины не сразу заметили, что один из «малышей» лежал на песке с аккуратной дыркой во лбу. Они обратили на это внимание только тогда, когда...

Раздался еще один выстрел, и второй бот упал на спину. Он все еще пытался дергать член, но из раны в горле выплескивалась кровь, унося с собой жизнь. Кулак разжался, рука сползла на песок. Самым удивительным было то, что остальные боты не обратили на это никакого внимания.

— Он их расстреливает, — то ли спросил, то ли констатировал канадец.

Лаура схватила себя за короткие волосы:

— Черт, не-е-ет... Угломоните африкандера! Орагутан долбаный! Неандерталец! Так нельзя. Он же только навредит.

— Где он засел? — Тимур не понимал, почему «так нельзя», но интуитивно чувствовал — они поплатятся за то, что сейчас делает Хедхантер.

— Он на крыше!

Естественно, южноафриканец никого не слышал. Следующие три выстрела прозвучали один за другим. Еще трое ботов рухнули замертво.

Хедхантер быстро перезаряжал винтовку, чувствуя прилив звериного азарта. Казалось, между курком и пальцем проскакивают искры. Кабаньи глазки горели безумным огнем. Он торжествовал. Это был его персональный реванш за Долину Смерти.

«Малыши» продолжали мастурбировать. Рино смотрел на них в прицел и вдруг начал хохотать. Дикий хохот разжал стиснутые губы и разнесся по ночной пустыне.

— Суки... вот же суки... — сквозь истеричное ржание рычал амбал.

Послав в патронник очередной патрон, Рино кое-что придумал и перестал целиться в голову или сердце. Убедившись, что боты не могут вырваться из плена сексуального наваждения, Хедхантер понял, что времени у него достаточно. С этого момента он решил стрелять не на поражение, а так, чтобы причинить как можно больше боли — в живот, поближе к позвоночнику, в правую половину груди — подальше от сердца. Чтобы смерть была медленной и очень, очень болезненной.

Бахнул очередной выстрел...

— Суки... Как вам, а? Страшно? Ха-ха-ха! — Он хохотал. Просто не мог остановиться. — С-суки...

Новые боты падали, но не замертво. Уже трое мальчиков лежали на земле, извиваясь и скуля, как сбитые грузовиком собаки. Песок становился черным от крови.

ХСІІІ

— Твою мать... — сказал Игорь по-русски. — Твою мать.
После девятого меткого выстрела на мониторе появилась фраза:

| ► ВЫ УМРЕТЕ СЕГОДНЯ ВЫ ВСЕ УМРЕТЕ

На этот раз она не выползала буква за буквой, а выстрелила залпом. Вслед за ней полетела какая-то тарабарщина:

| ► &&&

Но на монитор никто не смотрел. Все взгляды были прикованы к ботам.

Рино расстрелял второй магазин. Из-за волнения один раз промазал. Перевел дыхание, чтобы унять лихорадочное покалывание в теле. Осталось всего пять пуль, и он не мог позволить себе не попасть. Как он жалел сейчас, что послушался этих умников, этих сопливых задротов-ученых, и не взял больше патронов! Посмотрев на дверь, ведущую в корпус, наемник успокоился. Одеядо лежало на своем месте. Изнутри лился равномерный красноватый свет. Ощущение слезки исчезло.

Хедхантер вставил в винтовку последний магазин. Оставалось пять патронов, но сделать он успел всего один выстрел. На крыше вдруг стало темно.

Порноролик прервался. Проектор посылал на полотно черноту.

Рино не сразу понял, что случилось, и поэтому немного сдрейфил. Оскал вмиг сошел с его лица. Экран возвышался сбоку, так что ему не было видно лицевой стороны полотна.

Боты прекратили мастурбацию и стали оглядываться по сторонам, словно выходя из затяжной комы.

Подумав, Хедхантер почти угадал причину. Он решил, что это кто-то из задротов в зале нарочно прервал показ, чтобы помешать ему добить ботов. Он выругался — теперь надо было спешить — и навел прицел на очередного бота, который дико вертел головой, и...

Перемену в поведении ботов заметили и в зале.

— Там что-то поменялось, — взволнованно прокомментировал Алан.
— Боты оторвались от экрана. Они приходят в себя...

Тимур сначала посмотрел на нестройную группу ботов. А потом

понял, что причина не в них, не в «малышах». Что-то поменялось здесь, у них. Он взглянул на экран компьютера и все понял:

— Ролик кончился.

Он стал искать глазами Емельянова, чтобы сказать ему пару ласковых, но... так и не успел. А Хедхантер по той же причине не смог уложить следующего бота — во всем комплексе, как по команде, вдруг погас свет. Во тьму погрузились все пять корпусов, погасли прожекторы, уличное освещение, обесточилась ограда. Секунду назад вокруг все бурлило, как на вулкане, а теперь — щелк! — и осталось всего две вещи: тишина и колодезная тьма.

— Что это... может... быть?.. — начала Лаура и притихла.

Никто не решался заговорить. Страх расползлся по темной комнате. Большинство внешних дверей оборудованы ручными механическими засовами, хотя вряд ли они могут долго удерживать ботов снаружи. Без электричества лабораторный комплекс стал беззащитным, как детский сад.

Наконец Ральф нарушил молчание, но только подлил масла в огонь:

— Может, я чего-то и не понял, но откуда оно знает имя Рино?

Девушка не ответила.

...Выставив вперед левую руку, Хедхантер громко матерился и на ощупь искал выход с верхней террасы.

Из коридора донеслись тяжелые шаги и сердитое пыхтение. Через несколько секунд дверь главного зала распахнулась и размытый силуэт прорычал голосом Рино:

— Вы здесь, гады? Я сейчас перестреляю всех к чертовой матери! Какая скотина погасила свет?!

Ни Ральф, ни Алан, ни Лаура не стали устраивать разнос Рино за его стрельбу. Где там. Боялись даже пукнуть. Появление наемника не то чтобы успокоило, но, по крайней мере, сердца начали стучать ровнее, и исчезло жгучее желание наложить в штаны.

— Э... никто не выключал свет. Он сам погас, — опасливо поспешил ответить Алан.

— Наверное, что-то случилось с генератором, — поддержал Алана Ральф.

— Ральф, ключ от технической комнаты у вас с собой? — не стал тратить время на разговоры Хедхантер.

— Да, у меня.

— Давайте сюда. Я спущусь в подвал.

— В генераторной справа на полке возьмешь фонарь. Без него тебе не справиться.

— Хорошо. А вы, пока не появится свет, оставайтесь на своих местах.

— А если он не появится?

— Можете начинать делать харакири.

Хедхантер, думая, что уже адаптировался к темноте, напрямик направился к выходу, врезался лбом в дверную коробку и, выругавшись по-немецки, быстро исчез в коридоре.

Рино Хедхантер остановился в нерешительности. Сердцебиение ускорилося. Он давился чернотой, как нефтью. Рино помнил, что справа от входа в подвал находятся стеллажи с амуницией. Там же должно быть несколько мощных фонарей. Но рука южноафриканца застыла на полпути к полкам: из глубины технического помещения отчетливо слышалось размеренное тарахтение — генератор тихо работал на холостом ходу.

Наемник сразу понял, *что* это означает: генератор *не* ломался.

Нефтяная тьма стала еще более удушливой.

Рино не стал искать фонарь, а, ведя рукой по стене, двинулся по памяти к рубильнику, который включает и выключает подачу тока на распределительные коробки. Оттуда сотни проводов разбегаются по зданию «DW» и инженерным корпусам.

Здоровяк продвинулся вперед. Пыхтение дизеля стало более отчетливым. Ротор вертелся рядом. Если кто-то попробует подобраться сзади, Хедхантер его не услышит.

Пошарив рукой по шершавой стене, мужчина нащупал рубильник.

«Надо было взять фонарь, — пронеслось в голове у Рино. — Болван, сначала ты должен был взять этот чертов фонарь!» Хедхантер поводит пальцами и схватился за рукоятку — она была опущена вниз. Что за черт?! Хедхантер резким движением поднял рубильник.

Генератор недовольно взвыл. Его стон быстро превратился в грозное рычание. Сначала ожил распределительный щит. А в следующий момент потоки желтоватого света снова разлились по всему комплексу.

Рино долго стоял без движения, задумчиво глядя в пол.

Когда в зале загорелся свет, Ральф подбежал к внутреннему телефону. Готто был на месте. Ральф приказал включить на полную мощность внешние прожектора с северной стороны. После чего, бросив трубку, метнулся к окну. Все остальные последовали за ним.

Прожекторы опять освещали возвышенность на северо-западе, но ботов там не было. Ни живых, ни мертвых. Уцелевшие унесли мертвых и раненых с собой.

Вскоре вернулся Хедхантер.

— Быстро ты. Что там было? — спросил Алан.

— Ничего серьезного.

— Что-то не так с генератором? — спросил Ральф.

— Дизель в порядке. Просто... — Рино колебался. — В баке кончилось горючее.

Ральф хлопнул себя ладонью по колену:

— Это я виноват — совсем забыл. За генератор отвечал Джеффри... Наверное, на днях он должен был залить топливо... — Ральф смутился. — Вроде недавно заливали...

— Я залил в бак несколько канистр и перезапустил генератор, — невозмутимо соврал Рино.

— О'кей. Хорошо.

Ральф сканфуженно морщил нос. Алан опустил взгляд, выискивая что-то на полу. Лаура остекленевшими глазами уставилась в темноту за окном. Емельянов волком смотрел на громилу. Тимур, закрыв глаза, тер рукой лоб. Среди них в безмолвии возник один-единственный вопрос «что теперь?».

Экран с чатом пустовал. Психосущество молчало. И это безмолвие пугало больше, чем самый агрессивный ответ.

Первым тишину нарушил Ральф:

— Кто тебя просил?

— Вы чего?! — не понимая причины осуждения, завелся Хедхантер. — Что я не так сделал?! Я шлепнул почти дюжину этих сраных уродов!

— Мог бы хоть посоветоваться, — добавил Тимур.

— Сдохнуть можно! Чем вы недовольны?

— Боты сейчас, наверное, на полпути в Боливию, — сказал Алан. — Ищи теперь ветра в поле!

— Ну и что?

— Ты похоронил последнюю надежду с ними справиться! — выпалил канадец. Он знал, что ему нельзя заводитьсь, но не мог остановиться. — Я имею в виду, справиться без убийств. Правда, Лаура?

Психиатр, наиболее яростно критиковавшая бойню, задумчиво молчала. Не дождавшись ответа, нейрохирург возбужденно затараторил:

— Мы впервые смогли встряхнуть, взволновать ботов. Мы сбили с толку это чертово психосущество, которое вылезло...

Лаура подняла голову и негромко сказала:

— Тихо.

Поначалу Ральф ее не услышал.

— ...вылезло из их мозгов. И если бы не ты, Рино, мы бы все спланировали, мы бы справились и теперь...

— Тихо! — повторила француженка громче.

Мужчины повернулись к ней. Канадец неохотно закрыл рот. Глядя куда-то мимо них и немыслимо растягивая слова, Лаура произнесла:

— Боты уже не вернутся, а вот психосущество еще даст о себе знать. Думаю, мы с ним еще хлебнем... — Девушка вздохнула. — Но, кажется, у меня есть идея, как нам действовать дальше. — Она встала и направилась к выходу. — Только мне еще надо немного подумать.

ХСVII

Хедхантер на выходе подошел к Тимуру и тихо сказал:

— Когда все разойдутся, загляни ко мне.

— Что случилось?

— На месте узнаешь.

— Хорошо, — кивнул Тимур. И добавил: — Психосущество знает, как тебя зовут.

— То есть?

— Когда ты полез на крышу, оно как-то об этом узнало. И еще назвало тебя по имени.

— Ну, значит, мы уже где-то встречались, — попробовал пошутить Хедхантер. И тихо добавил: — Значит, я тебя жду.

Сам он отправился вслед за Ральфом в аппаратную. Ральф спустился туда, чтобы проверить, все ли двери в корпус закрыты и на всех ли окнах первого этажа опущены металлические жалюзи.

— Чего тебе? — неприязненно буркнул Ральф.

— Хочу кое о чем спросить, — начал Хедхантер.

— Я слушаю. — Канадец побаивался великана.

— Можно ли ввести этих ваших нанороботов в кровь взрослому человеку? Он не отбросит коньки?

— Все не так просто. Это зависит от возраста пациента, состояния его здоровья и, безусловно, введенной дозы. Понимаешь, наноагенты — это молекулярные механизмы, запрограммированные на выполнение четкой последовательности действий. Если превысить дозу во время инъекции, они продолжают лезть через IV желудочек к коре. Им все равно, что человек умрет в страшных муках.

— А если вводить постепенно?

— Может быть, что-то и получится. Но маловероятно. В любом случае пациент должен находиться под капельницей под постоянным наблюдением. Во время вступительной лекции я тебе объяснял, что рецепторы на дне IV желудочка руководят рвотным центром. Наноагенты, проникая в мозг, так или иначе раздражают их. Первые минуты после инъекции пациент блюет дальше, чем видит. Через час организм истощается настолько, что человек может умереть от обезвоживания. Как при холере.

— Ясно.

— А что? Ты что-то придумал?

— Нет. Так просто спросил...

ХСVIII

Пятница, 28 августа, 23:37 (UTC –4)

«DW», жилой корпус

Тимур ждал Хедхантера у его комнаты с табличкой «211». Вскоре послышались тяжелые шаги, и в коридоре появился Рино. Он открыл дверь и затащил парня внутрь.

— Что случилось? — громко спросил Тимур.

Здоровяк приложил палец к губам, прося говорить тише.

— Я еще не совсем уверен...

— Не уверен в чем?

— Долго рассказывать.

Украинец сложил руки на груди и оперся плечом о стену:

— Я вот что подумал: если бы не пропал свет, ты бы их всех перестрелял?

— Не-а.

— Но я думал...

— У меня было три магазина — 15 патронов. Так что мне по барабану, что ты там подумал. — Хедхантер попробовал пошутить: — Героем все равно станешь ты.

Говоря, он вытащил из-под кровати грязноватую спортивную сумку и извлек из нее выдавший виды пистолет «беретта». Вынул обойму, проверил работу спускового механизма и вернул обойму на место.

— Он не новый, но в отличном состоянии, — негромко сказал Хедхантер и протянул оружие Тимуру.

Программист оторопело уставился на матовую рукоять.

— Это тебе, — Рино взял Тимура за предплечье и силой вложил пистолет в руку. — С этого момента всегда держи его при себе. Что уши развесил? Слышишь меня? Всегда!

— Зачем? — Тимур неохотно сжал в руке оружие.

— Я соврал.

— То есть?

— Горючее в генераторе не кончалось. Кто-то отключил рубильник.

— Что?!

— Кто-то, кого не было с нами в зале, страшно хотел, чтобы боты очнулись и ушли.

Змеи начинают жалить

**Суббота, 29 августа, 00:16 (UTC –4)
«EN-3», третий инженерный корпус
Подземная лаборатория микробиологии**

Под землей все было как всегда: темнота, тишина, высокое давление и низкая влажность.

Ральф, стойко выдержав буферные очистительные процедуры, надел комбинезон и вошел в цех нанопроизводства. Спускаясь на платформе на самый нижний уровень, под которым в потемках прорисовывались контуры оборудования, он не переставал размышлять о своем недавнем разговоре с Хедхантером.

Поначалу он пропустил слова Рино мимо ушей. Но чем больше Ральф раздумывал над его вопросом, тем тревожнее становилось у него на душе. Ведь Хедхантер все время вплотную сталкивался со сбежавшими ботами. Он первый обнаружил их в пустыне. Он видел, как они разорвали Хорта. Был рядом, когда боты напали на джип Такеды по пути на базу из аэропорта. Он был в опустошенном Сан-Педро, уносил ноги из Долины Смерти, пережил фиаско под Пуритамой. Не удивительно, что именно Рино первым почувствовал: их команда, как блохастая дворняга, гоняется за собственным хвостом.

Поняв, что не сможет уснуть, ученый направился в подземную лабораторию.

Лифт остановился. Ральф направился в терминальную зону, где из последней сферы в специальном растворе на свет появлялись нанороботы.

В последние годы эволюция нанороботов проходила отдельно от остальных исследований. Боты выросли, мозговые платы сформировались и работали нормально. («Даже слишком, чтоб им пусто было, нормально», — ругнулся Ральф.) Несмотря на это, Кейтаро не прекращал работу по усовершенствованию агентов. Чем меньше они станут, тем больше их удастся засунуть в головы новых поколений. Нанороботы становились все меньше, выносливее, умнее.

Двадцать минут назад в голове у Ральфа созрел интересный вопрос. Ученый даже носом шмыгнул, удивившись, как не додумался до этого раньше: а что, если выпить раствор с наноагентами?.. Надо бы провести эксперимент, проверить на крысах, но...

Канадец включил демонстрационный монитор, на нем возникла 3D-модель седьмого поколения нанороботов, которая производилась сейчас в цехе. Каждый агент — 570 нанометров. За пятнадцать лет Кейтаро сумел уменьшить наноробота в 10 раз!

Вдруг Ральф осознал, что эксперимент не нужен. Конечно, они легко попадут в кровь. Агентам не обязательно достигать желудка. Они могут проникнуть через ткани гортани или пищевода. Без липидных капсул немало нанороботов погибнет под ударом иммунной системы, но это даже лучше, поскольку уменьшает риск передозировки...

Держась за поручень, Ральф Доэрнберг все еще смотрел на шкалу масштаба внизу экрана, когда следующая догадка впиалась в мозг.

«570 нанометров. Последнее поколение меньше клеточной мембраны! Их даже не нужно пить — достаточно вылить на кожу, и они... будут делать то, на что запрограммированы».

Тут же в голове профессора возникли новые вопросы. Что произойдет со взрослым, когда наноагенты проникнут в организм? Если количество будет чрезмерным, человек умрет. А если небольшое? Как изменится поведение человека? Утратит ли он контроль? Сможет ли психосущество доминировать над человеком, как доминирует над ботами? В конце концов, станет ли человек одним из них?

Следом пришла мысль: «А если один из нас уже?.. Но когда и как?.. Этого не может быть!»

Разум отказывался верить, но факты говорили о другом. Рино, твердолобый громила, подтолкнул ученого к выводам, которые прочной нитью сшили все факты воедино. Все в какой-то момент встало на свои места. Это же очевидно: боты знали о каждом шаге персонала «NGF Lab», потому что их... оповещали.

— Я должен предупредить остальных... — ужаснувшись, прошептал Ральф.

В этот момент сверху раздались гулкие звуки шагов — кто-то вошел в цех и передвигался по верхней галерее. Канадец поднял голову. Но в сумерках, застилавших верхние ярусы цеха, нельзя было ничего разглядеть.

Ральфу стало душно. Несмотря на жаркий костюм, конечности похолодели. Поборов приступ страха, он стал прислушиваться. Весь превратился в слух, но долго не улавливал ничего, кроме собственного громкого сердцебиения. Сердце стучало невпопад. Ральф узнал первые признаки жесткой аритмии.

Но вот металлический лязг прозвучал снова. Звук донесся из-под

потолка, из другой части цеха. Потом несколько раз повторился — кто-то, словно издеваясь, неспешно прохаживался по лестнице одного из переходов. Вслед за шагами донеслись, вздохи, больше похожие на шипение змей.

— Кто здесь? — крикнул Ральф.

— О-здесь... О-здесь... О-здесь... — ответило эхо, а шаги... прекратились.

Минуту Ральф безмолвствовал, но не различал ничего, кроме шума молекулярных машин и гудения вакуумных компрессоров. Доэрнберг почти поверил, что звуки были плодом его воображения (он просто *вынуждал* себя верить, пытаясь успокоить больное сердце) и, кроме него, под землей никого нет, когда заскрежетали цепи подъемника. Звук показался оглушительным пушечным залпом. Ральф ойкнул, подскочил и невольно закрыл лицо руками. Сердце застучало, словно куча камней, посыпавшаяся со склона.

Платформа большого подъемника поползла вверх. Канадец застыл и тупо вглядывался в темноту, туда, где только что исчез подъемник. Вокруг сердца расплзалась тяжесть, каждый вдох давался с трудом. Мужчина несколько раз стукнул себя кулаком по груди, пробуя сбить аритмию. Безрезультатно. На этот раз без лекарств не обойтись. И Ральф запаниковал.

— Кто ты? — завизжал нейрхимик.

В ответ — гнетущее молчание. Лифт добрался до верхнего уровня и остановился.

Снова тишина...

Ральф тупо ждал. Попробовал посчитать пульс, но руки дрожали так сильно, что большой палец не удерживался на запястье. «Кому и зачем понадобилось спускаться сюда в такой поздний час?» — подумал он. И тут же сообразил — доступ в цех был лишь у четверых: у него самого, у Кейтаро, у Ноlanda и... у Такеды.

— Такеда! — голос профессора срывался. — Чего тебе?

Сверху донесся зловещий вздох. За ним последовал невнятный шепот. У Ральфа потемнело в глазах от страха. Пульс превысил 160 ударов в минуту.

Через несколько секунд он услышал, что платформа стала опускаться. «Чего ты ждешь, увалень?» — разозлился сам на себя Ральф и побежал в глубину цеха.

Он помнил, что на другом конце цеха есть еще одна подъемная платформа. Если она сейчас внизу, то он спасен. Он подождет, пока

Кацуро (или кто бы там ни был в теле молодого японца) приблизится, а потом поедет наверх, доберется до верхней галереи и сможет выбраться из «EN-3». Но если платформа наверху...

Через несколько шагов у Ральфа страшно закололо в груди, он зашатался и чуть не упал. Присел, ухватившись одной рукой за перила, а второй — за сердце.

Лифт остановился. Стало тихо.

Переводя дух, Ральф оглянулся. Вдали на освещенной площадке четко вырисовывалась мужская фигура. Единственный в той зоне фонарь светил сверху и сзади, так что ученый не мог рассмотреть лицо. Вместо него над туловищем было затененное овальное пятно. Человек делал странные движения, сильно вытягивая шею и, словно змея, которая что-то вынюхивает, водя головой из стороны в сторону. Движения были настолько *нечеловеческими*, что Ральф замер от ужаса. Через мгновение фигура скрылась в тени подвешенного перехода.

Крикнув что-то невнятное, Ральф бросился бежать. Но он давно не был в этой части цеха и уже плохо помнил, где именно находится второй подъемник. Этот угол цеха почти не использовался, многие лампочки в фонарях перегорели, без особой надобности их никто не менял, и плафоны светили один через три.

Не хватало только заблудиться на нижнем уровне!

Краем глаза Ральф видел, что фигура то исчезает, то появляется в кругах света в дальних галереях. Преследователь, направляясь к нему, отрезал пути отступления, как ферзь, загоняющий в угол одинокого короля. Ученый на ощупь отыскал первую попавшуюся галерею справа и ринулся туда. У конце ее преграждала проволочная калитка, за которой металлическая лестница вела вниз, на бетон. Но там Ральфу точно нечего искать. Он метнулся назад, забежал в коридор слева. Потом несколько раз поворачивал налево и направо, пока окончательно не запутался. Лифта не было. Мужчина даже не знал, в каком направлении находится ближайшая стена цеха. Оглянувшись, Ральф не смог отыскать фигуру преследователя, который вошел в неосвещенную часть нижних галерей, а значит — подобрался близко. Канадец застонал. Сердце брыкалось и лезло по пищеводу вверх к горлу.

И тут... Ральф заметил в конце одного из коридоров платформу. Слава Богу, она стояла внизу. До нее оставалось каких-то двадцать метров. Ральф поблагодарил Бога за свое спасение и стал осторожно продвигаться к платформе. Он снял тяжелые ботинки и старался шагать беззвучно. Сердце, как будто поняв важность момента, заработало стабильнее. Хотя

бы на какое-то время аритмия отступила. И это был подарок небес!

Вправо от коридора, по которому он шел, отходил узкий проход, формируя Т-образный перекресток. Сделав пятнадцать шагов, Ральф поравнялся с ним и бросил взгляд вправо. В тот же момент он чуть не скончался от разрыва сердца — *на расстоянии вытянутой руки* в проходе стоял Такеда. Японец смотрел... хотя нет... выражение его глаз вряд ли было взглядом. За налитыми кровью глазами зияла пустота, полный вакуум. Японец просто стоял. А потом поднял руку и сделал шаг навстречу Ральфу.

— А-а! — отшатнулся нейрехимик и ринулся к лифту. Ритм сорвался, подскочив до невероятных 240 ударов в минуту.

Платформа выступала над полом. Ральф споткнулся о нее и влетел в открытый подъемник вперед головой. Разбил колени, ударился головой о поручень. Лицо залила кровь. Несмотря на боль, он потянулся и нажал кнопку подъема. Ни скрежета цепей, ни гула электродвигателя, ни раскачивания платформы. Лифт не сдвинулся с места. Такеда обрезал провода наверху.

Сзади раздалось его злорадное шипение.

Ральф повернулся и, цепляясь руками за поручень, попробовал подняться. Он лихорадочно пытался найти выход из ситуации, попробовал потянуть время:

— Когда это случилось с тобой, Кацуро? — задыхаясь, залепетал он. Сердце, казалось, собиралось взлететь в космос. — Ты случайно вылил на себя раствор с агентами или... может, выпил его нарочно?

Существо, которое когда-то было молодым амбициозным японцем, оскалилось и зарычало.

— Хорошо. Я готов выпить то же, что и ты. Я стану одним из вас, только не убивай меня! Пожалуйста! — глотая слова, пролепетал ученый.

Канадец не думал о себе. Он знал, что формирование колонии займет полчаса, а то и больше. За это время он надеялся предупредить Тимура, Рино или Тиану. Кого угодно. А потом прострелить себе голову, не позволив психосуществу превратить себя в зомби.

К сожалению, Кацуро понимал это не хуже Ральфа. И пришел он сюда не затем, чтобы выплеснуть черную жидкость в лицо бывшему коллеге. Такеда молниеносно сбил Ральфа с ног.

— Не надо! — крикнул Ральф.

Страх сковал тело — сопротивляться не было сил. Кацуро навалился на него сверху и схватил старика за горло. Но душить Ральфа не было необходимости — он охнул, обмяк и перестал дышать.

Изношенное сердце не выдержало и остановилось.

Суббота, 29 августа, 00:19 (UTC –4)
Спальное крыло жилого корпуса «DW»

Тимур, как и Ральф, долго не мог уснуть, терзаясь малоприятными мыслями. Зачем Рино дал ему пистолет и приказал *всегда* держать его при себе? Кто мог отключить электричество? Такеда? Тиана? Готто? Штаерман? А главное — для чего? Как теперь поведет себя психосущество? О том, чтобы договориться, теперь и думать нечего... Откуда *оно* узнало имя Рино? И вообще: как *оно* заметило, что Хедхантер отправился с винтовкой на крышу?

Но хуже всего было то, что они борются с чем-то нематериальным, с каким-то бестелесным призраком, который вылез из подсознания ботов. Это доводило до бешенства. Это все равно что резать воздух или стрелять из пушек по дождю. Несколько раз Тимур подскакивал и включал свет — все лампы в комнате, — настолько сильным было ощущение, что за ним наблюдает кто-то невидимый. Ему было действительно страшно. Еще страшнее, чем тогда при подъеме в горы за Пуритамой. И старенькая «беретта», осторожно спрятанная между матрасом и подушкой, никак не успокаивала.

Когда часы показали четверть одиннадцатого, Тимур наконец успокоился и начал засыпать. Находясь на грани сна и яви, он вдруг вспомнил, как:

...его и Емельянова доставили на базу. После сумасшедшей гонки по Атакаме он сидит на полу в тамбуре первого инженерного и видит, как от второй машины в корпус идут Фрэнки и Ндонга. За ними, еле волоча ноги, бредет Такеда. Последним под руки ведут Емельянова. И что-то тут не так. Что-то не в порядке со всеми четверыми...

Тогда какая-то деталь ускользнула от него. А вот сейчас, уже погружаясь в сон, он вдруг выхватил ее, увидев все снова, как наяву.

Странные пятнышки на бледном лице Емельянова. Такие же точно на желтоватом лице японца. Из тех, что в самом низу лица, текут едва заметные струйки крови, переплетаются, стекают на шею. Что это такое? Тысячи крохотных розовых пятнышек покрывают их лица, словно раздражение после бритья или комариные укусы.

Неожиданно перед глазами встала другая картина.

Комната с радиостанцией. Кейтаро, Тиана, Игорь, Стефан, Лаура, одним словом, — все, окружили Ральфа и слушают, что говорит Джеффри. Джеффри в это время далеко в пустыне. Тимур в полудреме видит со стороны и себя самого. Вот он начинает понимать, что ботов запрограммировали на самообучение. Он вырывает микрофон у Ральфа и кричит Джеффри, чтобы тот немедленно убежал. Американец сначала не реагирует на его слова, что-то говорит об Освенциме, о еще живых, но странных крестьянах, которых видит в ущелье рядом с пещерами ботов. Но вот Джеффри осознает, что боты следят за ними. Хочет бежать, но боты встают на его пути. Алондру убивают, Джеффри пытается вырваться.

Тимур из последних сил боролся с глубоким сном. Образы расплывались, все застилала серая пелена, однако...

В последние минуты своей жизни Джеффри понял что-то важное. Это было понятно по его изменившемуся голосу. Что-то, о чем обязательно надо было сообщить товарищам. Он хотел сказать, но не смог. Или все-таки смог? «Тимур! Тимур! — закричал он. — Я понял, откуда они... — Голос его прервался, но затем из приемника донеслось: — ...рой ...у..ег... вто... ту... тим...!»

Обрывки его последних слов. Тимур злился во сне из-за того, что Джеффри не договорил. Точнее, договорил, но так, что никто не разобрал. Как это часто бывает в моменты, когда дремота перетекает в сон, а голова переключается на отдых, в мозгу программиста вырвались на волю идеи, которые, казалось, еще секунду назад были спрятаны за непробиваемой стеной. Тимур засопел, напрягся и второй раз прокрутил в голове последний эпизод. Но на этот раз он четко расслышал то, что хотел сказать Джеффри:

«Я понял, откуда они узнали! Второй “туарег”! Второй “туарег”, Тимур!»

Ручка на двери тихо повернулась, и дверь приоткрылась. В комнату на цыпочках проскользнула Ребекка.

Щелчок дверного замка не дал программисту окончательно провалиться в сон. Сквозь полуоткрытые веки Тимур оценил соблазнительную фигуру, точеные ножки, округлые бедра, едва прикрытые серой блестящей ночной рубашкой. Он сладко зевнул, думая, что это тоже видение. Какое-то время в затуманенном мозгу все еще металась фраза: «Второй “туарег”!» и «...всегда держи ствол при себе», но они растворились под натиском сексуальных фантазий, так и не включив сигнал тревоги.

Ребекка беззвучно подошла ближе к кровати и остановилась в двух шагах от нее. Она стояла выпрямившись, слегка расставив ноги, и пожирала Тимура взглядом. Глаз в сумерках видно не было.

Девушка что-то держала в правой руке.

Тимур пошевелился, чувствуя, как между ног образуется приятное тепло, все еще не понимая, что на сей раз все происходит в действительности. Очертания девушки напомнили ему плакат, который как-то попался ему на глаза у диско-клуба «Avalon» в Киеве: соблазнительная босая фотомодел ь стояла на цыпочках, держа в руке откупоренную бутылку шампанского. Сходство было полное. За исключением одной детали — в руке Ребекка держала не бутылку с шампанским, а длинный кухонный нож.

За секунду до того, как Ребекка бросилась на программиста, за окном раздались два хлопка. Тимура разбудил не столько звук, сколько короткая вибрация, передаваемая землей. Он очнулся, увидел тень, рванувшую вперед, и успел поднять вверх руки и ноги. Натянутое между ними одеяло спасло ему жизнь. Лезвие с противным скрипом прорезало огромную дыру, но не зацепило парня.

В следующую секунду, все еще не соображая, что происходит, Тимур скатился с кровати и отполз влево, почти к окну. Ребекка вскочила на кровать и зашипела, подняв над головой руку с ножом. Ее глаза были налиты кровью.

— Ты с ума сошла, Бекка! — Тимур хотел крикнуть что-то еще, но вовремя понял, что это бесполезно. Он все понял. — Вот стерва! — Злость быстро уступала место панике.

Ребекка бросилась на него. Он встретил ее ударом ноги в живот, потом бросился на девушку и повалил ее на кровать. Ребекка, извиваясь, пыталась ударить его ножом. Если бы нож был короче, она уже выпустила бы ему кишки. А так ей не удавалось вывернуть руку и нанести колющий удар. Лезвие скользило по спине, разрезая кожу, но не задевая важные органы и мышцы.

Тимур попробовал ее придавить, но понял, что таким образом останется без кожи на спине. Тогда он принял решение бежать. Резко отодвинувшись, парень прыгнул вперед и вытянулся поперек кровати. Ребекка вцепилась в его ступни и несколько раз полоснула ножом по икрам. Стало больно. Кровь поплыла по простыни. В ответ программист заехал ей пяткой по зубам и свалился с правой стороны кровати. Но вдруг понял, что недооценил соперника. Кровожадное существо, в которое превратилась чилийка, вихрем перелетела матрац и уселась на него,

стараясь ударить ножом в горло.

Случайно зацепив простыню, программист потянул ее на себя. Защита от этого была никакая, но вдруг что-то тяжелое и холодное ударило его в глаз. Это была «беретта». Тимур обхватил ладонью рукоятку, сдвинул предохранитель и приставил ствол к ноздре Ребекки.

Она завизжала. Тимур не раздумывая три раза подряд нажал на спусковой крючок. Глухие выстрелы сотрясли комнату. Голову девушки три раза отбрасывало от дула. Нож выпал из ее руки. Тимур с отвращением оттолкнул обмякшее тело и несколько секунд лежал неподвижно, приходя в себя.

Но это был еще не конец.

Парень напрягся, когда по луже света, вливавшейся из коридора, прошмыгнула чья-то тень.

— Уроды! — процедил Тимур и наугад пальнул в проход. Он впервые подумал о том, что не выберется живым из Атакамы. Пуля, звякнув, срикошетила от стены.

— Не стреляй, это я, — послышался от двери спокойный голос Хедхантера.

Тимур тяжело дышал, все еще держа пистолет в вытянутой руке.

Хедхантер, как мог, широко открыл маленькие круглые глазки, привыкая к полумраку в спальне. Наконец, разглядел парня и полуобнаженное тело убитой чилийки.

— Ага, вижу, ты неплохо проводишь время, — с насмешкой хмыкнул Рино.

Тимур осмотрелся. Пол и кровать забрызганы кровью. По центру, задрав разmozженную голову, лежит Ребекка. Даже после смерти она не потеряла своей вызывающей красоты.

— Иди ты в жопу. — Тимур устало склонил голову и опустил пистолет.

— А посмотри, что я тебе принес! — Рино вошел и включил свет. Правой рукой он держал за волосы отрезанную голову Емельянова. На пол капала свежая кровь.

— Какая-то странная манера — отрубать всем головы, — довольно вяло отреагировал Тимур. Его уже мало что могло удивить. — У тебя что, какие-то комплексы с детства? Неужели недостаточно просто его убить?

— Не, — отмахнулся здоровяк. — Ты прикинь, я застукал его, когда он хотел выпустить ботов из «EN-2». Этот гад брыкался, как теленок.

— Второй «туарег», — пробормотал Тимур, качая головой. — Вся вторая машина.

— Рад, что ты понял.

— А Ребекка?

— Она периодически трахалась с Такедой, иногда не брезговала моими парнями. Думаю, кто-то из них накачал ее этой серой дрянью.

Тимур похолодел:

— Это значит, что любой из нас может быть заражен...

Хедхантер подошел к нему и протянул руку:

— Вставай. Сидя здесь, ты никого не вылечишь.

— Как ты догадался? — спросил Тимур у Хедхантера.

Рино умело перевязывал изрезанное предплечье Тимура.

— После того как мы привезли тебя и Емельянова на базу, я осмотрел второй джип — тот, на который напали в ущелье. Помнишь?

— Конечно.

— Мне стало интересно, как мои парни отбились, а расспрашивать я не люблю.

— И?

— Было много странного. Я думал, их застали врасплох. Я ожидал увидеть следы пуль, ведь мы слышали выстрелы и думали, что боты обстреляли джип. Но следов от дробы не было. Значит, это мои бойцы открыли огонь, чтобы отпугнуть ботов. Почему же боты не воспользовались своим оружием? — Хедхантер сделал паузу и затем сам ответил на свой вопрос: — Они не хотели никого убивать. Они забросали камнями нашу машину, чтобы отогнать нас от места, где второй джип менял пробитое колесо. А потом облили всех, кто в нем был, этой серой слизью.

— Видимо, после «контактов» с крестьянами из Сан-Педро они хорошо знали, как действует раствор, — поддакнул Тимур.

Хедхантер закончил перевязывать руку программиста и заботливо завязал последний узел.

— С Нахасом, наверное, случилась передозировка, и его по дороге вышвырнули из машины, — добавил он.

— А как ты додумался до того, что боты накачивают раствором крестьян? — спросил парень.

— Я начал думать об этом после встречи с Виллом Ноландом, или... скорее, с тем, что осталось от Вилла, — сказал Хедхантер. — У него не было глаз, но он шел прямо на нас с Джеро. Что-то управляло им. Думаю, несколько ботов залегли среди ближайших скал и «вели» его на нас. Это было возможно только в том случае, если он стал одним из их них. Я долго не верил, но начал подозревать, что его инфицировали... А ты?

— Такие мысли проскакивали давно, но как-то не верилось. — Тимур сжал кулак и покрутил рукой. Мышцы прожигало огнем. — Насчет экипажа второй машины додумался только сегодня, за секунду до того, как она, — парень с отвращением покосился на мертвую чилийку, — прыгнула

на меня... Почему же ты молчал все это время?

— Это были всего лишь догадки. Я забеспокоился еще с того времени, когда нашел рацию. Она спокойно себе лежала на панели под лобовым стеклом «туарега». Как бы ни были напуганы мои ребята, не услышать ее было невозможно.

Тимур печально вздохнул.

— Они не слышали, потому что людей в машине тогда уже не было.

— Ага. Но потом в один момент все соединилось: моя встреча с Виллом, гибель Джеффа, засада возле Пуритамы... Последним штрихом стало выключение электричества во время того свинства, которое замутили вы с этой французской девицей.

— Пока ты не начал стрельбу, свинством даже не пахло. Подумаешь, боты занялись онанизмом.

— Да какая теперь разница. В общем, когда Ральф сказал о последней новости от информатора, я не удивился. Становилось очевидным, что на стороне «малышей» выступает союзник, и этот союзник среди нас.

Вот так все встало на свои места. Боты узнавали о планах людей, как только они были задуманы, впитывая информацию через собственные «уши» и «глаза» в лаборатории. Через Кацуро они разнюхали о вылазке Рино и Джеффри, а вскоре — о ночной газовой атаке. В то же время «малыши» не переставали накачивать наноагентами крестьян из Сан-Педро, получая доступ к их мыслям, воле, сознанию. Таким образом боты узнали о средствах химической защиты. Через одного из крестьян, верного пса Джейми Макаки, вышли на самого Джейми и добыли с его помощью альдостерон и противогазы. Люди служили неиссякаемым источником информации, став для ботов чем-то вроде Интернета. Боты лезли в их головы, как только сталкивались с чем-то непонятным, точно так же, как мы бросаемся к «Google» или «Yandex», услышав незнакомое слово или название. Как и всемирная паутина, человеческие головы не всегда давали достоверную информацию, но и ее было достаточно, чтобы ускорить развитие ботов в десятки раз.

* * *

— Что теперь? — спросил Тимур.

— Надо провести зачистку. Определить, кто есть кто. — сказал здоровяк, перезаряжая «беретту».

— Такеда точно инфицирован.

— Ну, это очевидно. Я почему-то думаю, что он — единственный.

— У тебя есть мысли, как проверить остальных?

— Пока не знаю, — Хедхантер пожал плечами, — может, буду бить их по очереди, пока не сознаются.

Невзирая на нервное напряжение, Тимур улыбнулся:

— Рино, это вряд ли поможет. Ты меня прости, но это ошибочный метод.

— А как иначе? — развел накачанными руками южноафриканец. Другими методами он владел слабо.

Парень задумался.

— Во корпусе «EN-2» есть «кресло искупления» — фактически орудие пыток, с помощью которого ботов наказывали за плохо выполненные задания. Это аппарат с медными катушками, который генерирует магнитное поле большой мощности. Для обычного человека оно безвредно, а вот тот, у кого в мозгу платы из нанороботов, то есть бот или инфицированный, почувствует сильную боль. Под действием магнитных волн нанороботы будут стремиться оторваться от мозга. Безусловно, это как-то проявится. По крайней мере, в мимике. Может, они будут кричать...

— Кричать? Это супер! Да ты молоток, фелла! — Лицо Хедхантера просияло. Он похлопал Тимура по плечу и отдал ему пистолет. — Так и сделаем!

— Весь вопрос теперь в том, чтобы они согласились на испытание.

— Мы и не будем их спрашивать, — криво и не без злорадства ухмыльнулся Хедхантер. — Пойдем. Только будь мужиком. Без тебя мне не справиться.

Суббота, 29 августа, 01:13 (UTC –4)

Спальное крыло корпуса «DW»

В ту ночь, пожалуй, не спало пол-лаборатории.

Лаура расхаживала по комнате в одних трусах и майке уже почти полтора часа. От напряженных раздумий у нее поднялось давление. Глаза покраснели. В затылке пульсировала тихая, но неприятная боль.

Девушке никак не удавалось выбросить из головы картину вечернего расстрела. Как будто кадры из фильма, она еще и еще раз прокручивала в мозгу учиненную Рино расправу и моменты, которые ей предшествовали.

Один за другим боты падают на песок, корчатся, истекают кровью. Лица перекошены, изо рта идет розовая пена. Остальные не обращают внимания, продолжая мастурбировать. Их заворожил половой акт на экране, и гибели товарищей они не замечают. Не понимают, что следующим может стать любой из них.

Лаура никак не могла решить для себя, что стояло за этим моментом: основной инстинкт или неконтролируемая тяга к удовольствию, жажда плотских утех? Ведь желание продолжить род и тяга к кайфу от секса — разные вещи. Почему-то — она сама не знала почему — это казалось важным.

Затем девушка погрузилась немного глубже. Перенеслась к моменту, когда...

...Тимур демонстрирует боту (психосуществу) фракталы. Увидев рисунки, бот начинает стонать, его веки дрожат, дыхание ускоряется. Он явно получает удовольствие. От чего? От рисунков?..

Все, кто сидит рядом с Лаурой, отмечают, что «малыш» явно кайфует.

Психиатр напряглась, собрала все силы, выцарапывая из памяти этот эпизод. Там было что-то важное, какая-то небрежная фраза, которая на первый взгляд показалась банальной, зато потом... после устроенной Рино стрельбы... после коматозного оцепенения ботов... приобрела новое, особенное значение.

«Оно что-то делает боту», — сказала тогда Тиана Эмерсон.

«Наверное, раздражает центр наслаждения. Стимулирует мозг. Точно так же, как это делаем мы в награду за выполнение учебного

задания на полевых тренировках. Это достаточно легко. И они это любят», — говорит Ральф.

Окунувшись в воспоминания, Лаура забыла о головной боли, о мерзких теплых пятнах на шее и щеках, появляющихся всегда, когда артериальное давление ползет вверх.

«...раздражает центр наслаждения...»

«...стимулирует мозг... точно так же, как это делаем мы...»

«...они это любят...»

Центр наслаждения... Стимулирует мозг... Они это любят...

Девушка остановилась посреди комнаты, уперев руки в боки, и... победоносно улыбнулась размытому отражению в оконном стекле. В этот момент она поняла: у ботов есть ахиллесова пята.

Радоваться открытию пришлось недолго. Дважды дернулась ручка на двери. На электронном будильнике было 01:24. Подумать о том, кому может понадобиться беспокоить ее в полвторого ночи, она не успела. Послышался мощный удар снаружи, за ним еще один, после чего — хруст сломанной древесины. Замок остался в косяке, а двери, сорванные с петель, по-киношному влетели в прихожую. Девушка вскрикнула.

В комнату ввалился Хедхантер с «ремингтоном» в руках.

— Ты чего не спишь?

— Я... — растерялась Лаура, — я размышляла.

— Ага... Выходи в коридор, Аристотель, — последовала его команда.

Смущенная психиатр наклонилась за брюками, но Хедхантер заорал, как бешеный:

— Руки на виду!!! Держи руки на виду, лягушатница чертова!

— Я просто хотела надеть брюки, Рино...

— К черту! Сейчас не холодно. Выметайся в коридор в трусах. И руки за голову!

Лаура решила подчиниться. Подталкивая девушку дулом в спину и держа левой рукой за волосы, Хедхантер вывел ее в коридор и затолкал в галерею второго этажа. У стены, уперевшись в нее ладонями и широко расставив ноги, стоял Алан. Его с «береттой» в руках стерег Тимур.

— Становись рядом с Аланом к стене, — приказал Лауре Хедхантер.
— Пошевелишься — и Тимур тебя пристрелит.

— Что это все значит? — обратилась девушка к Тимуру.

— Извини, у нас нет другого выхода, — ответил Тимур.

— А ну без разговоров! — прикрикнул Хедхантер.

Вскоре вдоль стены под прицелом «беретты» выстроились Тиана и Готто.

Последним Хедхантер привел Штаермана.

— Ральфа и Такеды нигде нет. Найдем их после, — шепнул Хедхантер Тимуру. И громко обратился к остальным: — Сейчас вы друг за другом, держа руки за головой, медленно и не дергаясь, спускаетесь вниз, выходите из здания и идете в корпус «EN-2». Тот, кто нарушит строй или опустит руки, получит заряд дроби прямо в свою наглую тупорылую тыкву. Всем ясно?

— Сволочь! Как ты смеешь? — взорвался Штаерман, не отрывая, однако, ладоней от стены и не поворачивая головы. — Я требую объяснений!

— Заткнись!!! Тому, кто еще раз откроет рот, я заткну его унитазным ершиком, а потом отстрелю башку! Я похож на человека, склонного к шуткам? — взревел Хедхантер. — Я не слышу?!

Бразильянка всхлипнула. Мысли смешались у нее в голове. Она не могла понять, снится ей это или происходит наяву.

— Нет, ты не похож, Рино, — тихо ответил Алан.

— Вот и прекрасно! Тимур, ты идешь впереди, открываешь двери и следишь, чтобы никто не бросился бежать. Налево! Шагом марш!

Колонна двинулась к выходу: впереди Лаура, за ней Готто, Штаерман, Тиана и Алан. Бледный, как мел, Тимур еле переставлял ноги, прижимая пистолет к животу правой рукой, будто боялся, что тот, оторвавшись от тела, выстрелит самостоятельно. Время от времени он оборачивался и взглядом просил у конвоируемых прощения.

Лаура, проходя мимо него, улучила момент, когда Хедхантер смотрел в другую сторону, наклонилась и сказала взволнованно:

— Не понимаю, что вы задумали, но я *знаю*, как покончить с ботами...

Тимур съежился, подумав, что Рино засек их переговоры и сейчас навалит обоим, однако тот отвлекся. Прошло секунд пять, пока Тимур понял, что инстинктивно направляет пистолет туда, где только что стояла Лаура. «Заражена или нет? — думал он. — Обманывает или говорит правду?»

Алан вышел во двор последним. Поравнявшись с Тимуром, Хедхантер сказал:

— Будь настороже. Когда они поймут, *что* мы собираемся делать, то будут готовы на все. Не поведись на их провокации.

— А если мы ошибаемся?

— А если они все заражены? — парировал Рино. — Откажешься помогать — я расстреляю всех прямо здесь, под окнами. Я не хочу рисковать. Я слишком люблю жизнь.

- Хорошо... Ладно... Не суетись. Я сделаю все, что надо.
- Тогда гони к «EN-2» и открывай вход.

**Суббота, 29 августа, 01:48 (UTC –4)
«EN-2», второй инженерный корпус
Лаборатория программирования**

Неоновые лампы изредка жужжали и цедили из-под потолка мягкий свет. Какая-то одна раздражающе мигала.

Трое мужчин и две женщины застыли у стены с заложенными за голову руками. Хедхантер держал их на прицеле своего «ремингтона».

Тимур возился с электрощитком, искал, где включается «кресло искупления». Изредка на него накатывали липкие волны паники. Украинец понимал, в каком шатком и неопределенном они положении. Ральф и Кацуро могли прятаться где угодно (он допускал, что канадец тоже заражен). Имея доступ к оружию, ключи от дверей, пароли от всех систем, эти двое, по сути, становились хозяевами положения. Перед глазами у Тимура то и дело всплывала безрадостная картина: канадец с молодым японцем врываются в зал и открывают шквальный огонь. Если среди припертых к стенке есть хотя бы двое инфицированных, им с Рино конец. С дробовиком и небольшим пистолетом они обречены.

В конце концов, когда он перепробовал две трети выключателей, попался нужный тумблер. Табло у кресла, над которым висел генератор магнитного поля, мигнуло синими цифрами. Лампочки возле зажимов на подлокотниках и передних ножках кресла засветились красным цветом.

— Готово, — тихо сказал Тимур, боясь выдать волнение, подступавшее к горлу.

— О'кей, — выдавил Рино.

Южноафриканец тоже волновался. Увидев это, Тимур пережил новый приступ тошноты. «Мы не справимся... — змеилось у него в голове. — Мы не сможем следить за всеми!» Парень подумал, что расстрелять всех пятерых было бы не самым худшим решением. Прикончить их, самым прыгнуть в джип и свалить к чертовой матери. Но тут же устыдился. Он сам мог стоять среди них, сконфуженный и перепуганный, не до конца понимая, что происходит.

— О'кей, — эхом повторил украинец, — с кого начнем?

— Тиану... бери ее первой, — круглые глазки Рино танцевали, как у безумного.

Двигаясь боком, Тимур переместился к креслу. Вот теперь начиналось самое трудное. Рино ничем не поможет, поскольку не будет сводить глаз с мужчин и женщин, стоящих у стены. Тимур должен самостоятельно усадить Тиану в кресло, закрыть зажимы на запястьях и щиколотках, а потом включить аппарат. А что, если женщина будет сопротивляться? Парень почувствовал, как ладони потеют, а пистолет тяжелеет, как будто все пустоты в нем заливает горячий свинец.

«Мы не справимся... не справимся! Их слишком много».

— Тиана, подойдите и сядьте в кресло. — сказал Тимур, его рот пересох, слова ломались и вылетали частями, острыми осколками.

Бразильянка всхлипнула, плечи у нее задрожали. Но с места не сдвинулась.

«Она на грани истерики, — подумал Тимур. — Или *делает вид*».

— Повернись лицом, стерва! — рявкнул из другого угла комнаты Рино. — Остальным — не двигаться!

Тиана повернулась. Остекленевшие бесцветные глаза, текущие по щекам слезы, всклокоченные седоватые волосы — она была похожа на сумасшедшую.

— Не опускай руки, — продолжал Хедхантер, — и делай все, что скажет украинец.

— Что вы задумали? — Голос бразильянки звучал неровно, как будто с помехами. Словно сквозь него что-то пробивалось.

Тимур судорожно сглотнул. Между лопатками появился колющий холод.

Она же прекрасно знает, для чего предназначено кресло. Неужели до сих пор не догадалась? Или это просто игра? Или это...

— Тиана, все, что от вас требуется, — сесть в кресло. Пожалуйста, — сказал Тимур.

Тиана, шаркая, пошла по направлению к Тимуру. Глаза ее вдруг ожили, и она прохрипела:

— Тимур, Тимур, опусти пистолет! Мы все тут сошли с ума. Зачем все это? Джепа нет, никто больше не держит тебя здесь... — Тиана прошла половину расстояния от стены до «кресла искупления». Держа ее на мушке, Тимур отступил назад. Взгляд женщины потускнел. — Я понимаю, что ты чувствуешь после смерти Джеффри и Алондры... после всех этих смертей... Я тоже хочу домой. Я так устала...

Вдруг Тиану затрясло. Ее глаза закатились. Она убрала руки с головы и вытянула их вперед. Не поворачивая «ремингтон», Рино краем глаза наблюдал за Тианой, чувствуя, как страх снова и снова ввинчивает ему в

задницу охлажденный почти до нуля Кельвинов штопор.

Тимур оцепенел, как будто залитый бетоном. Сомнения прожигали его насквозь. В отличие от Бекки, Тиана выглядела жалкой, измученной. От нее веяло отчаянием. Безумием. Но никак не опасностью. Но можно ли этому верить?

— Тиана, пожалуйста, просто сядьте в кресло, — неровным голосом повторил Тимур.

Алан, Оскар и Лаура повернулись — из-под оттопыренных локтей испуганно наблюдали за украинцем и бразильянкой. Только Готто послушно упирался носом в стену.

— Оставьте меня в покое, душегубы, — вдруг прошипела Тиана, взмахнула руками, резко подалась вперед и...

Следующие несколько секунд Тимур не дышал. Парень видел, как Тиана валится на него, вытянув вперед руки. Синие вены на пигментированной коже, выпученные и заплаканные глаза, перекошенный рот. В ушах зазвенело от внутреннего давления. Еще мгновение — и она дотянется, схватит его.

— Стреляй! — словно откуда-то издалека донесся крик Хедхантера.

Нельзя сказать, что Тимур принял какое-то решение. У него *было* время, но он *не хотел* думать. Он действовал спонтанно — закрыл глаза и нажал на спусковой крючок.

Сухо прозвучал выстрел. Кто-то из мужчин у стены тихо вскрикнул. Почти беззвучно тело Тианы распласталось на полу в полуметре от Тимура, из-под него, словно щупальца, расползлись струйки крови. Вторая расстрелянная им женщина за эту ночь. «Она просто споткнулась, — зазвучал злорадный внутренний голос, — ты убил невинного человека».

— Теперь ты, лягушатница, — Хедхантер показал дулом на Лауру.

— Не надо, — взмолилась девушка, едва шевеля землистыми губами.

Тимур не двигался. Вообще. И смотрел на тело мертвой бразильянки. Он как будто впал в кататонию^[113].

— Рино! Тимур! Что вы делаете? — не выдержав, закричал Алан.

— А ну закрой рот! — взбеленился Хедхантер и пальнул вверх.

Посыпались обломки подвесного потолка. Закрыв уши, Лаура осела. Штаерман, прикусив губу, сдерживал всхлипывания. Изнутри по штанинам его джинсов расползались два мокрых пятна. Чилиец обмочился.

— Отойди от стены! — приказал амбал Лауре.

Звучный выстрел дробовика вывел Тимура из оцепенения.

— Не стреляйте, я прошу, — трясясь, лепетала Дюпре.

— Садись в кресло! — неожиданно громко гаркнул Тимур. Ему

хотелось кричать во все горло, только бы заглушить этот мерзкий голос в голове: «Она не бросалась на тебя... она споткнулась... а ты выстрелил... выстрелил... выстрелил!»

Рино не без удивления покосился на украинца.

— Тимур, послушай, — Лаура развела руки в стороны, показывая, что не собирается делать двусмысленных движений; ее взгляд метался между украинцем и южноафриканцем, — вы не можете убить меня. Я знаю, как победить ботов. Я нашла их слабое место. Вы слышите меня? Я знаю...

— Она заговаривает тебе зубы, — хмуро процедил Хедхантер.

Украинец внимательно смотрел на девушку поверх «беретты».

— Они не отпустят нас, вы же знаете, — продолжала Лаура, задыхаясь. — Боты никого не выпустят из пустыни. Вернее, не боты, а это чудовище — психосущество. Надо уничтожить его, и только я знаю, как это сделать. Вы не посмеете прикончить меня. Застрелив меня, вы подпишете смертный приговор себе!

— Убей ее! — У Рино сдавали нервы. — Она херню несет!

— Рино, не кричи, — с явными металлическими нотками в голосе заговорил Тимур. Как это ни странно, смерть Тианы немного прояснила его голову. — Я сам разберусь. Лучше следи за остальными... Лаура, смертный приговор мы подписали, когда поставили подписи под контрактом с «NGF». Никто не собирается тебя убивать. Подойди к креслу и сядь в него.

Лаура покорно переступила через Тиану и села в «кресло искупления», вставив голову в нависающий над креслом металлический цилиндр. Тимур пристегнул ее к ножкам и подлокотникам кресла. Контрольные лампочки засветились успокаивающим зеленым цветом. Потом он включил аппарат. Из цилиндра, наполовину закрывающего лохматую голову девушки, донесся негромкий гул. Лаура выглядывала из-под «сушилки», как только что вылупившийся цыпленок из-под скорлупы. На ее растерянном лице не дрогнул ни один мускул. Только худые ноги била мелкая дрожь.

Прошло полминуты.

— Плющит ее там, нет? — забеспокоился Хедхантер.

— Ничего, — сообщил Тимур.

— Может, аппарат не работает?

Тимур поднес к цилиндру пистолет. Дуло тут же прилипло к нему.

— Да нет, работает. — Парень выпрямился. — Кажется, она чистая.

— Отпускай, — нехотя процедил Хедхантер.

Тимур выключил генератор и, нажав кнопки, отстегнул наручники.

Лаура гладила майку, не зная, что делать дальше.

— Вставай, чего расселась? — обратился Тимур к Лауре.

Еще не веря, что все закончилось, психиатр поднялась и встала за спиной у Тимура.

— Рино, — спокойно заговорил Алан, — я понял, что вы делаете. Я тоже чист. Проверьте меня. Только не стреляйте.

Хедхантер кивнул на кресло. Алан, демонстративно держа руки за головой, подошел, сел и сам застегнул браслеты на ногах и левой руке. Тимур пристегнул ему правую руку и включил магнитное поле.

— Как вы узнали, что кто-то из наших запустил в себя агентов? — Алан говорил спокойно, без напряжения.

— Никто не вводил нанороботов специально. — Тимур был почти уверен, что инженер не инфицирован, а потому отвечал на вопрос, хотя особого желания разговаривать у него не было. — Боты заразили экипаж, который вез Емельянова из Антофагасты.

— Это многое объясняет, — поднял брови Алан.

— Это объясняет все. Кроме того, сегодня ночью выяснилось, что эта фантастическая четверка успела заразить еще кое-кого. Вот нам и пришлось устроить инспекцию.

— Понимаю. — Алан окинул взглядом всех находившихся в лаборатории, отметил, что не хватает Емельянова, Кацуро, Ребекки и Ральфа, но вслух ничего не сказал.

Ничего не произошло, Алан прошел проверку. Осталось двое: Оскар Штаерман и Готто.

— Готто, — позвал Хедхантер. Гереро не отреагировал. — Давай в кресло.

Африканец опустил руки, повернулся и смиренно пошел к креслу. Близость Алана и Лауры придавала Тимуру уверенности. Возможно, чрезмерной уверенности.

Чернокожий наемник молча опустился в кресло. Тимур отвел правую руку с «береттой», а левой собирался вложить руку Готто в наручники. В последний момент Тимур отметил, что африканец держит руку как-то странно — над браслетами, не опуская ее вниз. Как будто колеблется. Тимур поднял глаза и... побледнел, увидев, что перед ним уже не Готто. Еще секунду назад лицо гереро было равнодушным. Глаза — спокойные и сдержанные. А уже сейчас на Тимура уставилось обезумевшее существо, белки глаз которого стали дьявольски черными от прихлынувшей крови.

Программист попробовал схватить Готто за предплечье, чтобы хоть одну руку приковать к стулу. Зарывав, монстр вскочил и врезал Тимуру в

челюсть. Парень плюхнулся на пол. Африканец выбил из руки Тимура пистолет и потянулся к его горлу.

Забыв о Штаермане, Рино направил «ремингтон» на своего вояку, но выстрелить не рискнул, так как мог убить троих: Готто, Алана и Тимура.

— Алан! — вскрикнул программист, призывая на помощь американца.

Гереро выпятил задницу и на четвереньках нависал над Тимуром, вцепившись в кадык. К счастью, Алан быстро сориентировался. Замахнувшись, как футболист, он сзади ударил Готто ногой в пах.

Боты ботами, а основных физиологических принципов никто не отменял. Если лицу мужского пола заехать в пах, реакция, как ни крути, будет предсказуемой. Что бы там ни засело у него в голове.

От удара из носа чудовища брызнули сопли. Африканец взревел и ослабил хватку. Тимур тут же сбросил его с себя, а Алан нанес ему второй удар ногой в живот. Из губастого рта вылетел хриплый кашель вперемешку с кровавой слюной. Украинец вскочил на ноги. Они с Аланом вдвоем схватили скорчившегося Готто, усадили его в кресло и застегнули браслеты на руках. Заковывать ноги не пытались: чернокожий брыкался и неистово рычал.

Тимур метнулся к пульту управления «креслом искупления». Ударил тыльной стороной ладони по кнопке пуска, а потом повернул регулятор «*N field*^[114]» до отметки «max».

Готто выгнулся, заскулил и вцепился в поручни, словно через него пропустили электрический ток. Напряглись все мышцы его тела. Из носа и сквозь стиснутые зубы хлынула кровь. Пуговицы на рубашке отлетели, и обнажилась грудь — кожа была густо покрыта гнойниками. Глаза Готто выпучились и вертелись независимо друг от друга. Скулеж постепенно перерастал в визг. Однако когда вой стал уже нестерпимым, он вдруг оборвался. Готто внезапно обмяк, словно сдулся. Мгновенную тишину в лаборатории нарушал только пчелиный гул магнитных катушек.

Тимур нажал кнопку выключения.

— Фу, — выдохнул Алан, проведя руками по лицу, — вот так номер.

Лаура Дюпре глуповато моргала и без конца утирала рот пальцами.

— Посмотрите, — несмело подходя к мертвому гереро, сказал Тимур.

Голова Готто приобрела грушевидную форму. Лоб и виски провалились, утончив верхнюю часть, а скулы и челюсти налились, как будто заплыли жиром. Прежние черты лица угадывались с трудом. Из-под век текла кровь. Тимур, преодолевая отвращение, прикоснулся к голове мертвеца. Лоб прогнулся, как будто был из ваты, а на месте прикосновения остался вогнутый след. «Груша» чавкнула и еще больше распухла внизу.

— Бе-е, — поморщился парень, показывая язык, — оно студенистое, как желе...

Голова стала мягкой, как сдутый футбольный мяч.

— Что с ним произошло? — поморщился Алан.

— Магнитное поле разъединило нанороботов. Прорваться наружу они не смогли, кости черепа смолотили в холодец, — объяснил Тимур.

— Уф-ф-ф, — поморщился американец.

Неожиданно их внимание отвлекло надрывное кваканье. Все вместе (и Рино в том числе) повернулись. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как Штаермана рвало прямо под себя. После чего от потерял сознание и упал там, где стоял.

— Ну, что тут скажешь, — развел руками Хедхантер, — идиот.

— Будем его проверять? — бросил взгляд на южноафриканца Тимур.

— Давай, для проформы.

Рино и Алан перетаскивали бесчувственного Штаермана в кресло, а Тимур надвинул ему на голову цилиндр и включил аппарат. Реакции не было, голова осталась твердой.

— Чист.

— Теперь надо найти Ральфа и Такеду, — потер руки амбал.

— А Емельянов? — поинтересовался Алан.

— Он свое отбегал. Вернемся в «DW», покажу его голову.

— А Бекка?

— Ее пристрелил Тимур.

Алана передернуло. Тимур опустил голову, запустив пальцы в волосы. И только тогда его начало трясти. Парень подумал, что может упасть, если сейчас же не сядет. Куда бы он не поворачивал голову, его взгляд на пару секунд, как магнитом, тянуло обратно к мертвой Тиане Эмерсон.

Рино взял Тимура за плечо. Сдавил больно, подождал, пока боль приведет парня в чувство. А потом повернулся к Лауре:

— Эй, лягушатница, — Хедхантер сверкнул глазами, — ты сказала, что знаешь, как вправить ботам мозги?

Девушка выпрямилась, попутно поправив майку и трусики, и с какой-то гротескной, почти идиотской готовностью выпалила:

— Fuck yeah!

Суббота, 29 августа, 03:00 (UTC –4)
«EN-2», второй инженерный корпус
Лаборатория программирования

— Если будет непонятно, вы меня останавливайте.

Рино, Алан и Тимур окружили Лауру. Девушка пришла в себя и заговорила с неотъемлемым апломбом, присущим всем, кто чувствует себя умнее окружающих, стараясь не обращать внимания на то, что стоит перед слушателями в трусах и майке:

— У всех позвоночных, то есть у организмов, обладающих нервной системой, в головном мозге находится так называемый центр удовольствия.

Алан кивнул. Это было хорошо известно. Лаура продолжала:

— Двух ученых, Олдса и Милнера, интересовал вопрос, будут ли чувствовать подопытные крысы дискомфорт при электрической стимуляции определенных участков мозга.

— Лаура, ближе к сути.

— Алан, не перебивай! Это и есть суть! Так вот, эти нейрофизиологи проводили электростимуляцию мозга у крыс и придумали интересный эксперимент: напряжение подавалось тогда, когда крысы забежали в определенный угол клетки. Если бы следствием электрической стимуляции был дискомфорт, крысы должны были бы избегать этого угла. На деле все получилось наоборот: они быстро возвращались после первой стимуляции и еще быстрее после второй. В более поздних экспериментах Олдс и Милнер осуществили вживление электрода в ядро лимбической системы и позволили крысам нажимать на механический выключатель, который инициировал стимуляцию. В результате зверьки начали стимулировать себя по 700 раз в час.

— Дрочеры, — прокомментировал Хедхантер.

— Точно! — кивнула Лаура. — Предоставленная самой себе крыса, забыв о еде и отдыхе, без конца жала на выключатель и в результате умирала от истощения.

Лаура обвела сосредоточенные лица победным взглядом.

— И что? — изобразил удивление Рино.

— Если крысе дать выбор между стимулированием центра

удовольствия и едой, она будет стимулировать центр удовольствия, пока не сдохнет.

— С ботами так не получится, — со вздохом сказал Тимур. — Реализованный Хортом алгоритм обработки макросов следит за потоками, запускаемыми в мозговых платах. Он блокирует процессы, которые могут представлять для бота угрозу. Нечто вроде антивируса в обычном компьютере. Я не могу утверждать точно. Но я уверен, что эта система контроля за макросами не даст запустить код, содержащий бесконечный цикл.

Психиатр в сердцах ударила себя по голому бедру.

— Ты не понял, Тимур, не нужно никаких циклов!

— А как же тогда ты собираешься реализовывать непрерывную стимуляцию центра удовольствия?

— Мне необходима программа, или модуль, или как там оно называется, который боты могли бы запускать сами, — объяснила Лаура.

— Типа обычного макроса? — переспросил Тимур.

— Точно, макрос! Макрос, который бы выполнял *разовую* стимуляцию центра удовольствия, а потом выключался. Разовую! Слышишь меня, Тимур? Не надо зацикливаний. Нужна только возможность доставить удовольствие. А бесконечный цикл боты создадут сами. Как крысы.

Тимур почувствовал, как где-то в недрах живота как будто кто-то щелкнул зажигалкой, — у него появилась надежда.

— Боты — не крысы, — все еще сомневался Алан. — Ты уверена, что они будут реагировать так же, как грызуны в эксперименте?

— Уверена, — отрезала Лаура. — Во-первых, вспомни расстрел, устроенный Хедхантером: боты понимали смертельную угрозу, но не отрывались от экрана. А во-вторых...

— А во-вторых, мы можем это легко проверить, — снова вступил в разговор Тимур. — Здесь есть «кресло удовольствия», где ботов уже стимулировали, награждая за успехи. Надо дать боту доступ к пульту управления. Если он поймет и начнет стимулировать сам себя, значит, все может получиться.

Программисты — особенный народ. Постороннему наблюдателю может показаться странным, что парень, который четверть часа назад находился на грани нервного срыва, так быстро пришел в себя. На самом деле в этом нет ничего удивительного. Программисты отличаются от других людей. Когда они берутся за решение задачи, ничего больше не имеет значения. Они садятся за написание программы с таким рвением, как

будто от правильно прописанного и структурированного кода зависит судьба Вселенной. У программистов другой мир. С собственным сленгом, специфическими шутками и весьма своеобразными ценностями.

— Я все равно не догоняю, — упирался американец. — А что потом?

— Затем я создаю утилиту, которая стимулирует центр удовольствия, — разволновавшись, затараторил Тимур, — компилирую ее на мозговые платы бота. После этого остается отправить его к другим «малышам» — делиться опытом.

— Да, — в очередной раз кивнула головой Лаура и добавила: — Если не сработает, я имею в виду — передача стимулятора с одного процессора на другой, достаточно отвезти нескольких ботов в пустыню к беглецам. И все! Смерть в сладких муках через три дня им обеспечена.

— А зачем отвозить? — спросил Алан. — Они же между собой контактируют.

— Через психосущество — да. Но оно не может обеспечить передачу программного кода. Или не хочет. Что, в принципе, одно и то же. Для того чтобы программа перешла с одного процессора на другой, боты должны находиться не дальше, чем за 800 — 900 метров друг от друга.

Хедхантер отправился в «ясли» и приволок оттуда бота. Его усадили в кресло и подключили электроды. Тимур знал, что и куда подсоединять, так как не раз наблюдал эту процедуру на видео.

Однако когда дошло до запуска стимуляции, дело застопорилось. Перед украинцем был огромный пульт с кнопками, регуляторами и индикаторами. Он видел, как процедуру включали, но не знал, что именно для этого нужно нажимать.

— Мне нужна помощь, — объявил Тимур. — Я не знаю, как его включить.

Алан довольно быстро запустил питание системы, отыскав выключатель с надписью «PWR». Дальше дело застопорилось снова. Проблема заключалась в том, что все элементы управления были подписаны сокращенно. Даже поиск тумблера «PWR» (POWER) занял несколько минут.

Прошло еще немного времени.

— Кажется, это оно, — Лаура указала пальцем на кнопку с надписью «DLGHT»^[115].

— «Ди-эль-джи-эйч-ти»? — медленно читал Тимур. — Это что?

Психиатр улыбнулась:

— Ты никогда не разгадывал ребусов? DELIGHT. Это delight, приятель.

— И правда.

Тимур перевел взгляд на бота. «Малыш» сидел, безвольно свесив руки и уткнувшись подбородком в грудь.

— Запускать? — парень по очереди посмотрел на француженку и американца (Рино держался поодаль, наблюдая за происходящим с подозрением).

— Давай, — тряхнула головой Лаура.

Тимур нажал кнопку. Клавиша подсветилась оранжевым цветом. Как только парень убрал палец, кнопка отжалась и подсветка исчезла. Тимур нажал во второй раз, теперь уже удерживая кнопку нажатой. Что-то тихо загудело под пультом. В ту же секунду бот обмяк и стал... каким-то бесформенным, глаза закатились, веки задрожали.

— Работает, — завороченно прошептал Алан Гринлон.

— Ага, — не отрывая взгляда от «малыша», сказал Тимур. — Похоже на то.

Бот покраснел, время от времени тихо постанывал. Ладони возбужденно скользили по ногам.

Программист отпустил клавишу. Она вернулась в исходное положение, снова став серой. Бот вздрогнул. Глаза вернулись в обычное положение, а тело напряглось. При этом мальчика не переставало трясти. Он растерянно вертел головой и по-собачьи покашливал.

И вдруг начал скулить.

— Просит добавки, — прокомментировала Лаура.

— Еще?

— Давай.

Тимур охотно повторил стимуляцию. Бот опять расслабился и застонал.

— Теперь его надо пересадить за пульт. — Тимур снял руку с кнопки. — Дать доступ к клавише.

— Но тогда он не будет пристегнут, — без восторга отозвался Рино.

— А иначе он не сможет сам запустить стимуляцию, — пожал плечами Тимур.

— Нас четверо, — заметил Алан, — в случае чего справимся.

Хедхантер вздохнул:

— Ладно. Но вдруг что — я сразу стреляю.

Тимур снял электроды с головы бота, и Алан и Рино взяли того под руки и усадили в кресло напротив пульта. Здесь когда-то сидел Вадим Хорт.

Бот приходил в себя, настороженно поглядывая на Лауру и мужчин.

Хмурый блеск в его глазах не предвещал ничего хорошего. Рино держался рядом, готовый при первой необходимости послать мальчика в нокаут или вообще расстрелять его.

Боту опять надели на голову электроды. Тимур снова взял пульт, убедился, что бот наблюдает за ним, и нажал кнопку. Все повторилось. Тимур отпустил кнопку, дождался, когда бот придет в себя, и вложил пульт ему в руку. Бот сразу же нажал на кнопку и удерживал ее в таком положении несколько секунд, пока волна наслаждения не расслабила его руку. Пару секунд бот отдыхал, а потом снова нажал на кнопку. И все повторилось. В какой-то момент Лаура подергала его за плечо, за нос, потом с размаху дала пощечину — реакции не было. Для бота уже не существовало ничего, кроме волшебной, приносящей кайф кнопки.

— Можно его здесь и оставить, он уже не встанет с кресла до самой смерти, — с удовлетворением констатировала Лаура.

Суббота, 29 августа, 04:16 (UTC –4)
«EN-2», второй инженерный корпус

— Я начну работать над программой прямо сейчас: все равно не засну,
— сказал Тимур.

— Сколько тебе нужно времени? — спросила Лаура.

— Думаю, нескольких часов хватит.

— Ты справишься так быстро?

— Это простая процедура. Кроме того, я успел хорошо разобраться в командах мозгового компилятора.

— Тогда за работу!

Тимур перелопатил уже достаточно отрывков программного кода, чтобы понимать принципы программирования ботов. Кроме того, в его распоряжении было руководство, составленное в свое время Джепом, Хортом и другими работавшими в «NGF Lab» программистами. Поэтому он без особого труда прорисовал в голове алгоритм и за два часа до рассвета приступил к реализации.

Прежде всего создавался экземпляр класса `nfBrainAction`. Тимур назвал его `Operation`. Следующим объявлялся экземпляр класса `nfImpact`. Он инициировался функцией `NewImpact ()`, которая вызывалась из `Operation`. На этом этапе Тимур получал доступ к мозгу, выходил за пределы мозгового процессора. Затем задавались тип операции (`om_Stimulation` — стимуляция, а не считывание импульсов) и часть головного мозга, в которой будет проходить стимуляция (`LIMBUS` — лимбическая система). В переменную `Coordinates` типа `nfImpactCoordinates` записывались координаты будущей стимуляции — `HYPOTHALAMUS` — гипоталамус. Куда посылать импульсы, определила Лаура; именно в гипоталамусе находится центр удовольствия. Параметры импульсов настраивались в структуре `Imparam` (типа `nfImpactParam`). Туда передавались значения интенсивности (`ii_Normal` — средняя) и интервала, через который будут запускаться импульсы (100 миллисекунд). Рабочая часть программы складывалась из конечного цикла. Шестьсот раз вызывалась функция `Delight.Activate ()`. Учитывая заданный интервал, стимуляция должна была продолжаться 60 секунд.

В самом конце психиатр посоветовала добавить функцию

Imparam.HormoneCheckupOn (). Собственно, функцию выбирал Тимур. Лаура только объяснила физический принцип, который был заложен в программу и без которого стимулятор, вероятнее всего, работать не будет. Дело в том, что за чувственное удовольствие у человека отвечает дофамин — гормон, который вырабатывается мозговым веществом надпочечных желез, а также многими другими органами. Этот гормон действует непосредственно на центр удовольствия. Большинство наркотиков увеличивают поток дофамина в 5 — 10 раз, давая возможность людям, их принимающим, получать удовольствие. Так, амфетамин напрямую увеличивает выброс дофамина, влияя на механизм его транспортировки. Кокаин блокирует механизмы обратного захвата дофамина, увеличивая его концентрацию в синаптическом пространстве. Алкоголь нейтрализует действие антагонистов^[116] дофамина. Если наркоман продолжает стимулировать центр удовольствия, мозг адаптируется к искусственному повышению уровня дофамина, тормозя производство гормона и уменьшая количество рецепторов, на него реагирующих. Дальнейшее развитие химической толерантности приводит к необратимым изменениям в нейронах. Удовольствие притупляется, а со временем исчезает совсем. Найденная Тимуром функция HormoneCheckupOn () позволяла «выключать» проверку любого гормона, заставляя мозг игнорировать пагубное влияние на организм. Таким образом Тимур и Лаура застраховались от того, что мозг ботов может адаптироваться к большой концентрации дофамина (hc_Dopamine).

Окончательно функция стимуляции приобрела следующий вид:

```

nfBrainAction      Operation      (System.GetOperation
(NEW_DIRECT_ACTION));
    if (!Operation.m_lpDispatch) return;

    nfImpact          Delight          (Operation.NewImpact
(BRAIN_GLOBAL_PENETRATION));
    if (Delight.m_lpDispatch!
    {
        Delight.SetOperationMode (om_Stimulation, TRUE);
        Delight.SubGlobalTarget (LIMBUS);
        nfImpactCoordinates      Coordinates      (Delight.GetPosition
(HYPOTHALAMUS));
        if (Coordinates.m_lpDispatch)
        {

```

```

    Delight.SetTargetCoordinates (Coordinates);
    Delight.SetOperationType (ot_Pulse, ot_Point);
    nfImpactParam                                Imparam
(Delight.GetImpactParamDefinition());
    if (Imparam.m_lpDispatch)
    {
        Imparam.SetImpulseIntensity (ii_Normal);
        Imparam.HormoneCheckupOn (hc_Dopamine, FALSE);
        Imparam.SetInterval (100);
        Imparam.Update ();
    }
    else return;
    for (int i=0; i<=600; i++) Delight.Activate ();
    Clear ();
}

```

В 7:45 субботним утром бота, который до этого времени непрерывно развлекался с кнопкой «DLGHT», оторвали от пульта. «Малыш» долго приходил в себя. Его лихорадило.

Успокоившись, бот вернулся в депрессивное, полукататоническое состояние.

Тимур таращился на экран, на котором зависло сообщение. Секунды шли, но с ботом ничего не происходило. Время от времени он отключался, погружаясь в тяжелую дремоту. Потом просыпался и тянулся пальцами к пульта, на котором светилась кнопка «DLGHT».

— Ну, давай... давай же... — шептал Тимур. От напряжения у парня на висках выступили капли пота. — Запускай, ну... Догадайся!

После прекращения стимуляции у бота упало артериальное давление, началась брадикардия. Никто не знал доподлинно, то ли он дремлет, то ли теряет сознание.

Прошло несколько минут. Тимур повторил компиляцию. Процедура заново записалась на мозговой плате. И опять успешно — процессор принял код. Тем не менее бот не запускал модуль. Он или не понимал, или не хотел его активировать.

Алан и Хедхантер искоса поглядывали на Тимура.

— Я думаю, ему нужно время, — растерянно пробормотал программист. Хотя он подозревал, что проблема не во времени. Возможно, бот не может построить логическую цепочку «стимуляция — кнопка

“DLGHT” — запрет пользоваться кнопкой — запись процедуры». — Он просто не улавливает суть процедуры.

— Попробуй добавить команду на самозапуск после компиляции, — предложил Алан.

Тимур вставил перед телом основной процедуры системную функцию — SetAutoRun (). Она автоматически запускала модуль на выполнение сразу после компиляции. И попробовал скомпилировать измененный код.

Результат получился ожидаемый. Реализованный Хортом функционал по обработке макросов заблокировал компиляцию. На информационной панели появился красный восклицательный знак и надпись: **COMPILATION FAILED! ERROR 117: INVALID DESCRIPTOR.**

— Оно не хочет компилироваться, — стиснув зубы, произнес Тимур.

— Вижу, — помрачнел Алан.

— Что означает эта ошибка? — ткнула пальцем в экран Лаура.

— INVALID DESCRIPTOR — неправильный указатель на функцию или процедуру. Компилятор не может затолкнуть в голову бота функцию SetAutoRun (). Соответственно, остальной код тоже остается не скомпилированным.

— И что теперь? — спросил из-за их спин Хедхантер.

— Только ждать, — сказал программист. — Ждать, пока бот сам не запустит стимулятор. Выбора у нас нет.

Рино Хедхантер встал и покинул лабораторию. Выйдя из здания «EN-2», амбал потряс сигареты в последней пачке. Осталось пять. Больше в этом чертовом лабораторном комплексе не найти ни крошки табака. Вдохнув, Рино достал одну и закурил.

Подопытного бота переместили в изолятор по настоянию Рино. С помощью камер за ним постоянно следили.

Решили, что для наблюдения за ним кто-то будет постоянно находиться во втором корпусе. Установление дежурства не было простой формальностью. Уцелевшие участники проекта держались вместе, после рассвета перебравшись в жилой корпус. Изредка кто-то мотался в складское помещение, чтобы набрать продуктов, и тут же возвращался назад. Никто не хотел засиживаться в «EN-2». Из опустевших коридоров веяло невидимой опасностью.

Первой наблюдать за ботом осталась Лаура. Через два часа ее сменил Алан. В полдень на пост заступил Хедхантер, которого в два часа дня сменил Штаерман.

Время шло. Субботний день плавно перетекал в вечер. Бот, скрестив ноги по-турецки, сидел на полу изолятора, безразлично уставившись в стену. Его жизненные показатели нормализовались. Давление выравнилось, пульс вырос до 80 ударов в минуту. Иногда он начинал подвывать, но процедуру упорно не запускал...

В 16:00 подошла очередь Тимура отправляться в «EN-2». Штаерману оставалось дежурить считанные минуты. Свои два часа чилиец просидел в одиночестве, ни с кем не разговаривая.

За минуту до того, как пойти в лаборатории программирования, Тимур слонялся по комнате отдыха. В глубине зала разговаривали Алан и Лаура. Неподалеку, положив ноги на столик, похрапывал Рино. Тимур невзначай оказался у окна. Яркий свет из пустыни не несколько секунд ослепил его. Когда глаза адаптировались, Тимур от удивления открыл рот:

— Куда он идет?! Смотрите! — громко сказал он. — Это Штаерман! Он в пустыне!

— Что?! Оставил свой пост?! — Хедхантер бросился к окну. Следом подошли американец и французенка.

Ворота напротив жилого корпуса были открыты. Оскар, выйдя за ограду, удалялся в пустыню.

— Идиот, — процедил Хедхантер. — Оставил ворота открытыми.

Безвольно опустив голову и еле переставляя ноги, Штаерман шел по прямой. Руки его безжизненно висели вдоль корпуса.

— Что с ним? — повернулся к Хедхантеру Тимур. — Что он там

забыл?

— Лаура, — скомандовал Хедхантер, — остаешься здесь. Остальные за мной.

Взяв ружья, Алан и Тимур поспешили следом за Хедхантером.

Когда Рино прибежал к воротам, силуэт Оскара едва просматривался сквозь дрожащее студенистое марево, которое брезжило над разогретыми песками.

— Он бросил электронный ключ в замке, — удивился Алан.

Магнитная карточка Штаермана торчала в щели электронного замка.

— Что он задумал? — недоумевал Тимур. — Он же не заражен. Мы его проверяли.

— Ничего он не задумал. — Хедхантер вынул из замка карточку и положил ее себе в карман.

— Тогда что он делает? Он ушел, не взяв ключ. Это безумие.

— Вот ты и сам ответил на свой вопрос, — хмыкнул Хедхантер. — Это безумие... Такое случается. Я видел много ребят, которым срывало крышу, и они... просто уходили. Постоянное напряжение, отсутствие нормального сна — не все такое выдерживают. В какой-то момент солдафон ни с того ни с сего поднимается и плетется куда глаза глядят. Иногда прямо под автоматы противника. Было много таких случаев во время вторжения американцев в Ирак.

Штаерман удалялся. Над холмами виднелись только голова и плечи.

— Его надо вернуть, — неуверенно предложил Алан.

— Хочешь отправиться за ним, фелла? — уточнил Хедхантер. — Хорошо. Мы подождем здесь.

Силуэт Оскара сжался в дрожащее пятно. Иногда он исчезал из поля зрения. Алан коснулся лысины и смущенно отвел взгляд. Хедхантер закрыл ворота.

— А если он вернется? — неуверенно спросил Тимур. Догонять Оскара он не собирался. — Он же не сможет зайти.

— Ты не понял, фелла? — покосился на украинца амбал. — Наш фронт больше не вернется. У него поехала крыша. Окончательно и бесповоротно.

После этих слов силуэт чилийца слился с пустыней. Больше никто никогда не встречал Оскара Штаермана. Его забрала Атакама.

В ночь с субботы на воскресенье ничего не случилось. Бот находился в прежнем состоянии.

Лаура и мужчины на скорую руку позавтракали, стараясь не смотреть друг другу в глаза, каждый сам по себе борясь с отчаянием.

В этот день Тимур и Лаура решили изменить тактику. В 9:30 бота перевели назад в лабораторию программирования. Прикрепив на голову электроды, ему искусственно стимулировали центр удовольствия, после чего Тимур заново компилировал на мозговые платы свою программу. Таким образом до «малыша» пытались донести, что, активируя модуль, он сможет возбуждать сам себя.

К сожалению, эти попытки ни к чему не привели. Бот отказывался запускать скомпилированную программу. В конце концов его забрали из изолятора и перевели в «ясли». Тимур надеялся, что в более спокойных условиях бот все же надумает активировать процедуру или же стимулятор скопирует и запустит из своей головы какой-нибудь другой, более любопытный и менее боязливый «малыш».

Все напрасно. Большая стрелка часов продолжала наматывать круги, а результатов не было никаких. Нужно было придумывать что-то новое. И очень быстро. Тимур пытался, однако, как только он начинал концентрироваться, мысли разлетались, как осколки после взрыва.

Просидев вторую ночь без нормального сна, Тимур чувствовал, что начинает сходить с ума. Уход Оскара Штаермана больше не казался ему киношным жестом.

Воскресенье, 30 августа, 18:20 (UTC –4)

«DW», жилой корпус

Напрасное ожидание во втором инженерном корпусе быстро надоело. Тимур перебрался в жилое здание, поднялся в зал совещаний. Тимур включил переговорное устройство, через которое они общались с психосуществом. Передатчик отозвался мерным гудением, а на экране всплыло подтверждение того, что связь установлена.

Какое-то время Тимур ждал, не желая начинать разговор первым. Шли минуты, курсор мигал на исходной позиции. Наконец, Тимур решился:

| ► Ты здесь?

И нажал «Enter». курсор переместился вниз, но больше на экране ничего не изменилось. Психосущество не отзывалось.

— Как знаешь, — устало произнес Тимур.

«Может, это и к лучшему», — подумал он.

Тимур осмотрелся. Кроме него, в главном зале никого не было. Его коллеги собрались в комнате отдыха на втором этаже.

Тимур сел за основной компьютер, к которому раньше имели доступ только Джеп, Ральф и Такеда, и запустил его. Попробовал выйти в Интернет. Удалось. Сразу же зашел в свою почту. В папке «Входящие» набралось 138 новых писем. Многовато, даже если учесть, что он не заглядывал сюда уже две недели.

Когда открылся список писем, Тимур понял, почему их так много — почти треть пришла от Алины. В графе «Тема» Алина каждый раз указывала номер своего письма. Всего их было сорок три.

У Тимура потеплело на душе. Он стал открывать и читать подряд все ее письма. Читал с наслаждением. Даже откровенно обидные письма ему приносили радость. Он понимал, что чувствует Алина.

Сорок три письма! Они свидетельствовали о том, что где-то далеко за океаном все еще есть нормальный мир, в котором его ждут дом, друзья, любимая.

Последнее письмо было отправлено поздно вечером 26 августа. Оно было пустым.

Тимур уже собрался писать ответ, когда вдруг заметил еще одно, последнее письмо от Алины, датированное 28 августа. В графе «Тема» стояли три точки.

От: SeaFlower

Кому: Tym_the_Botfucker

Тема: ...

Время: 13:33 28AUG

Привет!

Продолжаешь меня игнорировать?

Возможно, тебе неинтересно и ты больше не напишешь. Но все же... Вчера я встречалась с Денисом. Ты должен его помнить. Юрист. Он словно почувствовал, что ты исчез. И мы чудесно провели время. Я даже не ожидала. Он такой милый. Во всяком случае, он отвечает, когда к нему обращаются.

Но все равно. Поскольку ты не отвечаешь, я больше не буду писать.

Удачи тебе, Тимур...

Прощай.

Алина

В одну секунду сладкая благодать утонула в волне черной ярости. Тимур сжал челюсти так, что заскрипели зубы. Он не почувствовал обиды или разочарования. Только неудержимую ярость. Мечты о нормальном мире растаяли. Злость пожирала его. Тимур в сердцах ударил кулаком по клавиатуре. На глаза наворачивались слезы. Парень пересилил себя, не дав им пролиться, но дыхание периодически срывалось. За две недели его идеальная жизнь превратилась в зловонный ад. Теперь он ненавидел весь мир. А больше всего — себя. За то, что, позарившись на большие деньги, поехал в Атакаму.

Впрочем, злость быстро прошла. Она унеслась, как поток грязи во время ливня, оставив после себя страшные разрушения. Что-то оборвалось у Тимура внутри. В груди ничего не осталось. Парень чувствовал себя бесплотным призраком. Без эмоций, без мыслей, без желаний.

Он поднялся, побрел, как лунатик, в спальное крыло, завалился на кровать и попробовал уснуть.

Но сон не приходил. Щеки пылали. В затылке полыхала беспокойная боль.

**Понедельник, 31 августа, 09:10 (UTC –4)
«DW», жилой корпус**

Разглядывание мелочей спасало. Помогало не смотреть в собственные глаза.

Тимур чистил зубы, отчужденно рассматривая в зеркале мешки под глазами, впалые щеки и трехдневную примятую щетину. Наверху, в макушке, в самой высокой точке тела, засела боль, медленно расплываясь, заполняя холодными ручьями в уши, в виски и лоб. Каждый удар сердца волной прокатывался до самых пяток.

Тимур не спал третьи сутки подряд.

Последний раз парень ощущал нечто подобное на третьем курсе в КПИ, накачавшись «Red Bull’ом» во время зимней сессии. Он устроился на работу программистом и, ясное дело, забросил учебу, справедливо решив, что навыки инженера вряд ли понадобятся ему в будущем. Тогда, после четырех банок этого проклятого энергетика сердце неистово скакало, как будто собиралось выдолбить в груди дыру, а башку изнутри распирало так, что, казалось, стоит только напрячься, чтобы пукнуть, и ее разнесет к чертовой матери (новогодняя хлопушка: разноцветное «ба-бах!» — и мозги летят вместо конфетти).

В субботу, после первой бессонной ночи, было легче — его отвлекала работа. Поглощенный решением задачи, мозг не мог отключиться. Ответственность и напряжение удерживали сознание на плаву. Но после того как программа была написана и загружена в голову бота, Тимур стал пассивным наблюдателем. От него больше ничего не зависело. Оставалось ждать.

Он попробовал уснуть, но не смог.

В воскресенье, после того как он прочел последнее письмо Алины, стало еще хуже. Прокручивая в голове один и тот же момент, парень провалился до рассвета с открытыми глазами. Несмотря на усталость, заснуть не удалось и следующей ночью. Стоило только закрыть глаза, как перед ними всплывала одна и та же картина, от которой тошнило, а тело становилось похожим на размоченную туалетную бумагу. Это было не нервное напряжение. Не опасение, что стимулятор не сработает. И даже не страх смерти. Что ни говорите, а боязнь умереть не способна удерживать

человека от сна семьдесят два часа подряд. Было что-то еще. Другое. Более страшное. В конце концов, умереть — это не так уж и страшно. Гораздо хуже жить, осознавая, что...

Набитый белой пеной рот Тимура перекосился. Парень понял, что смотрит себе в глаза. Как удав, он вцепился в собственные зрачки, которые устало поблескивали в зеркале. Хотелось плакать, но глаза были сухими, как натертые шерстью стеклянные шарики. По губам поползло что-то розовое: погрузившись в раздумья, он поцарапал десну. Его лицо перекосило еще больше. Хватит! Так нельзя. У человека в голове есть, без сомнения, не только центр удовольствия, но и центр самоистязания. Если этот центр не отключить, можно сойти с ума. Или сдохнуть.

Он просто должен узнать.

Злобно сплюнув порозовевшую пену в раковину, Тимур вытерся полотенцем, быстро оделся и пошел к выходу из корпуса «DW».

— Ты куда? — окликнула украинца Лаура, когда тот проходил мимо столовой.

Тимур заглянул в дверь. Лаура готовила на завтрак яичницу с сосисками. Сосиски пережарились и воняли горелым на всю кухню.

— Мне нужны пропускные карточки от «EN-2». От входа и от лаборатории.

Лаура махнула головой, указывая на противоположную сторону мраморной столешницы. Карабин с электронными карточками доступа лежал рядом со стойкой для тарелок.

— А зачем тебе? — психиатр оторвалась от сковородки и уставилась Тимуру в лицо. В данный момент украинец выглядел так, как будто собирался на конкурс красоты среди мертвецов, имея все шансы на титул «Мистер Мертвецкая Рожа».

— Хочу кое-что посмотреть, — буркнул Тимур, уклоняясь от ответа.

— С тобой все в порядке?

— Да.

— Чувак, ты дерьмово выглядишь.

Забирая ключи со столешницы, украинец не ответил.

— Как знаешь, — пожала плечами Лаура. — Мы в восемь часов были там с Хедхантером.

Тимур остановился и вопросительно поднял брови. Уставившись в коричневую субстанцию на сковородке, Лаура Дюпре покачала головой:

— Пока что без изменений. Мы подумали, может, их кормить больше, а то они голодные и поэтому не могут... — Девушка запнулась, заметив, что украинец ее больше не слушает и направляется к выходу. — Эй, будь

осторожен! — крикнула она вслед. — Рино улегся спать, ты же знаешь. — Лаура хотела добавить еще кое-что, но решила лишний раз не пугать Тимура. И без того парень выглядел как пациент, только что сбежавший из реанимации.

Воздух снаружи еще не прогрелся, и прохладный ветерок окутал Тимура сухим саваном, на миг уняв стук в висках, вызванный бессонными ночами. Но жесткий шорох, неумолчно доносившийся из пустыни, как наждак, царапал нервы. Всякий, кто хоть раз не спал трое суток, имеет представление о гипертрофированном восприятии реальности.

Быстро добравшись до корпуса «EN-2», парень нырнул внутрь. Не заходя в «ясли» (боты в тот момент интересовали его меньше всего), сразу направился в лабораторию программирования.

В громадном, битком набитом электроникой зале появились первые признаки запустения. На потолке аритмично мигали уже несколько ламп. Две вообще не включились. Из вентиляции долетало прерывистое буханье, похожее на кашель. Что-то случилось с рекуператором^[117]. Столы, пол и бóльшую часть аппаратуры покрыл слой серой пыли. Кое-где чернели следы крови, у стены виднелись засохшие остатки рвоты Оскара. В воздухе смешались запах мочи и кислый душок гнилья. За несколько дней высокотехнологический центр превратился в подобие заброшенного подвала.

В углу лаборатории, прикрытые брезентом, остались лежать тела Готто и Тианы. Никто не позаботился о том, чтобы предать их земле или оттащить в холодильник. В воздухе уже чувствовался сильный трупный запах.

Войдя в зал, Тимур побледнел. В лицо бил кисло-сладкий запах мертвечины. Сглотнув слюну, парень направился к телам. Присел на одно колено и поднял брезент.

Глаза Тианы выпучились на него. Живот женщины вздулся от трупных газов. Шея, скулы и руки приобрели темно-синий оттенок.

Превозмогая позывы к рвоте, Тимур подхватил Тиану под руки и отволол ее к «креслу искупления». Кое-как усадив труп, он надвинул ему на голову шлем и включил аппарат.

Подождал целую минуту. Почувствовал, как, холодея, немеют его руки. А потом выключил магнитное поле.

Тиана, неестественно склонив голову и развесив руки, таращилась на него мертвыми глазами. Тимур медленно поднял палец и притронулся ко лбу женщины.

Лоб был холодным и *твердым*! Тимур отшатнулся и вдруг заплакал.

Он рыдал так, как никогда раньше. Сомнений не осталось: Тиана не была заражена нанороботами. Скорее всего, у нее просто был нервный срыв, что, учитывая стрессовые условия на протяжении последних двух недель, выглядело вполне правдоподобно. Но она была *чистой*.

Тимур опустился на пол, поджав ноги и обхватив колени руками. Сдерживать рыдания не удавалось. Снова и снова грудь содрогалась, слезы и слюна вылетали из ноздрей и изо рта, прилипая к джинсам. Глаза застилал влажный туман. Парень смотрел на мир, как будто сквозь запотевшее стекло машины.

Как вдруг послышался звук чьих-то шагов. Тимур повернулся к выходу. Сквозь поволоку в глазах он увидел: за порогом кто-то стоит и молча смотрит на него. Нечеткий художавый силуэт.

— Лаура, — всхлипнул Тимур, не понимая, что говорит по-украински. — Я убил ее ни за что... Господи... Я не хотел этого...

Конечно это Лаура. Кто же еще? Силуэт был не таким широким, как Рино, и не таким высоким, как Алан. Психиатр пришла следом, чтобы утешить его. Исполненный благодарности, Тимур поднялся (в тот момент он как никогда нуждался в поддержке) и только тогда смахнул слезы. Взгляд прояснился, комната выплыла из влажной мглы, а сердце... подскочило до самого горла.

В дверях, отрезая единственный путь к отступлению, стоял Кацуро Такеда.

В аду Эль-Татио

Понедельник, 31 августа, 08:03 (UTC –6)
Авиабазы «Уайтмен»
3 км к югу от Кноб-Ностер, Миссури, США

День выдался просто сказочный. Тихий, безветренный, в небе над авиабазой — ни облачка. Как говорят пилоты, видимость — неограниченная.

Старый военный авиатанкер «KC-130 Hercules» с характерным «медвежьим» носом и широченным стабилизатором выруливал на взлетную полосу. В кабине находились командир воздушного судна майор ВВС Сэмюэл Нортон, второй пилот капитан Дэн Рейнольдс и ответственный за дозаправку в воздухе механик Стив Левандовски.

Из башни управления полетами, находящейся неподалеку от взлетной полосы, за самолетом наблюдал генерал-лейтенант Фрэнк Клотц. В последнее время он боялся, что поседеет. После детальных расчетов выяснилось, что максимальной дальности полета заправщика «KC-130» (5250 км) недостаточно для проведения операции. Воздушный танкер дотянет до Перу, но у него почти не останется топлива для того, чтобы держаться в воздухе во время дозаправки «B-2 Spirit», и уж точно ничего не останется, чтобы дотянуть потом до авианосца. Подгонять «Рональда Рейгана» прямо под побережье Перу и ловить там «KC-130», который в прямом смысле слова свалится с неба, ни один адмирал не согласился. Тогда Клотц рассмотрел возможность применения «KC-10 Extender»^[118] — реактивный заправщик с достаточной дальностью, 4400 миль, или 7032 км. Он мог бы лететь за «B-2» чуть ли не до самого Чили, спокойно заправить бомбер в воздухе, но... Построенный на базе широкофюзеляжного пассажирского лайнера «McDonnell Douglas DC-10», «Extender» чересчур велик. Он и пустой весит 110 тонн, а с полным запасом собственного топлива и топлива для заправки потянет на все 250! Такая машина никогда не сядет на авианосец. Две ночи подряд Клотц просыпался в холодном поту от кошмара, в котором 250-тонная гнида «KC-10 Extender» разваливает к чертовой матери новейший авианосец ВМС США «Рональд Рейган» и топит его. После такого в Пентагоне точно позаботятся о том, чтобы его, Клотца, судили только в том штате, где разрешена смертная казнь.

Оставалось только одно: максимально облегчить «КС-130», выбросив из него все лишнее. Нет, не так — выбросив ВСЕ ЛИШНЕЕ! Была удалена система кондиционирования, пилотские сиденья заменили на более легкие и простые, для механика вообще смастерили жалкое подобие табуретки, привинченное к полу. Из грузового отсека забрали противогазы, аптечки, огнетушители, кресла для дополнительных членов экипажа, спасательные комплекты, сорвали крепления для багажа и металлические распорки. Была снята вся внутренняя обшивка, ослаблена конструкция шасси. Даже туалет, и тот выкинули к чертям. Взамен экипажу вручили больничные горшки, которые выдают послеоперационным неходячим больным.

В результате «КС-130» стал легче на три с половиной тонны. В него установили добавочные баки для горючего, и расчетная дальность полета возросла до 5900 км. Этого было достаточно. Впритык.

Сэмюэл Нортон выровнял воздушный танкер в конце полосы и по радио запросил разрешение на взлет. Диспетчер скосил глаза на генерал-лейтенанта. Фрэнк, не поворачиваясь, кивнул. Диспетчер склонился над микрофоном:

— К-С-один-три-ноль, впереди чисто, взлет разрешаю. — И добавил вне устава: — Удачи, чуваки.

— Диспетчерская, вас понял. Начинаю взлет, и... спасибо.

Четыре пропеллера заревели, превратившись в серебристые диски. С обеих сторон от взлетной полосы под мощными потоками воздуха пригибалась трава. Сэмюэл Нортон на какое-то время придержал самолет, давая возможность турбопропеллерным двигателям выйти на полную мощность, а потом отпустил тормоза. «КС-130» рванул вперед и через минуту оторвался от земли.

Ровно через 3 часа 53 минуты с этого же аэродрома должен взлететь нагруженный бомбами бомбардировщик-невидимка «B-2 Spirit».

Проводив взглядом пузатого «Геркулеса», Фрэнк Клотц коснулся рукой идеально выбритой щеки. Он не сводил глаз с небесной синевы, пока заправщик не превратился в едва заметную точку. Следующие двадцать часов будут самыми длинными часами его жизни.



«KC-10 Extender» дозаправляет истребитель «F-16»

Операция «Антибот» началась.

Понедельник, 31 августа, 09:28 (UTC –4)

«DW», жилой корпус

Выпятив нижнюю губу, Лаура Дюпре грустно рассматривала результаты своей неудачной попытки приготовить завтрак. Сосиски потрескались и выглядели как старательно обжаренные собачьи какашки. Яичный белок подгорел, превратившись в желтоватую корку. Есть Лауре больше не хотелось. Точнее, хотелось, но не то, что лежало перед ней. Идея утолить голод рыбными консервами (на складе было еще предостаточно банок), заев их залитыми кипятком хлопьями (а вот молоко давно кончилось), больше не казалась такой издевательской.

«Хорошо, хоть этот шкаф пошел спать после ночного дежурства, — беззлобно подумала она о Рино, — а то бы он точно натянул сковороду мне на уши».

Готовить она никогда не умела и не любила. На кухне она чувствовала себя как слон, зашедший на выставку изделий из хрусталя. Вообще говоря, она мало что умела. Способностей — море, хватит на батальон, но как только доходит до реализации на практике, все летит кувырком. Единственный неоспоримый дар, которым она могла похвастаться, — это умение *чувствовать*. Предвидеть выходки психов. Именно поэтому ее так ценили на прежней работе. Она *чувствовала* все, что творится в голове у одержимого. Она не понимала, как это у нее получается, не пыталась искать объяснений, но всегда предвидела действия пациента. Видела больной мозг насквозь. Если бы не тот самоубийца, она бы сейчас, пожалуй, уже перебралась в Париж в какую-нибудь известную клинику...

Неожиданно сердце застучало в ушах. Лаура вначале подумала, что виноваты воспоминания о прежней работе, но через несколько секунд должна была признать: она опять начала *чувствовать*. Что странное... Что-то чужое...

«Коршак пошел в ясли не для того, чтобы взглянуть на ботов», — сообразила девушка.

Мысль быстро выветрилась, а вот сердце стучать не перестало. С Тимуром что-то не так, но сейчас причина не в нем.

Что же еще? Штаерман? Штаерман вернулся, и?..

Лаура отошла от плиты. Что-то подсказывало: *слева*. Что бы там ни

было, оно... сейчас... *слева*. Она медленно повернула голову к окну и оцепенела — снаружи, прижавшись лицом к стеклу, стоял бот.

Лаура скорее удивилась, нежели испугалась. Она осознавала, что на оконное стекло полагаться не стоит, поскольку боты без проблем найдут, чем его высадить, но страха не чувствовала. Она скорее была склонна поверить, что бот ей мерещится. Никак не могла понять, откуда он взялся. Датчики движения не срабатывали, не было сирены, сигнализирующей о разрыве электрической ограды. Бота просто не могло быть там!

Проведя тыльной стороной ладони по губам, Лаура пошла к окну, прокручивая в голове невеселую мысль о птенце, лезущем в пасть к удаву. Колени дрожали. Бот заметил ее. Наклонил голову. Психиатр сделала еще несколько шагов, оказавшись на расстоянии метра от подоконника. А потом подняла глаза, скользнув взглядом за спину бота. Хотела убедиться, цела ли ограда... На проволочный периметр Лаура так и не посмотрела. От того, что она увидела между стеной «DW» и внешней оградой, ноги стали желеобразными, а в животе запорхали холодные бабочки.

— Рино!!! Алан!!! — закричала девушка. Она чувствовала себя оглушенной, как будто в двух метрах от нее в землю ударила молния. — Сюда! Скорее!

Сразу стало ясно, почему не отреагировали двигательные сенсоры, почему не было сигнала тревоги. Периметр никто не прорывал. На этот раз боты пришли *изнутри*.

Со стороны второго инженерного комплекса, растянувшись полумесяцем, рысцой сбегались около двух десятков «малышей». Вооруженные всем, что попало под руку, они собирались у ворот № 1 и № 2, а также под окнами, до которых могли дотянуться. Следом за авангардом подтягивались остальные.

Шестьдесят ботов, выбравшись из «концлагеря», окружали жилой корпус.

Алан спускался по лестнице со второго этажа, когда услышал крик Лауры. Он как раз направлялся в столовую, чтобы позавтракать. За плечом у него по-охотничьи висел «ремингтон». Услышав свое имя, американец насторожился. Вслед за криками он услышал звон разбитого стекла.

Алан снял предохранитель с дробовика и, перепрыгивая через две ступеньки, бросился вниз. Он вбежал с лестничной площадки в коридор в тот момент, когда боты показались в дверях столовой. Алан дважды в них выстрелил. Одного даже подстрелил. Боты шарахнулись обратно в столовую, не успев пролезть между створками раздвижных дверей. На полу остались пунктирные линии из кровавых точек.

Гринлон передернул затвор и, преследуя ботов, вбежал в столовую. Это было его главной ошибкой. Оставаясь в коридоре, Алан имел меньше простора для маневра, зато был гораздо лучше защищен. Ему нужно было следить только за тремя проходами: двумя, ведущими в столовую (вдоль левой стены), и одним — к центральному выходу из блока «DW» (прямо впереди). Он мог бы дожждаться Рино и дальше придумать, как действовать вдвоем. Забежав в зал, он оказался на открытом пространстве один на один с ботами. Он подставился, и боты этим воспользовались. Один из них метнул в Алана камень, попав точно в лоб над левой бровью.

Бросок, как всегда, получился сильным. Алана развернуло, он раскинул руки и, ойкнув, повалился навзничь. Дробовик ударился об пол и отлетел в сторону. Со зловещим шипением шестеро или семеро ботов бросились на безоружного инженера.

Американец не потерял сознание, но подняться ему уже не дали.

СХІІІ

Хедхантер не слышал воплей Лауры — слишком много переходов, стен и дверей отделяло его комнату от столовой. До него также не долетели звуки разбитого стекла, когда боты высадили стекла в обеденном зале: окна его спальни выходили на противоположную, южную сторону здания.

Но выстрелы из «ремингтона» прокатились по коридорам и долетели до его ушей двумя тихими, но выразительными хлопками. Хедхантер схватил ружье и выбежал в коридор.

В отличие от Алана, Рино не бросился стремглав на первый этаж. Прислушиваясь и держа гладкостволку наперевес, Хедхантер добрался до лестницы и стал осторожно спускаться. Глубоко посаженные мутные глазки тщательно обшаривали возможные укрытия, попадавшиеся на пути. К сожалению, это не помогло. Рино совершил ту же ошибку, что и американец: зашел внутрь. Случилось это не по неосмотрительности. Рино слышал звуки борьбы, видел кровь на полу, следы дроби на стенах. Невзирая на это, амбал не мог и предположить, что боты на свободе и уже в здании.

А боты ждали. Один из мальчишек нырнул под руку великана и задрал вверх дуло ружья. Выбить оружие из рук Хедхантера ему не удалось, но выстрелы (Рино успел нажать на курок три раза) оказались напрасными: смертоносная дробь полетела в потолок. Второй, как паук цепляясь за стену, запрыгнул наемнику на спину и, усевшись на шею, пытался дотянуться до его глаз.

Перед тем как зажмуриться, Рино успел увидеть, что его окружают четыре десятка ботов. Это было похоже на кошмарный сон, в котором исчадия ада пришли отомстить за расстрелянных товарищей.

Хедхантеру пришлось бросить ружье, чтобы скинуть чудовище с головы. Иначе он рисковал остаться без глаз. Ему это удалось. Но едва он освободился, на него со всех сторон бросилась еще целая дюжина «малышей». Они повисли у него на руках и ногах, стараясь повалить на пол.

В последнее время боты сидели на одной воде. Они ослабели. Худые ребра, ключицы и колени выступали под кожей, как шарниры какого-то механизма. Благодаря этому какое-то время Рино благополучно отбивался. Но их было очень много. Они облепили великана, как муравьи — саранчу.

Трое ботов за руки тащили Лауру к плите. Каким-то чудом ее очки не разбились: оправа сползла на лоб, где зацепилась за волосы и удержалась. Дюпре ахала, стонала, но почти не сопротивлялась.

Алану Гринлону тоже было несладко. Прижатый к полу несколькими ботами (один из которых пытался его душить), он чувствовал, что теряет сознание. Еще один бот зажал Алану колено, а другой выворачивал в сторону голень. Раздался хруст. Гринлону казалось, как будто кто-то с мясом вырывает колено. Ощувив страшную боль, Алан закричал и ослабил руки, которыми сдерживал душителя. Моментально пальцы «малыша» стальным ошейником обхватили горло.

«Все, конец», — мелькнуло в голове. Перед глазами у него поплыли круги. Легкие чахли без кислорода. Вопли Лауры и рычание Хедхантера доносились теперь откуда-то издалека, словно это в соседней комнате по телевизору шел боевик.

На какую-то секунду он провалился: вокруг все заволокли темнота и безмолвие. Ощущения исчезли. Зато не исчезло осознание: мужчина продолжал думать и осмысливать, а значит — оставался живым.

Затмение длилось не дольше секунды.

Алан пришел в себя, когда почувствовал, как что-то теплое и влажное растекается у него по животу. «Они выпустили мне кишки, — возмутился Гринлон, — елы-палы, меня выпотрошили, как индейку». Сам факт, что он *может* возмущаться, немало его удивил. Потом Алан подумал о странной легкости в горле: «Черт, я либо мертв, либо... меня больше не душат». И наконец, снова появились звуки: слева всхлипывала Лаура, позади откашливался Хедхантер, слышались еще какое-то чавканье и скулеж.

Алан открыл глаза. Душивший его бот теперь нависал над ним, высунув язык и пуская слюни. То, что Алан поначалу принял за кровь из своего вспоротого живота, оказалось... лужей мочи, которую сделал бот.

— Чувак, ты... ты описал меня, — оторопело предъявил претензию инженер.

Бот закончил свое дело и, опираясь на руки, нависал над Аланом. Он мотал головой и качался из стороны в сторону. Еще один «малыш» улегся щекой на кафель и, отталкиваясь коленями, двинулся мимо инженера. Руки безжизненно волочились следом. Это было бы смешно, если бы не выглядело настолько отвратительно.

Освободив руки, Гринлон отбросил бота.

— Что произошло? — Алан приподнялся на локтях. Боль сразу пронзила колено — нога была вывернута в сторону под немыслимым углом. Он закусил губу и не рискнул подниматься дальше.

Оглядевшись, американец забыл о боли, пораженный сюрреалистическим зрелищем. По всей столовой ползали и извивались отошавшие «малыши». Боты напоминали молодых мимов на репетиции малопонятной постмодернистской пантомимы. Они были как черви. Белые безмозглые черви на темном кафельном полу.

— Сработало... — На самом деле Лаура не плакала, она пыталась рассмеяться, вот только полузадушенное горло не было способно ни на что большее, чем порывистое всхлипывание.

— Что сработало? — отозвался Хедхантер.

Девушка опустила очки на нос (левое стекло треснуло, но осталось в оправе), на радостях вскочила на ноги и выпрямилась. Кровь вмиг отлила от головы.

— Я говорю... — только и успела произнести Лаура, после чего в глазах у нее потемнело. Она схватилась руками за воздух и, как стояла, ничком грохнулась. Вытянулась, приняв позу, точно как в голливудских сериалах про копов: ноги слегка расставлены, носки туфель загнуты внутрь, правая рука наполовину согнута и лежит за головой, левая — протянута в сторону.

— Ну, ты даешь... — Рино немного подался вперед. — Лягушатница, ты чего?

Дюпре оторвала лицо от пола. Из носа капала кровь. Оба стекла теперь были разбиты вдребезги.

— Со мной все в порядке. Я... просто... голова закружилась.

На этот раз французенка поднималась не спеша. Неторопливо облокотилась на руки и села. Подслеповато прищурилась, смахивая со щек осколки линз:

— Черт, мои очки!

— Что такое с ботами? — не мог понять Хедхантер.

Он с опаской поглядывал на ботов, прижимаясь к стене. У его ног змеилось их как минимум два десятка.

— Рино! — Лицо Лауры просияло; останавливая кровь, она зажала пальцами носовые пазухи и прогундосила: — Сработал стимулятор Тимура. Боты запустили программу.

— А? — переспросил южноафриканец. Смесь невыносимого акцента и гундосости лишали последних шансов понять хоть что-то из того, что

сказала девушка.

— У ботов идет стимуляция центра удовольствия, — более четко сказала Лаура.

До великана постепенно доходила суть того, что произошло. Реакция была довольно неожиданной. Хедхантер озверел. Оскалившись, со всей силы заехал ногой в бок ближайшему мальчишке. От удара бот отлетел на несколько метров, но при этом даже не поморщился. Его плечи вяло дергались, жуткие глаза оставались закаченными.

Выждав секунду, Рино подскочил к следующему, схватил его одной рукой за шею, второй вцепился в ногу, поднял «малыша» над собой и запустил наискосок через столовую. Бот треснулся об стол, перевернулся и съехал на пол.

Амбал налетел на остальных. Раздавал тумаки. Оголтело фыркая, пинал «малышей».

— Хватит! — не выдержав, закричала Лаура. — *Теперь* они безопасны!

— Прекрати! — подключился Алан. — Лучше помоги мне, я не могу подняться.

Всадив еще несколько пинков, Хедхантер уgomонился.

— Извините, парни, не смог удержаться. — Рино взглянул на психиатра: — Ты уверена, что они не смогут больше навредить?

Лаура не знала наверняка, но ответила утвердительно.

— Кажется, я сломал ногу... — простонал американец.

Переступая через «малышей», Лаура и Хедхантер подошли к нему. Помогли подняться, усадили на стул.

— О, брат, плохи дела, — сказал амбал, глядя на опухшее колено и вывернутую ногу. — Бегать еще долго не будешь.

— Болит? — спросила психиатр.

Стиснув зубы, Гринлон кивнул. Как будто и так было непонятно.

— Помоги ему, ты же врач, — Хедхантер подтолкнул девушку вперед.

— Я психиатр, а не... — Лаура закрыла рот, увидев, как хмурится Рино. — Хорошо, сначала что-нибудь холодное...

Она пробралась между телами мальчиков к холодильнику. Достала пакет из-под овощей, насыпала внутрь льда. Захватив с собой один из ножей, вернулась к американцу.

— Разрежь ему джинсы, — протянула нож Хедхантеру. — Надо приложить лед.

Аккуратно разрезав нижний край штанины, южноафриканец разорвал штанину до бедра. На месте колена образовалась огромная фиолетово-

синяя шишка.

— Хорошие новости: кости вроде бы целы, — потрогав ушиб, поставила диагноз Лаура. — Плохие новости: насколько я понимаю, в коленном суставе порвано все, что только можно было порвать! — Она приложила лед к припухлости. — Надо будет взять в лазарете обезболивающее, и я... попробую вправить твою ногу.

— А почему именно сейчас? — отдышавшись, но все еще морщась от боли, спросил Алан. — Почему боты активировали стимулятор именно сейчас?

— Трудно сказать, Алан. Может быть, это была защитная реакция.

— То есть?

— Думаю, Рино сделал кому-то из них больно, и «малыш», пытаясь унять боль, запустил модуль. — Лаура сделала неопределенный взмах рукой. — Это только предположение.

Предположение Лауры было правильным. Боты позволили скомпилировать процедуру себе на платы, поскольку знали, что сама по себе она не запустится. После сканирования готового кода они поняли назначение программы, но не вводили ее в действие, небезосновательно побаиваясь, что не смогут (точнее — не захотят) ее остановить. Для активации кода нужен был мощный толчок извне. И таким толчком стала боль. Отбиваясь, Рино вывихнул руку одному из мальчишек. Фактически он ее вырвал: выдернул сухожилия с мясом — кости правой руки больше не соединялись с остальным скелетом. Чтобы заглушить боль, бот запустил стимулятор. Мгновенно он получил такое удовольствие, что забыл обо всем на свете. Прошла минута, стимуляция закончилась, но мальчик не захотел останавливаться. И запустил программу снова. В этот момент главное преимущество ботов — возможность обмена информацией — сыграло против них. Сигналы о кайфе, поступавшие из мозга с активированным стимулятором, были настолько мощными, что остальные боты перестали подчиняться психосуществу. Им хотелось только одного — запустить такую же процедуру в своей голове.

— Ты не боишься, что они... ну... отойдут? — Алан больше не морщился, ледяной пакет понемногу высасывал горячую боль из опухшего колена.

— Куда отойдут?

— Я имею в виду: очнутся.

Дюпре пробежалась взглядом по немощным ботам и пожала плечами.

— Я представляю, что они чувствуют. Это как будто гнать под двести по идеальной автостраде за рулем новенького «Porsche» с ноздрями,

наглухо забитыми кокаином. Вряд ли они захотят отходить. Но, — она еще раз пожала плечами, — я не знаю, насколько сильно психосущество.

— К черту психосущество, — начал Рино, — лучше скажи мне, лягушатница...

— Не называй меня лягушатницей! — огрызнулась психиатр.

— Хорошо, не кричи, — примирительно буркнул Рино. — Скажи лучше, как боты смогли выбраться из «ясель»?

— Перебои с электричеством? — предположил Алан.

— Когда я лег вздремнуть, свет был, — наморщил лоб Рино. — Они не могли так быстро сорвать засовы.

— Ах ты черт! — вспомнила Лаура. — Во второй корпус пошел Тимур.

— Тимур?! Что он там забыл? — выпалил амбал.

— Когда? — добавил инженер.

— Не знаю, — француженка ответила сразу обоим, — где-то полчаса назад.

Алан провел рукой по лысине. Выглядело так, будто он приглаживал волосы.

— Так это Тимур их выпустил? — ахнул Алан, вдруг он понял, что программист не проходил проверку магнитным полем. Мужчина поднял глаза на великана: — Рино, неужели он тоже заражен?

— Нас теперь трое, — повесив нос, отметила Лаура.

— Их освободил Кацуро, — пятась, процедил Рино. У великана было достаточно аргументов для того, чтобы не сомневаться, что украинец чист. Чего у него не было, так это времени на болтовню. — А то, что нас теперь трое, вполне может оказаться правдой.

— Ты куда? — пискнул Гринлон. Он боялся оставаться наедине с «малышами», несмотря на то что они теперь были похожи на блаженных тюленей.

Хедхантер не ответил. Подхватив с пола «ремингтон», он выскочил в коридор. На ходу перезаряжая ружье, рванул к выходу из здания.

Выбежав из корпуса, Рино замедлил шаг. Около ограды виднелись трое ботов. Они стояли спинами к выходу из «DW», глядя вдаль сквозь проволоку. Наемник колебался. Но тут один из «малышей» качнулся. В следующий момент он повалился на стальные нити ограды. Мальчика начало трясти, но он не делал ничего, чтобы отойти. Бот дергался, пока не сполз на песок. Двое его товарищей никак не отреагировали.

«Ух! Эти тоже в угаре», — обрадовался Хедхантер.

Он сделал несколько шагов в направлении ограды, собираясь

расстрелять «малышей». Не хотел оставлять чудовищ у себя за спиной. Но все же, задержавшись на секунду, Рино передумал. Выстрелами он выдаст себя. Сжимая дробовик, он подбежал к главным воротам блока «EN-2». Дернул за ручку — дверь, как он и ожидал, была открыта. Мысленно досчитав до пяти, Хедхантер с ружьем наизготовку ввалился в тамбур. Окинув быстрым взглядом лестницу, ведущую в лабораторию, и коридор, за которым начинались «ясли» (двери распахнуты настежь), Рино не обнаружил никого. Стараясь производить как можно меньше шума, Хедхантер стал подниматься на второй этаж.

Во втором инженерном корпусе было тихо, как в могильном склепе.

**Понедельник, 31 августа, 09:28 (UTC –4)
«EN-2», второй инженерный корпус**

— Кацуро?! — вырвалось у Тимура, хотя он прекрасно понимал, что это уже *не* Кацуро Такеда.

В этом пучеглазом существе уже было мало общего с молодым японцем. Лицо вытянулось, его покрывали язвы, из которых вперемешку сочились кровь и гной. Кожа посерела, ввалилась грудь. Одежда была во многих местах порвана и выпачкана машинным маслом — все эти дни Такеда прятался в подземелье третьего корпуса.

— Кацуро, ты слышишь меня? — Тимур попятился.

«Ненастоящий» Кацуро начал приближаться. От японца ужасно воняло.

Тимур отступал в дальний угол лаборатории. В какой-то момент чудовище остановилось. Подняло правую руку и поманило его. Психосущество звало Тимура. Оно не хотело убивать. *Ему* были нужны мозги программиста.

Смахнув с глаз слезы, Тимур тоже остановился. Кацуро повторил призывный жест, предлагая Тимуру добровольно подойти.

— Не дожدهйся! — Парень сменил направление движения. Боком подвинулся в сторону окон. Сначала осторожно, потом быстрее, быстрее. Тимур понял, что единственное спасение — выпрыгнуть в окно. Он высадит стекло и приземлится на песок — второй этаж, не слишком-то высоко. Если не сломает ноги, сразу рванет к жилому корпусу. А там, если повезет, закроется в тамбуре, прежде чем существо настигнет его. Если... быть может... если... Черт побери, но у него нет выбора!

Чудовище повернуло голову вслед за Тимуром. Следило...

Прежде чем прыгать, Тимур выглянул наружу. От увиденного у него перехватило дух. Через открытые двери инженерного корпуса во двор вереницей выходили боты и двигались к «DW».

У Тимура в голове все перемешалось. Парень чувствовал себя так, будто пытался проглотить камень размером с куриное яйцо.

Воспользовавшись замешательством Тимура, Такеда бросился на него, стараясь схватить за горло. В последний момент Тимур вывернулся: растопыренные пальцы японца проскользнули за полсантиметра от его

шеи. Не имея выбора, Тимур отступал вглубь лаборатории. Кацуро стоял теперь между ним и окнами. Монстр издал горлом что-то вроде клокочущего рыка и толкнул (почти швырнул) одно из офисных кресел. Уклоняясь, Тимур зацепился за стол и повалился на спину. Кресло наехало на него. От удара сидение со спинкой отлетело в сторону, а нижняя часть кресла («лапа» с колесиками) застряла у Тимура между ног.

Шаркая, Кацуро надвигался. Думая использовать нижнюю часть кресла для защиты, Тимур ухватился за металлическую трубу, на которой крепилось отлетевшее сидение, и потянул ее к себе. Труба неожиданно легко отделилась от пластикового цилиндра, в который была вставлена. Массивная нижняя часть отъехала в сторону — защиты больше не было.

— Фак! — сердито ругнулся парень.

В этот момент Такеда прыгнул.

Время остановилось. Тимур знал, что сердце чуть ли не выпрыгивает из груди, но различал каждый удар. Он посмотрел на руку. Кулак сжимал стальную трубу длиной чуть более полуметра. Когда пучеглазое чудовище свалилось на него сверху, Тимур уже не думал ни о смерти, ни о ботах, неизвестно как оказавшихся на свободе.

Перехватив стойку ближе к середине, парень врезал ею в лицо чудовища. Удар получился не слишком сильным, но довольно болезненным, потому что Кацуро отшатнулся. Воспользовавшись этим, Тимур подсунул под японца колено и оттолкнул его. У парня появилась возможность вскочить на ноги. Глаза его безумно горели.

Так бывает. Мы же не знаем самих себя. Даже не догадываемся о демонах, спрятанных в темной бездне где-то в сердце или в голове. Скудная работа в офисе, однообразные развлечения, устроенная жизнь покрывают многокилометровой толщей спокойной воды то другое — дикое, необузданное и жестокое — Я. Вне экстремальных условий оно может спать годами. Но иногда из-за смертельного унижения, стресса или колоссальной физической нагрузки все меняется — звериная сущность ураганом прорывается наружу.

Такеда набросился снова, но Тимур уже был в *драйве*. (Чтобы понять, что это такое, достаточно посмотреть ранние бои Майка Тайсона.) Он устоял. Отбросил Кацуро Такеду и, замахнувшись, с размаху ударил японца трубой, целясь в голову. Попал в плечо. Кацуро зашипел, отползая.

Тимур наступал. Перед глазами встали Алина, Штаерман, Кейтаро — все то, что он ненавидел в данный момент. Парень два раза подряд заехал уроду ногой в живот, заставив опустить руки и открыть голову.

Именно этого он и ждал. Следующий удар пришелся точно в висок.

Ноги Кацуру задергались. Из рта потекла кровавая слюна. Японец попробовал подняться, но не смог.

Пелена ярости закрыла Тимуру глаза. Откуда-то взялись силы, и он начал наносить тяжелые удары. Бил, бил, бил и бил. Молотил бешено, наотмашь, даже не осознавая, что все время кричит так, что захлебывается.

Тимур уgomонился только тогда, когда голова японца превратилась в залитый кровью мешок с костями. Бешенство выветрилось так же быстро, как и пришло. Обессиленный Тимур упал на ближайший стул, оперевшись лбом о левую руку, а правой сжимая забрызганную мозгами и облепленную рыжевато-черными волосами стойку от офисного стула.

Так он и сидел, когда в лабораторию с ружьем наперевес ввалился Хедхантер.

— О, мой маленький украинский нигер, — обрадовался здоровяк. — А я уже думал, что эти уроды замордовали тебя.

Сделав несколько шагов, амбал заметил тело окровавленного японца:

— Япошка?.. Кто это его так? — увидев заляпанный продолговатый предмет, который Тимур не выпускал из рук, Рино Хедхантер открыл рот: — Растудыть твою налево, это *ты* его? — А потом, улыбнувшись: — Я всегда знал, что из тебя будет толк, фелла!

Парень слегка покраснел.

— Да, — ответил Тимур, — бейсбол в моей стране пока не прижился, но бейсбольные биты пользуются неизменной популярностью.

По дороге в «DW» Хедхантер ввел Тимура в курс последних событий. Но у Тимура уже не было сил радоваться тому, что программа заработала.

В 10:04, когда воздушный танкер «КС-130 Hercules» оторвал шасси от взлетной полосы, Тимур пришел в комнату отдыха и отключился. Заснул глубоким беспробудным сном. Он не слышал, как Рино и Лаура стаскивают ботов в подвал «DW»-блока. Его не разбудили даже крики Алана, которому Хедхантер и Лаура вправляли выбитое колено.

Понедельник, 31 августа, 11:57 (UTC –6)

Авиабазы «Уайтмен»

3 км к югу от Кноб-Ностер, Миссури, США

— Влетаем на ста двадцати^[119]? — спросил Энтони, повернув квадратную голову со странно выпирающим подбородком к руководителю операции.

Майор Хэтуэй взглянул на лист, где прикидывал необходимую для данной загрузки самолета скорость взлета, и кивнул:

— Подтверждаю, 120, — несмотря на полную автоматизацию «В-2», майор имел привычку проверять все вручную. — Идем на номинальном?

Пилот отрицательно мотнул головой:

— Майор, не потянем.

— Хорошо, Энтони, ставь взлетный^[120].

— Ноль-ноль-сороковой, шевелитесь, — подогнал диспетчер, — генерал напоминает, что вы выбиваетесь из графика на целую минуту.

Офицеры переглянулись. Энтони скроил гримасу, демонстрируя свое мнение об умниках в диспетчерской. Роберт расплылся в улыбке, одними губами выговорив: «Целая минута! Ай-яй-яй!», а вслух доложил:

— Вас понял, диспетчер. Не волнуйтесь, в воздухе наворачстаем. Широкоплоский «В-2», серийный номер 90-0040 — «Spirit of Alaska»^[121], готовился к взлету, выполняя неуклюжий разворот в конце взлетной полосы. Издали он напоминал гигантский чертежный угольник.

Пилот для проформы озвучил запрос на взлет, мгновенно получив утвердительный ответ.



«B-2 Spirit»

— Разрешение на взлет получено, — отчеканил Энтони Харрисон,

прозванный Кувалдой за свой квадратный подбородок. — Джентльмены, мы взлетаем. Рубеж скорости — сто двадцать, — и дал полный газ.

Бомбардировщик начал разгоняться, разрезая воздух тупым треугольным носом, словно скользящий над самым дном морской скат. Плоские крылья переливались в лучах дневного солнца.

Вместе с командиром корабля майором Робертом Хэтуэем на задание отправлялись еще два капитана ВВС — уже упомянутый Энтони Харрисон и Джереми Руа. Оба с таким количеством летных часов, которому бы позавидовали даже опытные команды трансконтинентальных лайнеров. «Кувалда» Харрисон, бывший боксер, чемпион штата Миссури в среднем весе, сейчас занимал место пилота — оно в «В-2» слева. (Для того чтобы управлять «В-2», достаточно одного летчика — на удивление умный самолет.) Справа, где устроился Хэтуэй, сидит так называемый *mission commander*. Поскольку миссия продлится почти сутки, был еще и третий — Руа. В полете офицеры будут меняться, дабы избежать переутомления. Двое будут сидеть за управлением, а один в это время отдохнет — для этого в задней части кабины есть специальное отделение.

Майор Хэтуэй не волновался. Ни о чем, кроме дозаправки.

Генерал Клотц, закончив планирование операции, преждевременно расслабился. Несмотря на свою предусмотрительность, Фрэнк упустил важную деталь. С дозаправкой была проблема. *Большая* проблема.

Примерно за сутки до вылета майор Хэтуэй прибыл к генералу по собственной инициативе, стал по стойке «смирно», отдал честь и перешел к делу:

— Генерал, вы хотите, чтобы я заправлял реактивный бомбер от турбопропеллерного «Геркулеса? — И Хэтуэй дернул бровью. — Сэр, как вы собираетесь *поднять* заправщик ко мне?

Клотц вначале не понял вопроса, а потом в отчаянии прикусил губу. Как он мог об этом не подумать?

Дело в том, что основным требованием к операции «Антибот» была секретность. Никто не должен был видеть или слышать американские самолеты по пути в Атакаму. Понятно, отбомбиться бесшумно не удастся, зато стелс-технологии, ночная темнота и некоторые тактические хитрости должны обеспечить секретность во время приближения и — особенно — во время отхода. Пролетая над Чили, тяжелый «В-2» будет держаться на большой высоте, а истребители сопровождения «F-22» наоборот — проскочат над пустыней на бреющем полете^[122].

Согласно разработанному плану за два часа до бомбардировки «В-2» должен заправиться над Тихим океаном от «Геркулеса». Клотц позеленел

от злости, осознав, что не учел очевидного: эти самолеты являются машинами разного класса. Даже самый лучший турбопропеллерный самолет не может состязаться в скорости и максимальной высоте полета с реактивным. Проблема была в том, что потолок высоты турбовинтового «КС-130 Hercules» был равен 28 000 футов (8615 м). И ни сантиметром выше. В это время согласно плану «В-2 Spirit» будет болтаться на высоте 49 000 футов (а это целых 15 км!). Заправщику никак не дотянуться до бомбера.

Но не это было самым худшим. Бомбер может опуститься на эшелон к заправщику, но...

Самолет держится в воздухе благодаря подъемной силе, которая создается потоком воздуха, набегаящим на крыло. В свою очередь, подъемная сила зависит от скорости, с которой самолет движется в воздухе, и от плотности воздуха. Плотность же, как известно, уменьшается с высотой. Другими словами, для каждой высоты существует диапазон скоростей, ограниченный минимальной и максимальной скоростями, в котором самолет уверенно держится в воздушном потоке. Если скорость воздушного судна опускается ниже минимальной, подъемной силы не хватает, чтобы удерживать стальную машину в воздухе, и самолет падает. Срывается в так называемый плоский штопор. Максимальная скорость определяется характеристиками двигателей и конструкцией планера самолета. В общем, чем больше высота, тем меньше разница между минимальной и максимальной скоростями. Для «В-2 Spirit» на высоте 8600 метров данная разница весьма незначительна. На высоте 9 километров над уровнем моря бомбер не может замедлиться настолько, чтобы спокойно плестись в хвосте «КС-130» во время дозаправки. Сбросив скорость до 600 км/ч (что соответствует крейсерской скорости «КС-130»), «В-2» рискует вывалиться из небес, как камень.

Из всего этого следовала одна неприятная вещь: во время дозаправки самолетам придется снизиться. Ощутимо снизиться. Для того чтобы «В-2» смог двигаться в хвосте заправщика, обоим самолетам придется опуститься до 15 000 футов (4615 м) и лететь со скоростью 550 — 570 км/ч. Однако на такой высоте производящие дозаправку самолеты могут быть легко замечены с какого-нибудь пассажирского лайнера, заходящего на посадку в аэропорт Лимы. Это сведет на нет всю секретность операции. Не помогут ни стелс-технологии, ни маскировка. Зрелище дозаправки сверхсовременного бомбардировщика за тысячи километров от побережья США, безусловно, не может не вызвать вопросов.

Вместе с тем Фрэнк Клотц понимал, что других вариантов нет. Если

бы вместо «КС-130» летел другой заправщик, турбореактивный «КС-10 Extender», никаких проблем не было бы. Гигант на базе «McDonnell Douglas DC-10» без усилий «влезет» на 42 000 футов (12 727 м). Вот только в этом случае Фрэнк уперся лбом в исходную проблему: куда девать этот чертов заправщик *после* заправки? В Перу он не сядет, на авианосец — тем более. Его можно разве что взорвать или утопить в океане.

Вопрос решили, скрупулезно распланировав время удара. Бомбардировка состоится ночью с расчетом, чтобы дозаправка над побережьем Перу проходила как раз после наступления темноты. На земле сумерки сменяются темнотой, а на высоте четырех с половиной километров еще не совсем почерневшее небо будет давать достаточно света, чтобы осуществить заправку. Такая коррекция плана наложила жесткие требования на время вылета и время встречи «В-2» и «КС-130» над океаном. Значение имела каждая минута...

Бомбардировщик разогнался и тяжело оторвался от бетонной полосы за восемьсот метров до ее конца. Как только шасси поднялись над землей и спрятались в плоское дно, скорость начала стремительно увеличиваться. 120... 140... 160 узлов.

— Набираем скорость, параметры в норме, — комментировал Харрисон. — Тысяча футов, — через какое-то время сообщил он высоту.

Роберт Хэтуэй пробежался глазами по панелям, не вмешиваясь в работу компьютеров. Послушный мальчик «В-2» все делал сам. Майор облегченно вздохнул. Впереди, до самой цели, метеорологи обещали хорошую погоду. Если только погодные спецы что-нибудь не напутали, наблюдать за десятками цифровых дисплеев — вот и все, чем экипаж будет заниматься на протяжении ближайших шести-семи часов. Такая скука!

Майор не думал о моменте нанесения удара. Он отдавал себе отчет в том, что собирается в мирное время бомбить территорию независимого государства. Он также подозревал, что в подлежащих уничтожению объектах будут люди. Наверное, и его соотечественники тоже. (Только американцы способны вляпаться в историю, которую можно уладить только при помощи стратегической авиации.) Как бы то ни было, а Роберт был военным. Его дело — выполнять приказы, а не думать или задавать вопросы.

Дозаправка — вот что беспокоило Бобби Хэтуэя. Однозначно самая важная часть миссии. Во время стыковки экипажи не имеют права на ошибку. Если с первого раза что-нибудь не получится, дальше заправляться придется в полной темноте. Это отлично с точки зрения конспирации. Но будет совсем невесело, если «В-2 Призрак» нанижет на

свой нос толстый зад «Геркулеса».

Несмотря на это, майор Хэтуэй не очень волновался. Когда они достигнут Перу, догнав «КС-130», на его месте будет сидеть капитан Джереми Руа.

CXVII

Понедельник, 31 августа, 16:36 (UTC –4)

«DW», жилой корпус

«Spirit of Alaska» уже сорок минут летел на юг, когда Хедхантер решил разбудить Тимура:

— Хватит валяться! Пойдем, надо решить, что делать дальше.

Тимур сел. Моргнул невидящими глазами.

На соседнем диване в комнате отдыха, вытянув больную ногу, полулежал Алан. В кресле слева сидела Лаура. Рино Хедхантер подвинул Тимура и опустился рядом на диван, со скрипом прогнувшийся под великаном.

— Сколько я проспал? — спросил Тимур, трущий заспанные глаза.

— Сейчас полпятого, — сказала Лаура.

— Я не помню, как отключился.

— Ты хоть не забыл, что забил Кацуро до смерти стойкой от офисного стула? — усмехнулся амбал.

Тимур вспомнил стычку в лаборатории программирования. Следом нахлынуло другое воспоминание, гораздо менее приятное, — о Тиане Эмерсон, бразильянке, погибшей нелепой смертью. По его вине. Парень сник.

— Выше нос, — Рино толкнул его локтем, — у нас еще есть дерьмо, которое нужно разгребать.

— Что с ботами? — поинтересовался Тимур.

— Мы с Рино перетасили их в подвал, — присоединилась к разговору Лаура. — Я недавно туда спускалась. Все без изменений: вместо ботов у нас теперь шестьдесят обосранных овощей.

— Значит, мы должны определиться с дальнейшими планами, — вернулся к главному Хедхантер. — Пока ты спал, мы тут поговорили и решили, что у нас есть два варианта. Первый — сейчас же сваливаем отсюда, забрав свои паспорта и все самое ценное. Благо, машин теперь хватает.

— Оставив все, как есть? — поморщился программист.

— Да.

— А второй?

— Второй вариант прежний — кто-то из нас едет в Эль-Татио на

поиски ботов-беглецов, взяв с собой пару очумелых идиотов из подвала. — Рино запнулся. — Дальше рассказывать?

— Не стоит. — Повисла пауза. — Мы должны довести дело до конца, — сказал наконец Тимур.

— Ты уверен, фелла? Сегодня мы чуть не погибли. Все четверо.

Алан и Лаура помалкивали.

— Я понимаю, что это неоправданный риск, — тщательно подбирая слова, продолжал Тимур. — Понимаю, не мы заварили эту кашу. И понимаю, насколько это опасно. Но мы должны уничтожить ботов. У нас есть шанс. Через несколько недель или даже дней его уже не будет.

— О'кей! — просто ответил Хедхантер.

— Кто поедет?..

Единственной реакцией стало напряженное молчание, прерванное насмешливым хмыканьем Рино. Вопрос Тимура не имел смысла. Алан не поедет, здесь без вариантов. Разбив очки, Лаура превратилась в беспомощного крота. Хотя и без этого она была бы скорее обузой, чем подкреплением.

— Собирайся, — здоровяк панибратски взъерошил Тимуру шевелюру. — Зачем тянуть. Лучше оказаться на месте засветло.

Лаура помогла уложить трех ботов на заднее сидение пикапа «Тойота-Тундра» (к тому времени они уже так загадили подвал, что вонь распространилась на весь первый этаж). На всякий случай «малышам» связали руки. С собой Тимур и Рино взяли два помповых ружья, несколько гранат «Ф-1», GPS-навигатор, рацию, немного воды и два противогаза на случай, если боты подобрали зоман из брошенных у Пуритамы джипов. Программист также настоял, чтобы все четверо имели при себе паспорта. Как только все закончится, они немедленно уберутся прочь из пустыни.

Через четверть часа приготовления были закончены.

Тимур сел в джип. Лаура стояла в стороне. Жалась к ограде, виновато потупив взгляд. Хедхантер замер возле машины и засмотрелся вдаль, на север, положив руку на крышу. Где-то там среди песков бесновалось психосущество. Оно, несомненно, знает о гибели Кацуро, Готто, Ребекки. Знает о нейтрализации ботов, через которых пробилось в этот мир.

Хедхантер достал из кармана помятую пачку «Marlboro». Вытряхнул оттуда сигарету. Последнюю. Внимательно осмотрел ее, помял пальцами и только потом взял в рот и подкурил. Курил долго, с наслаждением втягивал в себя дым, выжигая табак до самого фильтра. Он понимал, что, возможно, это его последняя сигарета в жизни.

Докурив, он выбросил пустую пачку, сел за руль и повел машину на

север.

CXVIII

Понедельник, 31 августа, 17:59 (UTC –4)

«DW», жилой корпус

Полутьма, заполнявшая зал совещаний, несколько сглаживала царящий там беспорядок — опрокинутые стулья, пыль на столах и компьютерах.

Неожиданно тихо скрипнуло и заработало устройство для связи с психосуществом, спроектированное Емельяновым по заказу Вадима Хорта. Загорелся монитор, озарив серебристым светом то кресло, в котором когда-то сидел Тимур. Вскоре в левом верхнем углу всплыло подтверждение того, что связь установлена. Курсор соскочил на исходную позицию и мигал. Через секунду на мониторе появилась надпись:

◀| ОНИ УМРУТ А ПОТОМ Я ПРИДУ ЗА ВАМИ

Сообщение висело четверть минуты, после чего передатчик выключился. Монитор погас.

Но прочесть его было некому: Лаура и Алан находились этажом ниже, периодически связываясь с Тимуром и Хедхантером по радиотелефону.

Понедельник, 31 августа, 18:27 ' UTC-5)

12°01'57" юж. ш. 81°4В09" з. д.

Тихий океан, 433 км от побережья Перу

4615 метров над уровнем моря

В четверть седьмого «В-2 Spirit» начал снижение. В кресле пилота вот уже полчаса сидел Джереми, а «Кувалда» Харрисон занял место *mission commander'a*. Майор Хэтуэй возился в задней части продолговатой кабины, готовя сэндвичи и горячий кофе^[123].

Ровно в 18:27 по местному времени Джереми доложил, что самолет занял 150-й эшелон (снизился до 15 000 футов, или 4615 м, над уровнем моря).

— Скорость? — спросил майор Хэтуэй.

— Держу 360^[124], сэр, — откликнулся Джереми.

— Сбрасывай...

— Вижу «Геркулес», — почти сразу же отрапортовал Харрисон.

— Да, — подтвердил Джереми, глянув на радар, — курс два-семь-ноль, скорость 340, идем на сближение.

— Другие самолеты?

Длинная пауза.

— Вроде чисто, майор.

— Вроде? Что значит «вроде», кэп?

— Никого, — поправился капитан, — ни сверху, ни под нами.

— Хорошо. Может, и проскочим.

С востока, выползая из океана, стеной надвигалась темнота. Уже не были видны ни берег, ни вершины Анд. Далеко внизу день уже умер, хотя на высоте четырех с половиной километров он все еще бился в предсмертных судорогах. На западе догорали последние отблески заката, окрашивая правый бок фюзеляжа нежно-лиловым цветом.

Честно говоря, Хэтуэю было плевать, засекут их бомбер или нет. Даже если кто-нибудь из чилийской береговой охраны или даже ПВО визуально зафиксирует приближение «В-2» (шансы на это в темноте нулевые: самолет черный и летает без опознавательных огней), они ничего не смогут сделать. Эффективная площадь рассеивания у «В-2» настолько мала, что самые современные самонаводящиеся ракеты «не видят» его^[125]. Сбить его

не удастся, разве что кто-то ухитрится пальнуть прямой наводкой. Естественно, если самолет заметят, скандала не избежать. И какого скандала! Но это не его, Хэтуэя, проблема. Разгребать последствия будут протиратели штанов Клотц и компания. Его дело — уничтожить цель и привести «В-2» назад на базу целым и невредимым.

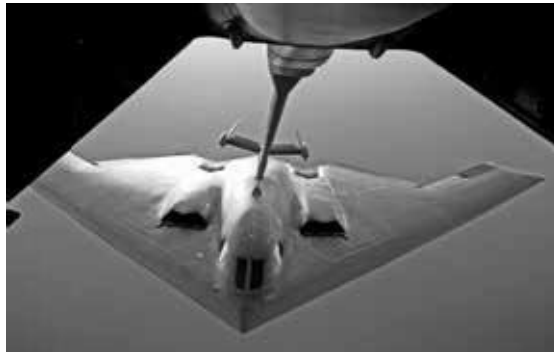
Джерemi тем временем сбросил скорость до 320 узлов и связался с капитаном Дэном Рэйнолдсом, вторым пилотом заправщика, сообщив о готовности приступить к дозаправке.

Погода благоприятствовала — ни малейшей облачности, никакой тряски. Оба самолета шли ровно, не дергаясь, как будто плыли сквозь растопленное масло.

Джерemi Руа легко поймал в стыковочный узел спущенный с «Геркулеса» стальной шланг. Убедившись, что рукав надежно зафиксирован, Стив Левандовски начал переливать топливо.

Небо над ними быстро темнело.

Вскоре (в 18:44 по перуанскому времени) самый трудный этап операции подошел к концу. «В-2 Spirit» принял в баки все 19,9 тонн предназначенного для него топлива.



Заправка бомбардировщика-невидимки «В-2 Spirit» над Тихим океаном

Последние розовые мазки скользнули за небосклон, и над Тихим океаном черной пленкой распростерлась ночь.

Пустой, с почти пустыми собственными баками «Геркулес» на прощанье мигнул огнями, покачал крыльями, а затем, сделав плавный разворот вправо на 90°, пошел на запад. Майор Хэтуэй проводил его взглядом. «Вот эти ребята: Нортон, Рейнолдс, Левандовски, — думал он, — и есть настоящие герои сегодняшней операции. Они во время полета даже в туалет нормально сходить не могли. А через час им предстоит посадить свой громоздкий драндулет “Геркулес” на палубу авианосца. Второй раз в истории авиации. И они это сделают, не сомневаюсь. Но не удивлюсь, если они выйдут из кабины совсем седыми».

«B-2 Spirit» стал быстро набирать высоту, направляясь на юго-восток. В Атакаму.

...В то же самое время, когда «B-2» отстыковался от «Геркулеса», с палубы авианосца ВМС США «Рональд Рейган» поднялись в воздух четыре истребителя «F-22 Raptor». И тоже взяли курс на Атакаму. Это был первый боевой вылет «F-22» с того времени, как их приняли на вооружение в 2005-м. Остальные самолеты убрали, готовя палубу к посадке «Геркулеса».

Проект «NFG», отметив 25-летнюю годовщину своего существования, приближался к завершению.

Добраться они успели, вот только ботов засветло не нашли.

Миновав Сан-Педро, Тимур и Хедхантер долго не могли отыскать следы ботов, на которые пять дней назад перед своим исчезновением наткнулись Сэм и Ндонга. Наконец они разглядели еле заметную вереницу следов, идущую на север вдоль грунтовой дороги. Значит, после побоища под Пуритамой боты вернулись в Сан-Педро, а потом, не найдя там воды, отправились на север к гейзерам.

— Боты хорошо знали, куда идут, — отметил Тимур.

Там, где следы виднелись более четко, было заметно, что «малыши» не петляли. Шли прямо, как будто по невидимому указателю в воздухе.

— А почему тебя это удивляет? — взглянул на него Рино.

— Теперь уже нет, нисколько, — сомнений не было: ботам *приказали* идти именно туда. Скорее всего, это Кацуро постарался, ведь ни Емельянов, ни чернокожие наемники не знали достаточно хорошо эту местность, чтобы передавать советы. — Поражает другое: как Сэм и Ндонга смогли так легко обнаружить эти следы?

— Не забывай, — ответил Хедхантер, — Ндонга был заражен. Он один из четверых человек, ехавших в машине с Емельяновым. Ндонга не искал следы. Он вел к ним.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что Сэм был чист. Я уверен. Психосуществу нужно было вывести джипы из зоны действия радиостанции, чтобы потом уничтожить или заразить гереро. Ему было выгодно, чтобы мы как можно дольше думали, что боты все передохли. Этого можно было достичь единственным способом: показать Сэму следы, ведущие на Эль-Татио.

— Ты прав...

Дорога шла вверх. С каждой сотней метров становилось все холоднее. В то время как на высоте Сан-Педро даже в разгар зимы воздух не охлаждается ниже +5 °С, на Эль-Татио ночью редко бывает теплее –5... –10 °С.

Машина выбралась на плато за четверть часа до захода солнца. Почти сразу следы исчезли.

Эль-Татио представляет собой плоскогорье, раскинувшееся на высоте 4320 метров над уровнем моря. С востока и севера оно окружено кольцом гор. С юга и запада к нему подступает пустыня. Под большей частью

плоскогогорья лежит одноименный геотермальный бассейн, прорывающийся на поверхность сотней гейзеров разной величины и мощности. Горячие фонтаны образуются в результате контакта замерзших подземных ручьев с раскаленными скалами. Некоторые из них бьют в высоту на 10 метров, а температура воды в них достигает 85 °С.

Эль-Татио — коварное место. Людей там нет — холод и разреженный воздух делают его непригодным для жизни. Изредка сюда забредают викуны^[126] (но надолго на задерживаются). Во многих местах на поверхность выходит хрупкая пористая порода. Наступишь на нее — и провалишься прямо в обжигающую воду, кипящую на глубине нескольких метров под землей.

Зима — лучшее время для гейзеров. Именно в это время возникает оптимальный перепад температур, вызывающий почти непрерывные эффектные извержения. Огромные столбы пара один за другим выстреливали в небо, кипящая вода растекалась по земле и за считанные минуты превращалась в лед. Косые солнечные лучи пробивались в щели между горами, скользили над плато, рикошетили, придавая зрелищу холодный сюрреалистический оттенок.

Увиденное потрясло Тимура. Еще никогда в жизни он не сталкивался ни с чем подобным. Вид был неземным. Головокружительно нереальным.

— Я еще не видел, чтобы кипящая вода и лед сосуществовали в природе, — выдохнул восхищенный Тимур.

Толстокожий Рино Хедхантер оставался равнодушным к суровой красоте за окнами пикапа. Амбал только скептически хмыкнул:

— Я знаю место, где ты найдешь точно такую же картину.

— И что это?

— Ад, фелла. Если мы не в настоящем аду на Земле, то, будь уверен, вошли в прихожую.

Ведя машину между гейзерами, Хедхантер стал прочесывать бассейн, разыскивая следы пребывания ботов. Он систематично пересекал плато с запада на восток, а затем в обратном направлении, постепенно сдвигаясь на север. Сначала все было в порядке. Тимур и Рино чувствовали себя защищенными: оружие на руках, полный бак бензина, осоловелые боты никак не досаждают. Но время шло, и их целеустремленность понемногу угасала. Когда солнце село и с гор обрушилась темнота, воодушевление уступило место скрытому отчаянию. Ботов не было.

— Никогда бы не подумал, что это плато такое огромное, — хмуро бормотал Рино.

Они продвинулись уже на два километра в глубь Эль-Татио. Число

гейзеров, издали напоминавших язвы на теле гиганта, в жилах которого вместо крови течет расплавленный металл, заметно увеличилось. Сейчас минимум два десятка таких отверстий обступали внедорожник.

— Нам надо убираться, — потупившись, сказал Тимур. — Я... не хочу быть здесь ночью. — «И чем мы только думали, когда выезжали сюда незадолго до темноты?»

— Хочешь приехать сюда завтра с утра?

«Нет! С меня хватит! Надо валить отсюда».

— Не знаю, Рино...

— Давай еще один круг, фелла, и тогда сваливаем.

«Черт побери, Хедхантер, поехали отсюда! Ты только посмотри на этот... ад!»

— Хорошо. Но только один.

Вдруг впереди в свете фар они увидели Ндонгу. Несмотря на обжигающий холод, он был одет лишь в легкую куртку и джинсы. Шокировало даже не это. Он *махал* поднятой над головой рукой. Медленно размахивал из стороны в сторону. Так в советских мультиках пионеры провожают самолет с генсеком на борту. Движения чернокожего парня были механическими, фальшивыми, делали его похожим на водоросль, мертвое водное растение, которое колышет течение.

— Ндонга жив, — голос великана сорвался; он остановил машину за сотню метров от фигуры, но двигатель не выключал. — Сукин сын. Что это означает, Тимур? Как он смог уцелеть на плато в течение стольких дней?

Кровь отлила от лица украинца. Побелевшие пальцы потянулись к ружью.

— Сколько этот идиот будет махать? — из горла Хедхантера выплескивалась паника. — Чего он хочет?

— Рино, ты не хуже меня знаешь, что это не Ндонга, — какая-то часть мозга, еще сохранявшая контроль над телом, заставляла Тимура открывать рот. Впоследствии он не будет помнить ни одного сказанного слова.

Хедхантер засопел, как бык:

— Что теперь? Сваливаем?

— Поздно.

— Почему?

— Не мы их нашли, а они нас. — «Как всегда, в принципе». — Боты знают, что мы здесь.

После этих слов Тимур, не спрашивая разрешения, достал из-за пояса Рино нож. Пролез в промежуток между креслами и разрезал веревки, которыми были связаны боты, привезенные из лаборатории. Они до сих

пор ловили кайф, ежеминутно активируя стимулятор.

— Зачем ты это сделал? — шепотом спросил амбал.

Ндонга продолжал глупо махать рукой.

— Боюсь, позже у нас не будет на это времени. — Тимур дрожал. — Двигайся к своему африканцу, только не спеши.

Рино отпустил стояночный тормоз и нажал педаль газа. Его челюсть выдвинулась, глаза блестели, исподлобья вцепившись в фигуру гереро. Тимур всматривался в темноту позади машины.

Внезапно из-под капота донесся ужасный хруст. Так трещит, ломаясь, древесина. Пикап встряхнуло, он наклонился капотом вниз, из-под правого переднего колеса в темноту вырвался столб горячего пара.

— Что за... — оторопел Хедхантер.

— Назад! — закричал Тимур.

Земля вокруг двухтонной «тойоты» трескалась с сухими звуками, разламывалась, как подтаявший лед на озере. Под тугим напором пара правое крыло тряслось, издавая металлический звук.

— Сдавай назад! — вопил Тимур; джип качнулся, зависнув над расщелиной. — Мы над карстовой пустотой!

Рино включил заднюю передачу, но отъехать не успел. В этот момент темнота слева разверзлась громоподобными вспышками. И это были не гейзеры. Боты открыли по машине стрельбу из «моссбергов».

* * *

— Пригнись! — закричал Хедхантер.

Тимур и сам все понял. Обхватив голову руками, парень зажал туловище между ног.

Хаотичная стрельба продолжалась. Джип пошатнулся на краю карстовой пустоты, из которой, как из вулкана, валил пар. Боты стреляли из дюжины ружей. Дробь стучала по левому борту; хрустнув, осыпались внутрь осколки бокового стекла.

Хедхантер толкнул Тимура в плечо: выходи! Парень открыл правую дверцу и вывалился на землю, прихватив с собой «ремингтон». Правую руку обдало горячим паром: он уронил ружье. Левую при этом кусал мороз.

Кряхтя и пригибаясь, Рино вышел следом.

Стрельба внезапно прекратилась. Боты перезаряжали свои дробовики.

— Выгружай наших ботов! — вытряхивая из волос стекло, сказал

Тимур.

— Зачем? — Хедхантер недоуменно хлопал глазами.

Парень сам не знал зачем. Но интуиция подсказывала: они должны вытащить привезенных «малышей» из машины. Открыв заднюю дверцу, он помог южноафриканцу выволочь ботов на песок. Всех троих. Одного за другим.

Пауза подозрительно затягивалась. Прошло вдвое больше времени, чем обычно нужно для перезарядки «моссбергов», однако боты не возобновляли стрельбу. Тимур подобрал ружье и выпрямил спину, ловя каждый звук, доносящийся с противоположной стороны машины.

— Где гранаты? — вдруг вспомнил он.

Рино проверил карманы.

— Бляха, забыл в салоне!

Тимур бросился ко все еще открытой передней дверце и заглянул внутрь. Двигатель не работал, и в машине стояла полная темнота. Он высунулся назад и повернул голову к Рино:

— Где именно? Сука, я ничего не вижу.

— Э... я не... не помню. — Здоровяк сидел на хрупкой земле, опираясь плечом на кузов джипа. — Старик, они где-то... ну... Черт, не знаю! — За ним выстроились боты. Четверо. Их белые тела хорошо были видны в темноте.

Тимур собрался уже искать самостоятельно, но что-то щелкнуло у него в голове. Он чуть язык не проглотил.

Четверо?!

Парень подался вперед, вцепившись взглядом в белые фигуры за спиной Рино. Мгновенно пересчитал их. Секунду он стоял ошарашенный, а потом понял: они же все одинаковые! Четвертый — чужой!!!

— Рино, за тобой! Сзади!!

Но было уже поздно. Из темноты из-за четырех мальчишеских силуэтов показалось несколько пар рук. Трое очумелых лабораторных ботов торчали на месте, зато пришедшие, извиваясь над землей, схватили Рино за ноги, повалили ничком и потащили во тьму. Великан заорал, но в голосе не слышалось злости. Ни на йоту. Рино Хедхантер второй раз в жизни испугался до смерти.

Не задумываясь над тем, что делает, Тимур нажал на курок. «Ремингтон» выстрелил дробью во тьму. Один из трех ошарашенных ботов упал вниз. Рино продолжал кричать. Тимур каким-то чудом не пристрелил его. «Я идиот!» — только и успел подумать программист, как за его спиной снова ожил гейзер и в воздух с шумом взлетел столб пара. Тимур

почувствовал, как обожгло спину, а в нос ударил сильный серный запах. Парень зажмурился и наклонился вперед. Воспользовавшись этим, один из ботов, как привидение, вынырнул из темноты и набросился на парня с фланга. Он три раза ударил Тимура о пикап, выбив из рук дробовик. После этого налетели остальные уроды. Вместе они повалили парня на землю и, взяв за ноги, поволокли прочь от машины.

Примерно в это же время Рино Хедхантер затих...

Руки были свободны, однако боты двигались настолько быстро, что Тимур просто не мог подняться. Лицо снова и снова ударялось о землю. Мелкие камни, песок и выступы породы безжалостно кромсали кожу.

Сколько по времени его тащили, как волокушу, Тимур понятия не имел. Иногда он терял сознание и приходил в себя только тогда, когда голова попадала на слишком большой камень. Единственное, что он понимал, — несут его в горы.

Во время одного из пробуждений украинец понял, что боты остановились.

Уроды занесли его в просторную пещеру. У входа горело несколько костров, в глубине воняло нечистотами.

Тимур лежал на холодной земле. Рядом с ним упало огромное тело Хедхантера. Рино застонал. Тимур повернул голову, чтобы посмотреть, как там южноафриканец. И его тут же вырвало. Между ним и Хедхантером лежали останки Сэма: полуразложившаяся верхняя часть груди Сэма, из которой, как хвост какого-нибудь динозавра, торчал белый позвоночник. Чуть дальше, у разведенного ботами костра валялись обгрызенные ребра и кости рук — все, что осталось от несчастного гереро.

Тимур застонал и отключился.

Понедельник, 31 августа, 23:00 (UTC –4)

Побережье Тихого океана

Чили

Истребители «F-22» вторглись в воздушное пространство Чили почти одновременно с «B-2». Приблизившись к побережью на широте придорожной станции Сан-Маркос, самолеты вышли из сверхзвукового полета, опустились до высоты восьмидесяти метров над землей и полетели над пустыней на юго-восток. Бомбардировщик-невидимка летел сзади, держась значительно выше — в 11 900 метрах от земли.

Пилоты истребителей и майор Хэтуэй не обменялись ни единым словом в эфире. Каждый из них точно знал, что должен делать. Разговоры были лишними...

Первыми на место операции должны были прибыть истребители. Их задача — прочесать территорию вокруг исследовательского центра. Совершенные системы поиска и идентификации мишеней помогут им обнаружить и ликвидировать тех участников проекта «NGF», которые по каким-либо причинам будут находиться за пределами исследовательского комплекса во время нанесения удара. Составленные генералом Ф. Клотцем инструкции требовали уничтожать не только живые объекты, но и технику, оставленную за пределами «NGF Lab».

После завершения первого этапа истребителям было приказано барражировать вокруг территории базы и сбивать любое воздушное судно, все равно — военное или гражданское, которое будет пролетать мимо зоны бомбардировки. В это время «B-2» снизится до 33 000 футов (10 058 м). Из его отсеков на комплекс «NGF Lab» должны были упасть 16 высокоточных JDAM-бомб^[127] весом в 2000 фунтов (907 кг) каждая. Пять предназначались для «DW», четыре — для второго инженерного, по три — для «EN-1» и «EN-3» и одна — для складского помещения. При этом «B-2» не будет приближаться к объекту. Бомбы будут сброшены с расстояния 26 километров, после чего по указанным координатам отыщут свои цели.

Роберт Хэтуэй занял кресло командира. Слева от него сидел капитан Джереми Руа, который следил за тем, чтобы бомбер вовремя вышел на заданную высоту. Майор на всякий случай проверил правильность введения глобальных координат для каждого снаряда. Убедился, что все в

порядке, и стал ждать. Майору Хэтуэю оставалось только нажать в нужный момент на кнопку. Ничего больше. Никакого геройства.

Хэтуэй взглянул на экран с картой, куда вводилось текущее положение самолета. До выхода на ударную позицию оставалось двести километров, или 15 минут полета.

Понедельник, 31 августа, 23:16 (UTC –4)
Исследовательский комплекс «NGF Lab»

Алан и Лаура томились в радиоконнате, ожидая, когда Рино Хедхантер и Тимур Коршак выйдут на связь.

Прошло уже более пяти часов с того момента, как Тимур и Рино покинули базу. Три часа назад они вышли из зоны действия радиосвязи, и Лаура не находила себе места от волнения. Алан дремал, приложившись щекой к черному стволу «ремингтона» (не зная о смерти Ральфа, они все еще остерегались его появления).

— Почему они не отзываются? — Дюпре нервно постукивала ногой по полу.

Алан открыл глаза:

— Я не знаю, — прогундосил инженер. Фраза прозвучала невнятно, что-то вроде «я’е’аю». Лошадиная доза обезболивающих препаратов одурманила Алана. Он хотел спать, как старый сурок поздней осенью. Собравшись с мыслями, он повторил более выразительно: — Я не знаю. Наверное, они еще не нашли ботов.

— Как ты думаешь, они будут искать всю ночь?

— Нет. Разведут костер посреди пустыни и устроят привал с песнями под гитару.

— Я серьезно, — обиделась психиатр.

— Ну откуда я могу знать? — отмахнулся Алан. Крепче обняв ружье, он закрыл глаза.

Девушка повернулась к передатчику, теребя пальцами нижнюю губу. Но не присидела спокойно даже минуты:

— А что, если боты не на Эль-Татио?

— Лаура, только возле гейзеров есть вода. Если боты не на Эль-Татио, значит, они давно в Боливии, а это уже не наши проблемы.

Дюпре не думала успокаиваться. Следующая догадка напугала ее не на шутку:

— Как это не наши проблемы? А вдруг они где-то здесь, возле комплекса, и готовятся на нас напасть?

Американец второй раз отмахнулся от девушки, как от назойливой мухи. Только на этот раз глаза не открывал и ничего не отвечал.

Для такой нервозности у Лауры были веские причины. Идея использования центра удовольствия как ахиллесовой пяты в мозгу ботов сработала, все прекрасно. Но дело в том, что психиатр в действительности понятия не имела, почему она сработала. Девушка сомневалась, получится ли так же с теми ботами, которые месяц шлялись на свободе. Она боялась, что будет как раз наоборот: боты-беглецы не запустят программу. А если и запустят, то слишком поздно...

Внезапно Лаура расслышала какой-то приглушенный грохочущий звук. Поначалу, приняв его за скрип динамика радиостанции, девушка бросилась к приемнику, но быстро поняла, что он, как и прежде, молчит. Потом она почувствовала, как вибрирует пол. Задрожали стены, окна, мебель. Она подумала, что это землетрясение. Звук стал стремительно нарастать.

Алан Гринлон открыл глаза:

— Что за фигня? Лаура...

Слова его потонули в убийственном грохоте. Казалось, слева за инженерными корпусами началось извержение вулкана Кракатау.

— Черт! — закричал Алан, распознав звук. — Этого не может быть... «Рапторы»!

— Что? — Лаура ничего не услышала.

— Сюда прислали истребители!

Рев прокатился барабанной дробью по зданию и быстро утих. Стены корпуса перестали дрожать. Еще несколько секунд с лестницы долетал гулкий шум, похожий на отдаленную лавину в горах, а потом стало тихо.

— Помогите мне, — попросил американец. Он был бледен и напуган. Выброс адреналина заглушил наркотический эффект от обезболивающих таблеток.

— Алан, я не понимаю, что это...

— Лаура, не болтай! Давай, помоги, поддержи меня, — инженер поднимался; вместе с ясностью разума вернулась боль в колене, — нам нужно выйти на улицу.

Лаура подставила плечо американцу. Он одной рукой обнял Лауру за плечи и, опираясь на ружье, как на костыль, медленно двинулся вместе с ней к выходу из здания. Через несколько минут они оказались во дворе перед фасадом жилого корпуса.

Их обдувал сухой прохладный ветерок, в небе сонно мерцали звезды. Полная тишина. У Алана сложилось впечатление, что рев реактивных двигателей ему померещился. Не верилось, что пустыня могла позволить такой грохот над вечно молчаливыми просторами. Если бы не Лаура,

американец готов был поверить, что у него случилась слуховая галлюцинация.

— Они прилетели за нами? — фраза прозвучала нелепо, как реплика из какого-то дешевого сериала про НЛО. Лаура скользнула взглядом по звездам и переспросила: — Они спасут нас, Алан?

Гринлон опомнился. Дюпре тоже слышала. Значит, рев уж никак не галлюцинация. Над комплексом действительно пронеслись «F-22».

— Это были «F-22», наши чертовы «Рапторы», я готов поклясться. — Американец поднял голову; страх погружал холодные пальцы в его внутренности. — Лаура... Лаура... Если бы нас собирались спасать, то прислали бы вертолеты. Летательный аппарат, предназначенный для спасения, не назовут «Раптором»...

Опустив голову, Алан прислушался. Пялиться в небо не было смысла: ночью «Рапторы» не видны. В какой-то момент инженеру показалось, будто он слышит рев турбин и на юго-западе. Ничего определенного он сказать не мог (хотя это действительно был один из «F-22», круживших над солончаковой пустыней).

У каждого самолета свое характерное звучание. Это как голос или отпечаток пальца у человека. Оно неповторимо. Специалист легко отличит мерный гул «Airbus'a-A320» от пронзительного свиста «Ту-154» или оглушительное рычание «F-16 Strike Eagle» от рева «Су-27». Алан не сомневался, что это именно звук «F-22». И это тревожило его. Что могут сделать истебители, пускай и лучшие в мире, с добротнo построенным, наполовину спрятанным под землей комплексом? Они просто не способны притащить на себе столько взрывчатки, чтобы разрушить его. Кроме того, американец не верил, что Пентагон решится бомбардировать чилийскую территорию. Это просто невозможно! Разве что...

— «В-2», — слетело у него с языка. В отчаянии он закусил губу.

— А?

Алан отпустил плечо Лауры. Неужели «В-2»? Эта «птичка» не просто способна донести до Атакамы достаточно разрывных гостинцев, она может сделать это *тайно* — проскользнуть незамеченной. Если это правда и в небе над Атакамой сейчас висит «В-2 Spirit», то через каких-то полчаса все, что от них останется, можно будет намазывать на хлеб.

— Сейчас здесь начнется ад, — прошептал инженер. Несмотря на темноту, Лаура заметила, как побледнело лицо американца. — Нам надо отойти как можно дальше в пустыню.



Схема операции "Антибот"

- авиабаза "Уайтмен"
- авианосец CVN-76 "Рональд Рейган"
- место дозаправки в воздухе (IFR, in flight refueling)
- маршрут "B-2 Spirit"
- маршрут "KC-130 Hercules" после заправки
- ✕ цель (комплекс "NGF Lab")

Поздно. Прошло пять секунд, и первая высокоточная бомба упала на корпус «EN-1». Высоко в небо поднялся огненный столб. Стены зданий «EN-2» и «EN-3» защитили Алана и Лауру от ударной волны, но девушка все равно не устояла на ногах.

— А-а! — Взмахнув руками, француженка упала на четвереньки.

Вторая бомба упала на складское помещение точно у них за спиной. Ударной волной их отбросило друг от друга.

Горячий колючий воздух поднял Лауру и, как пушинку, понес на ограду. Дюпре избежала поражения током только благодаря тому, что за секунду до этого та же волна порвала провода напротив того места, где еще мгновение назад стояло здание склада. Лаура перелетела через периметр, мешком упала в небольшую выемку, вывихнув при этом плечо, и закричала от боли.

Гринлона бросило на песок неподалеку от того места, где он стоял.

Следующие три JDAM-бомбы одновременно попали в здание «DW». Внутренности жилого корпуса превратились в раскаленный огненный шар, который не мог удерживать железобетон. Большой кусок армированной стены отделился от фасада здания и взлетел высоко в воздух. Алан этого не видел. Американец в это время ползком спасался от адского пламени, лизавшего ему ноги (в нескольких метрах позади него песок превращался в стекло), направляясь к углублению за оградой. Вырванная взрывом глыба нависала над его спиной.

Инженер так и не узнал, что его убило. Плоский бетонный блок площадью почти двадцать квадратных метров рухнул с неба на спину Алана, размазав его по земле. Был человек, и тут — хлоп! — нет человека. Осталось мокрое место, тонкая пленка из тканей, мышц и крови, прижатая

к песку десятками тонн железобетона. Пророчество Алана подтвердилось: тяжеленным обломком стены его размозжило до такой субстанции, которую только на хлеб и намазывать.

Остальные бомбы сыпались одна за другой. Грохот взрывов слился в непрерывную канонаду. Вокруг горел песок, пылал воздух. Черное небо плавилось от кровавого огня.

Лаура лежала за оградой, накрыв голову руками, и кричала. Ее кожа пересыхала и трескалась на глазах. Земля под ней ходила ходуном. Когда грохот стал нестерпимым, ее мозг просто отключился. Девушка чудом уцелела, но перестала воспринимать действительность. Она не видела, как L-образный обломок стены, словно гонимый ветром куст перекасти-поле, перелетел все расстояние от третьего инженерного корпуса до лощины, где она лежала, и стал над ней домиком, оградив от остальных обломков. Сверху падали новые и новые куски бетона, вконец засыпая ее укрытие. Если бы не они, француженка зажарилась бы живьем.

Через каких-то десять минут на месте лаборатории снова была пустыня.

Понедельник, 31 августа, 23:31 (UTC –4)

Плато Эль-Татио

Тимур очнулся от пронзительного крика, резанувшего по барабанным перепонкам. Он лежал на животе, пошевелился, почувствовав, что руки за спиной связаны чем-то толстым и скользким. Связаны неплотно. Если постараться, можно освободиться.

Крик прекращался на короткие промежутки, но каждый раз начинался с новой силой. Прошла минута, прежде чем программист понял, что кричит Рино Хедхантер. Голос великана изменился до неузнаваемости.

Тимур оторвал щеку от холодной земли и поднял голову над левым плечом. Великана перетащили к центру пещеры и уложили навзничь, прижав его руки и ноги к земле палками с V-образными развилками на концах. Такой же палкой еще один бот придерживал Хедхантера за шею. Рино был голым. По обе стороны от него горели костры. Дальше за ними по кругу сидели остальные боты.

Картинка чем-то напоминала иллюстрацию к «Вождю краснокожих» О. Генри.

Тимур увидел двух ботов, которых они привезли с собой. Их можно было легко отличить от беглецов по относительной чистоте. Эти боты должны были бы распространить стимулятор среди своих товарищей, но... этого не произошло.

Перед запуском процедуру нужно было скопировать. И тут возникла проблема. Боты, гулявшие на свободе, имели гораздо более сложный код в голове. Их макросы накладывались и часто противоречили друг другу. Следовательно, проверка кода, приходящего извне, занимала больше времени. Головы этих «малышей» работали как компьютеры с оперативной памятью, заполненной сотней неактивных программ. Другими словами, копирование могло не состояться даже тогда, когда компилятор дал добро.

Ни Рино, ни Тимур этого, конечно, не знали.

Трое мальчишек извивались между теми, которые держали наемника. В руках у них были головешки. Дико постукивая зубами, они совали в костер тлеющие палки, а затем прижигали ими тело Хедхантера. Рино долго терпел, но всему есть предел. Когда число ран уже насчитывало десятки, он, забыв о гордости, заорал во все горло. И замолчать уже не мог.

Едкие ожоги покрывали его руки, бедра, грудь и живот.

Лица ботов оставались неподвижными, но Тимуру казалось, что он различает на них тайное удовольствие, как у заглатывающей жертву змеи.

Неожиданно пытки прекратились. Рино отдышался и притих. Тут два бота, пытавшие Хедхантера, отступили в сторону и стали заинтересованно наблюдать за действиями третьего, оставшегося. Тот раскалил свою палку в костре и стал медленно приближать ее конец к глазу пленного великана. Фыркая, Хедхантер пытался увернуться.

Тимур отвернулся и заорал:

— Уроды! Сволочи! Говнюки! — кричал он по-украински. Парень не собирался спасать амбала. Просто осознал, что вскоре его ожидают такие же, если не более жестокие, пытки.

Для Рино Хедхантера эти славянские ругательства оказались спасительным заклинанием. Внимание ботов переключилось на Тимура. Раскаленная головешка ткнулась в щеку перепуганного Хедхантера, оставив глаз невредимым.

Взволнованные тем, что Тимур очнулся, боты засуетились. Несколько уродов подскочили на ноги и перетащили парня ближе к кострам. Тимура перевернули на спину и окружили его. Стуча зубами в такт бешеным ударам сердца, парень осмотрелся. За густым частоколом грязных босых ног он не видел ничего. Над ним поблескивали десятки пар выпученных черных глаз. За последнее время синева зрачков выцвела. Глаза были похожи на стеклянные шары, в которых бурлила черная жижа, подобная нефти.

Ужас парализовал парня. У Тимура не было сил кричать. Думал только об одном: вот они — его последние минуты. Скоро он умрет. Причем умирать будет медленно и болезненно. Подумать только: какая нелепость! Погибнуть от рук двенадцатилетних сопляков, которыми управляет какой-то призрак, по уровню развития не отличающийся от младенца.

Один из ботов протиснулся сквозь толпу и двинулся к нему, держа в руке пробирку с темной серебристой жидкостью.

— Нет! — заорал Тимур громче, чем Рино. — Нет! Лучше убейте меня!

Несколько ботов держали его за руки и за ноги, а «малыш» с пробиркой уже поднес ее к лицу Тимура.

— Не-е-ет! — украинец стиснул зубы и закрыл глаза. Понимал, что это не поможет, но не мог ничего поделать с собой. Он не хотел видеть, как раствор льется ему в лицо.

Внезапно прозвучал глухой удар.

Тимур открыл один глаз. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как над толпой, окружавшей его плотным кольцом, пролетел бот. Следом за этим воздух пещеры разорвал ряд звуков, похожих на собачье «ав-ав-ав!». Толпа ботов расступилась. В просвете стало видно Хедхантера. Ему удалось освободиться. Забросив одного бота к противоположной стене пещеры, он откинул ногой второго, а третьего швырнул лицом в костер. Именно этот последний по-собачьи таявкал.

Чуть больше десятка мальчиков двинулись на великана, спрятав от Тимура волосатую, как у обезьяны, задницу Рино. Парень выгнулся, из последних сил пытаясь избежать струйки серой жидкости, которая вот-вот польется на него из наклоненной пробирки. На какое-то мгновение вся остальная вселенная перестала существовать. Тимур не слышал борьбы Хедхантера. Не чувствовал запаха горелой кожи. Он видел мальчика, застывшего над ним с раствором наноагентов. Выпученные глаза переливались, отражая вспышки костра. А потом... мутная чернота вдруг втянулась внутрь и взгляд стал пустым. Бот по-идиотски засмеялся:

— И-ги-ги-ги! — и выпустил пробирку из рук.

Тимур изогнулся так, что позвоночник хрустнул. Мышцы напряглись, наполнившись металлом, и путы на руках в конце концов лопнули. Парень оттолкнулся от земли. Пробирка разбилась о камень в сантиметре от его спины. Тимур вскочил на ноги и сразу же завалился в другую сторону, с ужасом наблюдая, как по земле, точно на том месте, где он лежал, расползаются темные ручьи, в которых бурлят мириады микроскопических роботов.

— И-ги-ги-ги!.. Га-га-га-га-га... — заливаться смехом «мальш». Болтая руками, как тряпичная кукла, он пошел к выходу из пещеры.

Другой, возле которого теперь оказался Тимур, сделал губами детское «пр-р-р», высунул язык и... улыбнулся. Он тоже попробовал отойти, но в голове, похоже, помутилось, и бот, как пьяный, полетел на землю. Прижав колени к груди, «мальш» зачмокал и больше не вставал.

У Тимура отлегло от сердца: «Стимулятор все-таки пробился!»

Боты разбредались, фыркая, чмокая, неуклюже сталкиваясь и наступая друг другу на ноги. Рино колотил нескольких мальчишек, не замечая, что они перестали сопротивляться.

— Рино, хватит! — закричал ему Тимур.

От Хедхантера пахло пережаренным гусем. Из-за ожогов он стал пятнистым, как гепард.

— А? Что? — встрепнулся великан.

— Все кончено... Боты активировали стимулятор...

Здоровяк перевел взгляд на бота, валявшегося у его ног. Он лежал на костре, но никак не пытался отодвинуться. Высунутый язык болтался, а огонь тем временем безжалостно жарил его внутренности.

— Кончено? — Рино сейчас напоминал ошалевшего фермера, выигравшего миллион в лотерею.

— Да. Пора уходить. Мы победили.

Хедхантер переводил недоверчивый колючий взгляд с одного бота на другого. В конце концов опомнился, осознав, что стоит голый, и бросился надевать на себя остатки одежды.

Тимур топтался у выхода из грота. Наблюдал за ботами, которые теперь напоминали слепых белых червей.

Хедхантер собрал разбросанные по пещере «моссберги» и приволок их к украинцу.

— Держи, — вручил одно ружье Тимуру.

Парень послушно взял дробовик и повернулся, чтобы уходить, но Хедхантер схватил его за плечо.

— Нет, подожди, фелла. — Амбал силой развернул Тимура лицом к пещере. — Это еще не конец.

Костры догорали. В углах подземелья сгущалась тьма.

— Ты чего? — глянул исподлобья программист.

— Надо добить их.

— Но я думаю...

— Не думай. Смотри на меня и делай, как я.

Много лет после возвращения из Чили Тимура будет тошнить от одной только мысли об Атакаме. Его будет бросать в жар от воспоминаний о Пуритамском побоище, об убийстве Тианы Эмерсон и о схватке с Кацуро Такедой. Но больше всего будут терзать душу воспоминания о нескольких последних минутах, проведенных в пещере ботов. На протяжении десяти минут они с южноафриканцем расстреливали беспомощных мальчиков, раздробив им головы. Боты умирали один за другим, но мужчины не прекращали стрелять, пока в последнем «моссберге» не закончились патроны. Когда стихли отзвуки последнего выстрела, грот напоминал скотобойню. Больше не существовало звериной стаи двенадцатилетних мальчиков. Грозные боты превратились в кучи разорванного мяса...

Тимур и Хедхантер молча спустились на плато. Несмотря на темноту, отыскать его было не трудно: шипение гейзеров и серный запах четко указывали путь.

Еще десять минут ушло на поиски брошенного пикапа.

Левый борт «тойтоты» напоминал то ли дуршлаг, то ли мелкую терку. От стекла в левой передней дверце не осталось и следа. К счастью, двигатель оказался неповрежденным. Рино осторожно отвел пикап от карстовой пустоты, из которой до сих пор валил пар, и только после этого позволил Тимуру сесть в салон.

Не сказав ни слова, мужчины поехали на юг.

Они уже были далеко от Эль-Татио, когда Тимур нарушил молчание:

— Надо было их сосчитать...

— Зачем? Они же мертвые.

Тимур пожал плечами и съежился, пряча ладони в рукавах кофты. Холодный ветер гулял по салону.

— Не знаю. Ты уверен, что все? А что если... ну... кто-то остался за пределами Эль-Татио?

— Не выдумывай. Они всегда держались вместе, — поморщился Рино.

Но программист не выдумывал. Ему не давала покоя одна история. На следующий день после прибытия в «NGF Lab» Ральф Доэрнберг проводил вступительную лекцию. Канадец обмолвился, что один из ботов погиб. На подъезде к Каламе его сбил грузовик. После аварии еще живого «малыша» доставили в местную больницу, где старательные чилийские эскулапы засунули его в магнитно-резонансный томограф. Под действием магнитного поля голову бота размолотило не хуже, чем в блендере. Естественно, история о гибели белокожего юноши, найденного в пустыне, получила огласку. Об этом Джепу в свое время донес его информатор.

Украинец задумался о том, действительно ли все боты держались вместе после побега. Если бот, попавший под колеса, был не один, если рядом были все остальные, почему они позволили увезти своего еще живого товарища?.. И мысли Тимура повернули в не очень приятное русло. Возможно, тот мальчик в одиночку бродил по пустыне. Тогда логично будет предположить, что он был *не один* такой. Вырвавшись на свободу, боты попали в невероятно стрессовые условия. Они быстро обучались, однако на первых порах полученных знаний было слишком мало, для того чтобы противостоять вызову пустыни. Кто даст гарантию, что не было ботов, которые в самом начале отделились от всех? Которые эволюционировали сами по себе и... могли пойти куда угодно? Им было намного труднее выжить в Атакаме, но...

Тимур украдкой взглянул на Хедхантера. Южноафриканец, положив руки на руль, задумчиво смотрел на слабо освещенную дорогу. Он выглядел измученным и постаревшим. Последние десять дней в Атакаме сожрали, наверное, не меньше десяти лет его жизни. Парень покачал

головой, крепче скрестив руки на груди. И промолчал.

В конце месяца местные власти на севере Чили наконец обнаружили пропажу нескольких сотен людей. В регионе Антафагаста начались массовые аресты. Первыми попали за решетку участники бандитской группировки Джейми Макаки. Копы хватали всех без разбора, даже тех, кто временно отошел от дел.

Сам Макака сумел ускользнуть. В понедельник вечером 31 августа, за час до начала полицейской операции, его предупредил преданный информатор — выдающийся философ и мудрец Мигель, изображавший из себя немого.

Макака знал: рано или поздно этим закончится, и поэтому составил четкий план действий на такой случай. Коротышка действовал со скоростью молнии. Сначала для конспирации надел на голову блестящий мотоциклетный шлем, потом собрал самое необходимое — пачку бумажных салфеток, запасную пару носков, таблетки от запора и верный «магнум». После чего умчался из своего дома на стареньком мопеде.

Сначала, запутывая следы, он направился на север, без проблем выбравшись из Токопийи. На двухколесном драндулете, в темноте, да еще и в закрытом шлеме крохотный человечек был похож не на грозного мафиози, которого разыскивает вся полиция региона, а на подростка, спешащего домой. Вскоре Джейми завернул в пустыню, объехал Токопийю с востока, вернулся на Панамерикану и помчал на юг. В двадцати километрах к югу от Токопийи вблизи станции Калета-Буэна среди прибрежных скал у него был небольшой домик. Там он и собирался укрыться на время облавы.

К сожалению, кто-то из пойманных бандитов успел настучать о тайном убежище Макаки, и карлика уже ждали. Подъезжая к дому, Макака заметил на песке свежие следы шин. Он свернул с дороги, положил в придорожные кусты свой мопед и ползком подобрался к дому. Машину, конечно, не нашел. Вокруг было темно и тихо. Он терпеливо прождал на холодном ветру в темноте целых сорок минут, прежде чем один из полицейских, дежуривших в доме, вышел на крыльцо покурить. Вот так Джейми Макака стал настоящим бездомным. Прямо как выдающийся мудрец и философ Мигель.

Вдохновенно ругаясь, маленький чилиец выкатил мопед из кустов и снова выехал на Панамерикану. Он чувствовал себя хорьком, которого

выкурили из норы, и от этого в душе злился, однако самообладания не терял. Карлик недаром поднялся так высоко: он предвидел такую скверную ситуацию, когда ему не будет куда податься. И у него был самый последний запасной план. Семь или восемь лет назад он старомодно, по-пиратски закопал в пустыне клад далеко на восток от Калета-Буэна. На черный день. Там было все необходимое, чтобы выпутаться из самой сложной передрыги. Правда, чтобы выкопать клад, надо было дожидаться рассвета. Ночью он ни за что не разыщет укромное место.

Макака решил переночевать на побережье. Зная, что в Калета-Буэна задерживаться опасно, пигмей поехал на север, держась возле магистрали. Он ехал практически вдоль берега, когда заприметил в темноте здание. Это была старая каменная церквушка — все, что осталось от монастыря, стоявшего на этом месте еще с испанских времен. Несколько раз здание перестраивали, и так оно дотянуло до наших дней. Сейчас рядом с ней жило несколько монахов-отшельников.

Последний день зимы подходил к концу — до полуночи оставалось пятнадцать минут...

Уставившись на убогий деревянный крест, хорошо заметный на фоне ночного неба, Джейми почувствовал, как его переполняет горькое чувство обиды. Свирепый и взбешенный, пигмей забежал в церквушку. Он валился с ног от усталости. Голова раскалывалась от адской боли. Желудок непрерывно обиженно урчал.

Церковь была пуста. Несколько свечей горели в дальнем углу под тремя выцветшими от времени иконами.

— Ты! — закричал коротышка, подбежав к резному распятию, висевшему над алтарем. — Это Ты виноват во всем! Мало того что Ты сделал меня меньше, чем однокамерный холодильник! Тебе недостаточно, что мой член напоминает обглоданную сосиску, торчащую из недоеденного хот-дога? Теперь Ты отобрал у меня дом, помощников и деньги! За что Ты так ненавидишь меня?! — Джейми метал громы и молнии. Собравшись с духом, он ткнул пальцем в деревянное лицо и выпалил: — Ты — жирный безмозглый тюлень!

На мгновение Макака остановился, но земля не разверзлась и с неба не ударили молнии. Он осмелел.

— *Что?* — крикнул карлик, смешно раскинув руки. — Ну, что Ты мне сделаешь, а? Ты — ничтожество! Полный нуль, пустое место! Ты просто червяк, который только волей случая получил бессмертие!

Склонив голову, увенчанную терновым венцом, Иисус молчал. Босс токопийской мафии бесился все больше и больше.

— Если бы знал, я бы отрекся от Тебя еще двадцать лет назад! Ты же только насмеялся надо мной. — Обезумевший Макака подпрыгнул, ухватился за распятие и, уперевшись ногами в стену, начал дергать его на себя. — Вот я Тебе сейчас... сейчас...

Пигмей был не намного больше, чем распятие. Он изрядно помучился, прежде чем оторвал его от стены, рухнув вместе с ним на пол. Макака, истерично всхлипывая, подскочил и приготовился сделать то, что всегда делал с поверженными противниками, — помочиться на распятие. Он уже расстегнул ширинку, когда...

Надо сказать, Джейми выбрал *очень* неудачное время для выяснения отношений с Господом.

Вдруг карлик заметил, что распятие рывками отъезжает по полу в сторону. Пораженно пукнув, он поднял голову и увидел, что все предметы вокруг — алтарь, иконы, деревянные скамейки, подсвечники — бешено вибрируют. Их контуры расплывались, смазывались в темноте. Стены и пол беззвучно пульсировали. (Пигмей не знал, что такое инфразвук^[128], а потому не догадывался, что низкочастотные звуковые колебания могут достигать такой же мощности, как и обычные звуки, при этом оставаясь неслышными для человека.) Невидимая рука сжала ему горло. Макака взмок, ощутив присутствие Высшей Силы, и с ужасом осознал, что доигрался.

Вибрация не ослабевала, а на востоке стал нарастать низкий рокочущий звук. Джейми судорожно сглотнул, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание. Грохот нарастал быстрее, чем карлик успевал о нем думать. Через пару секунд от рева задрожала земля. Стекла дрожали. С потолка посыпалась штукатурка. Плаксиво стонали деревянные опоры, гвозди на глазах вылезали из досок. Рев нарастал, зажимая в тиски голову маленького мафиози. Похоже, терпение Господа иссякло.

— А-а-а-а-а! — заверещал Макака и наложил прямо в приспущенные штаны.

Через секунду рев достиг апогея. Тяжелая звуковая волна ударила по церкви невидимым кнутом. Стекла не просто вылетели — они дематериализовались с громким «дзин-н-нь!». Скамейки подскочили на полметра вверх и упали возле западной стены, дверь сорвало с петель. Она долетела до самого алтаря и сбила вконец деморализованного Джейми на пол.

Подгоняемый инстинктом самосохранения, Макака выскочил на улицу с воплями о милосердии и индульгенции. Дезориентированный мафиози выбежал на каменистый пляж и упал возле воды, запутавшись в

спущенных штанах. Грохот утихал на западе, отдаваясь так же быстро, как и появился. Маленький мафиози, подвывая, стал на колени, повернул голову к океану и... обомлел. Этот момент изменил всю его жизнь. Джейми заглянул в глаза Богу. В темноте над океаном, точно над Макакой, излучали отцовский укор два огромных оранжевых глаза. Они испепеляли его, терзали ему душу, наполняли тело благоговейным трепетом...

Несчастный коротышка понятия не имел о том, что на самом деле творилось в Атакаме на протяжении последнего месяца. Он не догадывался ни о существовании «NGF Lab», ни о ботах (хотя уже сталкивался с ними). Соответственно, Джейми не мог знать о налете американской авиации. После успешного завершения операции тяжелый и неповоротливый «В-2» сразу направился вверх, поднявшись настолько высоко, насколько позволяли его технические характеристики. Это был его единственный шанс спрятаться от радиолокаторов. Зато истребители прикрытия — четыре «F-22» — покидали место бомбардировки на бреющем полете. Один из «Рапторов» вылетел к океану как раз над церквушкой, где бесновался Макака, чуть не разнеся храм в щепки^[129]. Именно огонь из его турбин пигмей лицезрел на фоне ночного неба.

На самом деле Джейми не должен был видеть огненных выхлопов из турбин. Обычно у «F-22 Raptor» их не видно. Сопла экранируются четырьмя полигональными пластинами из специальных сплавов, которые уменьшают заметность истребителя в инфракрасном диапазоне. Однако самолет, добравшись до океана, начал набирать высоту, подняв нос на 30°. Турбины нацелились точно на побережье, и разгоряченные сопла «установились» на Макаку. Сопла «F-22» в поперечнике не круглые, они имеют форму приплюснутых прямоугольников, контуры которых сглаживают потоки горячих выхлопных газов. Не удивительно, что несчастный мафиози принял их за покрасневшие от праведного гнева глаза Господа.

Достигнув высоты, позволяющей выйти на крейсерский режим полета, пилот «F-22» выровнял истребитель. Оранжевые «глаза» исчезли. Но этого было достаточно, чтобы Джейми обделался второй раз за вечер и еще двадцать минут, после того как «Raptor» покинул воздушное пространство Чили, а низкий утробный рев растворился во мраке, бился головой о прибрежные камни и истошно вопил:

— Я все понял, Господи! Не убивай! Не убивай! Я больше не буду! Прости меня, засранца! Я больше не бу-у-уду!

Гены двадцати поколений ревностных католиков давали о себе знать.

Вторник, 1 сентября, 01:34 (UTC -4)

Пустыня Атакама

— Что-то гарью потянуло, чувствуешь?

Тимур по-собачьи втянул носом воздух:

— Есть немного. У нас мотор, случайно, не перегрелся?

— Да нет. Ну, разве что совсем сгорел, а не просто перегрелся...

Запах гари все усиливался. Из-под капота не доносилось никаких подозрительных звуков.

— Точно, что-то где-то горит, — согласился украинец, — и конкретно горит.

— Что же это такое? Здесь и гореть-то нечему, — продолжал недоумевать Хедхантер. — Песок и скалы.

Тимур дважды пожал плечами и зевнул. Парень чувствовал себя усталым, как верблюд после двухнедельного перехода по Сахаре. Если люди могут отбрасывать копыта от усталости, то он за шаг до этого. Осознание того, что все закончилось, — *наконец закончилось по-настоящему*, — только усиливало чувство обессиленности. Напряжение держало тело в нездоровом тонусе. А теперь он расслабился, размяк. Закрыв рот, парень увидел, как между холмами, к которым Рино вел «Тойоту», что-то сверкнуло красным светом. Что-то *гораздо более яркое*, чем габаритные огни на стенах лабораторий. Сияние длилось не более двух секунд, после чего спряталось за известняковыми выступами.

— Ты видел? — Программист протер глаза.

— Что?

— Впереди что-то блеснуло.

— Это, наверное, огни инженерных корпусов. Мы где-то рядом.

Парень продолжал присматриваться. Небо на юге показалось немного светлее, чем должно было быть. Так, как будто там пробивались вспышки утренней зари. Хотя какая, к черту, заря на юге да еще и в полвторого ночи?!

Джип взобрался на холм, а Хедхантер и Тимур увидели впереди выжженную черную полосу. Чем ближе они подъезжали, тем больше она становилась.

— Откуда *вот это* здесь взялось?.. — широко открыл глаза

Хедхантер. Огня не было, зато красно-черное пепелище переливалось, как живое. Ночной воздух над ним дрожал от жара.

Тимур молчал, с щемящим чувством в сердце думая о том, какую новую подлость приготовила им Атакама.

— Я, кажется, знаю, что это, — вдруг прошептал программист. Запах горелого становился невыносимым. К нему примешивался кислый металлический привкус. Он образовался в результате горения порошкового алюминия, входящего в состав тритонала, ^[130] — взрывчатки, которой были начинены американские бомбы. Парень закашлялся.

— Что?

— Здесь разбился самолет. Принюхайся: что-то кислое в воздухе. Думаю, это авиационное топливо.

Рино в сердцах ударил рукой по рулю.

— Fucking hell! Этого еще нам не хватало, — рявкнул он и повернул направо, чтобы объехать пепелище.

— Я видел нечто подобное в «Air Crash Investigation», — лепетал Тимур, приподнимаясь над сиденьем и поворачивая голову налево, — есть такая передача на «National Geographic», об авиакатастрофах...

— Заткнись! — рявкнул Рино. — Надо быстрее гнать на базу. Если ты не ошибаешься, меньше чем через час здесь будут спасатели.

— Упало что-то большое, — Тимур его не слышал. — «Boeing-777» или «Airbus-A340». Ты только посмотри на размеры выжженной земли! Поверить не могу... Рино, эта пустыня проклята!

Подпрыгивая на неровностях грунта, «Тойота-Тундра» плавно объезжала то, что Тимур принял за место авиакатастрофы.

— Я что-то не могу отыскать дорогу, — растерянно сказал Хедхантер. После ряда вылазок в пустыню с северной стороны комплекса успела образоваться хорошо утрамбованная колея. Рино выписывал восьмерки, безрезультатно пытаясь найти ее.

— Кстати, мы уже должны были быть на месте, — посмотрев на часы на центральной панели, сказал Тимур. — А я пока даже сигнальных огней не наблюдаю.

— Что за черт? Дороги нет, — возмущался великан.

— Ты хочешь сказать, мы заблудились? Ну, я понимаю, темно, но все же...

Неожиданно шорох под колесами выровнялся, зазвучал по-другому, а в свете фар возникла насыщенно-белая равнина. Несмотря на ночь, Тимур и Рино узнали местность. Они десятки раз видели ее из окон своих спален.

— Солончак?! — синхронно выдохнули мужчины.

Джип выехал на солончаковую пустыню, начинавшуюся сразу за лабораториями.

Хедхантер остановил машину и озадаченно почесал давно не мытую голову.

— Срань господня! — сказал он, обернувшись назад. — Да это же...

— Это... наши... лаборатории, — мрачно подтвердил его вывод Тимур. Он смотрел в том же направлении. Там, где два часа назад стояла задняя стена спального крыла корпуса «DW», теперь чернело ночное небо, слегка освещенное пожарищем.

Повернувшись обратно, Хедхантер положил руки на руль:

— Куда они... — Рино пытался подыскать подходящее слово, но не мог. В башке вертелись глаголы, не очень подходящие к словосочетанию «бетонные здания» (улетели?.. растаяли?.. испарились?..). — Куда они... э-э... провалились?

Мотор зарычал. «Тойота» сделала разворот и поехала обратно той же дорогой. Через минуту машина остановилась напротив места, где когда-то находился главный вход в жилой корпус. На протяжении всего этого времени пассажиры пикапа не сводили вытаращенных глаз с пепелища.

Мужчины вышли из джипа и пошли к руинам. Задержались в трех метрах от защитного периметра. Точнее, от того места, где когда-то был периметр. Сейчас ограда покоилась под кучей раздробленного и обуглившегося бетона. Ближе их не подпускал жар, струящийся из обожженной земли.

— Как можно за полдня сжечь пять колоссальных зданий? — заговорил Рино. — Как можно сжечь здание *так*, чтобы даже фундамента не осталось?

Время от времени среди пепелища что-то потрескивало. Копошилось и дышало, как живое.

— Ты думаешь, это Лаура и Алан постарались? — наконец произнес что-то членораздельное Тимур.

Уперев руки в бока, Хедхантер обводил глазами пепелище.

— Fucking hell!... — только и смог сказать великан.

Закрыв локтем нижнюю часть лица, парень подобрался ближе к руинам. Он присел на корточки и на одном из кусков стены увидел обожженную надпись:

GATE

Синего цвета. Значит, из какого-то инженерного корпуса.

— Что они наделали? Что они наделали, Рино? — как попугай,

повторял Тимур.

— Девица и американец здесь ни при чем. В подвале был запас топлива для генератора, — начал трезво рассуждать Хедхантер. — В лаборатории был пропан в баллонах. Но взрыв этих веществ не мог привести к таким последствиям... так все расхерачить...

— Это может быть психосущество, — сделал свой вывод Тимур. Он не соображал, что говорил. После недавних событий он надолго потерял способность видеть грань между разумными и неразумными выводами. — Вдруг оно материализовалось?

Как только он упомянул это жуткое чудовище, проникшее через головы ботов в наш мир, из кучи обломков неподалеку от него высунулась черная рука.

— А-а-а! — завопил программист и, отшатнувшись, упал на задницу.

— А-а-а! — вторил ему амбал, отскакивая назад. — It's no fucking good!^[131] Убери его!.. А-а, где мое ружье?! Черт побери, где дробовик?

Хедхантер побежал к пикапу за «ремингтоном». Хорошо, что он оставил его в машине. Когда здоровяк вернулся, Тимур уже не кричал. Перед ним из руин торчала чумазая, как у шахтера, голова Лауры. Если бы оружие было в руках, амбал пристрелил бы девушку.

— Эй, лягушатница! — взревел Рино. Он должен был прокричаться, чтобы заглушить жгучее чувство стыда. — Что это ты устроила здесь? Что это, бляха, за праздник пиротехники? Захотелось Хэллоуина, растудыть твою налево?!

Он все еще дрожал после мимолетного испуга. Нервы не выдерживали. Затем великан инстинктивно похлопал по карманам в поисках сигарет, пока не вспомнил, что они закончились.

— Рино, успокойся. — Украинец быстрее взял себя в руки. — Помоги ее вытащить...

Психиатр была жива, но явно не в себе. На удивление, она не получила серьезных травм, если не считать выбитого плеча и ожогов на спине, руках и правой части лица. Девушка рыла вслепую целых полчаса, прежде чем выбраться на поверхность. Тимур и Хедхантер осторожно перенесли ее на заднее сидение «тойоты». Иногда Лаура спохватывалась, смотрела выпученными, но невидящими глазами в крышу машины и бормотала, что надо быстро уходить подальше в пустыню. А потом снова впадала в забытие.

Через два часа она очнулась. Попросила воды, осушила содержимое последней бутылки и начала вспоминать. Сначала она вспомнила, как Алан узнал по звуку американские истребители. Потом рассказала, как они

выбрались из здания во двор, не увидев ничего подозрительного. Дальше воспоминания обрывались. Она не помнила даже, как выбиралась из-под обломков. Но Хедхантер и Тимур уже получили представление о том, что произошло за время их отсутствия.

Они выполнили грязную работу. После чего Пентагон поставил жирную точку.

Конец?

Вторник, 1 сентября, 06:43 (UTC -4)

Пустыня Атакама

Окна машины запотели, дольше продержав в салоне темноту.

Тимур открыл глаза первым. От сна в неудобной позе затекли ноги, а шею от левого уха до позвоночника простреливала боль. Он открыл дверцы и сполз на песок. Распрямился. Потянулся. Вдохнул полной грудью.

Обошел машину, оказавшись между ней и пожарищем. Долго смотрел на почерневшие куски железобетона, хмурился, восстанавливая в памяти вчерашние события. Затем почесал голову, расстегнул ширинку и начал справлять утреннюю нужду.

Хлопок дверцы разбудил Хедхантера. Кряхтя, амбал вывалился из пикапа и вразвалку пошел к Тимуру.

— Как спалось? — повернув голову, поинтересовался программист.

— Как в гробу. Теснота собачья. А ты как?

— 3-замерз... — стуча зубами, произнес парень. Кровь еще не успела разогнаться по венам. Руки и ноги были в пупырышках. Тело дрожало. — А еще жрать хочется...

Хедхантер с пониманием кивнул, стал рядом, расстегнул штаны и последовал примеру Тимура, рассматривая с каким-то идиотски-недоверчивым выражением руины того, что совсем недавно было одной из самых технологичных лабораторий Южной Америки. Здоровяк напоминал смущенного миллионера, который довольно условно припоминает вчерашнюю вечеринку, во время которой случайно сожгли его виллу.

— Даже не верится. Правда, старик? — сказал Хедхантер, движением головы указав на пепелище.

Тимур молча кивнул.

Так они и стояли, плечо к плечу, поливая теплыми струями бурый песок.

— Все не так уж плохо получилось, — отстраненно проговорил южноафриканец.

— Ты о чем?

— Обо всем... этом...

Мужчины почти одновременно застегнули «молнии» на брюках.

Тимур посмотрел на Рино. Парень, хоть убей, не мог найти ничего хорошего во всем этом.

— Не надо на меня так таращиться. — Хедхантер стукнул его по плечу, — все зависит от того, с какой стороны на это дерьмо посмотреть. Ты же знаешь: бутылка может быть наполовину пустой, а может — наполовину полной. Жаль, конечно, столько народу полегло. — Наемник сплюнул на землю. Это действие и выражение его лица немного не вязались с последними словами. — С другой стороны, если не приноживаться, подумай: боты уничтожены, доказательства ликвидированы, а мы — живы. Могло быть хуже, фелла. Гораздо хуже...

— Ты прав. Могло быть хуже.

Украинец пошел к внедорожнику, открыл заднюю дверцу и разбудил Лауру.

— Как ты? — спросил он.

— Хочу воды.

— Воды больше нет, Лаура... Надеюсь, скоро раздобудем.

— Хреново.

— Знаю.

Хедхантер сел на место водителя.

— Что делаем? — сел в машину Тимур.

— Валим отсюда. Или тебе хочется собрать камушки на память?

— Куда ты собираешься ехать? — серьезно спросил Тимур.

— В Каламу. А если хватит горючего — в Антофагасту. У нас есть паспорта, сядем на рейсовый автобус до Сантьяго-де-Чили, там на самолеты — и по домам.

— Паспорта, говоришь? Прекрасно. Но у нас нет денег! Нам придется общаться с посольствами. Объяснять...

Рино цокнул языком. Тимур начинал его раздражать.

— Дай добраться до города, — прорычал Хедхантер, — я достану деньги для всех.

— Как? — не успокаивался программист.

Южноафриканец ответил с явными сердитыми нотками в голосе:

— Ты хочешь улететь домой или нет?

Тимур смотрел на солнце, выплывавшее из-за гор. Оно приобрело приятный оранжевый оттенок, не раздражающий глаз. Возможно, в Антофагасте удастся сбыть кому-нибудь их «тойоту». Парень понимал, что пикап побитый да еще и *обстрелянный* из дробовиков; он успокаивал себя тем, что кто-то соблазнится купить его на запчасти. И Хедхантеру не придется «доставать» деньги привычным для него способом.

— Да, я хочу улететь домой, — наконец, произнес он.
Рино завел двигатель, и они тронулись.

Вторник, 1 сентября, 07:29 (UTC -4)

Пустыня Атакама

— Стойте! — насторожилась Лаура.

— Тебе плохо? — глянул в зеркало заднего вида Тимур. (У Хедхантера разболелись ожоги, и Тимур сменил его за рулем.)

— Нет, — тряхнула головой девушка, — просто остановись.

Плавнo нажав на тормоза, Тимур заехал на обочину.

— Вы слышите? — подняла брови Лаура.

Рино открыл рот, собираясь спросить что именно, когда внезапно услышал размеренное пыхтение. Тихое «ух-ух-ух...» разлеталось по пустыне.

В этом месте известняковые холмы нависали над дорогой и закрывали обзор.

— Вертушка, — через секунду определил амбал.

— Точно. — Дюпре поводила указательным пальцем по кругу, имитируя движение лопастей.

— Ну и что? — спросил Тимур.

— Неужели не понимаешь? Это армия, фелла.

— Вне всякого сомнения, — поддакнула психиатр. — Давно их ждала. Исчезновение стольких людей, машин, отсутствие связи с коммуной Сан-Педро, а теперь еще и ночная бомбардировка. Все это не могло вечно оставаться незамеченным. Кажется, чилийские военные наконец, взялись за ум.

— Господа, — заговорил Хедхантер, — думаю, не стоит объяснять, что встреча с официальными представителями Чилийской республики не входит в наши планы.

— Это уж точно.

— Что ты предлагаешь? — Тимур был готов подписаться под каждым словом амбала.

Уханье вертолета доносилось с севера и нарастало.

— Давай в пустыню! — скомандовал Рино. — Быстрее!

Тимур свернул с дороги и погнал на юг, напрямик через равнину. Им повезло, что в данной местности грунт был преимущественно твердый. Из-под колес не поднималась пыль, которую, несомненно, засекли бы с

вертолета.

Неровности рельефа позволили беглецам незаметно отдалиться от шоссе, затерявшись в пустыне. Тимур время от времени косился в зеркало, но вертолет так и не показался, держась низко над холмами. На расстоянии двух километров от трассы парень нашел подходящее углубление, загнал туда внедорожник и заглушил мотор. Когда над головой летает машина, которая движется гораздо быстрее и дает возможность видеть намного больше, лучше переждать. Скоро размеренное пыхтение винтов смягчилось, превратившись в еле слышный фон, а потом окончательно затихло.

Лаура, Рино и Тимур вовремя убрались с дороги, соединяющей Сан-Педро и Каламу. Через пять минут после того, как они съехали с трассы, по ней прошла колонна из четырех бронетранспортеров и шести грузовиков с солдатами. Если бы Тимур проснулся в то утро хоть на десять минут позже, они бы ни за что не выскользнули из пустыни незамеченными. Через полчаса все дороги, ведущие в Каламу и Сан-Педро, будут перекрыты. Еще через час военные перекроют трассы № 5 (Панамериканская магистраль), № 25 (Кармен-Альто — Калама) и № 1 (еще одна ветка Панамериканы, на участке Токопийя — Антофагаста).

В течение двух с половиной часов, пока не кончился бензин, они ехали по пустыне на юго-запад. Потом, бросив машину, вышли пешком на Панамерикану между поселком Бакедано и станцией Кармен-Альто. Лаура предложила добираться до Антофагасты автостопом. Собственно, ничего другого и не оставалось. Правда, учитывая отсутствие денег, а также крайне неприглядный внешний вид, шансы на то, что кто-нибудь подбросит их до столицы региона, были ничтожно малы...

Утром 1 сентября Джейми Макака сгонял в пустыню и откопал свой клад.

Кладом оказался завернутый в целлофан походный рюкзак. В нем лежали боливийский паспорт на имя Луиса Фернандеса, пятнадцать миллионов песо наличными^[132], патроны для «магнума», фотографии парагвайских порнозвезд, несколько сувениров, оставшихся Джейми от отца, и рулон туалетной бумаги. Очистив рюкзак от песка, Макака выбросил туалетную бумагу и постеры с грудастыми парагвайками. Секунду поколебался и порвал на мелкие кусочки паспорт гражданина Боливии. Затем он целую минуту смотрел на пачки с деньгами — проклятыми ненавистными бумажками, которые испортили ему жизнь. Задумался, а не избавиться ли от них — сжечь и развеять пепел над пустыней?

Сухой ветер клубился вихрями, превращая песок в причудливые, похожие на духов фигуры.

Но, поразмыслив, Джейми все же решил оставить деньги у себя. Так сказать, на время. Все еще под впечатлением вчерашнего инцидента пигмей надумал отдать их тем, кому они действительно нужны. К примеру, настоятелю собора в Антофагасте. Или в детский дом. В крайнем случае — просто раздать бедным. Он глянул в ясное небо, словно ожидая от Него одобрения, после чего, успокоившись, побросал деньги обратно в рюкзак.

Вернувшись к мопеду, мафиози забросил сумку за спину и малоизвестными окольными путями начал выбираться из пустыни. Поскольку к месту хранения клада ближе всего была трасса № 5 (восточное ответвление Панамериканы), пигмей направился на восток. Через полчаса он выехал на магистраль, откуда с высоко поднятой головой и твердым решением начать праведную жизнь повернул на юг. Несколько раз навстречу ему попадались военные грузовики, один раз — колонна из восьми бронетранспортеров «МОВАГ Пиранья»^[133] и желто-бурого пятнистого джипа «Land Rover Defender». А уже на подъезде к Кармен-Альто над ним, наклонив носы, пролетели три «Eurocopter AS350», боевые вертолеты французского производства, стоящие на вооружении чилийской армии. Хмурые и грозные, они неслись на северо-восток, в Каламу.

Видно, Господь поверил в благие намерения Макаки — ему явно везло и никто его не остановил. Он выехал из зоны оцепления за пятнадцать

минут до того, как на дорогах провинции Эль-Лоа появились военные посты и ограждения.

После Кармен-Альто встречных машин уже не было — военный патруль перекрыл впереди трассу № 5 и перенаправлял все машины на трассу № 1, в объезд Каламы и Сан-Педро.

За несколько километров до Бакедано Макака увидел на обочине три странные фигуры. Худой юноша обернулся на звук мотора и уж было поднял руку, чтобы проголосовать, но потом разглядел приближающееся двухколесное транспортное средство и руку опустил. Джейми сбросил скорость. Фигуры заинтересовали его. Hitch-hiker'ы в Чили — редкое явление. Тем более что эти трое совсем не похожи на тех убогих *europcos autoestopistas*^[134], готовых запрыгнуть в первую попавшуюся машину, хотя бы и дерьмовоз, лишь бы куда-то ехать. У них даже рюкзаков нет.

Приблизившись, Джейми удивился еще больше. Рядом с худым юношей стояли огромный, как слон, мужчина и девушка. Они явно были неместными и выглядели так, как будто вчера их страшно били в каком-нибудь из баров Арики^[135], после чего они всю ночь плелись пешком до самой Антофагасты. Одна рука у девушки была примотана к туловищу каким-то тряпьем. Ее плечо неестественно торчало вверх и вперед. Лицо со страшными ожогами. У великана наполовину заплывший левый глаз. А лицо русоволосого было расцарапано так, как будто его возили мордой об асфальт.

Макака обогнал путников и остановился — у него кольнуло сердце.

— Buenos días, vagabundos^[136], — сказал он, оборачиваясь и снимая шлем.

От незнакомцев ужасно воняло потом. Хотя после вчерашних переговоров с Господом о Джейми тоже нельзя было сказать, что он пахнет розами.

«Что стал? — враждебно глянул на коротышку Тимур. Взгляд красноречиво выражал его мысли. — От твоего велосипеда нам пользы никакой», — парень был усталым и злым.

— Может, попросим его позвонить кому-то из родственников? У него же должен быть мобильный? Вдруг они нас... — Лаура запнулась, не закончив мысль. Никто из них — ни она сама, ни Тимур, ни Хедхантер — не знали испанского. Тимур мог читать, но с разговорным языком у парня были нелады.

Джейми наблюдал за ними со смешанным чувством сострадания и отвращения. Проклятые гринго! Приперлись Бог знает откуда, нахватались

проблем, а теперь плетутся в свои посольства жаловаться на то, какие плохие чилийцы. Именно так! А как иначе? Как еще они могут оказаться посреди пустыни, да еще в таком задолбанном виде? Макака свирепо нахмурился.

Но в следующую секунду обезьяний оскал сошел с его лица. Он в который раз вспомнил горящие глаза на океаном и данное Всевышнему обещание. Это троица здесь неспроста. Это знак. Стопудово знак. Это Господь решил проверить на прочность его клятву. Обезьянье лицо приняло подхалимски-благочестивое выражение. «Все мы дети Господни. — Коротышка мысленно приказал себе держаться. Как бы ни было тяжело — не грешить даже в мыслях. — Ты сомневаешься во мне, Отче? Хочешь проверить, стою ли я того, чтобы пополнить ряды Твоей паствы? О, я Тебя понимаю. Я покажу Тебе, — Джейми расправил узенькие плечи, — покажу, на что я способен». Он снял рюкзак со спины и направился к незнакомцам.

Хедхантер настороженно следил за карликом. Несмотря на скромные габариты Макаки, он безошибочно распознал в нем товарища по цеху, причем товарища весьма опасного. Джейми тем временем подошел вплотную, вынул из рюкзака... четыре толстые пачки денег и ткнул их в руки Тимуру.

— Es un regalo... hay para todos^[137], — смиренно, но в то же время торжественно изрек Макака.

Тимур растерялся от неожиданности.

— No entiendo, señor^[138], — ответил он единственное, что смог вспомнить, теребя пачки в руках. Он был в шоке. Коротышка показался ему сказочным эльфом.

— Ентъендо, ентъендо, — встрял Хедхантер и положил свою громадную ладонь на деньги, чтобы украинец вдруг не вздумал отдать их обратно.

— Мы не можем взять бабло, — прошептал парень. — Это как-то...

— Заткни хлебало! — рявкнул на него Рино.

Чувствуя, как протестуют в нем все приобретенные за годы криминальной практики рефлексy, заглушая демонов в своей голове, Макака отступил на несколько шагов назад и сделал рукой отводящий жест: мол, берите-берите. Какой-то нервный получился жест. При этом взгляд его не отрывался от четырех пухленьких пачек. Макака многое совершал в своей жизни, но такого геройства, такого бескомпромиссного самоотречения — еще никогда. Он даже вспотел.

— Muchas gracias, chica!^[139] — поблагодарил его Хедхантер.

Джейми похолодел. Ему послышалось или этот переросток назвал его барышней? Джейми непримиримо, вызывающе смотрел на гиганта. Ноздри раздулись, как кратеры. Мысли о Боге со свистом вылетели через уши. Таких огромных и наглых говнюков он еще не встречал (на вид Рино был почти втрое больше коротышки). Вы только посмотрите, скотина какая: ему дают кучу денег, а он... р-р-р! У Макаки от возбуждения начала дергаться челюсть. Он пожирал амбала хищным взглядом, представляя, как он... Сейчас он достанет из рюкзака пистолет и отстрелит его слоנוвьёю сосиску так, что она отлетит вон до тех холмов.

Но нет! Он же дал слово Господу.

Такова судьба всех, кто служит Богу, — делаешь добро, а тебе срут на голову. Макака вскочил на свой мопед и рванул с места, умоляя Господа впредь *так* не испытывать его терпение.

— Зачем ты назвал его чикой? — спросил Тимур.

— Это же у них значит «чувак» или «приятель», разве нет? — удивился Хедхантер,

— Ты безнадежен, Хедхантер. — Тимур только махнул рукой, не подозревая, что Рино пару секунд назад находился на волосок от смерти.

— Сколько там? — глядя вслед мопеду, поинтересовался амбал.

— Три пачки с купюрами по 5000 песо и одна — по 10 000 песо. Итого два с половиной миллиона или примерно пять тысяч баксов, — сосчитал программист.

— Вот и деньги на дорогу домой, — весело рассмеялся Хедхантер.

Лаура, которая долго была под впечатлением от чилийской щедрости, наконец очнулась:

— Этот лилипут... на мопеде... он же вонял говном. Или мне померещилось? И вообще, что *это* было? Почему он отдал нам деньги? Я не понимаю, мы его не просили...

— Пошли, девка, — Рино коснулся ее здорового плеча, — вечно ты лезешь со своими философскими штучками... — Для полного счастья Хедхантеру не хватало только одного — закурить.

Через двадцать минут их подобрал директор археологического музея Каламы, который ехал в Антофагасту, решив на некоторое время убраться из города. Подальше от проблем.

Этим же вечером, воспользовавшись услугами авиакомпании «LAN Chile», все трое вылетели из Антофагасты в Сантьяго. В 22:01 их самолет успешно приземлился в аэропорту чилийской столицы.

Совершив первый в своей жизни акт благотворительности и чувствуя себя реально крутым филантропом, Макака без приключений доехал до Антофагасты. По дороге он не нарушил ни одного правила дорожного движения.

Без четверти три пополудни коротышка открыто прибыл в главный город региона. И сразу отправился в католический собор на центральной площади.

— Где твой босс? — спросил он у мальчика-служки. — Мне надо с ним поговорить.

Мальчик рукой указал на худощавого старца в черных одеждах, который, набожно сложив руки и склонив голову, стоял под одной из икон. Был вторник, и, кроме седого святоши, в соборе больше никого не было. Джейми подошел к священнику сзади и в нерешительности остановился. Старик не замечал карлика, продолжая сосредоточенно молиться.

— Эй... Пс-с... — окликнул его Макака.

Священник открыл глаза и обернулся. Джейми смутился, покраснел.

— Что тебе нужно, сын мой?

— Я... ну... э... хотел бы кое-что... туда... — Макака не мог подобрать слова. Так и не сказав ничего внятного, лилипут прикусил губу и молча протянул священнику свой рюкзак.

Старик открыл сумку, заинтересованно заглянув вовнутрь. Даже в полумраке он видел, что там лежат деньги. Целые пачки денег. Очень много толстых пачек с деньгами.

— Кому это? — округлил глаза священник.

— Господу, — твердо сказал Макака. — Пожалуйста, передайте все это Господу.

— Я не...

— Делай, что я сказал, тупоголовый болван! — завопил коротышка, но спохватился и, боязливо озираясь по сторонам, попросил прощения: — Простите... Я не это хотел сказать, — карлик несколько раз бросил испуганный взгляд себе за спину и один раз внимательно осмотрел потолок собора. Вроде все спокойно. Не услышал. — Просто... Думаю, вы знаете, как лучше их использовать. Сделайте так, чтобы они дошли до Господа.

Старый священник не понимал, что от него хотят, но с учетом неуравновешенного поведения низкорослого прихожанина решил не

перечить. Он еще раз заглянул в рюкзак и двумя пальцами брезгливо вынул оттуда огромный «магнум».

— Я думаю, — сказал священник, — Господу это не понадобится.

— Да, конечно, — пробормотал Макака и покраснел еще больше. — Можете его... э... выбросить.

Старик совсем оторопел:

— Хорошо...

— Ладно. Я тогда пойду.

— Ладно, идите.

Святой отец и дальше держал «магнум» в вытянутой руке, словно боялся, что от одного движения тот может выстрелить. Джейми развернулся и пошел прочь.

Неожиданно, когда Макака почти добрал до выхода из собора, старик уронил револьвер на пол (долго держать полторакилограммовый, полностью заряженный «магнум» двумя пальцами за смазанный ствол практически невозможно). Выстрела, конечно, не было, зато грохот от удара металла о кафель разорвал на куски благочестивую тишину собора.

— А-а-а! — закричал Джейми. Потом открыл глаза, упал на колени и склонил голову, покорно ожидая, когда потолок свалится на его грешную макушку...

Тем же вечером в 20:00 Макака сдался полиции. В участке он на восьми листах написал повинную с перечислением всех своих преступлений, к которой приложил схемы поставки наркотиков в Антофагасту, имена наркокурьеров и адреса перевалочных пунктов. Полицией Чили и Боливии понадобилось два месяца, чтобы поймать всех, кого набожный карлик упомянул в своем автобиографическом манифесте.

С тех пор Джейми больше не называли Макакой. В тюрьме карлик любил рассказывать историю о том, как Бог прислал к нему своих Ангелов. В первый раз они пришли и попросили 39 противогазов и еще таблетки, название которых он забыл. Но Джейми сразу не внял предостережению Господа. Поэтому через две недели Всевышний сам спустился к нему с небес и едва не испепелил его молнией. Тут Джейми уже не мог не прозреть. Так что в тюрьме коротышку нарекли Джейми-видевший-Бога. Иногда он слишком увлекался деталями и в красках расписывал, как на своем пути к Господу трижды обделался: один раз во время встречи с Молчаливыми Ангелами и целых два раза — в момент личной аудиенции. Поэтому за глаза его величали менее пафосно, но так же божественно — Джейми Дристун.

Среда, 2 сентября, 03:18 (UTC –4)

Международный аэропорт «Артуро Мерино Бенитес»

На отель денег уже не хватило, так что Тимур, Лаура и Хедхантер, купив билеты, заночевали в аэропорту Сантьяго.

Тимуру не спалось. Собрав остатки денег после покупки билетов и опустошения местного кафе, парень пошел искать интернет-точку. Ему повезло. В одном из залов наткнулся на два компьютерных бокса. Заплатив за час доступа к сети, он зашел в скайп.

В Киеве время девять двадцать утра. Алина была онлайн. Он позвонил. Алина приняла вызов.

— Доброе утро, — тихо сказал Тимур.

Ответа не последовало.

— Я тебя не разбудил? — продолжил Тимур.

Видеосвязь включать он не стал.

— Это ты? — довольно раздраженно отозвалась девушка.

— Это я, — ответил Тимур. — Я возвращаюсь.

— Ага.

— Мне надо тебе о многом рассказать, — вздохнул Тимур.

— Можешь не напрягаться.

— Даже так... Хочешь сказать, между нами все кончено?

Она не ответила. У Тимура отлегло от сердца.

— Как бы ты себя ни накрутила, не делай поспешных выводов. Завтра я прилетаю в Киев. Мы встретимся, и я все объясню. Мне надо, чтобы ты меня просто выслушала. — Что он будет говорить, Тимур еще не знал. Во всяком случае, рассказывать правду он не собирался.

— А где ты сейчас?

— В аэропорту Сантьяго-де-Чили.

— Хорошо, — безразлично сказала Алина. — Прилетишь, тогда позвонишь.

Тимур не смог прочитать, что скрывается за ее холодным тоном.

— И еще... Денег не будет.

— Каких денег?

— Мне не заплатили.

— Что? — В панцире показного равнодушия появилась трещина.

— Я не мог написать тебе, потому что... Нас держали как в тюрьме. Потом все пошло кувырком. О деньгах можно забыть. Я рад, что жив остался. Возвращаюсь без денег. Вообще.

Алина вспомнила мамины слова: «Он и не уезжал никуда, я уверена. Сейчас, наверное, валяется в обнимку с какой-нибудь шлюхой».

— Врешь, ты врешь! Где ты был все это время? — взорвалась Алина.

Тимур не сдержался. Включил видеосвязь. На экране у Алины появилось изображение зоны отправления аэропорта «Артуго Мерино Бенитес». Перед камерой застыло лицо Тимура: впалые щеки, засохшие бурые ссадины, потрескавшиеся губы, синяки под глазами.

— Я не вру...

— Боже, что с тобой?! Кто это сделал?

— Ты не поверишь, но это боты.

— Что? Какие боты? Почему ты не можешь рассказать все как есть? Пожалуйста, Тимур! Я все пойму.

Тимура даже затошнило от злости. Ему захотелось накричать на нее. Обзывать последними словами. Заорать во все горло: «Ты, тупая курица! Ни хрена ты не понимаешь! Мне пришлось убить невинную женщину! И это не была самозащита, потому что она не могла навредить мне!» Желание сорваться было непреодолимым.

Парень сдержался. Он сам не знал как, но усмирил свою злость.

— Ты все еще меня ждешь?

— Конечно я тебя жду.

— Я читал твое последнее письмо...

Алина не сдержалась и кокетливо улыбнулась.

— Ничего не было. Я просто злилась на тебя.

— Мы еще об этом поговорим.

Тимур не собирался произносить эти слова настолько грубо. Он сам себе удивился. И понял, что после атакамской истории никогда не станет таким, как раньше, и вряд ли избавится от стальных ноток и резкости в голосе. А еще он вдруг осознал, что никогда не захочет детей. По крайней мере, точно *не сына*. Он просто спать не сможет, когда мальчик достигнет двенадцатилетнего возраста.

— Не о чем говорить, — мягко сказала девушка. — Я люблю тебя... Хотя ты и козел, каких еще поискать. И чтоб ты знал: это была твоя последняя командировка. Перед следующей тебе придется просить развод, и я тогда затаскаю тебя по...

Тимуру не хотелось ее слушать. Он хотел ее видеть, но не слышать.

— Тогда жди меня. Завтра буду...

И прервал связь.

Среда, 2 сентября, 16:42 (UTC –4)

Международный аэропорт «Артуро Мерино Бенитес»

Терминал I, гейт № 21

Рино пришел к гейту № 21 провожать Тимура и Лауру. Совсем скоро рейсом AF 401 авиакомпании «Air France» они отправлялись в Париж. Вылет был запланирован на 17:30. На табло справа от основных ворот гейта мигали номер рейса и яркая надпись «AF401 — BOARDING». Их ждал тринадцатичасовой перелет через Атлантику. Дольше всего придется добираться украинцу. В аэропорту Парижа Тимур должен был пересесть в самолет «Міжнародних авіаліній України» (рейс PS 9282), который отправляется в 12:35 на Киев.

Сам Хедхантер в 18:25 улетал в Сан-Пауло. В Бразилии он должен был подождать три часа, после чего на лайнере «Airbus-A340» авиакомпании «South African Airways», флагманского перевозчика Южно-Африканской Республики, направится в Йоханнесбург. Для того чтобы попасть на посадку на рейс до Сан-Паулу, Хедхантеру придется перейти из терминала I в терминал D. Впрочем, у великана было достаточно времени.

Раны Лауры и Тимура постепенно заживали. Несмотря на это, пассажиры, стоящие в очереди на посадку возле гейта № 21, косились на их лица со все еще заметными ссадинами и ожогами. Парень и девушка производили впечатление людей, которые повсюду тащат за собой огромный мешок с проблемами. В принципе, такое предположение было недалеким от истины.

Лаура и мужчины держались в конце очереди. Никто не знал, с чего начать прощание.

— Ладно, нам пора загружаться, — наконец сказала Лаура.

— Хорошего полета, — кивнул Хедхантер.

— И тебе, Рино, — сказал Тимур.

— Спасибо.

Тимур протянул ему на прощанье руку:

— Хотелось бы сказать что-то вроде: было приятно познакомиться. Но после всего этого иногда кажется, что лучше бы мы никогда не встречались.

Хедхантер улыбнулся и пожал руку Тимуру:

— Расслабься, фелла. Все позади. И забудь. Думаю, вам не надо напоминать: держим язык за зубами. Никому ни слова, даже родственникам.

— Конечно, — согласилась Лаура. — О чем речь...

На табло вспыхнуло «FINAL CALL». Сотрудница чилийского офиса «Air France» звала последних пассажиров:

— Все, кто зарегистрировался на рейс AF 401 компании «Air France» до Парижа, пожалуйста, пройдите к гейту № 21.

— О'кей, — Рино хлопнул Лауру по плечу. — Давайте.

— Пока, Рино.

— Пока.

Лаура и Тимур направились к входу в рукав, ведущий к белоснежному «Boeing-777-228ER». Амбал задумчиво провожал их глазами. Слева от Хедхантера работал телевизор. Канал «BBC World News». Диктор рассказывала о зверском убийстве одиннадцати крестьян в Боливии. Рино невнимательно слушал:

«Местные власти сообщают об одиннадцати погибших на юго-западе Боливии. Жертвами разбойного нападения стали жители горного поселка Уюни. Вечером 1 сентября двое подростков ворвались в местный супермаркет и набросились на находившихся в нем покупателей. От ударов примитивными каменными орудиями девять человек погибли на месте, еще двое позднее скончались в больнице. По свидетельству очевидцев, нападавшие были близнецами...»

Хедхантер вдруг почувствовал, что пол горит у него под ногами. Он не хотел, но какая-то сила заставила повернуть голову. Все внимание сосредоточилось на новостях. Диктор продолжала:

«...явно европейской внешности, хотя вели себя, цитирую, по-дикарски агрессивно. Близнецы взяли с собой теплую одежду, продукты питания и исчезли в неизвестном направлении. Полиция департамента Потоси составила фоторобот подозреваемых...»

Дальше Рино не слышал ни одного слова. Увиденное оглушило его. С экрана на Хедхантера смотрели два аккуратно нарисованных бота. Те самые выпученные глаза. Острые скулы. Запущенные светлые волосы. Голые по пояс.

Тимур и Лаура, предъявив посадочные талоны, прошли мимо пропускной стойки. Перед тем как нырнуть в рукав, Тимур оглянулся. Рино стоял, подняв руку и открыв рот.

Амбал чуть не закричал. Какую-то секунду он колебался. Подумал, что надо их остановить. Они не закончили. Они...

Украинец помахал южноафриканцу.

Секунду Рино стоял неподвижно, как памятник, вытянув правую руку вперед и вверх.

Тимур, заметив выражение удивление (чуть ли не испуга) на лице Хедхантера, вопросительно выгнул бровь.

Но Рино пересилил себя и махнул в ответ. Выдавить улыбку ему не удалось.

Тимур Коршак и Лаура Дюпре исчезли в рукаве. Рино Хедхантер повернулся и зашагал прочь из терминала. Чуть ли не побежал, непрерывно восклицая, как испорченная пластинка: «Fuck it... Fuck it... Fuck it».

30 января 2011 года — 27 февраля 2012 года

Каир — Ровно — полуостров Халкидики — Киев — Луанда — Людериц — нац. парк Этоша — Виндхук — Киев

От автора

Не помню точно, когда появился замысел этого романа. Но окончательно идея написать «Бот» выкристаллизовалась зимой 2010 — 2011 гг., большую часть которой я провел в Сахаре. Хотя — и в этом я абсолютно уверен — отдельные, размытые и неотчетливые, образы мелькали в моей голове еще задолго до того, как я создал на компьютере папку под названием «Бот» и начал собирать материал для книги. Они закрались в подсознание летом 2009 года, когда я впервые оказался в Атакаме — самой сухой пустыне на Земле. С тех пор меня часто посещали эти образы. В снах. Главным образом в недобрых снах...

Я колебался. Немного боялся начинать. Знал, что роман будет немаленьким. Я предвидел, что будет весьма непросто собрать воедино жуткие картинки, которые по ночам копошились в мозгу, как маленькие, но настойчивые червячки. Мало созреть для написания книги. Иногда нужен мощный толчок, чтобы заставить себя начать работу. Но идея не отпускала меня, и в январе 2011 года причины появились.

Во-первых, я закончил «Любовь и пираньи» — автобиографическую книгу о путешествиях по Бразилии, и надо было приниматься за что-то новое. Это, в принципе, очевидно. А вот второй причиной стала... Сахара. После скитаний по Ближнему Востоку мои отношения с арабами достигли качественно нового уровня — я перестал с ними общаться. И, путешествуя из оазиса в оазис, держался особняком, не вступая, кроме случаев крайней необходимости, ни с кем в разговоры. Поэтому у меня было достаточно времени для того, чтобы обдумать фабулу. Кроме того, в путешествии со мной был мой Rocketbook, и именно в Сахаре, в одном из забытых богом оазисов, прячась в тени пальмовой рощи, я прочел роман Майкла Крайтона «Рой». События в книге Крайтона (хоть они и не имеют прямого отношения к «Боту») тоже происходят в пустыне — в штате Невада, на юго-западе США. Впервые при чтении романа я почувствовал настоящий страх. Не знаю, чья в этом заслуга: «отца» технотриллеров Майкла Крайтона или невозмутимой бескрайности Сахары, но факт остается фактом — смесь напряженных эпизодов из «Роя» и пейзажей реальной пустыни активизировала вулкан моего воображения. Я увидел, словно наяву, картины из своей будущей книги: встречу в пустыне с ботом, «малыша» в маске из человеческой кожи, расправу Хедхантера над ботами и прочие.

Действие в моей книге должно было происходить в отрезанной от всего остального мира лаборатории, которую я планировал расположить в пустыне. Но Сахара отпадала — она была слишком тесной для того, чтобы принять моих ботов. В Сахаре пять оазисов. Четыре из них — Аль-Харга, Дахла, Фарафра и Ба хария — соединены отличной асфальтированной дорогой. К ним ходят рейсовые автобусы. И даже самая удаленная Сава, населенная берберами, не производила впечатления глухой дыры. Может быть, где-то глубже в Сахаре есть действительно дикие места, но я до них не добрался и, соответственно, не захотел писать о них вслепую.

Поэтому я остановил свой выбор на Атакаме с ее жуткими ущельями и бросающими в дрожь известковыми скалами. На пустыне, где оазисов нет. Думаю, от этого роман только выиграл.

Моя страсть к пустыням стала первым из двух столпов, на которых основан «Бот». Другим таким столпом стала наука. «Наука» не в смысле совокупности знаний о каком-нибудь объекте или явлении. А наука — как самая опасная игрушка в руках человечества.

Странно... Во второй половине XX века из-за ошибок, безответственности или прямой деятельности ученых погибли миллионы людей. 21 января 1968 года бомбардировщик «В-52» ВВС США с четырьмя водородными бомбами на борту разбился во время тренировочного полета на севере Гренландии. Бомбы не взорвались, но их оболочка была повреждена. Погибли сразу 18 человек, 500 получили различные дозы радиации. К счастью, полет проходил над относительно безлюдной Гренландией, а не над континентальными США или Канадой. 3 декабря 1984 года в Бхопале, столице индийского штата Мадхья-Прадеш, в результате аварии на химическом заводе компании «Юнион Карбайд Корпорейшн» в воздух попали 40 тонн метилизоцианата (CH_3NCO). Погибли 6300 человек. Еще полмиллиона пострадали. 26 мая 1986 года авария на Чернобыльской АЭС унесла жизни тридцати человек, сотни тысяч получили различные дозы радиации. Этот перечень можно продолжать. Страниц получится не меньше, чем в романе. Но до сих пор ни один аспирант, получая звание кандидата или доктора наук, не проходит психологических тестов для подтверждения адекватности, как, к примеру, делают с пилотами авиалайнеров.

Может быть, проблема кажется преувеличенной. Техногенные катастрофы случаются не так уж и часто, с ними почти всегда можно справиться... и т. д., и т. п. Я мог бы согласиться этим утверждением. К примеру, если бы большая катастрофа случалась один или два раза в

столетие, забирала жизни нескольких тысяч, ломала жизни нескольким миллионам и ситуация *не ухудшалась*, на этом можно было бы остановиться. Если бы со временем ситуация не становилась хуже, я бы по-другому написал этот роман. Или не брался бы за него вообще.

Дело в том, что ситуация все-таки ухудшается. С каждым годом. С каждым днем.

Ничто не стоит на месте. Мир развивается, маршируя вперед бешеными темпами. Количество научной информации удваивается каждые два-три года. Параллельно эволюционирует методология, появляются новые подходы и инструменты. Еще десять лет назад важно было «держаться на волне перемен». «Если ты не на волне, ты вне ее», — говорили молодым ученым. Сейчас все изменилось. «Волна знаний» стала настолько большой, что одному ее просто не постичь. Исследования достигли таких глубин, что ученый больше не может быть специалистом одновременно в двух областях. Зато ученые теперь ковыряются в конкретной — каждый в своей — сфере, стараясь разобраться в ней как можно лучше и надеясь, что эта сфера и дальше будет актуальной. Нейрохимик знает все о химических взаимодействиях на уровне нервных клеток, но не понимает квантовой механики. Кибернетик понятия не имеет о нанотехнологии, даже не догадываясь, насколько близки эти сферы. В начале прошлого столетия гений-одиночка мог изменить картину мира, создать новое учение (Альберт Эйнштейн, Бенуа Мандельброт и др.), сейчас ученые вынуждены объединяться в группы. Количество авторов в публикациях в журналах «Nature» или «Science» иногда превышает шестьдесят человек!

В этом *уже* таится угроза. Мы выпускаем джина из бутылки. Не за горами то время, когда мы не сможем больше контролировать собственную технологическую мощь. И ученые, эти жрецы науки, будут бессильны, даже если они объединятся в группы по тысяче человек. Количество, а главное — скорость появления новых знаний могут запросто погубить всех нас.

По этому поводу можно долго дискутировать, но «Бот» писался с несколько другой целью. Самая большая опасность, которую несет в себе стремительное развитие технологий, далеко не так очевидна.

«Praemonitus praemunitus», — так говорили древние римляне. Предупрежден — значит вооружен. Техногенная катастрофа, вспыхивающая в рамках одной, хорошо известной сферы, — это еще полбеды. Ученые, которые будут работать над устранением ее последствий, по крайней мере будут знать, с чем имеют дело, а значит —

будут знать, как действовать.

Достижения различных наук, усовершенствования научных методов, появление еще более совершенных инструментов открыли перед учеными новые возможности. Вот только никто не предвидел, что эти колоссальные возможности столкнут нас лицом к лицу с угрозой новых, *других* катастроф. Не тех, которые могут быть вызваны отказом оборудования, инженерными просчетами, ошибками персонала или даже злым умыслом. Впереди нас ждут катастрофы, которые *придут из неизвестности*. И с ними будет невыразимо тяжело справиться.

Объясню подробнее. Несколько десятилетий назад, задумывая эксперимент, ученый предвидел (оценивал) его возможный результат. Другими словами, догадывался, что получится на выходе. Если говорить совсем механистически, выглядело это примерно так: «Соединяю несколько рычагов, к ним прикрепляю зубчатые колесики, вставляю вот такой вал, а потом нажимаю на эту кнопку — и все начинает крутиться примерно вот так». Прекрасно, вот только эра механицизма давно канула в Лету. На сегодняшний день ученые добрались до глубин, за которыми начинается настоящее неведомое, территория, на которой интуиция и развитое воображение больше не действуют. Хороший пример — Большой адронный коллайдер. Этот колоссальный ускоритель заряженных частиц не границе Швейцарии и Франции (неподалеку от Женевы) построили для того, чтобы разрешить главное противоречие современной физики. На протяжении XX в. сформировались две основные теории мироздания. Первая из них базируется на теории относительности Эйнштейна, описывая Вселенную на макроуровне, вторая — опирается на квантовую механику, описывая материю на микроуровне. Проблема в том, что эти теории (несмотря на то что каждая из них подтверждена экспериментально) *несовместимы*. Для адекватного моделирования многих процессов нужны одновременно и одна, и другая, а они... противоречат друг другу. Большой адронный коллайдер был спроектирован, чтобы ответить на основополагающие вопросы, касающиеся строения Вселенной, и тем самым объединить эти теории. Вот только... это всего лишь слова. Ни один ученый не знает, какая картина откроется после экспериментов. Я не говорю о вероятности появления черных дыр и уничтожения всей планеты. Это бред. Я веду речь о том, что физикам неизвестно, какая из теорий получит подтверждение, относительности или квантовая, появятся ли какие-то новые факты, снимающие неувязки между ними, или — кто знает — образуется совершенно новая теория мироздания. Экспериментаторы не знают, к чему

приведет столкновение тяжелых ионов и протонов, разогнанных до колоссальных скоростей!

Это и стало основным толчком к написанию «Бота», ведь ядерная физика — это только один пример.

Другой пример — нанотехнология — наука о механизмах, которые в тысячу раз тоньше человеческого волоса. Впервые концепт нанороботов прозвучал в 1959 году во время выступления Ричарда Фейнмана, имевшего название «На дне полно места»^[140]. Ученые рассчитывают, что в ближайшие два-три десятилетия нанотехнологии проникнут во все сферы техники: роботы, соизмеримые с размерами клетки, будут собирать наноплаты для мини-компьютеров, их будут применять для поиска и уничтожения раковых клеток, они будут работать военными разведчиками и прочее. Несмотря на то что эти роботы искусственно созданы людьми, они будут живыми в полном смысле этого слова. Их влияние на биосферу может быть и будет огромным. Гораздо бóльшим, чем влияние промышленной революции или загрязнения природы отходами.

Но *влияние* еще не означает *опасность*. Нанороботы, существующие на сегодняшний день, не способны к самовоспроизведению и слишком чувствительны к ветру, солнечной радиации, грязи — они ни за что не выживут во внешней среде. Они могут быть опасны как вирусы, а с этим мы знаем, как бороться. Угроза придет с другой стороны — от *группы* ученых, которые найдут применение нанороботам в прикладных сферах. Я писал об этом выше и не раз упоминал в романе. Один робот не способен ни на что. Нанороботы могут выполнять какие-либо задачи, собираясь в большие скопления — рои. Для управления такими роями нужны программисты. После того как рой будет готов к работе, понадобятся специалисты в той области, где планируется использовать нанороботов (к примеру, медики или разработчики микропроцессоров). В результате группа будет включать в себя специалистов *как минимум* в трех разных областях.

Нанотехнология станет очень опасной, объединившись с другими технологиями.

Современные методики и инструменты чрезвычайно совершенны, они позволяют проводить опыты, не вникая в суть процесса или явления. Иногда получается, что разработчик экспериментальной установки является лучшим специалистом, чем тот, кто этой установкой пользуется. Именно в таких условиях — на стыке различных дисциплин, с привлечением ученых, многие из которых не специалисты в главном предмете исследований, — нанотехнология может вызвать страшный

результат, которого никто не то что не ожидал, а даже не мог представить. Именно об этом написана моя книга.

Я начал писать «Бот» 30 января 2011 года в Каире в отеле «Cairo Stars» в самый разгар египетской революции. Завязка и основная часть романа были написаны в Украине весной, летом и осенью того же года, за исключением нескольких эпизодов, которые я написал во время поездки в Грецию и авантюры в Новой Зеландии. Заключительная часть — кульминация и развязка — была написана зимой 2011 — 2012 гг. в Анголе и Намибии. Часто я писал у костра, весь обмазанный репеллентом, слыша вместо ворчания застрявших в пробках автомобилей отдаленное рычание львов или перебранки обезьян. Это помогало. Редактирование «Бота» я делал в хостеле «Cardboard Box Backpackers» в столице Намибии. Выражаю благодарность его хозяину Чеду. «Cardboard» — лучший *writing house* из всех, которые только можно представить...

Все упомянутые в романе технологии существуют на самом деле. Говоря о соединении нейронов с неорганическими материалами, я опирался на разработки сотрудников факультета биоинженерии Аризонского государственного университета (Stephen P. Massia, Matthew M. Holecko, Gholam R. Ehteshami «In vitro assessment of bioactive coatings for neural implant applications»)^[141], а также международной группы ученых из университета города Льовена, Бельгия (Carmen Bartic, Koen de Keersmaecker and Els Parton «Neurons on Chip: Bridging the Gap Between Biology and Microelectronics»;^[142] Els Parton, Kurt Winters, Dries Braeken, Koen De Keersmaecker, Carmen Bartic, Gustaaf Borghs «Patterning neurons-on-chip devices using microcontact printing»^[143]).

Молекулярные роботы и молекулярный процессор тоже существуют. В частности, молекулярные роботы описаны в статьях Эндрю Туберфилда (Оксфордский университет) и Людвиг Бартелса (Калифорнийский университет в Риверсайде). О нанопроцессоре я узнал из статей Анирбана Бандиопадхья (Anirban Bandyopadhyay) и Сомобрата Ахари (Somobrata Acharya) из Международного центра молодых ученых в Цукубе^[144] (ICYS).

С теорией хаоса я познакомился давно, когда занимался программированием и 3D-графикой. Немало постулатов классической физики разлетелись вдребезги, когда я прочел книгу Дж. Глейка «Хаос: создание новой науки»^[145] (1987). Рекомендую ее для чтения — она увлекательно написана и не требует специальных знаний.

С 3D-графики началось мое увлечение фракталами. Много я узнал из книги Бенуа Мандельброта «Фрактальная геометрия природы»^[146] (1977).

Правда, для понимания многих разделов этого немаленького нучного эссе необходимо быть подкованным в математике.

Вводя в роман психосущество, я опирался на идеи Карла Юнга. С идеей коллективного бессознательного можно подробнее ознакомиться в «Тевистокских лекциях» (благодарю за наводку Юлию Джугастрянскую).

Хочу поблагодарить кандидата химических наук Анастасию Яковенко за помощь при проработке многих технических моментов этого романа. В частности, именно Настя «привнесла» в роман альдостерон, наполнив реальным содержанием мой замысел о зависимости ботов от стероидов.

Отдельное спасибо моему товарищу программисту Эдуарду Корольчуку за ценные советы относительно программирования ботов при создании компьютерных игр. Я их не послушал и написал все по-своему, но все равно — спасибо.

Продумывая сюжет, я не планировал, что в роман войдет эпизод с совещанием в Пентагоне. Необходимость в нем появилась, когда я понял, что ни один из существующих американских бомбардировщиков просто *не может доставить бомбы* в пустыню Атакама — слишком уж она далеко расположена от действующих американских авиабаз (авиабаза «Говард» в Панаме была закрыта 1 ноября 1999 года).

Я решил, что лабораторию будут бомбить самолеты ВВС США. Россия находится слишком далеко от Атакамы, а ни одна другая страна мира не владеет достаточно мощной стратегической авиацией. Но главное, что на сегодняшний день только у США есть бомбардировщики-невидимки, способные обмануть современные системы ПВО.

Вот так завертелась вся эта кутерьма, связанная с подготовкой операции «Антибот». Что только я не выдумывал, чтобы «B-2 Spirit» смог дотянуть до цели. Дозаправка в воздухе тоже не спасала ситуацию, ведь заправщики тоже должны были куда-то садиться. Я не знал, как быть дальше. По-голливудски взрывать лаборатории кем-то из участников проекта «NGF» не хотелось — это тривиальный, заезженный ход.

После нескольких *недель* кропотливого поиска неожиданно я наткнулся на статью, в которой речь шла о посадке транспортного самолета «C-130» на авианосец. *Единственной* в истории авиации! Выяснив, что одна из модификаций «C-130» является заправщиком, я понял, что нашел выход из тупика. Тщательно просчитав время вылета, время нанесения удара, место встречи «Призрака» с воздушным танкером и расход топлива, я «вшил» в сюжет историю о планировании операции и уничтожении лабораторий. На мой взгляд, она придала фабуле реалистичности. В любом случае выполненная работа лишней не была.

Если Пентагону когда-нибудь понадобится бомбить Чили, он может использовать приведенные в романе расчеты. За точность я ручаюсь.

Не стоит, наверное, говорить, что все упомянутые в романе населенные пункты, аэропорты, пассажирские рейсы, терминалы и даже гейты также существуют.

Единственное: население Сан-Педро составляет 1938 человек. Я уменьшил его до 400 человек, чтобы с ними могли справиться 40 ботов (я рассуждал так: 3/5 из этих четырех сотен — это женщины и дети, остается 160 мужчин, разбросанных по поселку, сонных и не готовых к сопротивлению, поскольку боты пришли неожиданно среди ночи). Был, правда, другой вариант: я мог увеличить общее количество ботов и, соответственно, количество тех из них, которые сбежали, но написание современной интерпретации эпопеи «Война и мир» не входило в мои планы.

Невзирая на все вышесказанное, все герои и ключевые события романа вымышленные.

И еще... В конце лета 2011 года, написав большую часть романа, я потерял перспективу. Продолжал писать скорее по инерции, чем осмысленно. Я больше не мог объективно оценивать текст. Такое часто случается, когда пишешь большой текст. Потеря чувства новизны рано или поздно приводит к утрате веры в саму идею. Просто наступает момент, когда тебе *больше неинтересно рассказывать самому себе эту историю*. Это очень неприятная вещь.

Но тут я совершенно случайно наткнулся на песню «Undead» молодой гар-кор-команды «Hollywood Undead». Это было настоящее землетрясение! Долбаный Везувий шарахнул огнем у меня перед мордой! Ничего подобного я не чувствовал с 1998 года, когда впервые услышал шведских рокеров «In Flames». Насыщенная импульсивная мелодия рвала меня на куски, сжигала мои внутренности. Я словно летал над землей. Этот прилив энергии надо было на что-то потратить. И я с новыми силами засел за рукопись. На рассвете каждого дня сбрасывал в плеер три песни «Hollywood Undead» — «Undead», «California» и «City» — включал звук на полную и писал, писал, писал... Никому не известные молодые рокеры стали электрошоком, который прожег мою башку, вернув в нее привычных чертиков. 6 — 7 часов / 2000 слов / 13 000 знаков каждый день — и я увидел, как отдельные оборванные куски срастаются в прочное цветное полотно, формируя целостное повествование.

Поэтому в заключение я благодарю «Hollywood Undead» за песню, которая перетряхнула стружку в моей голове и помогла закончить «Бот».

Эта композиция позволит лучше понять, в каком полубезумно-эйфорическом настроении писались последние главы. Надеюсь, она пригодится и вам. Ее легко найти в Интернете. Пусть ураганные аккорды «Undead» вдохновят вас, замкнут нужные нейроны в мозгу и помогут завершить какой-нибудь проект на таком высоком уровне, на который вы только способны.

Хотя вдруг я ошибаюсь и песня не заденет ни одного из ваших жизненно важных органов?.. Ну что ж, тогда вы просто позлите ревом динамиков своих соседей. :)

М. К.

14 января 2012 года
Хостел «Cardboard Box Backpackers»
Виндхук, Намибия

P. S. Эпизод, в котором Хедхантер расстреливает ботов в самый интимный момент их короткой и такой нелегкой жизни, посвящается Квентину Тарантино и Чаку Паланику.

Приложение А

Множество Мандельброта

Перед тем как перейти к рассмотрению множества (фрактала) Мандельброта, вспомним, что такое обычное квадратное уравнение (мы все изучали их в начальных классах школы), а также то, как они решаются. Именно через такие уравнения легче всего усвоить понятие комплексных чисел и комплексной площади.

Квадратным уравнением называется алгебраическое уравнение вида:

$$ax^2 + bx + c = 0,$$

де a , b и c — коэффициенты, x — переменная.

Это уравнение имеет два решения (корня), определяемые из выражения:

$$x = \frac{-b \pm \sqrt{b^2 - 4ac}}{2a}$$

Вообще выражение $b^2 - 4ac$, из которого добывается корень квадратный в числителе, может быть любым — как положительным, так и отрицательным. В случае $b^2 - 4ac \geq 0$ проблем не возникает — уравнение решается и имеет два корня. Что же получается, когда $b^2 - 4ac < 0$, и под корнем квадратным оказывается отрицательное число? До пятого или шестого класса нас учили, что такое уравнение не решается. Корней просто не существует. Это утверждение основывалось на невозможности извлечения корня квадратного из отрицательного числа. На самом деле все совсем не так просто.

В математике немало задач, во время решения которых приходится извлекать корень из отрицательного числа. Чтобы справиться с этой проблемой, математики придумали интересную штуку, так называемую *мнимую единицу*. И обозначили как $i = \sqrt{-1}$. Это число, которое, умноженное само на себя, дает минус один. То есть $i^2 = -1$. Таким образом, решить квадратное уравнение можно даже при $b^2 - 4ac < 0$. Корни в таком случае будут выглядеть так:

$$x = \frac{-b \pm i \sqrt{b^2 + 4ac}}{2a},$$

где i — мнимая единица.

А теперь забудьте о квадратных уравнениях и сконцентрируйтесь на идее мнимой единицы. Введение понятия числа i привело к появлению комплексных чисел.

В целом *комплексные числа* — это расширение действительных чисел, которыми мы обычно пользуемся при счете.

Любое комплексное число z записывается в виде:

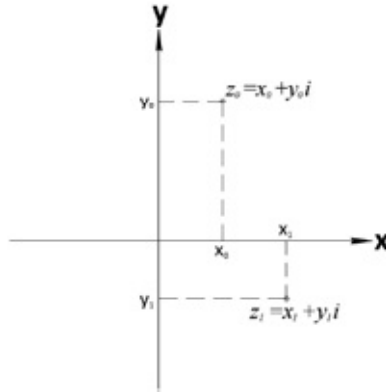
$$z = x + iy,$$

где x и y — обычные (действительные) числа, i — мнимая единица.

Длительное время комплексные числа воспринимались только как абстракция, выдуманная математиками для решения своих головоломок. Однако потом оказалось, что с их помощью удастся в сжатом и удобном для последующих вычислений виде записывать многие математические формулы. Поэтому комплексные числа нашли применение в электротехнике, гидродинамике, квантовой механике, теории колебаний... Собственно, если бы не комплексные числа, ученые до сих пор не имели бы представления о фрактальной геометрии, а также о сверхсложном устройстве природы.

Комплексные числа можно представить геометрически (визуально). Возьмем площадь с прямоугольной (декартовой) системой координат. На оси абсцисс будем откладывать значения x , на оси ординат — y (см. рис. ниже). А любое комплексное число ($z_0 = x_0 + iy_0$ или $z_1 = x_1 + iy_1$) можно изобразить как точку на этой плоскости (соответственно с координатами $\{x_0, y_0\}$ и $\{x_1, y_1\}$). Эта плоскость получила название *комплексной*.

Н. В. Обратите внимание: действительные числа (те, которыми мы пользуемся в быту) на комплексной площади соответствуют исключительно оси абсцисс. Для них $y = 0$. Введение понятия комплексных чисел невероятно расширило границы математических вычислений. Это как будто другая реальность, новое измерение. На комплексной площади эти числа — все, что лежит выше и ниже оси абсцисс. Другими словами, с точки зрения математики действительные (обычные) числа — это скорее исключение. Преимущественное большинство значений выражается именно комплексными, а не действительными числами.



Геометрическое представление комплексных чисел на комплексной площади

Вот теперь мы наконец подошли вплотную к множеству Мандельброта.

Математик Бенуа Мандельброт исследовал так называемые рекурсивные последовательности: каждое следующее значение z такой последовательности получалось из предыдущего по формуле: $z_{i+1} = z_i^2 + c$, где c — произвольное комплексное число.

Возьмем для примера $c = 3 - 2i$.

Тогда первые три члена последовательности будут равняться:

$$z_1 = z_0^2 + c = 0 + 3 - 2i = 3 - 2i$$

$$z_2 = z_1^2 + c = (3 - 2i)^2 + 3 - 2i = 9 - 12i + 4i^2 + 3 - 2i = 8 - 14i$$

$$z_3 = z_2^2 + c = (8 - 14i)^2 + 3 - 2i = 64 - 224i + 196i^2 + 3 - 2i = -129 - 226i$$

и так далее...

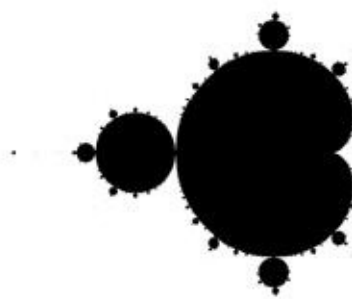
Что же там исследовать, спросите вы? Да почти ничего. Каждое из новых полученных z_i также является комплексным числом и, соответственно, обозначается такой точкой на комплексной площади. Математики еще задолго до Мандельброта заметили, что некоторые z_i стремятся к бесконечности, а другие — группируются, то есть направляются к какому-то конкретному числу. Такое странное поведение не подчинялось никаким теориям, аналитически его не смогли объяснить. Ученых заинтересовало, какую геометрическую фигуру образует эта совокупность точек последовательности $z_{i+1} = z_i^2 + c$. Круг? Эллипс? Возможно, хаотический набор точек? Какой-нибудь сложный рисунок?

До появления ЭВМ определить это не удавалось. Бенуа Мандельброт первым применил ЭВМ и графическую систему для решения такой задачи.

К последовательности $z \rightarrow z^2 + c$ Мандельброта подтолкнули длительные раздумья о разительном сходстве при рассматривании береговой линии, горного рельефа и других природных объектов в *разных масштабах*.

Также Мандельброт взялся за построение. Если точка не стремилась к бесконечности, компьютер изображал ее черным цветом на комплексной площади. В другом случае точка оставалась белой.

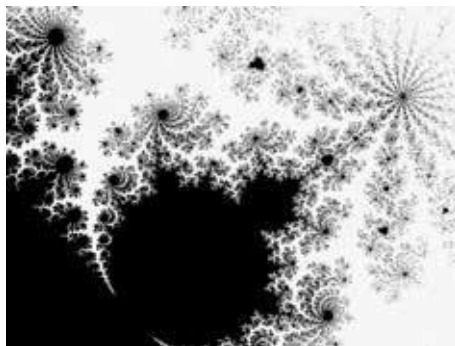
К своему удивлению, Мандельброт получил фигуру, напоминающую кардиоиду с многочисленными присоединенными к ней овалами. Он не ожидал, что простая на вид формула может дать настолько сложное изображение. Но главное удивление ожидало его впереди.



Множество Мандельброта на комплексной плоскости

Мандельброт выбрал часть изображения и увеличил ее, подбирая начальные точки z_0 с большой точностью. Открывшаяся картина поразила его. То, что на большом изображении казалось точкой или невыразительным пятном, при увеличении оказалось удивительным узором, в котором то тут, то там попадалась точная копия главного изображения — фантастической кардиоиды. Дальнейшие увеличения открывали перед Бенуа еще более невероятные узоры, все части которых были соединены между собой. При данном увеличении математик видел точку. Но стоило углубиться, как эта точка превращалась в фантастически закрученные галактики.

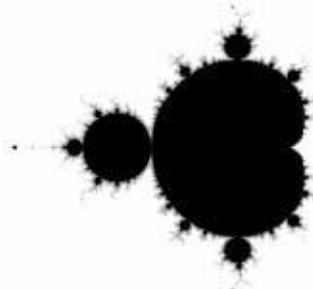
Мандельброт не мог поверить в то, что видит. Рисунок был плоским, но математик углублялся в него, как будто тот был трехмерным. Это все равно что заглянуть в собственный шкаф с одеждой и вдруг обнаружить за ним портал, ведущий на другую планету, ландшафты которой настолько прекрасны, что просто нельзя описать словами. Это не укладывалось в голове. Такого не могло быть! Невиданная безграничность форм и образов просто не могла прятаться в настолько простой, банальной алгебраической формуле. Но это еще не все.



Увеличенный фрагмент множества Мандельброта

Мандельброт отметил, что разные точки, не принадлежащие множеству, стремятся к бесконечности с разной скоростью. Для начала он решил сделать примитивное разделение, немного расширив условия построения изображения. Теперь точки разделялись на три категории: не стремящиеся к бесконечности, стремящиеся с умеренной скоростью и уходящие в бесконечность «быстро».

Мандельброт получил следующий рисунок.

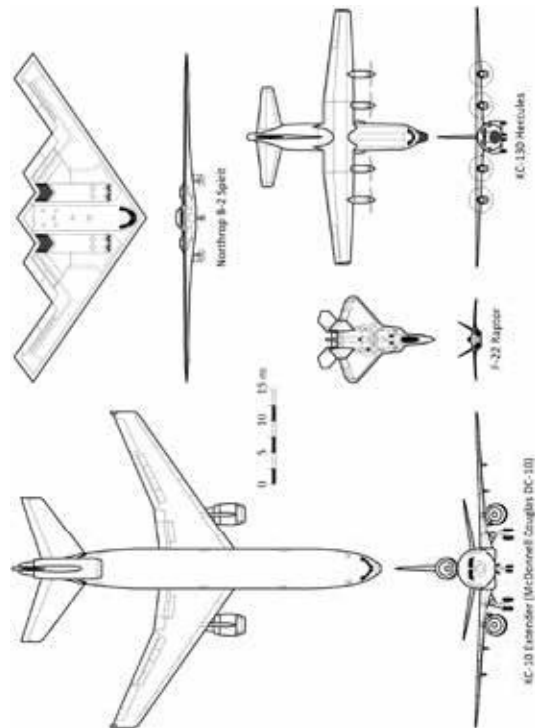


Множество Мандельброта (серым цветом изображены точки, стремящиеся к бесконечности с «медленной» скоростью)

После этого он еще более развил метод графического изображения и присвоил каждой точке определенный оттенок серого в зависимости от скорости ее удаления от нуля. На границах фрактала Мандельброт получил невероятной красоты узоры, описываемые одной-единственной простой формулой.

Приложение Б

Сравнительные размеры самолетов, описанных в романе



notes

Примечания

Coordinated Universal Time (UTC) — синхронизированное всемирное время. Общепринятая точка отсчета локального времени в часовых поясах. За опорное UTC взято местное время на долготе Гринвича или Лондона (нулевой часовой пояс). UTC −4 («минус четыре») означает, что время в Чили на 4 часа отстает от времени в Британии. Не так давно синхронизированное время называлось Greenwich Mean Time (среднее время по Гринвичу) и обозначалось как GMT. — *Здесь и далее прим. авт.*

Поселение в пустыне Атакама на севере Чили, столица провинции Эль-Лоа, входящей в регион Антофагаста.

Сан-Педро-де-Атакама — деревня в Чили посреди пустыни Атакама.
Плотность населения в регионе — 0,1 человека на км².

4

Большой промышленный город на севере Чили на побережье Тихого океана.

Андский фламинго (*Phoenicopterus andinus*) — самый редкий в мире вид фламинго. У птицы бледно-розовое тело и желтые лапы. Обитает в горах Перу, на северо-западе Аргентины и на соленых озерах в северных пустынях Чили.

Икике (Iquique) — город на севере Чили, еще севернее Антофагасты.

Тебе нужна помощь? (*исп.*)

Мапуче (букв. «люди земли») — индейский народ в Чили и Аргентине. Другое название — арауканы. Численность по разным оценкам — от 1,5 до 2 млн чел. Мапуче — единственный народ Южной Америки, который не был завоеван ни инками, ни испанцами.

Островное государство в Океании.

Что случилось? (*исп.*)

Я не знаю... Я не знаю, сеньор... (*исп.*)

Метеоры (от греч. «витающие в воздухе») — один из крупнейших монастырских комплексов в Греции, все монастыри расположены на высочайших (до 600 метров) скалах, столбами возвышающихся над Фессалийской долиной. Непрístupные обители монахов в буквальном смысле нависают над землей.

«D&S» — сеть чилийских супермаркетов продовольственных и хозяйственных товаров.

Альдостерон — стероидный гормон, который синтезируется в коре надпочечников и воздействует на почки, регулируя водно-солевой обмен между внешней и внутренней средой человека. Под влиянием альдостерона в организме происходит задержка хлоридов и воды, он способствует увеличению объема крови и повышению артериального давления.

Gaming Artificial Intelligence — игровой искусственный интеллект
(англ.).

FPS (First Person Shooter, пер. с *англ.* «стрелялка от первого лица») — разновидность компьютерных игр, в которых игрок видит мир глазами своего персонажа.

Продолжение (дополнение) компьютерной игры, состоящее обычно из нескольких новых уровней, поступающее в продажу через некоторое время после выхода основного дистрибутива.

Баг (от *англ.* bug — жучок) — сленговое название ошибки в коде программы.

Это тот парень! (*англ.*)

Да, я вижу. Он так молод (*англ.*).

Да, всего двадцать семь (*англ.*).

Странно (*англ.*).

Рад познакомиться, Тимур (*англ.*).

В задницу это! (*англ., груб.*)

DLL (*англ.* Dinamic-link Library — динамично подключаемая библиотека) — динамичная библиотека WINDOWS, как правило, файл с расширением *.dll, хранящий в себе скомпилированный код (функции, процедуры, классы), таблицы и ресурсы. Преимущество DLL в том, что код из такой библиотеки может одновременно (и неоднократно) использоваться разными приложениями (программами), запущенными в системе.

CAD (Computer-aided design, *англ.*) — САПР (системы автоматизированного проектирования).

Думаю, мы должны идти (*англ.*).

Уже пора (*англ.*).

Международный аэропорт «Комодоро Артуро Мерино Бенитес» (известный также как международный аэропорт Сантьяго или же аэропорт Пудауэль) — основной аэропорт чилийской столицы, находящийся неподалеку от местечка Пудауэль.

«Джеп» (*англ. сленг.* Яп, от Japanese — японец) — американское сленговое прозвище японцев с легким пренебрежительным оттенком.

Mossberg 500 — один из наиболее распространенных в мире многозарядных дробовиков с перезарядкой за счет движения цевья.

НММВВ (сокр. от англ. High Mobility Multipurpose Wheeled Vehicle — «высокомобильное многоцелевое колесное транспортное средство», больше известный как «Humvee», «Хамви») — американский армейский вездеход повышенной проходимости, стоящий на вооружении во многих странах мира. На его основе «General Motors» разработала гражданский внедорожник «Hummer».

Хедхантер (*англ.* Headhunter) — охотник за головами.

UNITA (*порт.* União Nacional para a Independência Total de Angola — Национальный союз за полную независимость Анголы) — повстанческое движение в годы гражданской войны в Анголе (1975 — 2002). После 2002 года — вторая по величине политическая партия Анголы.

В конце XIX века побережье Намибии было заселено немецкими колонистами. Они создали колонию под названием Немецкая Юго-Западная Африка. До настоящего времени сохранились поселения, имеющие типично «немецкий» вид. Их жители говорят по-немецки, хотя официальным языком Намибии является английский.

Гереро — народ, проживающий в Намибии, а также в Анголе и Ботсване, 240 тыс. человек. Другое название — мбанду.

Овамбо — народ в Южной Африке. Численность — около 900 тысяч, 750 тысяч из которых проживают в Намибии (представляя собой крупнейшую этническую группу этой страны). Остальные живут на юге Анголы.

Fella (сленговая форма от fellow, *англ.*) — дружище, приятель, чувак.

Держись! (англ.)

Джозеф Джон Томсон (18 декабря 1856 — 30 августа 1940) — физик, открывший электрон, лауреат Нобелевской премии по физике 1906 года.

Жилое здание (*англ.*).

Я из Украины (*исп.*).

Главный зал (*англ.*).

Город в Центральной Швеции.

Каролинский институт — медицинский университет в Стокгольме, одно из крупнейших высших медицинских заведений в Европе.

Боец нового поколения (*англ.*).

«Boeing» — американская корпорация, один из крупнейших мировых производителей авиационной техники. В состав входят два подразделения: «Boeing Commercial Airplains» (гражданская авиация) и «Integrated Defence System» (продукция военного назначения). «Lockheed Martin» — американская компания, специализирующаяся на авиастроении, 95% прибыли получает от заказов Минобороны США. Именно «Lockheed Martin» совместно с «Boeing Integrated Defence System» разрабатывали истребитель «F-22 Raptor».

В английском языке слово fighter означает также и «истребитель» (сокращенно от fighter jet — реактивный истребитель, букв. реактивный боец).

Ранить, причинять боль (*англ.*).

Абляция — один из самых старых методов исследования мозга, суть которого состоит в удалении определенной части мозга и наблюдении за изменениями, возникшими в результате такой операции. Здесь есть существенные ограничения, поскольку далеко не любую часть можно удалить, не убив при этом организм.

Электростимуляция — один из методов изучения функций мозга. Стимулируя определенные точки моторной зоны коры, можно вызывать движения рук, ног и т. д.

Транскраниальная магнитная стимуляция — метод, позволяющий стимулировать кору головного мозга короткими магнитными импульсами. Не всегда можно избирательно стимулировать тот или иной участок. Действенный на глубине до 2 см.

1 микромметр — одна миллионная часть метра. Возможно, работа с такими размерами правильно было бы называть микророботом, поскольку наномметр — это одна миллиардная часть метра. Но с другой стороны, все такие роботы созданы благодаря нанотехнологиям и состоят из элементов, которые по своим размерам не превосходят молекулы ДНК (2,2 — 2,4 наномметра).

Итерация — термин, означающий повторение какого-либо процесса. В математике и экономике итерацией называют одно из ряда повторений математической операции, в котором используется результат предыдущей аналогичной операции.

Многоуровневая буферная зона (*англ.*).

Микробиология и нанопроизводство (*англ.*).

Здесь — производственный цех (*англ.*).

Турбомолекулярный насос — создает глубокий вакуум за счет придания с помощью сверхбыстрого ротора молекулам газа дополнительной скорости в направлении откачки. Скорость вращения ротора — десятки тысяч оборотов в минуту. Для его работы требуется форвакуумный насос.

4 градуса Кельвина. Кельвин — единица температуры в системе СИ. Ноль градусов по Кельвину равняется — 273,15 °C.

Наноробот NB-7 ½ G|V31.1.4.128 с липидным биоцитом (*англ.*).

Липиды — жирные кислоты, а также их производные. Липиды выполняют множество биологических функций, в частности: энергетическую (при окислении 1 г жира выделяется 9 кКал энергии, что почти вдвое больше, чем при окислении 1 г белков или углеводов), теплоизолирующую (жир — прекрасный теплоизолятор), регуляторную (витамины А, D, Е, а также все гормоны и стероиды являются липидами) и другие.

Предфронтальная лоботомия — операция, заключающаяся во вскрытии черепа и разрезании тканей, соединяющих лобные доли с остальным головным мозгом. В результате устраняется влияние на остальные структуры центральной нервной системы, поскольку после такого дефекта ни одна патологическая психопродукция (галлюцинации, бред) просто не может возникнуть. Метод опасный и не всегда действенный. В СССР лоботомию официально запретили в 1950 году.

«Наука» (*англ.*) — известный научный журнал.

Бластоциста — стадия развития зародыша человека. Следует за стадией морулы, предшествует стадии зародышевого диска.

Глюкокортикоиды (или глюкокортикостероиды) — общее название подкласса гормонов коры надпочечной железы и их синтетических аналогов. Функция: регуляция минерального, углеводного и белкового балансов.

Центр удовольствия — ряд структур в мозге (преимущественно nucleus accumbens), приносящих удовольствие при электрической стимуляции. Играет важную роль при опьянении или наркотическом удовольствии.

Неадекватное поведение (*англ.*).

M134 Minigun — многоствольный скорострельный пулемет, разработанный компанией «General Electric». Скорострельность — 2000 — 6000 выстрелов в минуту.

Куклы (*англ.*).

Возьми цель (*англ.*).

71

Получи номер цели (*англ.*).

Подойди к объекту (*англ.*).

Уничтожь (*англ.*).

Зоман — сложный эфир метилфторфосфоновой кислоты, химическая формула — $C_7H_{16}FO_2P$. Чрезвычайно ядовитое вещество. Открыт в 1944 году Рихардом Куном в Германии. Попадая в человеческий организм, стимулирует выработку нейромедиаторов, продуцирующих массовое замыкание синаптических связей между нейронами мозга. После этого мозг сплошным потоком рассылает в организм непрерывные очереди импульсов, заставляя все органы, мышцы и железы работать в полную силу до их полного отказа или остановки. За считанные минуты (в зависимости от полученной дозы) организм становится неконтролируемым и погибает.

Зарин (Sarin) — изопропиловый эфир метилфторфосфоновой кислоты, жидкость без цвета и запаха. Боевое отравляющее вещество. Формула — $C_4H_{10}FO_2P$. Назван так в честь открывших его немецких ученых: Schrader, Ambros, Rüdiger и Van der Linde.

Атропин — алкалоид, встречающийся в разных видах дурмана, антихолинергическое средство, действие которого выражается в снижении тонуса мышц, а также понижении секреторной деятельности различных желез человеческого организма. Формула — $C_{17}H_{23}NO_3$. Одно из немногих веществ, способное проникать через гемато-энцефалический барьер в мозг.

В 2003 году Чукуйкамата, поселок-саттелит возле одного из крупнейших в мире медных рудников, была демонтирована. Поселок практически прекратил свое существование. Причиной стали экологические проблемы, а также агрессивное расширение рудника. Большинство жителей Чукуйкаматы переехали в Каламу, самостоятельно подыскивая новое жилье.

Сан-Хосе, Санта-Роза, Церильос, Сан-Бартоло, Мачука — эти названия можно разыскать, только раздобыв очень подробную карту Атакамы (региона Антафагаста). Они обозначают забытые Богом селения, состоящие из одного-двух глиняных домиков, затерянные в пустыне неподалеку городка Сан-Педро-де-Атакама. В каждом из них проживает максимум по 3 — 5 людей.

Амслен — американский язык жестов (*англ.* American Sign Language), используется глухонемыми Канады и США. Обычно каждая страна имеет собственный язык жестов, даже те государства, которые говорят на одном официальном языке (к примеру, язык жестов в Британии весьма отличается от амслена, чилийский язык жестов не похож на аналог в Мексике и т. д.).

Это испанское выражение приблизительно означает «Какого черта?», но гораздо более нецензурное.

Вот дерьмо (*исп. груб.*). Буквально «mierda» означает «большая и круглая куча дерьма».

82

0,375 дюйма = 9,52 мм

Привет, мексиканец (*исп.*).

Имеется в виду череда соленых озер на юг от поселка Сан-Педро-де-Атакама (не Мисканти), в частности лагуны Салада, Ла-Пунта, Тебинкуинче и Баррос-Негрос (см. карту региона далее).

Руанда — небольшое и очень бедное государство в Центральной Африке. Население — 11 млн человек, 84% которых составляет народность хуту, а 14% — этническая группа тутси. 6 апреля 1994 года после путча начался геноцид, направленный на представителей этнического меньшинства — тутси. ООН и США долгое время не вмешивались в происходящее, из-за чего резня продолжалась до 16 июля. За сто дней хуту зверски убили и замучили по разным данным от 800 тысяч до 1 миллиона тутси. Скорость убийств в пять раз превышала скорость казней в немецких концлагерях времен Второй мировой войны.

Винтовой, или шнековый, насос — гидравлическая помпа, в которой создание напора достигается за счет вытеснения рабочей жидкости металлическими роторами, вращающимися внутри статора соответствующей формы.

1 фут = 12 дюймов = 30,48 см. Соответственно 100 футов = 30,5 м.

Сделайте же что-нибудь! (яп.)

Paso (исп.) — проход, переход. Пасо-Сико — контрольно-пропускной пункт в Андах на границе Чили и Аргентины. Таких пограничных постов на Атакаму всего три: Пасо-Хама, Пасо-Сико и Пасо-Сокомпа.

ВМС — военно-морские силы.

Высота плато Атакамы — 1600 — 2100 м над уровнем моря.

На самом деле ни Рино, ни Алан не осознавали, насколько смертоносен зоман. Если бы американцу пришлось выстрелить в баллон, он бы погиб со 100 %-ной вероятностью, поскольку смертельная доза при ресорбции через кожу — 2 мг/кг массы. То есть крохотной капельки 0,16 г достаточно, чтобы убить человека.

Лео Каданофф (англ. Leo Philip Kadanoff, род. 1937) — американский физик, заслуженный профессор Чикагского университета. Лауреат многочисленных наград и премий (премия Вольфа в физике, медаль Больцмана, Национальная научная медаль США и др.) Известен своими работами в области статистической физики и физики твердого тела.

Примерно 700 долларов США.

Соединение установлено. Корреляция стабильная. Говорите (*англ.*).

ПВО — противовоздушная оборона.

Under Secretary of Defence for Acquisition, Technology, and Logistic
(*amep.*).

ВВС — военно-воздушные силы.

Air Force Global Strike Command (*амер.*) — главное командование в составе ВВС США, созданное в январе 2009-го.

«Нортроп В-2 Призрак» (*англ.* Northrop B-2 Spirit) — тяжелый малозаметный стратегический бомбардировщик, разработанный американской компанией «Northrop Grumman». Для обеспечения низкой заметности в нем применены стелс-технологии: самолет покрыт материалами, поглощающими излучение радаров, создан по аэродинамической схеме «летающее крыло», реактивные струи двигателей экранируются и т. д. Стоит на вооружении ВВС США (построено 20 машин), принимал участие в войне НАТО в Югославии, а также в Ираке, Афганистане и Ливии. «В-2» — самый дорогой самолет за всю историю авиации. По состоянию на 1997 год общая стоимость (включая затраты на проектирование) одного бомбардировщика достигла 2,1 млрд долл. Максимальная дальность полета — 11 000 км. Боевой радиус (то есть наибольшее расстояние, которое бомбардировщик способен пролететь с полным боекомплектом, выполнить задание и успешно вернуться назад без дозаправки в воздухе) — 5300 км.

Гуам — остров в западной части Тихого океана, входящий в состав США, но имеющий статус организованной неприсоединенной территории (organized unincorporated territory). Северо-восточную часть острова занимает база ВВС США.

102

54 метра.

«С-130 Hercules» — четырехмоторный турбопропеллерный военный транспортный самолет. Одна из его модификаций (КС-130) используется как воздушный танкер. Масса перевозимого топлива — 19 900 кг.

Речь идет об авианосце «CVN-76», названном в честь Рональда Рейгана.

Имеются в виду уже упоминавшиеся ранее истребители пятого поколения «F-22 Raptor».

Freeware (от *англ.* free [of charge] — бесплатный, software — программное обеспечение) — программное обеспечение, лицензионное соглашение которого не требует выплат правообладателю, бесплатные программы из Интернета.

Для удобства белым прямоугольником на рисунке выделен участок, показанный в увеличенном виде на следующем (втором) изображении множества Мандельброта. Второй рисунок, в свою очередь, содержит белую рамку, очерчивающую ту часть фрактала, которая увеличена и продемонстрирована на третьем рисунке, и т. д. Если рамки нет, значит, увеличена центральная часть предыдущего рисунка (см. вклейку).

Бенуа Мандельброт (1924 — 2010) — французский и американский математик (по происхождению — литовский еврей), создатель фрактальной геометрии. Лауреат премии Вольфа по физике (1993).

Понять принцип построения множества Мандельброта несложно. Для этого не нужны специальные знания по математике. Достаточно вспомнить простую вещь, которую все мы изучали на уроках алгебры в 6-м классе, — комплексные числа. В то же время эта информация не касается непосредственно действия романа, поэтому я решил не добавлять ее в текст. Если вам не интересно погружаться настолько глубоко или же вы считаете, что разобраться с комплексными числами будет сложно, просто продолжайте читать дальше. Для понимания дальнейших событий достаточно поверхностного представления о том, что такое фракталы. Для тех же, кто хочет узнать больше, в конце книги размещено приложение (*Приложение А. Множество Мандельброта*), где описываются принцип построения и история открытия этого фрактала.

Большинство нелинейных дифференциальных уравнений аналитически решить невозможно. Те отдельные исключения, которые можно решить, требуют оригинальных, нестандартных подходов.

Вот кто не скучал все это время (*фр.*).

SSG-69 (от *нем.* Scharfschützengewehr — снайперская винтовка) — австрийская снайперская винтовка, принятая на вооружение в 1969 году. Считается одной из лучших в мире. Стоит на вооружении армии, полиции, спецподразделений и пограничных войск стран НАТО.

Кататония (кататонический синдром) — психическое расстройство, характеризующееся нарушением двигательных функций. Одно из проявлений кататонии — ступор.

H *field* — принятое в физике обозначение магнитного поля (буквой H обозначают напряженность магнитного поля).

Сокращенно от delight — удовольствие, наслаждение, развлечение
(англ.).

Антагонист (биохимия) — вещество, биологическое действие которого прямо противоположно действию другого вещества.

Рекуператор (от лат. recuperator — получающий назад) — теплообменник для улавливания тепла/холода выхлопных газов или вытяжного воздуха.

«KC-10 Extender» — тяжелый воздушный заправщик на базе гражданского авиалайнера «McDonnell Douglas DC-10». Extend (*англ.*) — расширять, extender — расширитель, то есть расширяющий радиус действия самолетов.

Речь идет о скорости, при которой произойдет отрыв самолета от земли. 120 узлов = 222,4 км/ч.

Офицеры между собой определяют, на каком режиме будут взлетать: номинальном (режим полной нефорсированной тяги двигателей, обычно применяется, когда самолет полностью загружен) или взлетном (режим работы двигателей, обеспечивающий максимальную мощность и тяговое усилие).

Все самолеты «B-2 Spirit» носят названия, связанные с одним из штатов США: например, стелс-бомбер под номером 88-0329 называется «Spirit of Missouri», 89-0128 — «Spirit of Nebraska», 93-1088 — «Spirit of Louisiana» и т. д.

Бреющий полет — полет самолета на высоте предельно малой (5 — 100 м), но в то же время достаточной для обеспечения возможности своевременного маневрирования в случае встречи с препятствиями. Применяется с целью замаскированного приближения и нападения на объект, прикрываемый мощными средствами ПВО.

Звучит поразительно, но это правда: в отличие от русских дальних бомбардировщиков «Ту-95», где в первых серийных машинах не было даже туалетов (!!!), «В-2» оборудован полноценной кухней и кроватями для отдыха экипажа.

124

360 узлов = 670 км/ч.

Эффективная площадь рассеивания (ЭПР) в радиолокации — площадь воображаемой поверхности, которая, будучи помещена в точку нахождения цели, перпендикулярно лучам локатора, создаст в точке расположения радиолокационной станции такую же плотность потока отраженной мощности, как и реальная цель. Другими словами, ЭПР равна площади сплошного листа, который, если им заменить реальный объект (например, самолет), вернет на радиолокатор волну такой же мощности, как и сам объект. Измеряется в м^2 . ЭПР объекта зависит от формы, размеров, материала, из которого он изготовлен, а также от ориентации относительно приемника (локатора), ЭПР реальных объектов: истребителя — 3 — 12 м^2 , автомобиля — 3 — 10 м^2 , тяжелого бомбардировщика — 13 — 20 м^2 и выше, крейсера — 12 000 — 14 000 м^2 , человека — 0,8 — 1 м^2 , лебедя-шипунa — менее 0,0228 м^2 . ЭПР стелс-бомбардировщика «B-2 Spirit» колеблется в пределах 0,0014 — 0,1 м^2 . Это значение гораздо ниже минимальной ЭПР, на которую реагируют зенитные ракеты или ракеты истребителей (0,3 м^2). То есть для самонаводящихся ракет стопятидесятитонный «B-2» просто не существует.

Викунья — животное из семейства верблюжьих, внешностью напоминающее ламу или гуанако, только значительно меньше по размеру.

Joint Direct Attack Munition (JDAM) (*амер.*) — прицепной боевой снаряд прямого поражения, комплект оборудования на основе GPS-технологий, предназначенный для превращения существующих бомб свободного падения (так называемых «тупых бомб» — *англ.* dumb bombs) во всепогодные боеприпасы, чья траектория может корректироваться («умные бомбы» — *англ.* smart bombs). JDAM представляет собой комплект из небольших крыльев, который крепится к средней части бомбы, и хвостового блока с управляемым оперением, позволяющим снаряду маневрировать. Впервые выпущен в 1997 году фирмой «Boeing».

Инфразвук — упругие волны, аналогичные звуковым, имеющие частоту ниже, чем нижняя граница диапазона чувствительности человеческого уха ($<20\text{ Гц}$). Звуковая волна с частотой колебаний ниже 20 Гц не улавливается человеческим ухом, то есть не может быть услышана. Но это не означает, что человек не воспринимает инфразвук вообще. Если инфразвуковые волны имеют достаточно большую амплитуду, они проявляют себя как обычный сверхмощный звук. Из-за этого возможна интересная ситуация. Например, человек в зоне действия инфразвука с частотой 12 Гц и уровнем «громкости» 150 децибел почувствует сильное давление на барабанные перепонки, дрожь в груди (подобно тому, как ощущается грохот динамика на дискотеке), вибрацию воздуха и окружающих предметов, но... ничего не услышит. Абсолютное большинство историй о встрече с привидениями, духами умерших и т. п. вызвано именно инфразвуком, невидимый источник которого располагается где-то рядом со «зловещим» домом.

Бреющий полет нередко используют для ликвидации живой силы противника. Я не раз читал о том, как из-за звука реактивного истребителя, несущегося на предельно малой высоте, у солдат лопаются артерии, останавливается сердце, происходит самовольная дефекация и т. п. Честно говоря, я в это не очень верил. Пока в начале 2011 года не оказался в Каире в самый разгар египетской революции. В воскресенье, 30 января, Мубарак поднял в воздух два истребителя «F-16» египетских ВВС, которые на протяжении 10 — 15 минут сновали над городом — пугали демонстрантов. Это не был бреющий полет, поскольку «F-16» не опускался ниже 300 м, но я собственными глазами видел, как дрожат стены домов, и чувствовал, как меня буквально вдавливают в асфальт ревом невероятной силы. После этого случая я склонен верить, что современный истребитель на бреющем полете действительно может выпотрошить человека. Для информации: опасный для здоровья уровень громкости — 75 дБ, болевой порог — 120 дБ, звук истребителя — 150 дБ, смертельный уровень для человека — 180 дБ.

Тритонал — взрывчатое вещество, состоящее на 80% из тринитротолуола (тротила) и на 20% из порошкового алюминия. Используется преимущественно в авиабомбах. Алюминий улучшает свойства тротила, обеспечивая максимальное избыточное давление во время взрыва. 1 кг тритонала соответствует энергии взрыва 5 МДж.

Мы так, бляха, не договаривались! (*англ.*)

Около 30 тысяч долларов США.

MOWAG Piranha (нем.) — колесные бронетранспортеры, разработанные швейцарской корпорацией «MOWAG» (с апреля 2010 года название изменено на «General Dynamics European Land Systems — Mowag GmbH»). Стоят на вооружении армий более чем двух десятков стран (Швеция, Швейцария, Бельгия, Испания, Канада, Чили, США и др.). В Чили «Пиранья» изготавливается по лицензии компании «FAMAE».

Европейские туристы, путешествующие автостопом (*исп.*).

Арика — самый северный город Чили, сразу за границей с Перу.

Добрый день, бродяги (*исп.*).

Это подарок... здесь всем хватит (*исп.*).

Я не понимаю, господин (*исп.*).

Большое спасибо, барышня! (*исп.*)

Feynman R.P. There's Plenty of Room at the Bottom. Eng. and Sci. № 23 (1960), p. 22. (Прочитать онлайн можно по ссылке <http://www.its.caltech.edu/~feynman/plenty.html>).

Стивен П. Массиа, Метью М. Холеко, Голам Р. Этешами
«Лабораторная оценка эффективности биоактивных покрытий,
применяемых в нейронных имплантатах».

Кармен Бартик, Коэн де Киерсмакер и Элс Партон «Нейроны на микрочипах: соединяя биологию и микроэлектронику».

Элс Партон, Курт Винтерс, Драйс Бразкен, Коэн де Киерсмакер, Кармен Бартик, Густаф Боргс «Компоновка нейронов на микропроцессорных чипах с использованием микроконтактной печати».

Цукуба — город в Японии, известный как «Научный город». Здесь расположены исследовательские институты промышленных технологий, сельского хозяйства, космический центр, Университет Цукубы и много других научных организаций.

Джеймс Глейк. Хаос: Создание новой науки. — СПб: Амфора, 2001.
— 398 с, ил.

Бенуа Мандельброт. Фрактальная геометрия природы. — М: Институт компьютерных исследований, 2002. — 656 с, ил.